

№ 10(259), вып. 40
Июнь 2017

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, выпускаемых в Российской Федерации, в которых рекомендуется публикация основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Белгородский государственный национальный исследовательский университет»

Издатель:

НИУ «БелГУ»
Издательский дом «Белгород»

Адрес редакции, издателя, типографии:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-63053 от 10 сентября 2015 г.

Выходит 4 раза в год.

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА**

Главный редактор

О.Н. Полухин,
ректор НИУ «БелГУ», доктор
политических наук, профессор

Зам. главного редактора

И.С. Константинов,
проректор по научной и инновационной
работе НИУ «БелГУ», доктор
технических наук, профессор

Научный редактор

В.М. Московкин,
профессор кафедры мировой экономики
НИУ «БелГУ», доктор географических наук

Ответственный секретарь:

О. В. Шевченко
зам. начальника УНИИ НИУ «БелГУ»,
кандидат исторических наук

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
СЕРИИ ЖУРНАЛА**

Главный редактор серии

В.П. Римский
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ», БГИИК)

Заместители главного редактора

В.П. Бабинцев
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Е.Е. Тонков
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Ответственный секретарь

С.С. Поченцов
кандидат философских наук (НИУ «БелГУ»)

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ

Белгородского государственного университета
Философия. Социология. Право

**Belgorod State University
Scientific bulletin
Philosophy. Sociology. Law**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Т.В. Торубарова
Скепсис М. Монтеня как путь человека к самому себе 5

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

Г.В. Лобастов
Как знание научает уму и почему наука логики учит 12

С.В. Резванов
Логика идеального: социокультурный контекст 23

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

В.В. Бубликов
Причины и последствия «этнической революции» 1930-х гг. на
Белгородчине (часть II) 31

А.Ю. Казакова
Краудинг как фактор городской идентификации студентов-
первокурсников 41

Ю.В. Шмарин, В.С. Благинин
Моделирование и технологизация системы рационального
и сбалансированного питания конкретной личности в структуре
ЗОЖ 52

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

О.Г. Басалаева, Н.П. Лукина
Технологический уклад информационного общества в контексте
концепции конвергенции наук и технологий 62

И.М. Невлева, Т.А. Сережко
Парадигмальные этические проблемы общения со студентами
в современном медиапространстве 68

Д.А. Трищенко
Аксиология паранаучной деятельности 80

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

Иеромонах Гавриил (Д.В. Мельников), Е.А. Кантарюк
Онтология социального дизайна православного больничного храма 87

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Т.А. Золотухина
О целесообразности расширения перечня субъектов права
законотворческой инициативы 95

А.Е. Новикова
Корреляция стабильности конституционного строя Российской
Федерации с реализацией принципа единства правозащитного
пространства 102

В.Е. Тонков
Проблемы реформирования суда присяжных в современной
России 108

Члены редколлегии

Г.А. Борисов,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

С.Н. Борисов,
доктор философских наук, профессор
(БГИИК)

О.А. Волкова,
доктор социологических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Дариуш Шнопер
доктор юридических наук, профессор
(Варминско-Мазурский университет,
Польша)

Г.В. Драч,
доктор философских наук, профессор,
(Южный федеральный университет)

С.А. Никольский,
доктор философских наук, профессор
(Институт философии РАН)

Ю.А. Зубок,
доктор социологических наук, профессор
(ИСПИ РАН)

С.М. Климова,
доктор философских наук, профессор
(НИУ ВШЭ, НИУ «БелГУ»)

Е.А. Колжеев,
доктор философских наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

Л.Г. Королева,
доктор философских наук, профессор
(Курский государственный университет)

Ю.Н. Стариков,
доктор юридических наук, профессор
(Воронежский государственный
университет)

А.Д. Майданский,
доктор философских наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

М.В. Мархгейм,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

М.Д. Розин,
доктор философских наук, профессор (СКНЦ
ВШ при ЮФУ)

В.Б. Тарабаева,
доктор социологических наук, доцент
(НИУ «БелГУ»)

С.В. Тычинин,
доктор юридических наук, профессор
(НИУ «БелГУ»)

Выпускающий редактор *Л.П. Котенко*
Художественный редактор *А.Н. Оберемок*
Оригинал-макет: *С.С. Почепцов*

E-mail: rimskiy@bsu.edu.ru;
rocheptsov@bsu.edu.ru

Подписано в печать 27.06.2017
Формат 60×84/8

Гарнитура Times New Roman, Impact
Усл. п. л. 25,0

Цена свободная
Тираж 1000 экз.

Заказ 147

Дата выхода журнала 30.06.2017

Подписной индекс в Объединенном
каталоге «Пресса России» – 81462

Оригинал-макет подготовлен и
тиражирован в издательском доме
«Белгород» НИУ «БелГУ»

Адрес издателя и издательства:
308015 г. Белгород, ул. Победы, 85

Е.Е. Тонков, Н.П. Каторгина

Участие сведущих лиц в конституционном судопроизводстве:
процессуальные и организационные аспекты 114

Е.Ю. Цуканова, К.Р. Хоборова

«Искусственные» семьи: суррогатное материнство и усыновление
в контексте защиты прав ребенка 123

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

А.Д. Бондаренко

Духовно-мировоззренческий кризис современного православного
общества как следствие индивидуализации сознания личности и
трансформации понимания церковной жизни 127

И.С. Буйнякова

«Дизайнерские младенцы»: социально-этические проблемы
биотехнологического проектирования будущих детей 130

О.В. Быхтин

Специфика социально-технологического подхода к исследованию
системы муниципального управления 140

Т.И. Липич, А.Ю. Дмитрийчук

Семья в философско-культурологическом осмыслении 146

Н.М. Маркова

Феномены веротерпимости и свободы совести в России:
интерпретации конца XIX – начала XX веков 151

А.Н. Пасенов

Концепция устойчивого развития: историко-правовые аспекты 156

М.И. Слепкова

Русская Православная Церковь о раскольническом движении
и старорообрядцах 161

Е.Ю. Чистякова

Теоретико-познавательный и ценностно-регулятивный аспекты
мировоззрения в философии И. Канта 166

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

Российский фестиваль православных интеллектуальных клубов и духовно-просветительских центров «Прохоровский прорыв»

В.В. Варава

Интуиция смысла (об одной особенности русской философии) 170

Игумен Серапион (А.Е. Митько)

Миссионерство и прозелитизм 177

А.С. Куренков

Религиозно-философское осмысление святоотеческого наследия
в литературном творчестве Н.В. Гоголя 185

Т.П. Матяш

Истоки русской культуры: «славизм» или византизм? 192

Сведения об авторах 199

Founded in 1995

The Journal is included into the list of the leading peer-reviewed journals and publications coming out in the Russian Federation that are recommended for publishing key results of the theses for Doktor and Kandidat degree-seekers

Founder:

Federal state autonomous educational establishment of higher education «Belgorod State National Research University»

Publisher:

Belgorod State National Research University
Belgorod Publishing House

Address of editorial office, publisher,
letterpress plant: 85 Pobeda St., Belgorod, 308015,
Russia

The journal has been registered at the Federal service for supervision of communications information technology and mass media (Roskomnadzor)

Mass media registration certificate
ПИ № ФС 77-63053 September 10, 2015
Publication frequency: 4 /year

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Editor-in-Chief

O.N. Polukhin,

Rector of Belgorod National Research State University, Doctor of Political Sciences, Professor

Deputy Editor-in-Chief

I.S. Konstantinov,

Vice-Rector on Scientific and Innovative Work of Belgorod State National Research University, Doctor of Technical Sciences, Professor

Scientific Editor

V.M. Moskovkin,

Professor of World Economy Department of Belgorod State National Research University, Doctor of Geographical Sciences

Assistant Editors

Shevchenko O. V.,

Deputy Head of Scientific and Innovative Activity Department of Belgorod State National Research University, Candidate of Historical Sciences

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL SERIES

Chief editor

V.P. Rimskiy,

Doctor of philosophy, professor (Belgorod State National Research University, Belgorod state institute of arts and culture)

Deputies of chief editor

V.P. Babintsev,

Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State National Research University)

E.E. Tonkov,

Doctor of law, Professor (Belgorod State National Research University)

Responsible secretary

S.S. Pocheptsov,

Candidate of philosophy (Belgorod State National Research University)

CONTENTS

**HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES
AND HUMANITIES**

- T.V. Torubarova**
Skepticism M. Montaigne as a human path to himself 5

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

- G.V. Lobastov**
As knowledge teaches the mind and why the science of logic teaches 12

- S.V. Rezvanov**
Logic of ideal: sociocultural context 23

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

- V.V. Bublikov**
Causes and consequences of «ethnic revolution» 1930's in Belgorod region (part II) 31

- A.Y. Kazakova**
Crowding as a factor of urban identification of first-year students ... 41

- Y.V. Shmarion, V.S. Blaginin**
Modeling and technologization of the system of rational and balanced nutrition of a particular individual in the structure of HLS 52

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

- O.G. Basalaeva, N.P. Lukina**
Technological structure information society in the context concept of convergence sciences and technologies 62

- I.M. Nevleva, T.A. Serezhko**
Paradigmally ethical problems of communication with students in modern media space 68

- D.A. Trishchenko**
Axiology of parascientific activity 80

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

- Hieromonk Gabriel (D.V. Melnikov), E.A. Kantaryuk**
Ontology of the social design of the orthodox hospital temple 87

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

- T.A. Zolotukhina**
On the feasibility of expanding the list of subjects of legislative initiatives 95

- A.E. Novikova**
Correlation of stability of the constitutional system of the Russian Federation with the implementation of the principle of the unity of a human rights space 102

- V.E. Tonkov**
Problems of reforming jury trials in modern Russia 108

- E.E. Tonkov, N.P. Katorgina**
Participation of experts in the constitutional legal proceedings: procedural and organizational aspects 114

Members of editorial board

G.A. Borisov,
Doctor of law, Professor (Belgorod State National
Research University)

S.N. Borisov,
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State
institute of arts and culture)

O.A. Volkova,
Doctor of sociology, Professor (Belgorod State
National Research University)

Dariusz Shpoper
Doctor of law, Professor (University of Warmia
and Mazury in Olsztyn, Poland)

G.V. Drach,
Doctor of philosophy, Professor
(Southern Federal University)

S.A. Nikolskiy,
Doctor of philosophy, Professor (Institute of
Philosophy, Russian Academy of Science)

Y.A. Zubok,
Doctor of sociology, Professor (Institute of Social
and Political Research, Russian Academy
of Science)

S.M. Klimova,
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod
State National Research University)

E.A. Kozhemyakin,
Doctor of philosophy, associate Professor
(Belgorod State National Research University)

L.G. Korolyova,
Doctor of philosophy, Professor (Kursk State
University)

Y.N. Starilov,
Doctor of law, Professor (Voronezh State
University)

A.D. Maydanskiy,
Doctor of philosophy, Professor (Belgorod State
National Research University)

M.V. Marhgeim,
Doctor of law, Professor (Belgorod State
National Research University)

M.D. Rozin,
Doctor of philosophy, Professor (North-Caucasian
Science Centre of High School, South Federal
University)

V.B. Tarabaeva,
Doctor of sociology, Associate professor,
(Belgorod State National Research University)

S.V. Tychinin,
Doctor of law, Professor (Belgorod State National
Research University)

The articles are given in authors` editing

Commissioning Editor *L.P. Kotenko*

Art editor *A.N. Oberemok*

Dummy layout by *S.S. Pocheptsov*

E-mail: Rimskiy@bsu.edu.ru;

pocheptsov@bsu.edu.ru

Passed for printing 27.06.2016

Format 60×84/8

Typeface Times New Roman, Impact

Printer's sheets 25,0

Order 147

Price free

Circulation 1000 copies

Date of publishing 30.06.2017

Subscription reference in The Russian Press
common catalogue – 81462

Dummy layout is replicated at Belgorod National
Research University Publishing house "Belgorod"

Address: 85, Pobedy str., Belgorod, Russia,
308015

E.Yu. Tsukanova, K.R. Khoborova

«Artificial» families: surrogacy and adoption in the context of
protection of the rights of the child 123

THESIS

A.D. Bondarenko

The spiritual crisis of modern orthodox society as a consequence of
the individualization of consciousness of the personality and
transformation of the understanding of church life 127

I.S. Buynyakova

«Designer babies»: societal problems of biotechnological
engineering of future children 130

O.V. Bykhtin

Specifics of social and technological approach to the study of
municipal government 140

T.I. Lipich, A.Y. Dmitriyчук

Family in philosophical and culturological judgment 146

N.M. Markova

The phenomena of religious tolerance and freedom of conscience
in Russia: the interpretation of the late XIX – early XX centuries ... 151

A.N. Pasenov

The concept of sustainable development: historical and legal
aspects 156

M.I. Slepikova

Russian Orthodox Church of the schismatic movement and
staroobryadtsy 161

E.Y. Chistyakova

Epistemological and value-regulatory aspects of outlook in Kant's
philosophy 166

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

Russian festival of Orthodox intellectual clubs and educational centers «Prokhorovsky breakthrough»

V.V. Varava

Intuition of meaning (on one feature of russian philosophy) 170

Hegumen Serapion (A.E. Mitko)

Missionion and proselithism 177

A.S. Kurenkov

Religious and philosophical reflection of the sacritorial heritage in
literary creativity of N.V. Gogol 185

T.P. Matyash

The origins of russian culture: «slavism» or byzantium? 192

About authors 199

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК HISTORY OF PHILOSOPHY, SOCIAL SCIENCES AND HUMANITIES

УДК 1:(091)

СКЕПСИС М. МОНТЕНЯ КАК ПУТЬ ЧЕЛОВЕКА К САМОМУ СЕБЕ

SKEPTICISM M. MONTAIGNE AS A HUMAN PATH TO HIMSELF

Т.В. Торубарова
T.V. Torubarova

Московский государственный технический университет им. Н.Э. Баумана,
Россия, 105005, Москва, ул. 2-я Бауманская, 5

Курский государственный университет, Россия, 305000, Курск, ул. Радищева, 33

Bauman Moscow State Technical University, 5 2nd Bauman St, Moscow, 105005, Russia
Kursk state university, 33 Radishcheva St, Kursk, 305000, Russia

E-mail: ttorubarova@rambler.ru

Аннотация. В статье анализируется ключевой пафос «Опытов» М. Монтеня, заданный скептическим настроением как методическим принципом, открывающим путь постижения человеком самого себя. Разъясняется, что внешнее окружение изменчивых вещей – это лишь тот эмпирический контекст, в котором уже зреет некая интеллектуальная нагруженность, воспроизводящая методическое усилие Монтеня как определенного способа самообладания. Обретение человеком себя осуществляется в опыте, который он «ставит на самом себе», человеке, подверженном изменениям, таком, каким он есть в эмпирически пролегающих к нему обстоятельствах. Отмечается, что скепсис, через который должен пройти человеческий дух, есть необходимость его собственной природы. М. Монтень подготавливает почву для радикального сомнения, определяющего основной настрой новоевропейского мышления.

Resume. The article analyzes the key pathos of "Experience" M. Montaigne, skeptical given as a methodological principle of opening the way to a man of understanding himself. It is clarified that the external environment is changing things - it is only the empirical context in which there appeared a kind of intellectual loading, reproducing methodical effort Montaigne how a certain way of self-control. Finding the man himself made the experience that he "puts on himself," a man prone to changes, such as it is, empirically lies to him the circumstances. It is noted that skepticism, which must pass through the human spirit - there is a necessity of his own nature. Montaigne paves the way for radical doubt, which determines the basic spirit of modern European thought.

Ключевые слова: опыт, скептицизм, человек, методический принцип, изменение, разум.
Keywords: experience; skepticism; people; methodological principle; change; minds.

Еще в XV столетии европейский человек был христианином, платоником и стоиком. Но он живет уже двойной игрой, игрой веры и разума, хотя принципы этой игры противоположны и в своем предельном значении несовместимы. В этой игре человек становится политико-экономическим существом, в котором атеистическое начало оказывается уже неизбежным, так или иначе себя сказывающим. Впрочем, и в церковно-верующем человеке политико-экономическое измерение оказывается во многом определяющим. Фундаментальным открытием христианского миропонимания оказывается то, что челове-

ская жизнь в конечном счете не есть занятость самим собой, а посвящение себя тому, что имеет никогда не преходящий смысл. Человек в период эллинизма считал, что жизнь достаточно хороша, если она не сгибается под ударами судьбы. Жизнь есть процесс претерпевания чего угодно, согласно стоицизму, и это умонастроение было блестяще выражено Сенекой в его «Письмах к Луцилию». В христианстве человеческая жизнь получает смысл миссии, в противоположность претерпеванию судьбы, которая воспринималась как имеющая сугубо внешний характер. Понимание жизни как посвящения себя чему-либо, причем весьма важному, в высшей степени важному, а не просто использования по случаю чего-то возможного или даже данного, – все это не просто формировало заново, но и обостряло чувство и сознание ответственности. Н. Кузанский во многом определял христианскую мысль в XV столетии, то есть начало развития так называемой естественной религии. Восстание М. Лютера, называемое протестантизмом, вело к утверждению мирского начала: когда мы служим миру в том своем положении, которое определено божественным предназначением, тогда и тем самым мы служим Богу [10, с. 29]. Следует еще упомянуть основателя иезуитского ордена Игнатия Лойолу. Он по сути дела был первым основателем современных политических институтов, лишенных уже всякого мистического смысла. Иезуиты и протестанты совпадают в исторической траектории, поскольку они принадлежат к XV столетию, к одному периоду, который является переходным.

С одной стороны, увлечение готикой, которая оказывалась изощренным теологизированием, мистицизмом и пиетизмом. Это еще тот же средневековый мир, но уже независимый от Бога, коль скоро его проект творения мира из ничего никак невозможно понять. Сам У. Оккам и его последователи выполняли сугубо критическую и негативную задачу. Бог, говорили они, творил мир вовсе не по силлогизмам Аристотеля, поэтому план божественного творения невозможно понять посредством дедукции. Созданный Богом мир, есть абсолютный и совершенно обнаженный факт. Следует изучать фактичность мира как такового, который невозможно объяснить с помощью тех или иных принципов, поскольку Бог творил мир и сохраняет этот мир по своей свободной воле, непостижимой человеческим разумом. Конкретная связь человека с Богом тем самым в корне разрывается.

С другой стороны, гуманизм, подчеркивающий божественность человека в присущем ему разуме и в способности приобщиться к проекту творения и сохранения мира. Небесный и звездный мир, будучи эфирным, неизменным и неразрушимым, оказывается совершенным, единообразным и круговым в своем движении, тогда как земное движение есть или насильственное, или естественное и прямолинейное движение, т. е. движение вверх и вниз. И всякое земное движение имеет начало и конец в отличие от небесного кругового движения. Небесный мир является неизменной реальностью субстанциальных форм, которые есть духовные сущности, тогда как земные вещи являют себя в материальном обличии. Согласно томизму, каждый род вещей имеет единую форму, но, будучи материальными, они индивидуализируются и изменяются. Скажем, форма собаки или кошки неразрушима и всегда самоидентична, причем одна субстанциональная форма не может изменяться и преобразовываться в другую. Это есть мир, который не терпит никаких изменений. И человеческое общество составлено из неизменных и замкнутых в самих себе рангов и сословий, т. е. королей, дворян разных рангов, крестьян, ремесленников и т. д. Как отмечает А.Я. Гуревич: «Пространство средневекового мира представляет собой замкнутую систему со священными центрами и мирской периферией» [4, с. 82].

Еще в начале XV столетия универсум был создан из субстанциональных и неизменных форм, которым соответствовали в человеческом обществе социальные ранги и сословия. Это был хорошо известный и понятный мир, в котором не могло быть ничего нового, все было ритуализировано и пронизано сакраментальным; все оказывается формализованным, и для каждого случая есть свой канон. Техника дефиниций, дистинкций, формальных приемов проведения дискуссий и интерпретаций авторитетных текстов – таков был характер университетского образования. Отсюда и обширные комментарии по теологии, логике, философии и грамматике, которые не могли терпеть ни Марсилио Фичино, ни Эразм Роттердамский, ни реформатор Мартин Лютер. Парализованная формализмом, вера становилась просто безжизненной. Человек вовлекался в мир, не знающий никаких изменений и преобразований. Горизонт средневековой мысли по отношению к

будущему был замкнут в том смысле, что само будущее осознавалось как близкий конец этого мира. Время не было собственностью человеческих дел и вещей, хотя уже в XVI столетии механические часы получают широкое распространение. Позиция по отношению к бытию и времени заключалась, прежде всего, в том, что прошлое было лучше нынешних времен. Какое может быть хорошее время после грехопадения? Само время губительно для этого мира и человека в его сугубо мирском положении. Время постижимо только в силу наличия души в земном человеческом пребывании, тогда как само по себе оно просто ничто в силу того, что оно просто преходяще. И вот Ренессанс обращается к античному миру, то есть к мудрости Платона и Гермеса Трисмегиста, к римской республиканской доблести и к эстетике жизни в противовес христианской аскетике. И протестантизм обращался к изначальному христианству.

Леонардо да Винчи родился в 1452 г.; Н. Макиавелли и Эразм Роттердамский в 1466 г. Они были уже предвестниками эпохи Нового времени. Нам ныне уже трудно понять ту субстанциональную, можно сказать, терпимость, которая была присуща средневековому человеку. Он жил в контексте ритуалов, аллегорий и символов. Здесь было мало места для глубоких изменений и преобразований, однако всегда была возможность апелляции или возвращения к изначальным и незамутненным формам жизни. Но возвращение к изначальным и простым способам бытия – это скорее есть реформа, нежели радикальное, т. е. революционное изменение. Как раз этот дух был присущ ренессансному гуманизму, и с этого духа начинается религиозная реформация. Имел место импульс к прошлому, а не к будущему. Будущее по сути дела возможно только как возвращение к изначальным истокам, к исходному и совершенно незамутненному миру, а не только к античной красоте, доблести и мудрости. Петрарка призывал возвратиться к античности и к отцам церкви, а Эразм много времени уделял изданию трактатов отцов церкви и трудов, которые относились к раннему христианству. «Основной чертой раннего Ренессанса является познание вечного изменения всех вещей, преходящести человека и в качестве утешения убежденность в том, что величие человека продолжает жить в славе и в преобразованиях» [3, с. 75].

Новоевропейский человек уже верит, что он может изменять и строить новый мир в силу наличия тех или иных идей. Появляется идея национального государства, инициаторами которой были католические монархи. Формируется убеждение, что будущее полностью нам открыто, что оно по сути дела всегда может быть в наших руках, и мы сами способны улучшать и изменять нашу жизнь в различных ее измерениях. Изменяется само понимание реальности, которая уже не замыкается по отношению к настоящему и прошлому, но всегда открыта будущему в процессе ее непрерывного становления. Необходим опыт этой непрерывно изменяющейся реальности. И особенно показательны в этом плане «Опыты» Мишеля Монтеня в их скептической направленности. Он пишет: «Человеческий разум настолько недостаточен и слеп, что нет ни одной вещи, которая была бы ему достаточно ясна... что все явления и вся природа единодушно отвергают его компетенцию и притязания» [6, с. 140]. И далее он восклицает: «Не смешно ли, что это ничтожное и жалкое создание, которое не в силах управлять даже собой и предоставлено ударам всех случайностей, объявляет себя властелином и владыкой Вселенной, малейшей частицы которой оно даже не в силах познать, не то что повелевать ею!» [6, с. 141]

Монтень охотно цитирует Плиния Старшего: «Нет ничего достоверного, кроме самой недостоверности, и нет твари более злополучной и более заносчивой, чем человек» [6, с. 574, примеч. 57]. Вот почему, говорит Монтень, «нет ничего более правдоподобного и полезного, чем пирронизм. Он рисует человека нагим и пустым; признающим свою природную слабость; готовым принять некую помощь свыше; лишенным человеческого знания и тем более способным вместить в себя знание божественное...» [6, с. 206]. «Нам следует поглупеть, чтобы умудриться, и ослепить себя, чтобы дать вести себя» [6, с. 190].

В «Апологии Раймунда Сабундского» развенчание человеческого разума начинается словами ап. Павла: «Наша мудрость – лишь безумие перед лицом Бога» [6, с. 140]. Образцом такого рода скептицизма является уже трактат Агриппы Неттесгеймского «О недостоверности и тщете наук» (1526). Несомненная ранее разумность мира, в котором действуют силы симпатии и антипатии, распадается на бытие природы, лишенное разумных

форм, и на только лишь возможный разум. Прежняя осмысленность мира осознается уже как просто измышление, имеющее в своей основе не столько разум, сколько страсть, корысть и воображение. Действующая на человека реальность всегда им как-то оговорена и осмыслена, и в силу этого она, прежде всего, действительна. «...Нет такой зародившейся в человеческом воображении выдумки, сколь бы сумасбродной она ни была, которая не встретила бы где-нибудь как общераспространенный обычай и, следовательно, не получила бы одобрения и обоснования со стороны нашего разума» [5, с. 141]. И прославленные мыслители древности, начиная от Фалеса и Пифагора вплоть до Демокрита и Платона, руководствовались скорее воображением, нежели рассудком и разумом. «Меня нелегко убедить в том, – говорит Монтень, – что Эпикур, Платон и Пифагор принимали за чистую монету свои атомы, свои идеи, свои числа: они были слишком умны, чтобы верить в столь недостоверные и спорные вещи» [6, с. 212].

Раз все оказывается измышляемым, то нужно сначала очистить разум, чтобы затем все начинать заново и сначала. М. Монтень словно подготавливает почву для радикального сомнения, определяющего основной настрой новоевропейского мышления, в лице Ф. Бэкона и Р. Декарта.

Господствующий над человеком мир со всеми его силами, сферами и существами оказывается созданным человеческим воображением, его разумом осмысленный и мерой его разума обосновываемый. Это есть по сути дела измышляемый мир, о котором говорил еще Аристотель, выясняя воззрения предшествующих ему мыслителей и подчеркивающий, что этот измышляемый мир исключает возможность воспринимающего созерцания подлинно существующего мира, причем единого, единственного и необходимого. Об этом же говорит и Монтень, подчеркивая наличие божественного мира, а не измышляемого и воображаемого по человеческим прихотям и упованиям. Человек тем самым лишается всякой возможности иметь свой собственный взгляд на мир как таковой, иметь свой ясный и отчетливый взгляд хотя бы на природный порядок вещей, не говоря уже о его собственной природе и характере общественного устройства человеческих положений и дел. «Если бы в один прекрасный день, – пишет Монтень, – природа захотела раскрыть нам свои тайны, и мы увидели бы воочию, каковы те средства, которыми она пользуется для своих движений, то, боже правый, какие ошибки, какие заблуждения мы обнаружили бы в нашей жалкой науке!..» И далее: ведь природа не столько постигается, сколько искажается в «прикрытой и затуманенной картине, просвечивающей бесконечным множеством обманчивых красок, над которыми мы изошряемся в догадках» [6, с. 240–241]. После Монтеня, почти через сто лет, Б. Спиноза скажет: «Итак, мы видим, что все способы, какими обыкновенно объясняют природу, составляют только различные роды воображения и показывают не природу какой-либо вещи, а лишь состояние способности воображения» [2, с. 400].

Разного рода учения не столько способствуют постижению природы, сколько отгораживают нас от нее. В этих учениях человек сталкивается с самим собой. В силу своей природы человек пребывает в измышляемом им мире, который отделяет его от подлинной природы вещей. Осмысленный человеком мир несовместим с природой как таковой. Поэтому «уверенность в несомненности есть вернейший показатель неразумия и крайней недостоверности; и нет людей более легкомысленных и менее философских, чем филодоксы Платона» [6, с. 246]. Но не это главное. Имеет место всегда одно из двух: «либо мы способны судить о вещах до конца, либо мы совершенно неспособны судить о них» [6, с. 271]. Скепсис Монтеня, как бы предвосхищая последующую человеческую самоуверенность судить все и обо всем, причем абы как, совершенно неожиданно замечает: «Весьма вероятно, что естественные законы существуют... однако у нас они утрачены по милости.. замечательного человеческого разума, который во все вмешивается и повсюду хочет распоряжаться и приказывать, но следствие нашей суетности и непостоянства лишь затемняет облик вещей» [6, с. 294]. Необходим новый разум, еще не знающий самого себя и присущее ему измерение. «Мыслительный опыт не может быть обретен мгновенно, он выкристаллизовывается постепенно, вбирая в себя уже существующий опыт жизни и соединяя его с той внутренней структурой, что может быть названа «первоопытом»» [9, с. 145]. Пока это есть просто скептический разум, охватывающий своим сомнением все

многообразие мнений. Ведь ум в своем самомнении оказывается просто безрассудным. «Разум – оружие, – пишет Монтень, – опасное для самого владельца, если только он не умеет пользоваться им благоразумно и осторожно» [6, с. 267–268]. И несколько далее он размышляет так: «В течение трех тысячелетий небосвод со всеми своими светилами вращался вокруг нас; весь мир верил в это, пока Клеанф Самосский или ... Гикет Сиракузский не вздумал уверять, что в действительности Земля движется вокруг своей оси по эклиптике зодиака; а в наше время Коперник так хорошо обосновал это учение, что весьма убедительно объясняет с его помощью все астрономические явления... И кто знает, не появится ли какая-нибудь третья точка зрения, которая опровергает обе предыдущие» [6, с. 281].

Опыты на себе, опыты своего собственного ума – в этом суть «Опытов» Монтеня. Ведь мы не знаем вещи так, как они есть сами по себе; «ибо, если бы мы знали вещи, как они есть, мы воспринимали бы их одинаково...» [6, с. 271]. Ум устраняется от постижения всего сущего. Он уходит в себя в непрерывном акте сомнения. Именно Монтень в своих «Опытах» прокладывает путь к новой метафизической позиции, которая обретает фундаментальный характер, прежде всего, в философии Р. Декарта. Можно ли верить мнениям и суждениям тех, размышляет Монтень, кому «так и не удалось постигнуть самих себя и познать свою природу, неизменно пребывающую у них на глазах и заключенную в них самих...». И восклицает: «Но кто способен представить себе, как на картине великий облик нашей матери-природы во всем ее царственном великолепии; кто умеет читать ее бесконечно изменчивые и разнообразные черты...» [6, с. 17].

В начале второй главы третьей книги своих «Опытов» Монтень пишет: «Другие творят человека; я же только рассказываю о нем и изображаю личность, отнюдь не являющуюся перлом творения, и будь у меня возможность вылепить ее заново, я бы создал ее ... совсем иною. Но дело сделано, и теперь поздно думать об этом. Черты моего рисунка несколько не искажают истины, хотя они все время меняются... Весь мир – это вечные качели. Все, что он в себе заключает, непрерывно качается: земля, скалистые горы Кавказа, египетские пирамиды, – и качается все это вместе со всем остальным, а также и само по себе. Даже устойчивость – и она не что иное, как ослабленное и замедленное качание» [8, с. 342]. Он подчеркивает: «Я выставляю на обозрение жизнь обыденную и лишенную всякого блеска, что, впрочем, одно и то же. Вся моральная философия может быть с таким же успехом приложена к жизни повседневной и простой, как и к жизни более содержательной и богатой событиями; каждый человек полностью располагает всем тем, что свойственно всему роду людскому» [8, с. 343]. Апеллируя к вещам, к событиям реальной жизни, Монтень вовсе не следует эмпирическим законам, но черпает из всего многообразия мира, калейдоскопа осуществляющихся событий динамизм, тот жизненный ритм, который свойственен внутреннему движению своей души, который способствует обретению внутреннего единства, угадываемому в личностном самостоянии человека, в его сущности, в том, что зовется истиной. Стремление познать самого себя является неким эвристическим принципом, позволяющим проникать в глубины и тайны человеческого существования, на волне всегда личностно конституируемого внутреннего опыта обретать реальный смысловой контекст некоего единства «Я».

Во многих местах своих «Опытов» Монтень говорит об изображении им самого себя [1, с. 238–239]. Другие творят человека, тогда как я, отмечает Монтень, просто рассказываю о себе как конкретном человеке. «Авторы, говоря о себе, сообщают читателям только о том, что отмечает их печатью особенности и необычности; что до меня, то я первый повествую о своей сущности в целом, как о Мишеле де Монтене, а не как о филологе, поэте или юристе» [8, с. 343]. Поскольку мир беспрестанно изменяется, а человек есть составная часть мира, то и он беспрестанно изменяется. Для Монтеня человек не есть величественное и загадочное существо, вызывающее благоговейное изумление. Он также не желает воспринимать человека и его мир трагически. Ведь человек есть «изумительно суетное, поистине непостоянное и вечно колеблющееся существо», «столь же нелепое, сколь и смешное», «шут из фарса» и т. п. Необходим опыт для постижения человека как постоянно колеблющегося существа. Это есть «опыты над самим собой» или «опыты на самом себе» [1, с. 242]. «Я хочу, – говорит Монтень, – чтобы по моим писаниям можно было проследить развитие моих мыслей и

чтобы каждую из них можно было увидеть из под моего пера. Мне будет приятно проследить, с чего я начал и как именно изменился» [6, с. 37].

Внешний мир есть лишь театральная сцена для прояснения внутреннего самостояния человека, его духа. Монтень основной замысел раскрывает так: «...прослеживать извилистые тропы нашего духа, проникать в темные глубины его, подмечать те или иные из бесчисленных его малейших движений – дело весьма нелегкое, гораздо более трудное, чем может показаться с первого взгляда. Это занятие новое и необычное, отвлекающее нас от повседневных житейских занятий, от наиболее общепринятых дел. Вот уже несколько лет, как все мои мысли устремлены на меня самого, как я изучаю и проверяю только себя, а если я и изучаю что-нибудь другое, то лишь для того, чтобы неожиданно ... приложить это к себе или, вернее, вложить в себя» [8, с. 198–199]. Внешнее окружение изменчивых вещей – это лишь тот эмпирический контекст, в котором уже зреет некая интеллектуальная нагруженность, воспроизводящая методическое усилие Монтьена как путь постижения себя, как определенный способ самообладания. Монтень постоянно отмечает, что его интересует знание не о вещах, а о самом себе. Он знает о своем неведении, но оно полно силы и благородства. Не самоуверенность, а, прежде всего, неведение, вызывающее к самопознанию, есть самый надлежащий путь к достижению правильной жизни: «Никакое особое достоинство, – пишет Монтень, – не преисполнит гордостью того, кто осознает все великое множество присущих ему несовершенств и слабостей, и вдобавок ко всему – все ничтожество человеческого существования. ... Сократ... в результате... самопознания проникся презрением к себе, он удостоился звания мудреца. Тот, кто сумеет таким же образом познать себя, может не бояться говорить о результатах своего познания» [8, с. 201]. Во всем сущем, говорит Монтень, следует, прежде всего, отыскивать самого себя. Вот в чем суть вообще. «Самое стремление порождает в нас образ вещи, которую мы имеем в виду, а ведь в нем содержится добрая доля того, к чему должны привести наши действия, и представление о вещи едино с ее образом по своей сущности» [5, с. 20]. Монтень говорит о вещах в их жизненном опыте. Суть не в том, чтобы изображать самого себя. Суть в целостной личности самого человеческого существа в его непосредственных обстоятельствах. «Скромность» Монтьена, разумеется, лукавая. Он говорит: «Я первый» и «никто и никогда». До Монтьена так тоже мало кто говорил. Не говорил так ни Платон, ни Аристотель, ни Августин, ни Фома Аквинский, ни даже Ник. Кузанский. А Монтень говорит: «И жизнь правителя, и жизнь простолюдина – это всегда человеческая жизнь, полная обычных для нее превратностей» [8, с. 573]. И здесь идет знаменитое суждение Монтьена об условии человеческого существования, а именно: только вслушивание в самого себя позволяет осознать внутренние движения своей души, ибо «Тот предмет, который я изучаю, – говорит Монтень, – больше всякого иного, – это я сам» [8, с. 572]. Стремление заглянуть в себя постоянно провоцирует живой диалог внутренней речи, который Монтень ведет на грани полифонии оттенков, вновь и вновь раскрывающихся смыслов в постижении себя. Это деятельное напряжение отражает игру «Я» в процессе его экспликации и обретения.

Обретение человеком себя осуществляется в опыте, который он «ставит на самом себе», человеке, подверженном изменениям, таком, каким он есть в эмпирически пролегающих к нему обстоятельствах. Скепсис, через который должен пройти человеческий дух, есть необходимость его собственной природы. Но желание заглянуть в глубины своей собственной души, в тайны человеческого существования проникнуто совершенно новым пафосом, в котором меняются приоритеты, в котором Я всегда на первом плане в качестве всегда активной, действующей силы, не просто участника разыгрывающегося действия, но и автора, пишущего сценарий, пусть только еще эмпирически. Контекст абсолютного постижения задаст и так виртуозно обыграет впоследствии Гегель. Но путь этому пролагает уже Монтень, его «Опыты». В них еще голос разума звучит не так полновластно и убедительно, но этот настрой и пафос подхватит Р. Декарт, мысль которого знаменует уже рождение новой метафизической позиции, в которой опыт сознания впишет новую главу в историю человеческого самоопределения.

Список литературы References

1. Ауэрбах Эрих. Мимесис. Изображение действительности в западноевропейской литературе: Пер. с нем. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000.
Auerbach Erich. Mimesis. The image of reality in the Western European literature: The lane with him. – М.: PER SE; SPb.: University book, 2000.
2. Бенедикт Спиноза. Этика // Избранные произведения в двух томах. М.: Гос. Изд-во политической литературы, 1957. Т. 1.
Benedikt Spinoza. Ethics//the Chosen works in two volumes. М.: State. Publishing house of political literature, 1957. Т. 1.
3. Бурдах К. Реформация. Ренессанс. Гуманизм/ Пер. с нем. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
Burdakh K. Reformation. Renaissance. The humanity / Lane with him. – М.: "The Russian political encyclopedia" (ROSSPEN), 2004.
4. Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. Издательство «Искусство», Москва, 1972.
Gurevich A.Ya. Categories of medieval culture. Iskusstvo publishing house, Moscow, 1972.
5. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 1. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 1. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
6. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 2. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 2. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
7. Мишель Монтень. Опыты. Избранные произведения в 3-х томах. Том 3. Пер. с фр. – М.: Голос, 1992.
Michel Montaigne. Experiences. The chosen works in 3 volumes. Volume 3. The lane with фр. – М.: Voice, 1992.
8. Монтень М. Опыты. Избранные главы: Пер. с фр./ Сост., вступ. Ст. Г.Косикова; Примеч. Н. Мавлевич. – М.: Правда, 1991.
Montaigne M. Experiences. Elected heads: The lane with fr./Sost., вступ. Art. of G. Kosikov; Примеч. N. Mavlevich. – М.: However, 1991.
9. Сергеев К.В. «Театр судьбы Данте Алигьери: введение в практическую анатомию гениальности». – М.: Летний сад, 2004.
Sergeyev K.V. "Theater of destiny of Dante Alighieri: introduction to practical anatomy of genius". – М.: Summer garden, 2004.
10. Торубарова Т.В. Теология свободы (Протестантизм) // Метафизика антропоцентрической свободы (от Декарта к Канту). Издательство АП «Курск», 1994.
Torubarova T.V. Theology of freedom (Protestantism)//Metaphysics of anthropocentric freedom (from Descartes to Kant). Publishing house AP "Kursk", 1994.

ЛОГИКА, МЕТОДОЛОГИЯ И ФИЛОСОФИЯ НАУКИ

LOGICS, METHODOLOGY AND PHILOSOPHY OF SCIENCE

УДК 16(075.8)

КАК ЗНАНИЕ НАУЧАЕТ УМУ И ПОЧЕМУ НАУКА ЛОГИКИ УЧИТ

AS KNOWLEDGE TEACHES THE MIND AND WHY THE SCIENCE OF LOGIC TEACHES

Г.В. Лобастов
G.V. Lobastov

Российский государственный гуманитарный университет,
Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6

Московский авиационный институт, Россия, 125993, Москва, Волоколамское шоссе, д. 4

Russian State University for the Humanities, 6 Miusskaya sq., Moscow, 125993, Russia,

Moscow Aviation Institute, 4 Volokolamskoje sch., Moscow, 125993, Russia

E-mail: lobastov.g.v@yandex.ru

Аннотация. Рассматриваются условия присвоения объективного культурного содержания, представленного в различных объективированных образованиях человеческой действительности; заданность универсальных форм в логической науке и снятие их в предметно-преобразовательной деятельности; анализируется недостаточность абстрактного рассмотрения отдельных культурных образований и их отношений для конкретного понимания диалектики развития культурно-исторической действительности; исследуется процесс перехода всеобщего содержания культуры в личностную форму человеческих способностей.

Resume. The article deals with the following items: conditions of mastering the objective cultural contents, presented in a variety of objectified forms of human reality; transcendental universal forms in the logical science and their sublation in objective activity; the failure of abstract consideration of certain cultural forms, and of their relationships, for understanding of the dialectics of the development of cultural and historical reality; transition of the general content of culture into the personal form of human abilities.

Ключевые слова: идея, предметно-преобразовательная деятельность, мышление, логика, отчужденные формы культуры, действие, цель, мотив, средство, субъект, структура деятельности, сознательность педагогики.

Keywords: idea, objective activity, thinking, logic, alienated forms of culture, act, aim, motive, means, subject, activity structure, awareness of education.

Развернутая *Гегелем* логика самосознающей идеи есть отвлеченно-абстрактное знание, и как таковое в своей объективно-обособленной форме безразлично к субъективно-личностной деятельности человека. Хотя как раз эту деятельность и выражает. Гегель показал, что эта идея, ее логика, мышление находит себя не только в теоретической абстракции, не только в текстах и ученых головах логиков, но и как объективно-идеальная форма, существующая вне и до сознания. И что всякая субъективно-психическая деятельность, претендующая быть умной, осуществляется по мере снятия этой абстрактности, т. е. по мере присвоения ее отвлеченно-отчужденной формы, превращения ее в собственную способность индивида. Более того, эта форма насильственно диктует индивиду поведение, выступает организующей его и управляющей им силой. Фиксация и абсолютизация этого момента и делает идеализм идеализмом.

Философский (теоретический) идеализм может быть снят, следовательно, только путем обнаружения природы этой всеобщей, господствующей над индивидом логики, только путем объяснения ее силы, ее пределов, места и роли в реальном объективном бытии общественного человека. Не удастся это сделать – и объективированная форма мышления зависает над индивидом в его представлении о человеческом мире в ее обособленном и необъясненном виде. И как всякая необъясненная причина, мыслимая внутри открытого для сознания (сознанием) бытия, эта сила может и начинает представляться в любом образе, создаваемом воображением любого рода.

Но объяснить мышление, его природу можно только из его противоположности, из не-мышления, поскольку порождение мышления из самого себя – такое представление вырождается в пустую тавтологию.

Хотя тут сразу возникает целый сонм проблем. Поскольку кажется, что бытие открывается субъекту в сознании через мышление, мышление и пытается обосновать как бытие (найти его основания), так и само себя. Обосновывать само себя через бытие – значит, выводить себя из противоположной формы. Но эта противоположная форма, бытие, само в свою очередь выступает в мышлении через мышление.

И снова круги, снова замкнутость мышления на свои собственные формы.

Такая ситуация возникает не только в философии, по своему предмету и способу осуществления *основанной на логике*, на мышлении, но и в научном познании, не всегда контролирующем мысль как мысль (что делает только философская рефлексия), хотя и всегда соотносящем ее с бытием. С бытием того предмета, который эта мысль мыслит.

В научной познавательной ситуации, где соотношение мысли и бытия наиболее отчетливо открывается сознанию, давно показана определенность этого отношения содержанием определяющих его сторон. Внутри философии и идут споры о том, форма сознания (мышление) или форма бытия (реальная действительность) является определяющей стороной. И сколь бы правильными (истинными) суждения на этот счет ни были, надо признать, они в обоих случаях оказываются односторонне абстрактными, если, конечно, не захватывают собой всю полноту той действительности, от которой это отношение называется *отвлеченным*, абстрагированным.

Знание логики мышления столь же мало научает мышлению, как знание процессов пищеварения помогает пищеварению, говорил после Гегеля В.И. Ленин. Где же, однако, возникает и развивается мышление как субъективная способность? Если отвлеченная форма этого мышления, выраженная в логико-теоретической форме и удержанная языком, не научает мышлению, то в чем же объективный смысл ее возникновения в культуре? Ведь логика как феномен знания и сознания существует здесь совсем не обособленно, не отвлеченно и сама по себе, а как внутренне связанная с этой культурой, более того, как имеющая стержневой характер для ее, культуры, бытия.

Можно было бы сказать – для духовной ее формы. Однако разделение культуры научным мышлением на две ее формы, материальную и духовную, стихийно закрепляет в сознании их обособленное бытие совершенно по тому же типу, что и отношение бытия и сознания. Ибо бытие и сознание не только противоположности, но и формы, в своем взаимодействии обнаруживающие их тождество. И дело заключается в том, чтобы выразить бытие этой культуры в строгой логической форме взаимосвязи всех ее элементов, в форме ее внутреннего самовоспроизводства, самодвижения, саморазвития. Следовательно, отразить *конкретно*, в процессуальности ее жизненного бытия как живую деятельную активность человека. Весь состав деятельных сил человека осуществляет себя через контекст всего культурного содержания, историей бытия и науки расчлененной на обособленные образования, место и роль которых та же наука начинает искать и доказывать значимость или бессмысленность каждого из них. Это явное свидетельство того, что культура здесь предстает в отчужденной форме. И педагогика, задачей которой является процесс присвоения этой культуры индивидами, сама будучи в этих условиях отчуждения, не понимает, что делать, и перманентно ищет *мотив культурно-человеческого бытия*, чтобы ввести эту культуру в человеческие способности.

Человеческое культурно-историческое бытие, понятно, противоположно бытию животному, но в самой этой культуре возникают и развиваются такие формы, для самой

культуры опасные образования, разрушительная сила которых пробуждает сознание и стихийно формирует его активность и направленность – без всякой науки логики.

Это сознание так и тянется за воплощенными идеями «умного в своем безумии» мира – и вчерашние культурные формы остаются позади. Но ведь логика тоже где-то воплощается, и, следовательно, должна в каком-то моменте порождать субъективную интенцию следовать за ней. Воплощается ведь она не только в языке, научных трактатах и учебниках. Но и в формах «более» объективных – в *культуре материального воспроизводства* человеком самого себя. И втягивается в субъективную способность через активное вхождение в эту культуру. Где и любая языковая форма и выраженная в ней любая отвлеченно-теоретическая конструкция возникают и существуют как имманентные элементы целостного человеческого бытия.

Но где язык может существовать в столь же отчужденной, выхолощенной, обесмысленной форме, как и любой элемент культуры? Как, собственно, и логика – в ее абстрактно-отвлеченном виде. Ибо формальная логика столь же бессодержательна, как и обесмысленный язык.

Логика, которую вслед за Гегелем и Марксом приоткрыл своему читателю Э.В. Ильенков, перевел на современный язык понимающего мышления ее принципы, с гениальной ясностью выразил образ идеального и тем самым сделал прозрачной и мысль Гегеля, и мышление Маркса, – эта логика есть логика движения самого содержания. И, следовательно, вхождение в нее должно осуществляться через освоение (присвоение) самого этого содержания. Но сколь бы понятным это ни казалось, вопрос все-таки остается: для чего же нужна сама наука логики, дающая ее, логики, отвлеченный образ?

Вопрос этот имеет более широкое значение – как вопрос о смысле и значении научного знания вообще. Еще шире и глубже – как вопрос о формах культурного бытия человека, ибо чувственно-непосредственное, реальное содержание, через которое бытует человек, дано человеку в опосредованных формах. В формах преобразованных и удержанных составом той культурно-исторической действительности, которая в движении человеческого бытия *перманентно снимается*, идеально удерживая смысловое содержание, делая его явным и в той же мере оставляя загадочной самое идеальную форму. По Ильенкову, форму мышления.

По Ильенкову, форма мышления есть всеобщая идеальная форма самой предметно-преобразовательной деятельности общественного человека. И поняв ее, эту логическую форму мышления, так, Ильенков снял с нее покров загадочности. Хотя, понятно, для массового сознания практически действующего человека, включая сюда ученого и педагога, дело яснее не стало. Ибо остается непонятным сам статус научного знания логики мышления. Коль скоро логика не научает мыслить.

«Бесчеловечное» содержание в человеческой культуре давно обнаружено, и человек веками борется с его дьявольской силой. Огнем, мечом, ракетами, колючей проволокой. Сжигая на кострах, отрубая головы, затыкая рты. Божественный дух собственно человеческого бытия тоже ищет способы борьбы с дьявольщиной. Но лики их, Дьявола и Бога, настолько ускользающи, что никакие теоретические трактаты, объясняющие силы того и другого, повлиять не могут. Библия тут столь же бессильна, как «Капитал» Маркса. Люди живут не по Библии, не согласно Марксовой теории, и диалектику изучают не по Гегелю.

А Бог и Дьявол в многообразных образах присутствуют в жизни человеческой тут и сейчас, и, увы, надо много ума, чтобы разглядеть их лики. И начинаются поиски того, что научает уму. И самое умное, что на этом пути сказано, – ум порождается самой действительностью, в контексте воспроизводства человеком своей действительной жизни. Так сказка про белого бычка и повторяется. Потому что моментом этого воспроизводства (если все-таки иметь в виде полноту этой жизни культурного человечества) является и Гегель с его «Наукой логики», и Пушкин с «Евгением Онегиным», и Библия с ее сентенциями, и даже математика, в которой видят больше всего ума. А где, кстати, осваивается и присваивается математическая способность, если не через изучение ее теоретического материала?

С внешней стороны рассматривая это дело, конечно, мы сталкиваемся с «фактом проб и ошибок» (без науки логики и до науки логики, это, конечно, толкуется как почти естественный факт познавательной культуры, животное такими делами «проб и ошибок» занимается меньше всего), случайных обнаружений явлений, попыткой упорядочить исторически развивающееся познание, сформировать систему принципов познания и т. д., но ни знание объективных познавательных форм, с одной стороны, ни утверждение иррациональной бессознательности познания, с другой стороны, не делает нас умнее. Не делает нас умнее и выявление имманентной логики содержательного развития.

Однако, как давно это показано в классической диалектической философии и экспериментально-теоретической психологии, любая форма, как в человеческом бытии, так и в мышлении, должна быть *сотворена активностью самого индивида*. В истории философии наиболее определенно и последовательно такую позицию выразил, пожалуй, впервые *Фихте*. В человеческой культуре, в становлении человеческой индивидуальной субъективности, этот активно-деятельный процесс осуществляется в контексте активных форм общественного бытия. Подобно тому, как естественная активность тела младенца выстраивается логикой деятельной культуры матери. Субъективность в ее человеческих образах возникает и развивается в форме сотворчества, в форме умной помощи незрелой стихии активности младенца. В педагогике это сотворчество конкретизируется в схематизме *совместно-разделенной предметной деятельности*. Так дело воспитания души, сознания и личности понимают *А.И. Мещеряков* и *Э.В. Ильенков*, сотворившие развитую форму личностного бытия у детей, лишенных слуха и зрения. В этом деле было осмыслено, показано и экспериментально-теоретически доказано, каким образом исполненная смыслами культурно-историческая предметность передает свое истинное содержание активно включаемому в нее индивиду. Каким образом от взрослого ребенку *передается сама форма* человеческой активности.

Чтобы всеобщую форму предмета извлечь из объективного материала, надо так его преобразовать, чтобы эта форма *реально* себя обнаружила. В этой познавательной процедуре само *преобразование становится формой деятельности человека*, через которую он обнаруживает сущность вещи.

Но чтобы превратиться в способность и стать действующей формой субъективности и субъектности человека, оно, это знание вещи, а более точно и определенно – ее генезиса, должно войти в единство с движением субъективной способности, стать *сращенным с генезисом самого субъекта*.

Понятно, что там, где знание противоплагается предмету, генезис знания может быть показан как только движение внутри субъективности – на субъективистски-позитивистский лад. Наиболее отчетливую форму такая позиция приняла со времен *Декарта*, прошла через *Канта* и застряла во всех без исключения направлениях современной философии. Даже религиозная форма ее, пытающаяся определить единство сознания индивида с независимым от него содержанием божественной субстанции, остается в рамках противоположения действительного жизненного мира и мира духовности.

Я уж не говорю о позитивистской форме сознания и самосознания науки. Формы ее работы объективно таковы, что представлять субъективные силы человека иначе, как через физиологию мозга, она не может. Потому образ бога всегда шагает рядом с ней. Ибо здесь – «объяснение» всего необъясненного.

Отсюда и представление, что индивид усваивает знание лишь благодаря своей (априорной) способности мышления, коренящейся в высшей нервной деятельности. В результате «переработки информации» он придает этой «информации», знанию, вводимому в его субъективность педагогикой, свою индивидуальную форму.

Легко заметить, что, чтобы теоретически осуществить согласие субъективной формы и формы объекта, разведенные в представлениях от *Декарта* до сегодняшнего дня, требуется анализ предметно-практической преобразовательной деятельности человека.

За рамками же мышления можно «мыслить» что угодно. Но и понимать надо, что мышление за пределами мышления не есть мышление. Ваше чувство и сознание может допускать и конституировать различные образы абсолютного основания, призванного

осуществить это согласие субъективного с объективным, но с истиной они будут связаны только предчувствием и чувством, истинность которых не менее проблематична.

Развитие форм активности субъекта требует *сознания*, субъект этой активности уже должен видеть не только предмет, соотнесенный с потребностью, но все составляющие своей деятельности, всю совокупность своих действий удерживать *знанием* их связи по логике задачи, стоящей перед субъектом. Сознательность деятельности поэтому сразу включает в себя два момента: общий образ того, что соотносимо с потребностью, и всеобщий схематизм достижения результата. Это взаимосвязь цели и средств ее достижения. Но пока цель совпадает с мотивом, с потребностью, она и не есть цель, не есть сознательный образ будущего результата. Такой, т. е. *сознательный образ*, может возникнуть только в условиях, вынуждающих *отделить цель действия от мотива*, предмета потребности. Это одновременно есть и факт возникновения сознания. Ибо *сознание есть различие и соотнесение различного в одном действии*.

Цель не порождается предметным содержанием. Предметное содержание лишь входит в смысловое определение цели. Целевое же полагание деятельности возникает из объективных различий в развитии действий, обеспечивающих удовлетворение непосредственных потребностей. Даже принцип синтеза частей не может быть истолкован как цель. Сколь бы вещь сама по себе ни была интересной (потребной), первоначально этот интерес обязательно определяется через формы организации его, ребенка, человеческого бытия. Мотив здесь, разумеется, уже сдвинут с непосредственной органической потребности, но еще не совпал с логикой самого предмета. Определение интереса (превращенной формы потребности, как говорит *А.Н. Леонтьев*) предметом – это не только дальнейшее определение самой потребности, но и движение внимания от потребности к самому предмету. Потребность имеет снимаемый характер, она удовлетворяется, сохраняя себя в этом снятом (идеальном) виде в основании. Предмет же дан актуально, он сохраняет себя в реальном бытии, мотив активности преобразуется согласно логике этого сдвига, потребность исчезла, появился интерес, т. е. превращенная форма потребности. Предмет становится интересным сам по себе и теперь полагается как цель. Как цель познавательная. Цель (если целеполагающая способность уже налицо) сдвигается на содержание предмета, выступавшего прежде мотивом. Это можно было бы выразить как сдвиг цели на мотив – в противоположность *А.Н. Леонтьеву*, который ставил и исследовал задачу сдвига мотива на цель.

Но очень легко понять, что здесь противоположным образом выражен один и тот же процесс, логическая форма которого есть единство противоположностей мотива и цели. В первоначальных формах развития ребенка они вообще даны в неразвитом виде, в синкретичном единстве. И их различие, диктуемое логикой культурно-исторической действительности и легко удерживаемое сознанием в расчлененно-обособленном виде (поскольку они в условиях разделения деятельности объективно обособлены в пространстве и времени), создает немало проблем и иллюзий для педагогического сознания. И это сознание (педагогическая деятельность) таким же различным и обособленным в пространстве и времени способом вводит в субъективность ребенка удерживаемые рефлексией расчлененные элементы действительности и их отражения. В реальной работе человеческой субъективности (тем более субъективности ребенка) мотив и цель раздвигаются внутри жизнедеятельности всего лишь как объективно различающие себя моменты этой деятельности. Которые в этом различии удерживают себя в единстве и тождестве, поскольку отражают целостность субъектности, целостность Я. Абстрагирующая деятельность развитого сознания, разумеется, выделяет каждый элемент этого сознания и может его исследовать.

За «натуральным анализом» предметной действительности, осуществляемым ребенком, лежит образ (форма) деятельности, уже снявший анализ и синтез как элементарные составляющие его еще не осмысленных действий. Иначе говоря, тот образ действий, который уже доступен ребенку. «Для чего» и «почему» – эти вопросы, как несущие смысловую нагрузку, как мотивированные проникновением в суть вещи, для него возникают внутри действия. Это действие, разумеется, начинается на основе потребности, безразличной к бытию вещей, но которое продолжается за рамками удовлетворения этой потребно-

сти – как потребность совершенно другого рода. Это действие объективно выявляет характер «поведения» самих вещей. В вопросе «для чего» спрятано причинное отношение: если бы вещь ничего не причиняла, если бы она не имела некую силу, она бы и не могла быть использована. Такой вещи вопрос «для чего» бессмысленно ставить, она потому не имеет смысла, не осмысливается. Но если сила вещи обнаруживается, то осмысленное ее использование «для чего-то» требует и ответа на вопрос «почему». Иначе управлять силой вещи будет невозможно.

Процесс разведения этих двух вопросов («для чего» и «почему»), двух категорий, которыми определяется действие, начинается уже в манипулятивных играх. И от этой бессознательной простоты различения целевого и причинного отношения конституируется в процессе развития до устойчивых категориальных форм цели и причины. Теперь это – образы сознания, через которые удерживается структура деятельности. Они – определения деятельности. Одновременно это и различение этой деятельностью временных векторов: движение от прошлого к настоящему и от будущего к настоящему. Эти моменты сознания начинают приобретать устойчивый характер, выражающий структуру деятельности, ее схематизм, осмысленное движение субъективности в процессе осуществления субъектности. Деятельность начинает осуществляться, каждый раз снимая объективное в субъективном, и субъективное полагая как необходимый момент, как условие объективного реального движения.

Ребенок активно ищет принцип (начало) бытия и движения вещи, ее собственную силу, отвечающую на вопросы «зачем» и «почему». Когда в предметном анализе вещи он ищет тот элемент, то начало, которое разъединенные части соединяет в целое, он уже бессознательно знает, что ищет. Он ищет то, что делает вещь именно такой, а не иной. Вещь исполнена многообразными вопросами, которые еще не возникли, но которые уже возникают по мере выявления объективных свойств вещи путем ее встраивания в различные отношения с различными вещами. Это бессознательное экспериментирование. Взрослое сознание тут должно быть очень внимательно к формам активности ребенка, ум взрослого через эти его действия с вещью входит в действующую способность ребенка.

Но именно здесь он вырастает как личность. Ибо личность формируется не вещными отношениями, а отношениями внутри личностного бытия. Поэтому каждый индивид и формируется как личность в той мере, в какой развита форма личностного бытия в реальном содержании общественной действительности. И здесь нужна тонкая педагогическая способность выстраивания, ведения индивида по логике смысловой культуры человечества – осмысленных форм Истины, Добра, Красоты и форм фальши, зла, безобразия. Ибо если он не увидит себя в зеркале этих исторической мыслью выявленных форм и выстроит форму своей субъектности, своей силы, себя как начала, логикой фрагментарной действительности, неразвитыми формами бытия, пройдет мимо уже найденных историей идеальных форм, – это значит, педагогика не нашла, не поняла и не сумела потенцию личностного бытия превратить в личность.

Отождествляется же мышление с бытием, как, собственно говоря, и различается, только внутри практически-преобразующей деятельности. Здесь проявляются и осмысливаются содержание и мотивы собственно человеческого бытия. В каком процессе может быть осуществлена рефлексия этого содержания? Какие формы, методы, интуиции и т. д. уловят ту суть, которая содержится в небанальном бытии маленького человека? Это небанальное детское предметно-преобразующее бытие, несущее в себе потенцию целеполагания и в его актуальных формах выводящее это бытие в огромный мир человеческой культуры, содержит в себе массу интенций, осуществление которых – дело случая. И такая *необходимая случайность* предстает в образе взрослого человека, родителя, педагога. Потому и важно здесь, чтобы случай, то, что происходит, не оказалось *случайной случайностью*, а было исполнено полнотой человеческих форм бытия.

Рефлексия этого содержания, разумеется, может быть выражена и через слово. Но не раньше, чем получит исходные определения в самом бытии. Ибо «язык реальной жизни» (*К. Маркс*) есть первичная форма, предстающая потом и в формах языка, и в художественных образах, и в нравственных чувствах. Небанальность детского бытия дается и открывается сознанию в самом бытии. Значит, и рефлексивные механизмы надо искать в

самом бытии, иначе сознание не возникнет. Иначе субъект не увидит бытия, и способность субъективного видения не обособится в деятельности мышления, т. е. деятельности субъекта вне реального содержания, а только в смысловом пространстве, удерживаемом специфическими культурно-историческими конструкциями, выраженными в системах слов, символов, чисел, красок, пространственных форм, звуков, движений и т. д.

Но здесь же абсолютно необходимо и *отвлечение логического содержания* от содержания предметного, иначе говоря, погружение в исследование собственно *мыслительных форм*. Решение этой задачи и делает явным принцип мышления.

В философии как раз мыслительная форма и осмысливается. Именно эту форму педагогу (субъекту, связывающему развитие индивида со всеобщим содержанием человеческой исторической культуры) и необходимо удерживать. Чтобы ею судить каждое свое и ребенка действие. Это как ум, который живет в любом деле. Логическая форма, выявляемая философией, – это умный ум, и он судит о каждом действии так же, как грамматика языка судит о правильности его, языка, использования. Это и есть условие формирования сознательного мышления, мышления, знающего самого себя и понимающего, откуда его собственная форма и его содержание возникают. Сознательного мышления как мышления, в любой предметной форме контролирующего себя своей идеально-всеобщей формой.

Обособление мышления, логического содержания в специальный предмет сознательного анализа (абстрагирование) осуществляется внутри предметно-преобразовательной деятельности, и именно там, где начинается целеполагание. Ведь, собственно говоря, мышление есть та же предметно преобразовательная деятельность, но осуществляемая вне реального предмета и использующая не конкретно данные эмпирические условия и средства ее осуществления, а условия и средства всеобщие. Более того, *идеальные*, то есть выраженные в чистой форме их предельных возможностей. Это как раз те самые принципы бытия вещи, которые не есть вещь, но которые тождественны ее сущности.

Поэтому любое отвлечение, абстракция должно быть получено как необходимое следствие, как необходимое *условие* предметно-преобразовательной деятельности ребенка. Абстракция должна быть выведена, и выведена как *теоретическое понятие*, иначе она навеки застрянет в сознании в форме обобщенного наглядно-чувственного признака.

Все, что дается ребенку, дается опосредованным образом (в тонкости диалектики непосредственного и опосредованного здесь нет места входить). И форма действия, и орудия действия в самом широком диапазоне их видовых различий не есть то, что непосредственно принадлежит субъектности ребенка. Ими, наоборот, он эту субъектность опосредует и через них ее формирует. Теперь требуется все ставшие в субъективности ребенка формы опосредовать понятием, теорией.

Предметная деятельность осуществляется таким способом, какой ему задается, с одной стороны, *педагогом*, а с другой – *предметом*. В идеале это одно и то же, ведь педагог – живой представитель предмета, и он знает его в его истине, во всех его формообразованиях, их объективно-необходимой связи и движении.

Научное познание вычленяет чистые формы предметной действительности. И педагогика вводит их в сознание учащихся. Но идеальная форма непосредственно нигде не совпадает с формами наличного бытия. Она представлена в формах деятельности и поэтому принадлежит как активный момент педагогу. Потому без педагога, без другого человека вообще, без совместной с ним деятельности индивид, ребенок, не извлечет из предмета наличные в нем бытийно-функциональные возможности, не выстроит свою деятельность согласно логике этих предметных потенциалов, не синтезирует их как активное средство и как потенциал своего жизненного бытия. В совместной деятельности ребенок вводится в предметное содержание, в то пространство функционирования вещи, которое выстроилось в процессе исторической деятельности с ней и посредством нее.

Вещь, объективное бытие, выступает целью только в познании. Но исходно познание есть функция вторичная. Мотива *знать* нет без мотива *быть*. Бытие ищет вещь такой, какой она нужна для бытия. Следовательно, форма этой искомой вещи определяется бытием, и если вещь исходно удовлетворяет бытие, она им и поглощается. Если нет – преобразуется.

Именно это преобразование объективно ставит задачу знать вещь. Более того, знать, как (способ, форму, технологию) ее преобразовать в требуемую форму, т. е. в средство. Начально, однако, именно потребность в средстве побуждает «движущую причину» преобразовывать вещь. Всеобщая логика преобразования вещи и становится отвлеченным, «умственным» способом работы человеческой субъективности. Поэтому педагогическая задача вводить в ум, в способность ума, в логику ума должна решаться в пространстве преобразующей деятельности. А не в форме абстрактно-отвлеченного присвоения готового знания с последующим поиском методик его практического применения. И т. д.

Соединить способность с предметом было бы нельзя, если бы сама эта способность не существовала в предмете. И наоборот, никакого согласования предмета со способностью не получалось бы, если бы сама способность не была предметной. Беспредметных способностей нет. Как нет и предметности, которая не несла бы в себе способ своего бытия. Еще иначе, предмет и способность – это одно и то же. Действие внутри предметного бытия по логике самой этой предметности тождественно способности, определенной этим предметом. Логика же предмета есть собственный способ бытия вещи, ее идея, смысл. Вещь всегда движется по логике своей собственной идеи, если внешние обстоятельства не сдвигают ее с ее «траектории». Эти чистые, идеальные формы движения вещей и ищет наука, она их исследует и выражает через специфические научные средства. И удерживает в формах законов, принципов, категорий, уравнений, формул и т. д. И только потому реальные траектории движущихся тел может исчислить. И создать искусственные тела, наиболее оптимально выражающие, осуществляющие чистые собственные формы движения действительности. Создавая и запуская спутник Земли, наука знает, что делает, и наукоемкость этой человеческой деятельности означает очищенность всех конструктивных элементов от привходящих обстоятельств, искажающих собственную логику работы каждого из них.

Не так ли должна поступать и наука педагогики? Казалось бы, конечно, так. По общей схеме сознательной деятельности. Проблема только в том, что любой искусственный объект, продукт человеческой деятельности, создаваемое средство человеческого бытия объективно стремится к однозначной точной завершенности своей особой чистой формы: реальная траектория должна максимально совпадать с траекторией «в идее», в теории, с ее чистой формой. И субъект, человек, удерживает это реальное движение через образ этой чистой формы, и там, где нужно, корректирует его этой формой. И даже умеет вкладывать в движение объекта свой корректирующий ум. Вещь становится умной – наподобие электронно-вычислительной техники. Эта интеллектуализация вещей, кстати, и приводит к понятию искусственного интеллекта.

Культурный (окультуренный) предмет и действующая способность в полной мере соответствуют друг другу. Отождествление предмета и способности осуществляется в процессе практически-преобразовательной деятельности. Здесь, изменяя вещь, человек изменяет и свою собственную способность. Цель как знаемый образ воплощается в объект, а деятельность воплощения, преобразуя вещь в соответствии с целью, раскрывает объективные свойства этой вещи. Со времен Гегеля это движение противоположных процессов навстречу друг другу называется единством опредмечивания и распредмечивания.

Это фундаментальное теоретическое положение как бы непосредственно отражает исходную суть человеческой деятельности, ее преобразовательный характер, ее практическую и познавательную сущность. С принципиальным объяснением того, что есть человек. С его свободой, самообусловливанием, историческим развитием. С объяснением развития всех его способностей. Без исключения.

Кажется, что вне принципа преобразования действительности, вне диалектики опредмечивания и распредмечивания никакое развитие индивида осуществить нельзя. Возможно ли это реализовать вне реальной материально-практической преобразовательной деятельности, лишь в теории, в пространстве смыслов?

Разумеется, ведь мышление и есть всеобщая идеальная форма общественно-исторической деятельности человека. А потому оно по необходимости носит преобразующий, творческий характер. Это и значит – в идеальном смысловом пространстве преобразовывать смысловое содержание по логике самих этих смыслов. «Опредмечивая» в са-

мих этих смыслах свою собственную цель. Предельная истинность такого мышления-преобразования обеспечивается только предельной выверенностью смыслов, внутри которых работает мышление. Если преобразующая смыслы работа мышления не наталкивается на *пределы этих смыслов*, она и не выявит объективное содержание их, не распределит то, что в смыслах объективно представлено. Такое мышление обычно и называют поверхностным, оно не чувствует прочности понятия, вязнет в *субъективных представлениях*, не удерживает себя в рамках объективно-значимых абстракций.

Разумеется, пределы эти не даны ребенку так и в такой форме, как они выявлены в истории познания и проявились в культурно-исторической действительности человека. Но генезис понятия (понимания) есть генезис субъективных способностей человека. Если этот генезис выдержан в объективных пределах смыслового содержания предметной действительности, то этим уже обеспечено формирование универсально-логической способности. Без науки логики это осуществить нельзя.

Образовательная деятельность осуществляется через собственную активную форму деятельности человека, внутри и посредством которой он находит и использует объективное знание, задаваемое культурой как необходимый момент его личностного бытия. Это и есть формирование мышления. Ведь мышление лишь идеально (вне реальной действительности) воспроизводит практически-преобразовательную деятельность в ее всеобщих формах. Иначе говоря, знание (и, надо сказать, наука логики в первую очередь) ни в коей мере в педагогических условиях не должно *даваться* как внешняя, обособленная, позитивная форма, а только *задаваться* условиями деятельности. Преобразование и творчество (творчество как ведущий момент этого преобразования) этих условий должны выступать перманентной формой, а не случайно-эпизодической. Только в таком случае развивается и знание (как условие сознания и условие реальной деятельности), и сама способность преобразующе-творческого движения на основе идеала (цели). И критическая рефлексия всего входящего в деятельность мышления материала, включая сюда и сам способ этой рефлексии.

Принцип деятельного преобразования смыслового содержания одинаково относится ко всем содержательным «параметрам» (измерениям) человеческого культурно-исторического бытия. Это не только *мышление*. Это и художественная деятельность (искусство) как движение по логике *красоты* (как формы человеческой организации чувственного мира), как чувственной формы бытия истины (т. е. истины, данной в созерцании). Это и определение своего движения в рамках, выработанных культурой *морально-нравственных* норм, их активное преобразующее-модифицирующее утверждение в формах взаимоотношений с другими.

Одним словом, это *деятельное общение* с культурой во всех ее образах и формах представленности. Это втягивание культуры в себя как основания реальной деятельности в реальном пространстве человеческой жизнедеятельности.

Именно эти три «ипостаси», введение их в субъективность индивида и является целью педагогики. А не способность проектирования атомной бомбы или многофункциональной вычислительной машины. И уж тем более не квантованная на «компетенции» образовательная программа и формируемые ею квантованные «профессиональные кретины». Но даже при решении таких педагогических задач школа должна теоретически четко представлять себе, что такое ум как универсальная способность.

Субъективность человека, которую формирует школа, одновременно выступает «материалом», целью и средством этого формирования. Этим педагогическая деятельность отличается от любого другого вида деятельности. Особенностью этого материала является его нематериальный характер, а потому и абсолютная податливость. Педагог может вылепить из него любую фигуру. Но реально лепит только то, что вылепить способен. Ссылка на особенности телесной организации индивида, «внутри» которой субъективность и формируется, – это бессознательное оправдание своей беспомощности. Педагогическая деятельность – это такая же воплощающая деятельность, как и деятельность, например, конструктора. И если деятельность конструктора наталкивается на объективные пределы материала, из которого он намерен создать конструкцию, на его объектив-

ные свойства, благодаря которым он увязывает одну часть конструкции с другой, то деятельность педагога как бы таких пределов не встречает.

Кроме *логических*. То есть тех пределов, которые выявлены общественно-исторической практикой и удержаны в сознании философской рефлексией. Но если педагогическая теория и практика этих пределов, выявленных и отработанных в философии, не держит в себе, на что же она наталкивается в таком случае? На свой собственный предел. Который и выдает за пределы, якобы присущие как некие исходные определения человеческому индивиду. Неважно, мыслятся ли они в форме физиологии, анатомии и прочей природной определенности. Или в мере божественной благодати.

Да, субъективность во всей полноте ее форм – и как чувствующая, и как мыслящая – всегда погружена в некоторую материю. Но она всегда есть лишь отражение материального бытия. В формах деятельности представлены формы бытия. В своей логике она воспроизводит бытие не только природное, но и культурно-историческое, будучи при всем этом сама культурно-историческим образованием. Чувствующая душа только потому и чувствует, что она впитала в себя (воспитание) исторически развитые чувства, представленные в наиболее развитой форме в искусстве. Не все дано сознанию, но душа как полнота человеческой субъективности улавливает, предчувствует и чувствует, возводит в образы невидимое, спрятанное за видимостью бытия положение вещей, объективную конфигурацию человеческого бытия в пространстве и времени его существования. Потому сознательное формирование души есть изменение этой «конфигурации».

Сколь бы наукоемким производимый историческим человеком продукт ни был, сколь бы он ни претендовал на универсальность, единственная «вещь», которая объективно может выступить материалом, воплощающим в себе универсальные способности, есть человеческий индивид. Индивид, обретающий в таком осуществлении форму личного бытия. Разумеется, свобода личности как универсальная способность есть результат истории, и мера ее, свободы, развитости есть мера развития общественных форм бытия. Но школа в своих глубочайших интенциях должна формировать и развивать внутри индивидуального бытия потенцию свободы, чтобы она могла, эта свобода, свободно осуществляться в преобразовании этих общественных форм – по логике и идеалу свободы.

Вне свободы нет никакого разума и никаких сколь угодно совершенных человеческих проектов. Любой из этих проектов несравнимо многократно будет меньше масштабом, чем формирование человеческой личности с ее атрибутивными определениями свободы и творчества.

Узкий диапазон предметных сил, с которыми ребенок экспериментирует и которые умеет экстраполировать, никак не может сравниться с универсальной содержательностью проявлений взрослого человека. И нормы общественного сознания, если они вводятся извне, остаются в противоположении субъективной позиции ребенка до тех пор, пока его собственная активность не выявит пределы, на которые объективно ориентированы индивиды в общественном бытии. Здесь-то и зарождаются, и развиваются личностные формы, здесь становящееся человеческое существо входит в плотные сопряжения с невидимыми силовыми линиями общественных отношений. И только это *тождество всеобщего и единичного делает его личностью*, делает способным осуществлять и преобразовывать сами эти общественные отношения. Тем самым самого себя. Без социально-исторического идиотизма различных методик самосовершенствования. И тому подобного.

Отличить мысль от предмета – задача далеко не легкая. И не потому только, что предмет всегда дан в форме сознания, а потому, что мышление как всеобщая идеальная форма деятельности внутри предметного мира *должна быть обособлена* и представлена в некоторой относительно самостоятельной форме *вне самого сознания*: с мышлением надо, образно говоря, столкнуться вне самого мышления.

Иначе говоря, мышление должно быть дано, более того, задано как проблема в объективном контексте самого бытия. Еще иначе: в бытии, в деятельности человека должна быть обнаружена форма всеобщности и обнаружена не только как момент самого бытия, но как *объективная опора* субъекта в познании предмета и в практическом деле с этим предметом, т. е. как *средство*. И творчески-преобразовательная деятельность с этим

средством должна выступить как необходимый и как предварительный момент деятельности практической.

Начало теоретического движения в предмете всегда связано с началом вообще. Мысль только тогда является сознательной и понимающей, когда она удерживает в себе противоречие особенного и всеобщего, предметного и логического. Именно это противоречие не позволяет ей выродиться в чисто формальный процесс. Подобно тому, как есть необходимость выведения принципа, начала предмета, существует и проблема выведения, а значит, и обоснования любого определения этого принципа в предметном содержании, и это обоснование содержит в себе противоречие *начала как такового*.

Предметное начало требует анализа его предпосылок и условий. Начало же вообще – это анализ *перехода* как такового, безотносительно к конкретному бытию исчезающих и становящихся определений в предмете, это выяснение всеобщих условий и формы перехода вещи в вещь. В *логическом* отношении с противоречий этого перехода и надо начинать. Потому что именно в этом переходе содержится та точка, которая представляет собой и фактическое, и логическое начало. Потому и мыслить предмет надо только с его *объективного* начала, и отсюда, из его начала следует выводить все его необходимые определения, иначе знание не будет истинным, иначе вещь не будет понята.

Путь этого выведения необходимых определений любой предметности и дает логика как наука. Как наука, научающая последовательности мышления в его преобразовательно-творческой работе до и в контексте реальной деятельности субъекта.

УДК 101.1

ЛОГИКА ИДЕАЛЬНОГО: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КОНТЕКСТ**LOGIC OF IDEAL: SOCIOCULTURAL CONTEXT****С.В. Резванов****S.V. Rezvanov**

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don state technical university, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia

E-mail: rezvanov.sergey2015@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется феномен рефлексии, который скрывает реальные причины появления и решения философских вопросов. Автор анализирует метаморфозы политического и идеологического фетишизма, которые отражаются как философские догмы. Эти догмы выступают как «кривые зеркала», в которых мир предстает как «стоящий на голове». Автор специфицирует пять таких догм-парадигм, представляющих в официальной идеологии СССР в 50-е годы XX века «философские приоритеты», декларирующие «ценности», являющиеся объективными иллюзиями, отождествляющими «фундаментальность – догматизм», «конкретность – примитивность» и т. д. В статье исследуется творчество Э. Ильенкова.

Resume. The article studies the phenomenon of reflection, which hides the real reasons for the appearance and solution of philosophical questions. The author analyzes the metamorphoses of political and ideological fetishism, which are reflected as philosophical dogmas. These dogmas act as "crooked mirrors," in which the world appears as "standing on the head." The author specifies five such dogma paradigms that represent "philosophical priorities" in the official ideology of the USSR of the 1950s, which declare "values" that are objective illusions that identify "fundamentalism-dogmatism", "concreteness-primitiveness", etc. The article examines the work of E. Ilyenkov.

Ключевые слова: диалектика, логика, генезис, понятие, рефлексия, ревизионизм, идеализм, материализм, парадигма, эмпиристское мировоззрение.

Key words: Dialectics, logic, genesis, concept, reflection, revisionism, idealism, materialism, paradigm, empiricist worldview.

Вопреки эмпиристскому мировоззрению, априори полагающему, что развитие есть эволюционный хаос, каждая наука, в том числе и логика, имеет циклы своего развития. И это обусловлено цикличностью развития самого общества, феноменом которого является наука. Эти очевидные моменты очевидны лишь обще-абстрактно. Как только мы начинаем исследовать конкретные проблемы, так сразу возникает существенное недопонимание, прежде всего, по главным вопросам. Это обусловлено тем, что производные социальные образования, каковым, в частности, является и логика, сложно (т. е. так же конкретно) «отдалены» от глобальной очевидности «круговорота событий» в мире, прежде всего – в обществе. Поэтому факт производности «круговорота» в логике от «круговорота» в обществе приходится доказывать, а не провозглашать. Одновременно невозможно абстрагироваться от формообразующего влияния социокультурных детерминант в отношении «чистой» логики, в т. ч. в отношении ее предиката «логический».

Два первых слова в названии статьи могут быть самостоятельно раскрыты в указанном выше аспекте. Однако вместе они образуют субстанцию, одной из модификаций которой является мышление. Без понимания его генезиса невозможно «говорить о том, о чем мы **ХОТИМ** говорить». Очень часто бывает так, что малейшие инверсии в акцентуации субъективной методологии приводят к путанице в понимании предмета исследования. Например, революция в естествознании (физике) в конце XIX – начале XX века как кардинальное изменение логики познания – это одно, а понимание этой новой логики – другое! Или еще проще (абстрактнее): физика (логика физики) – это одно, а логика физика – принципиально другое.

Безусловно, в конечном счете, специфика этих детерминант является единой в (глобально-бесконечной) субстанции, где общее и единичное, конкретное и абстрактное, истина и заблуждение... выступают как гармония. Но эта гармония является и должна быть признана универсальной, а не локальной. В противном случае диалектические противоположности приобретает незрелый, «разомкнутый» характер. И такое нередко бывает. Без понимания детерминант этой «разомкнутой» специфики невозможно так же правильно поставить вопросы, в частности те, которые вынесены в заголовок настоящей статьи. В еще большей степени – невозможно искать ответы на данные вопросы. Бывает так, что публично и эксплицитно-критически обсуждается идеальное, логика, диалектика, абстрактное и конкретное, а приватно и имплицитно неприятие вызывает «неправильная постановка» вопросов, иные подходы к творчеству и вообще «чужое мировоззрение». Они представляют угрозу то ли для «пролетарского» марксизма, то ли для тех, кто смотрит на мир «его глазами».

Каждый новый цикл развития логики обнажает базисные основы ее развития. Они вытекают из некоторых предпосылок, которые реально и идеально предшествуют логическим инновациям. Естественно, они влияют на саму логику, но не интериоризируются в ее структуре, представляя собой фетиши-кулисы, скрывающие измененный (инновационный) предмет логики в чистом виде. По отношению к статусу логики *de facto* это трудно различимо, но это видно в исторической ретроспективе логики *de genese*.

Мы имеем в виду здесь метаморфозы, произошедшие в 50-х годах XX века при возникновении новой логической парадигмы в трактовке ряда категорий, особенно идеального, абстрактного и конкретного. Это отчетливо видно на примере дискуссии о конкретности и абстрактности мышления и вообще о логике (диалектике) абстрактного и конкретного, раскрытой на страницах изданной в этом году книги: «Эвальд Ильенков от абстрактного к конкретному. Крутой маршрут 1950–1960». Москва. 2017. На страницах этой книги, включая предисловия и послесловия, показано, как множество фактов *status quo* конфигурируются, точнее, фетишизируются в социодетерминантную тенденцию «размыкания» (или разрывания) диалектики и логики. Выделим ряд парадигм этого феномена, не претендуя более чем на абрис.

Идеологическая парадигма

Первое, что бросается в глаза – идеологическая ангажированность представителей «догматической» логики идеального (абстрактного и конкретного и т. д.). Она отражает специфическую для того времени идейную, скорее, политическую и даже морально-психологическую тенденцию редукции духовного к обыденно-материальному. Догматизм, обусловленный экстремальным положением СССР, отражающийся в мобилизационном мировоззрении, автоматически предполагал, что всякое новое есть «ревизионистское» старое. Иными словами, из уст «ортодоксов» звучало, что всякое новое есть разрушение старого, что равно разрушению завоеваний социализма. Политика, эстетика, мораль и даже обыденная («практическая») психология были законсервированы в моделях жизнедеятельности коммуниста послевоенного десятилетия. Отступление от этих моделей, утверждавшихся как новая абсолютная идея, представляло действительную угрозу для консервативного социальной культуры и мировоззрения, проделавших вековую эволюцию.

К 40–50-м годам XX века логика (диалектика) из метода исследования превратилась в зловещий абстрактный символ борьбы с инакомыслящими и даже в символ репрессий с трагическим концом. В категорию тех, кому она внушала ужас, попадала не только мировая буржуазия, что официально декларировалось, но и любой человек, который мог оказаться заподозренным в отклонении от «генеральной линии партии». Из диалектики было элиминировано все конкретно-историческое содержание и научный смысл. Она потеряла универсальный статус, ее сущность была сведена к сумме отдельных явлений («революционных примеров»). Диалектика была превращена, в лучшем, «безопасном» случае, в пустопорожнюю болтовню. От логики (диалектики) как теории фактически ничего не осталось кроме суммы эмпирических приемов, в ходе реализации которых целостность безжалостно разрывалась на «удобные» фрагменты, иллюстрирующие «революционную целесообразность» в духе примитивного популизма. Определить, сколько в ней было

марксизма (коммунизма) невозможно даже с помощью аптечных весов. Этот популизм с неизбежной для него софистикой и эклектикой адекватно воплотился в знаменитом «Кратком курсе ВКП (б)». Как справедливо отметил Э.В. Ильенков, диалектика была распята на четырех чертах. Парадоксально, но факт следующее: логика, изуродованная в начале XX века пролетарской люмпен-интеллигенцией, «учившей диалектику не по Гегелю», привела к тому, что в категорию попутчиков и пособников буржуазной идеологии были неожиданно зачислены (например, по К.С. Минину) не только классики буржуазной философии, но и сами... основоположники марксизма-ленинизма.

Как видим, никакого теоретического интереса у идеологов пролетарского социализма к логике (диалектике) даже и быть не могло. Она превратилась в политический механицизм, или механизм, позволявший «идеологам» выживать и двигаться по карьерной лестнице. В основе такого выживания был заимствованный из арсенала «старого мира» банальный принцип: «Уничтожь конкурента!» [8, 143–147]. В полной мере это проявилось и в эпоху 50–60-х годов XX века. Убедительно и лаконично об этом сказано В.А. Лекторским, который обнажил теоретическую дилемму и одновременно социальную альтернативу «революции в нашей философии» по мнению одних и «идеологического скандала» по мнению других [5, 5].

Представленный в этой книге криминальный сериал о разоблачении вольно-невольного пособника мирового ревизионизма Э. Ильенкова достоин экранизации. Если убрать поверхностно нелепые и откровенно смехотворные обвинения в его адрес, то основной уничижительный пафос «стражей социализма» состоял в том, что «этот Ильенков» поддался на буржуазную «удочку» какого-то особого (читай: излишне дотошного, т. е., по сути, глубокого) прочтения Маркса. Последнее обстоятельство никак не укладывалось в прокрустово ложе примитивного или «комфортного» материализма обывателей, каковыми являлись идеологические стражи пролетарского коммунизма. Правда, о своем обывательско-мировоззренческом мещанстве эти идеологи не догадывались, подобно тому, как Журден не догадывался, что всю жизнь говорил прозой. Точнее, они об этом и слышать не желали.

Я не рассматриваю специфический нюанс их мировоззрения: сознательное и бессознательное в борьбе с реальным социальным прогрессом под флагом защиты диатрибического марксизма. Это предмет другого исследования. Однако, пытаясь законсервировать догматизм, согласно которому революционность была отождествлена с нигилизмом и анархизмом по отношению к любым новациям (изначально и без разбора), сыграл «злую шутку». Революционность марксизма была отождествлена в их сознании и деятельности с устранением (оптимально – с физическим уничтожением) всех **тех, кто иначе, чем они**, понимали эту революционность и марксизм. Ну а диалектика, а диалектика... потом.

Информационно-библиографическая (инвентаризационная) парадигма

Методологией примитивного («разорванного») сознания и самого субъекта является эклектика-софистика. Это происходит потому, что такой субъект вырван из контекста всеобщей истории и даже из локальной истории, включая собственный генезис. Это – субъект-феномен, или субъект, *de facto*. Поэтому он видится себе в образе «Робинзона», который не в состоянии подняться в познании мира выше его созерцания. Отсюда следует, что мир-объект представлен ему в виде конгломерата дискретных «объективных» фрагментов – «вещей» (или предметов). Данный гносеологический эмпиризм (как радикальный, так и комплементарный) агенетичен. Он исходит из ограниченной гносеологии «здесь-сейчас». Он зависим от своих опытов-впечатлений, особенно от генетических, которые становятся для «субъекта» гештальтами, если не сказать комплексами. Образно говоря, они наслаиваются (или, лучше сказать, оборачиваются вокруг него). Далее, они становятся мировоззрением, т. е. системой установок, как креативного (конструктивного), так и запретного (деструктивного) типа.

В автореф. к дисс. Э. Ильенков так характеризует «логику» эмпиризма: «Пока предмет понимается как механический агрегат неизменных элементов, то, естественно, совершенно безразлично, с какой именно стороны начинается теоретическое исследование и в каком порядке мысль будет переходить от одной стороны к другой. Если же пред-

мет понимается как «органическая система», как единое целое, развивающееся от простого к сложному, это далеко не безразлично» (Цит. по: 7, 119).

Поэтому «готовое-зрелое», в данном случае изданное произведение есть истина, а «подготовительное-неготовое» (рукописи) – ложное (содержащее заблуждение). Более поздние работы – в нашем случае классиков марксизма-ленинизма – выражают истину полнее и глубже, а ранние – односторонне и поверхностно. Поэтому обращение к подготовительным работам, например, Маркса, и даже к его ранним работам – пустое и даже опасное занятие. Ведь в ранних работах Маркс исходил из Гегеля (в работах «зрелого» периода Энгельс описал: «как мы исходили из Гегеля и как мы с ним разорвали»). По той же логике (лучше сказать: анти-логике) эмпиризма в некоторых работах классиков марксизма остались «родимые пятна» идеализма, гегельянства. А вдруг молодой или недостаточно идейно «подкованный» исследователь возьмет, да и оступится в ренегатство, ревизионизм, «меньшевистствующий» идеализм. Далее, логика эмпиризма иллюзорно трактует статус, в том числе так называемых зрелых работ Маркса. Например, «Капитал» – это сложное произведение. Его хоть радикально, хоть эмпирически не возьмешь ни «на нюх», ни «на зуб».

Поэтому чтобы «Капитал» Маркса «правильно понять», следует ориентироваться на более поздние работы самого Маркса и Энгельса, где доступнее («конкретнее»?) изложены «диалектические хитросплетения мысли» с расчетом на среднестатистического человека (чуть было не сказал: «на троечника-двоечника среднестатистической школы» или института красной профессуры). Это, например, «Анти-Дюринг» Энгельса и т. д., который был интерпретирован Лениным (что еще проще), наконец, Сталиным (что еще проще-доступнее) и подробно прокомментирован в учебниках подлинных «революционеров-ленинцев» (что совсем просто, значит, абсолютно надежно). «Что сверх того, то от лукавого!» На самом деле адаптация теории под примитивное мировоззрение середнячка, в том числе и «идеологических гвардейцев революции», шла как раз обратным путем, от учебников... к «Капиталу», до которого добивались в лучшем случае в виде «Предисловий», «Послесловий». Я воспроизвел здесь «внутреннюю», рефлексивную логику тех критиков Э. Ильенкова, которые вменяли ему вину крамольность убеждений и писаний.

Хорошую иллюстрацию подобного примитивизма дал А. Минасян – один из сподвижников Э. Ильенкова. Посланную им статью в журнал «Вопросы философии» о законе отрицания отрицания цензор раскритиковал «на корню». – «Доцент Минасян, – вопрошал он, – зачем Вам два отрицания? Это же тавтология!» (Кстати, компьютер и сейчас показывает эту тавтологию как «повторяющееся слово» и предлагает его удалить). И бедный доцент вынужден был выписывать из работ Энгельса и Ленина «отрицание отрицания» с указанием страниц и даже строчек, где этот закон упоминался, чтобы доказать: он – не ревизионист. У Э. Ильенкова также спрашивали, нет, должны были спросить: «Доцент Ильенков, зачем Вам рукописи Маркса, ведь есть готовый «Капитал», еще лучше – работы выдающихся идеологов партии, на основе которых написаны учебники по диамату-истмату?»

Вместо диалектики хотели видеть (далее приведены страницы по источнику): 1) (П. Федосеев) «популярную критику империализма и теплые слова в адрес социализма», «философа – бойца партии, воина на идеологическом фронте» (62, 68); 2) (Е. Модржинская) отстранения от гносеологии, т.е. (!) незабвенности принципа партийности, исключительной сосредоточенности на разоблачении буржуазной философии (67); 3) (Петрушевский) отлученности от «собственно философской» (гносеологической) проблематики (70); 4) (Бахитов) преодоление отрыва философии от партийно-политической практики, что было свойственно лидерам II Интернационала (71). В заключение П. Федосеев назидал: «Необходимо воспитывать в себе ненависть к врагам» (72).

Парадигма «военно-коммунистического» материализма как иммунитета от идеализма

Говорить сегодня о материализме и идеализме не безопасно, потому что... не гламурно. И это имеет свои детерминанты, базис которых – революционные события начала XX века. Обывательские (мелкобуржуазные), в частности, анархистские комплексы массового сознания позволяли видеть малограмотным революционным низам лишь «низы»

культуры. Таким «низом» портретного искусства ню, например, в шедеврах голландских мастеров, можно было усмотреть лишь «голых баб», а в натюрморте – кабацкий интерьер. Ненависть к своим бывшим угнетателям, державшим народ веками в нищете и темноте, отождествленная с деструкцией, многовековой мировой культурной истории (в том числе и отечественной), делала пролетариат грубо-недальновидным в вопросах культуры и была плохим подспорьем в созидательном плане. Даже на своих союзников, старо-интеллигентов (мелких буржуа), младоинтеллигенты-пролетарии смотрели как на врагов потому, что они (интеллигенты) – «другие». Мелкобуржуазная сущность «скрытно сидела» не только в крестьянах, которых в России в начале и даже в середине XX века было еще большинство, но и в каждом обывателе, т. е. «ино-мыслителе».

Буржуазный соблазн следовало искоренять по всей революционной территории, от экономики и политики до идеологии и науки. Коренной вопрос российской революции: «Ты за красных, или за белых?» интерпретировался в философии как вопрос «Ты за материализм или идеализм?». Поэтому идеализм следовало при возможности разоблачать с помощью бескомпромиссной критики, а при неэффективности таковой – искоренять «мечом и огнем». Позднее, к 50-м гг., идеализм, который подлежал искоренению, был заменен на более уважаемые термины: «ревизионизм», «буржуазная идеология», «отрыв теории от практики» и т. д. В конечном счете, к 70-м годам в карательных целях чаще использовались: «путаница», «туманность выражения», «гносеологизм», «кантианство-гегельянство», «сужение предмета философии до мышления». Некоторые аргументы сохраняют свою «критическую актуальность» в либеральной тоге и по сей день. Но в основе всего этого лежит простая житейская максима: «С нами или против нас!» Она бессознательно-догматически доминирует и сегодня в мировоззрении неофитов.

Маниакальное неприятие диалектики как логики основывалось на «фобии идеализма». Для примитивного (эмпирического) материализма идеализм непреодолим и непобедим. «...Самая сумасбродная из всех систем (система Беркли) оказалась самой трудной для опровержения», – писал Гольбах (1, 185). «Это – странная система...– вторил ему Дидро, – которую, к стыду человеческого ума и философии, труднее всего опровергнуть, хотя она и является самой абсурдной из всех систем» (2, 28). Поэтому простейший способ искоренить философский идеализм – пресечь исследование мышления (сознания), т. е. искоренить... философию. В этой связи ее нужно свести к тупому повторению азбучных истин марксизма, которые необходимы как пропедевтика, но не как теория.

Бездумное целодневное повторение псевдодиалектических заклинаний, хоть в виде «Четырех черт» диалектики по Сталину, хоть в виде «Трех законов и шести пар категорий» по Федосееву – Митину – Константинову и т. п. не только имело цель придать пролетарскому мировоззрению начала XX века абсолютный смысл. Идеологически это выражалось в длинной цепи «постмодернов»: «Ленинизм – марксизм XX века», «Сталинизм – марксизм нашей эпохи», далее следовали Хрущев с «его» коммунизмом к 1980 г., Брежнев с «его» развитым социализмом. Такого рода шаманские заклинания превращали философию одновременно и в приватную злую Нелепость, и в официальную Святыню.

Спорить с такого рода заклинаниями с позиций логики было и есть невозможно. Они не поддаются логике, ибо сами нелогичны или антилогичны. «Механисты» и «меньшевиствующие идеалисты», попавшие под нож истории, «гносеологи», «диалектики», прошедшие школу унижения, гражданской казни и т. д. и т. п. наивно пытались защищаться теоретически. Но их просто не слышали. Они были «виноваты уж тем», что на них была каинова печать – «Чужие»! Вся эта борьба с инакомыслием в массе своей основывалась на мещански-выверенном убеждении: «Хочешь не ошибаться – ничего не делай» и, добавим, ничего не давай делать другим! А то как бы чего не вышло!

Можно продолжить и сказать о сегодняшнем дне, когда секты «высокобровых» стараются создать атмосферу неприятия любых инноваций. Они с упорством, достойным лучшего применения, пересказывают, захлебываясь от восторга, догмы своих зарубежных кумиров, получая от них гранты и премии. При этом денно и нощно ими осуществляется бдительный досмотр за тем, чтобы ни одна запятая, точка или многоточие из «святых книг» кумиров ни на йоту не были искажены разными там «непосвященными». Сатира на «игру в

бисер» нобелевского лауреата Г. Гессе превратилась в реальную игру в бисер без всякой сатиры, разыгрываемую современными неофитами – философскими сектантами.

Парадигма консерватизма

Всякая идеология абстрагирована от реального фетиша, представляемого как некоторый «Золотой век». Например, либеральная демократия абсолютизирует вторую половину XX века с гегемонизмом США, скрывая его с улыбкой авгура на устах в заклинаниях «плюрализма демократий». Но если у каждого своя демократия, то восторжествует та, у которой больше... силы (выраженной в деньгах, технологиях, оружии...). Поэтому рыцарям либеральной демократии сегодня так же, как рыцарям пролетарской демократии вчера, подсознательно близко заключение Гегеля о том, что «истина нуждается для своего утверждения в силе». Золотой век пролетарской демократии был облачен в дресс-код штанов с лампасами, кожаной куртки и маузера в деревянной кобуре. Наличие указанных атрибутов было неопровержимым критерием истины «марксизма». Венцом такого марксизма было бесконечное догматическое повторение того, что в мире нет ничего, кроме материи.

Любое отступление от этой догмы означало априори измену марксизму – революции – истине. Любая попытка конкретизировать или продолжить развитие фундаментальных положений материализма встречала яростный отпор потому, что выходило за пределы «охранной» теории «красных профессоров», опиравшихся на практику охранной практики «ответственных органов». Культурная революция, неизбежно ограничившаяся общей грамотностью и минимальной популярной «картинкой» мира, вынуждено ограничивалась материализмом «от сохи». Он был враждебен всему, что не совпадало с ним, не признавая никаких компромиссов. Классовое чутье движущейся революционной материи превращалось в классовую бесчувственность неподвижно-болотного сознания. Самым «надежным» было бы признать сознание... материей.

Всякий разговор о специфике сознания, идеального, абстрактного и конкретного... был (мог быть!) чреват идеализмом – ревизионизмом – ренегатством. Очень жаль, что вымарать идеальное и его феномены вообще было нельзя, но следовало следить, чтобы они строго-правильно понимались. Ну а строго правильное понимание, мы уже говорили, содержится в философских прописях и букварях. Идеальное пролетарское государство под напором реальных фактов теряло свой блеск. Русский революционный проект тускнел под влиянием внутренней дисгармонии, активно стимулированной западным «ангажементом» в широком смысле слова.

Парадигма популизма

Требование популизма – увидеть сущность, понять возможность дистантно от действительности (низвести действительность до конгломерата «умерщвленных» эпизодов-фрагментов, артефактов) и т. д. Популизм есть основа догматизма. Но, господа мыслители-интеллигенты, вам невдомек, что не все рождаются в лоне абсолютного духа. Не всех окружают ученые и художественные книги, музыка Моцарта, Вагнера, Чайковского. Не всем прививают изысканные манеры. Иными словами, не всем простые «истины» даны с «молоком матери». Не все, переживши молочный период, теряют и фермент лактозу, позволяющую грудным детям усваивать пресное молоко.

Критика догматизма, которая началась с «хрущевской оттепели», имела генетический изъян. Иными словами, она была агенетичной. Появившееся поколение «детей и внуков интеллигентов» не заметило, что сотни книг на полках домашней библиотеки (как и сухой французский бисквит-бриош вместе с фруктовой водой в будуарном буфете принцесс), – удел далеко не всех людей, в данном случае, россиян, особенно интеллигентов «в первом поколении». Кто-то снимал томик Спинозы с полки домашней библиотеки, а кто-то бежал в вузовскую или городскую библиотеку и записывался в очередь, ожидая заветную книгу возможно долгое время. А кто-то...

Поэтому, когда мы говорим о том, что «философия преодолевает догматизм», то это такая же рефлексия, как и сам догматизм, а не реальность «an sich und fur sich». Это та же log-

ica post factum, логика, «начинающая со второй половины». Не-догматическое знание и такая же логика возникает как метод познания или установка на отношение к миру только в творческой «среде» (лучше: культуре). В ней диалектика выступает как практика созидания, поиска оптимальных решений различных проблем. В таком виде диалектика выступает как культура в ее строгом смысле, как преобразованная натура (природа или данность). Любое знание в такой ситуации превращается в движение в тенденции превращения непознанного в познанное. Диалектика выступает в данном случае как преодоление объективного агностицизма, инертности, законсервированности внешних проблем-предметов, в том числе и консервированно-данного знания.

Иными словами, диалектика познания (исследования, творчества...) начинается тогда, когда у субъекта уже сложилось пусть первоначальное, но творческое мировоззрение (Мы исходим здесь из концепции В.А. Лекторского). В противном случае субъект настроен не на творческое восприятие внешней информации, а ее консервативную интериоризацию. У него доминирует прагматичное мировоззрение, и информация нужна ему, чтобы поднять статус в «житейском кругу», сдать экзамен-зачет, выступить с докладом или речью на каком-либо форуме, прочитать нотацию подчиненным, воспитанникам или хотя бы собственным детям...

Поэтому, когда мы говорим о догматизме 50-х годов XX века в России, мы должны понимать, что система догм, от имени которой выступали «защитники» социализма, превращалась в их мировоззрение в результате индивидуально-напряженной деятельности, кумуляции «основ» революционного учения, в т. ч. «основ диалектики». Догматические критики реальных диалектиков (Ильенкова, Коровикова и др.) выстрадали «свой» марксизм. Его «кривое зеркало» (точнее, кривое зеркало их страданий, даже в каком-то смысле творческих мук) стало их персональной истиной на все времена, революционной индульгенцией, оправдывающей борьбу в **любых ее видах** с «отступниками». Примитивная зеркальная картинка диалектики, ограниченная деревянной рамой зеркала их рассудка, не позволяла им видеть более того, чем это было предписано даже не столько трюизмами «Великого вождя» в очерке «О диалектическом и историческом материализме», сколько еще более примитивными интерпретациями академиков контр-ревизионистской бдительности, в «гениальных» учебниках по философии. Бойцы и командиры идеологического фронта действовали в тех пределах, которые были им социокультурно (или социобескультурно) доступны.

В «Желтом доме» А. Зиновьева есть интересный пассаж об одном философелюбителе. Он доказывал в своем опусе, что диалектика возникла тысячелетия назад вместе с Россией. Она была известна русскому народу еще со времен Ивана Грозного, а то и ранее, о чем свидетельствует народный фольклор. Например, пословица: «Девкой меньше – бабой больше» доказывала закон неуничтожимости материи и перехода ее из одной формы в другую. Один – Зиновьев называет его «психом» – принес в ИФ АН СССР свой «гениальный труд», который попал на отзыв к Зиновьеву. И тот уговорил этого «психа» назвать опус так: «Элементы диалектики в русском народном творчестве» и сдать на обсуждение в сектор истории русской философии в качестве кандидатской диссертации. Более того, Зиновьев предложил свою «помощь» в редактировании (читай: до-написании, или на-писании): «Я писал с наслаждением, воображая, какой гомерический хохот будет стоять в Желтом доме и его окрестностях, когда диссертация Психа будет предана гласности... Но я был позорно посрамлен... на защиту Психа выпустили вне всякой очереди... Защита прошла с блеском..., появилась его книга, за ней другая... Потом он приехал на Всесоюзное совещание заведующих кафедрами общественных наук...».

А. Зиновьеву следовало бы продолжить. На примере даже одной пословицы можно проиллюстрировать все законы и категории диалектики (что нравится формальным логикам), впрочем, и законы... формальной логики (что нравится диалектикам). Единичным примером можно проиллюстрировать вообще все, что угодно. Он ничего не объясняет, т. к. сам нуждается в объяснении, которое и есть шпаргалка («мостик для ослов» – Eselsbrücke) при переходе от общего к особенному и единичному и т. д. Поэтому приведенная «простонавренная» пословица может быть вполне удобной иллюстрацией и качества-количества, и формы-содержания, и даже... закона исключенного третьего... Правда, при этом «профессора-например» не добираются до того очевидного факта, что общий тезис и его частные примеры так и остаются сами по себе, лучше сказать, спиной друг к другу.

Читатель вправе задать вопрос, как же в этой кошмарной обстановке могла существовать и развиваться творческая мысль? Более того, как же в 60-е годы появилось такое количество теоретических работ, которые составляют золотой фонд мировой философии, чему нет аналогов в мировой истории? Генерация неофитов, начиная с 80-х, возможно будет удивлена тем, что восторженный импорт новомодных западных прозрений, хотя бы отчасти, имеет отечественную этиологию. Сама идея всемирного единства философского знания, идея возможности и необходимости творческого сотрудничества с западными коллегами («открытости общества») также генетически заложена в этот период (7, 8). Откровением для неофитов явится идея тождества истины и заблуждения: «Заблуждение не есть абстрактно-метафизический полюс истины, а есть ее диалектическая противоположность, в известных условиях в нее переходящая и из нее возникающая» (3).

Подлинным феноменом является алмазная россыпь работ советских гуманитариев, особенно философов, 50–60-х гг., простое перечисление названий и авторов которых заняло бы десятки, если не сотни страниц. Говорить об этом конкретно – предмет «многоотного» разговора. Эти работы до сих пор «в идеале» должны быть настольными книгами всякого сознательного мыслителя. Последующие поколения, в т. ч. и автор настоящей статьи, должны быть благодарны этим своим учителям, проявившим гражданский и интеллектуальный подвиг, поднявшим отечественное обществознание на качественно более высокую ступень. Надеюсь, что и сами эти наши учителя, как живые, так и ушедшие от нас, могут быть удовлетворены тем, что их имена вписаны в Великую Книгу мировой культуры.

Список литературы References

1. Гольбах П. Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1. М., 1963.
Holbach P. Selected works in 2 volumes. T. 1. M., 1963.
2. Дидро Д. Избранные сочинения в 2-х томах, т. 1. М. - Л., 1926.
Diderot D. Selected works in 2 volumes, vol. 1. M. - L., 1926.
3. Заблуждение // Философская энциклопедия. Т. 2. М. 1962.
Misconception // Philosophical Encyclopedia. T. 2. M. 1962.
4. Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. М. 2017.
Ilyenkov E. From the abstract to the concrete. A steep route. 1950–1960. M. 2017.
5. Лекторский Владислав. Вместо введения Воспоминания и размышления// Предисл. к кн.: «Эвальд Ильенков от абстрактного к конкретному...»
Lectorsky Vladislav. Instead of introducing Memories and Reflections // Preface. To the book: "Evald Ilyenkov from the abstract to the concrete"
6. Майданский А.Д. Диалектическая логика Э.В. Ильенкова и западный марксизм//Наследие Э.В. Ильенкова и диалектическая традиция в российской философии. Ростов-на-Дону. 2014. С. 12–43.
Majdansky A.D. Dialectical logic E.V. Ilyenkov and Western Marxism // Heritage E.V. Ilyenkov and the dialectical tradition in Russian philosophy. Rostov-on-Don. 2014. P. 12–43.
7. Раскин И. Времена не выбирают // Ильенков Э. От абстрактного к конкретному. Крутой маршрут. 1950–1960. 2017.
Ruskin I. The times are not chosen // Ilyenkov E. From the abstract to the concrete. A steep route. 1950–1960. 2017.
8. Резванов С.В. Философия социальной культуры: природа иллюзорного сознания. Москва – Ростов-на-Дону. 2011.
Rezvanov S.V. Philosophy of social culture: the nature of illusory consciousness. Moscow – Rostov-on-Don. 2011.
9. Римский В.П., Г.Г. Шпет и Э.В. Ильенков: хождение по марксистскому кругу, или Диалектическое дежавю русской философии//Философия Э.В. Ильенкова и современность. Белгород. 2016. С. 154–159.
Rimsky V.P., G.G. Shpet and E.V. Ilyenkov: Walking in the Marxist Circle, or Dialectical Deja vu of Russian Philosophy // Philosophy E.V. Ilyenkov and modernity. Belgorod. 2016. P. 154–159.

СОЦИОЛОГИЯ И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

SOCIOLOGY AND SOCIAL TECHNOLOGIES

УДК 314:908

ПРИЧИНЫ И ПОСЛЕДСТВИЯ «ЭТНИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ» 1930-Х ГГ. НА БЕЛГОРОДЧИНЕ (ЧАСТЬ II)¹

CAUSES AND CONSEQUENCES OF "ETHNIC REVOLUTION" 1930'S IN BELGOROD REGION (PART II)

В.В. Бубликов
V.V. Bublikov

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bublikov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье исследуется малоизученная проблема причин и последствий радикального изменения численности и соотношения русского и украинского населения на территории Белгородчины в 1930-е гг. Автором показано, что более чем трехвековой период совместного освоения и проживания русских и украинцев, сохранявших, несмотря на тесное хозяйственное взаимодействие, основные черты отдельных этнических групп, был прерван голодом 1932–34 гг., который стал основной причиной и катализатором многократного сокращения числа украинцев на территории Белгородчины. В работе впервые публикуются и анализируются результаты переписей населения 1926 и 1939 гг. по малым административно-территориальным единицам того времени (волостям и районам), свидетельствующие о разном уровне этно-демографических потерь районов Белгородчины вследствие голода 1932–34 гг. Проанализированные автором статистические данные и архивные свидетельства показывают вынужденный, «политический» характер «перехода» примерно 400 тыс. украинцев Белгородского региона в состав «русских» (в официальных документах и при переписях) в результате как общественно-политических последствий голода 1932–34 гг., так и коренного изменения национальной политики в СССР в первой половине 1930-х гг.

Resume. The article raises the problem investigated the causes and consequences of the radical changes in the number and ratio of Russian and Ukrainian population in the Belgorod region in the 1930s. The author shows that the three-century period of joint development and living Russians and Ukrainians, persists despite the close economic cooperation the main features of the individual ethnic groups, was interrupted by famine 1932–34 yy., which has become a major cause for multiple reduce numbers of Ukrainians in Belgorod region. In the article for the first time published and analyzed the results of census 1926 and 1939 on small administrative-territorial units of that time (counties and districts), showing different levels of ethno-demographic losses Belgorod regions, as a result of the famine 1932–34 yy. The author analyzed the statistics and archival evidence shows forced the "political" nature of the "transition" of about 400 thousand Ukrainians of Belgorod region in the "Russians" (in official documents and census), as a result of a social and political consequences of the famine years 1932–34, and a radical change in the national policy of the Soviet Union in the first half of the 1930s.

Ключевые слова: этнический состав, русские, украинцы, Слобожанщина, Белгородская область, Центральное Черноземье, Голодомор, голод 1932–34 гг.

Keywords: ethnic composition, Russians, Ukrainians, Sloboda region, Belgorod region, Central Black Earth region, Holodomor, famine of 1932–34 yy.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ и Правительством Белгородской области научного проекта № 17-13-31601.

Среди российских этнографов и историков пока нет консенсуса относительно причин «этнической революции» 1930-х гг. в РСФСР. Некоторые считают многократное сокращение числа украинцев «естественным процессом ассимиляции». Так, например, Л.Н. Чижикова указывает: «Изменения в определении национальной принадлежности лиц украинского происхождения ... были обусловлены совокупностью сложных причин. Огромную роль играли факторы совместного длительного проживания и общность исторических судеб и социально-экономического развития. Проведение ленинской национальной политики, индустриализация, коллективизация сельского хозяйства, социалистическое строительство, рост образования и культурного уровня сельских жителей, усиление урбанизации и связанной с ней подвижности населения, увеличение дисперсности в расселении – эти и многие другие факторы способствовали созданию экономического и культурного единства всего населения» [Чижикова, 1988, С. 50].

Другие ученые, как например В.М. Кабузан, считают «сомнительным, чтобы более чем трехмиллионное украинское население, компактно проживающее на обширной территории, могло изменить свое этническое самосознание естественным путем за столь непродолжительный период времени» [Кабузан, 2006, С. 336]. Впрочем, и выводы Л.Н. Чижиковой относительно причин деукраинизации региона также неоднозначны – «важными факторами изменения национального самосознания у лиц украинского происхождения являются принятый в школе русский язык обучения, а также язык местного делопроизводства, радиовещания, телепередач и др.» [Чижикова, 1988, С. 52]. Учитывая директивный, принудительный характер перевода официальной сферы в украинских районах Центрально-Черноземной области (ЦЧО) в 1933 г. на русский язык, нам представляется неправомерным считать это фактором «естественной ассимиляции».

До 1930-х гг. ассимиляционные процессы в регионе протекали очень медленно и имели двунаправленный характер – в поселениях и районах с преобладающим русским населением постепенно ассимилировались украинцы, а в районах с доминирующим украинским населением – русские². Естественная ассимиляция как явление предполагает два обязательных условия: во-первых, значительное численное преобладание одной этнической группы над другой, а во-вторых, длительность протекания этого процесса, когда одна малая группа постепенно «растворяется» (посредством смешанных браков) в составе другой.

В исследуемом регионе обе указанные предпосылки для процесса естественной ассимиляции отсутствовали. Большинство территорий и поселений к 1930-м гг. сохраняло свой исторический этнокультурный облик, русское и украинское население находилось в почти равном соотношении, а самое главное – ни о какой постепенности в изменении национального состава не было и речи, четырехкратное сокращение числа украинцев произошло за одно десятилетие.

Проиллюстрируем высказанный тезис примером трансформации этнического состава населения Краснояружской волости/района³, граничащей с Сумской областью Украины, т. е. составлявшей с ней единый этнический массив в 1920–30 гг. В 1926 г. в Краснояружской волости проживало 30,1 тыс. украинцев (88,2%) и 3,9 тыс. русских (11,5%) [Всесоюзная перепись, 1928, С. 75]. К 1939 г. численность основных групп меняется практически с точностью до наоборот: 36,0 тыс. – русские (96,2%) и 1,3 тыс. – украинцы (3,4%) [РГАЭ РФ]. Как 11,5% русских, находясь в украинской языковой среде, за 13 лет смогли неким «естественным образом» ассимилировать 88% украинцев, проживавших к тому времени на этой территории не менее трех столетий? Такие цифры свидетельствуют о чисто политических факторах, заставивших местное украинское население «записаться» русскими.

Что же стало социально-политическими факторами, приведшими к смене официальной национальной идентичности половиной украинского населения Белгородского региона или примерно каждым четвертым ее жителем?

² Так, например, в 1926 г. в некоторых волостях число лиц с родным русским языком превышало количество этнических русских, а в других, напротив, количество людей, указавших родным украинский язык, превышало число украинцев.

³ Территория Краснояружской волости в 1926 г. была несколько меньше территории одноименного района в 1939 г., однако на общей этнической динамике эти небольшие несовпадения не могли отразиться.

Основными причинами многократного сокращения численности украинского населения и последующей ассимиляции его остатков стала цепь взаимосвязанных и взаимообусловленных событий первой половины 1930-х гг.: голод 1932–34 гг. и срочный перевод всех украиноязычных образовательных учреждений, прессы, делопроизводства и т. п. на русский язык с 1 января 1933 г.

Ответственность за голод 1932–34 гг. и его масштабы полностью лежала на советском руководстве: рост хлебозаготовительных планов в конце 1920 – начале 1930-х гг. рано или поздно должен был закончиться массовым голодом. Так, например, К.С. Дроздов приводит следующие цифры роста заготовок зерновых культур по ЦЧО: в 1928 г. – 682 тыс. т., в 1929 г. – 1821 тыс. т., в 1930 г. – 2000 тыс. т., в 1931 г. – 2459 тыс. т. [Дроздов, 2011, С. 297], т. е. масштаб заготовки хлеба всего за три года вырос в 3,6 раза, и это при снижении урожайности, вследствие коллективизации и раскулачивания. Кроме того, «обязательные хлебозаготовки, которые в 1932 г. приняли характер насильственных реквизиций» [Там же, С. 309] на кризисный 1932 г. были распределены по районам ЦЧО поразному. «Если в 75 из 103 северных и центральных «русских» районах планы хлебозаготовок в 1932 г. были уменьшены, то в 27 из 52 южных «украинских» районах эти планы были значительно увеличены по сравнению с предыдущим годом. В такой ситуации катастрофа, подобная голодомору на Украине, становится неизбежной и здесь» [Там же].

Особую абсурдность самому факту голода в южных (украинских) районах ЦЧО придавало и то, что с давних пор эти районы считались наиболее богатыми и зажиточными в регионе. Так, еще в середине XIX в., характеризуя Воронежскую губернию, статистики отмечали: *«северные уезды беднее южных, что и отражается в быте жителей»* [Военно-статистическое... Воронежская губерния, 1850. С. 34]. Схожая характеристика дается и почти через столетие, в 1927 г.: *«украинское население в экономическом отношении не является отсталым, наоборот, сравнение основных экономических факторов русских и украинских районов дает благоприятное положение для украинцев»* [Цит. по: Дроздов, 2011, С. 289]. Таким образом, население края с давних пор не знавшее столь массового проявления голода, к тому же в мирное время, было застигнуто масштабами голода 1932–34 гг. практически врасплох.

Поскольку проблематика голода 1932–34 гг. в советский период находилась под фактическим запретом для исследователей [См.: Кондрашин, Тюрина, 2009], а в постсоветское время таких исследований в России было немного, то неудивительно, что количественные оценки последствий голода для населения региона варьируются в значительных пределах. Минимальная из содержащихся в научных изданиях оценок числа прямых утрат от голода приводится в работе П.В. Загоровского, который оценил эти потери для ЦЧО числом в 241 тыс. человек [Загоровский, 1995, С. 88]. Учитывая, что от голода «наиболее сильно в Центрально-Черноземной области пострадали именно бывшие районы полной и частичной украинизации, где преобладало украинское население» [Дроздов, 2010, С. 26], т. е. территории современной Белгородской области и южные районы Воронежской области, то исходя из оценки Загоровского, можно с высокой вероятностью оценить прямые потери населения Белгородской области в не менее чем 100 тыс. человек.

Вместе с этим, оценка потерь П.В. Загоровского, по всей видимости, существенно занижена. При записи причин смерти в голодные 1932–34 гг. врачи часто не указывали настоящую причину – истощение вследствие голода. Так, например, в спецсообщении Секретно-политического отдела ОГПУ из Борисовского района (ныне – Белгородская область) от 1 апреля 1933 г. отмечается: *«Отдельные целиком вымершие семьи лежат замерзшими в своих хатах по несколько дней, со стороны сельсоветов мер к их похоронам не принималось. Местные врачи случаи (смерти) от голода скрывают, выдавая о причинах смерти фиктивные справки. Врач райбольницы по этому вопросу заявлял: «Мы не пишем справок о голодной смерти из-за боязни того, что нас, врачей, могут обвинить в каком-либо вредительстве»* [Трагедия советской деревни, 2001, С. 661].

Реальная демографическая статистика в тот период времени находилась под грифом «секретно» и стала доступна историкам и демографам только в постсоветское время. Так по данным Центрального управления народно-хозяйственного учета (ЦУНХУ) Госплана СССР естественная убыль населения (т. е. без учета возможного миграционного оттока) в период с 1 января 1933 по середину 1934 г. в Центральном Черноземье составила

1179,8 тыс. человек (с 12165,3 тыс. до 10985,5 тыс. человек) [рассчитано по: Голод в СССР, 2013, С. 641–644]. Вместе с этим сокращение численности населения ЦЧО на 1,2 млн. человек в 1933–34 гг. произошло за счет действия двух факторов: роста смертности и сокращения рождаемости. Оба этих фактора являются последствиями голода, однако сокращение числа рожденных не может включаться в статистику по числу напрямую погибших (умерших) от голода. Именно поэтому в масштабах всего Черноземья, исходя из данных статистики ЦУНХУ Госплана СССР, общее число погибших вследствие голода 1932–34 гг. скорее всего, составляет около 900–1000 тыс. человек и еще 200–300 тыс. – не рожденные из-за тяжелых условий жизни, роста числа аборт, смертей матери с плодом и т. д. Таким образом, оценка П.В. Загоровского для ЦЧО в сравнении с засекреченными данными статистики ЦУНХУ Госплана СССР занижена примерно в четыре раза.

Еще одним способом оценки числа потерь от голода 1932–34 гг. является сопоставление результатов переписей населения 1926 и 1939 гг., согласно которым на территории современной Белгородской области проживало 1621 тыс. и 1447 тыс. человек соответственно, т. е. сокращение за тринадцатилетний межпереписной период составило 174 тыс. человек. Однако необходимо также учитывать, что во второй половине 1920-х гг. и в 1930-е гг. благодаря высокому уровню рождаемости продолжался естественный прирост населения (разумеется, за исключением периода 1932–34 гг.). Поэтому оценка потерь в 174 тыс. также, безусловно, является заниженной.

Более масштабные цифры демографических потерь Белгородчины приводит в своих работах Н.В. Чугунова. Согласно ее данным, за 1930–1939 гг. численность жителей региона сократилась с 1,8 до 1,4 млн. человек, т. е. примерно на 400 тыс. [Чугунова, 2011, С. 33]. Разумеется, в эту оценку нужно внести поправку на миграцию жителей региона за его пределы, потери вследствие репрессий в процессе коллективизации и в период 1937–38 гг. Однако демографические потери в результате репрессий и миграции населения не идут ни в какое сравнение с последствиями голода 1932–34 гг. Демографические потери Белгородчины в 1930-е гг. – это, прежде всего, потери от голода 1932–34 гг.

Наконец, на некоторых официальных ресурсах встречаются и более масштабные оценки потерь от голода и репрессий. Так, например, на сайте Управления образования Белгородского района в разделе «Наш край – освоение Белгородской области» приводятся следующие сведения: «своего максимума численность населения Белгородчины (1850 тыс. человек) достигла в 1930 г. В дальнейшем коллективизация и голод привели к огромным потерям населения, которые составили около 500 тыс. человек» [Управление образования администрации Белгородского района]. Однако, на наш взгляд, эта оценка может быть справедлива, только если она характеризует не только прямые, но и косвенные демографические потери, т. е. учет не только людей, непосредственно умерших от голода, но и оценку числа не рожденных у них детей, а также последствия репрессий 1930-х гг.

Таким образом, диапазон оценок прямых потерь населения, проживавшего на территории современной Белгородской области в 1932–34 гг., очень широк: от 100 до 500 тыс. человек. Вместе с этим, основываясь, прежде всего, на данных демографической статистики и переписей населения, наиболее вероятной нам представляется оценка прямых потерь числом 300–350 тыс. человек. Эта оценка выглядит более обоснованной и в сравнении с потерями соседнего украинского региона, Харьковской области, где масштабы голода были, безусловно, большими, как в смысле интенсивности голода, так и размеров региона. По результатам масштабного историко-демографического исследования, базирующегося на сравнении численности реальных поколений по данным переписей населения 1926, 1937 и 1939 гг., эксперты Института демографии и социальных исследований им. М.В. Птухи НАН Украины пришли к выводу, что прямые потери от голода 1932–34 гг. в Харьковской области⁴ составили 1038 тыс. человек [Левчук, 2013]. Опираясь на данные потерь в соседних регионах Украины, можно констатировать, что оценка прямых потерь в 400–500 тыс. человек для территории Белгородской области является, скорее всего, завышенной.

⁴ В тот период в состав Харьковской области также частично входили и территории современных Полтавской и Сумской областей.

Еще менее исследованной проблемой остается вопрос масштабов потерь от голода 1932–34 гг. двумя основными народами северной Слобожанщины – русскими и украинцами. Прямые статистические сведения тех времен, в силу уже обозначенной недостаточной достоверности статистики причин смертности населения того периода, не могут ответить на вопрос, в какой мере пострадали два основных этноса региона. Однако косвенные сведения о различной интенсивности голода в «русских» и «украинских» районах содержатся в материалах двух переписей населения 1926 и 1939 гг.

Ввиду кардинального пересмотра административно-территориального устройства в Центральном Черноземье в период между переписями населения 1926 и 1939 гг. сопоставлять данные о численности и национальном составе населения волостей (по данным 1926 г.) и районов (по данным 1939 г.) по большинству этих административных единиц практически невозможно. Помимо общего сокращения числа административно-территориальных единиц, границы районов очень часто были проведены «посередине» волостей. Вместе с этим границы некоторых волостей/районов практически совпали, что дает возможность сопоставить сведения о численности населения и его этническом составе и оценить масштабы голода 1932–34 гг. в разных частях Белгородчины. Так, например, территории Ровеньской и Шаталовской волостей практически полностью совпадают с границами одноименных районов, в которых была проведена перепись населения 1939 г. Сравнение масштабов потерь населения и их этнического распределения по этим двум районам представляет особый исследовательский интерес, поскольку обе волости до голода 1932–34 гг. были моноэтническими: в Ровеньской волости 95% жителей составляли украинцы, а в Шаталовской – 95% русские. Кроме того, эти волости близки по размеру и численности населения (в 1926 г. 42,9 тыс. и 47,2 тыс. человек, соответственно) – таблица 1.

Таблица 1
Table 1

Национальный состав Ровеньской и Шаталовской волостей (районов) Воронежской губернии (области) по данным переписей населения 1926 г. и 1939 г.

[рассчитано по: Всесоюзная перепись, 1928; РГАЭ РФ]

Ethnic composition Rovensky and Shatalovskoy counties (districts) of the Voronezh province (region) according to the census in 1926 and 1939 yy.

Волость / район	Перепись 1926 г.				Перепись 1939 г.			
	Русские	Украинцы	Прочие	Всего	Русские	Украинцы	Прочие	Всего
Ровеньская(ой)	1722	40652	535	42909	4 340	28 004	319	32663
Шаталовская(ий)	44975	2 254	6	47235	46 658	183	187	47028

Итак, за межпереписной период 1926–1939 гг. общая численность населения Шаталовской волости/района, находящейся на севере современной Белгородской области, мало затронутой голодом, сократилась всего на 0,4%: с 47,2 до 47,0 тыс. человек. При этом небольшое украинское этническое меньшинство сократилось в двенадцать раз: с 2,3 до 0,2 тыс. человек, а численность русских, напротив, возросла с 45,0 до 46,7 тыс. человек.

Потери населения в Ровеньской волости/районе в межпереписной период 1926–1939 гг. были гораздо масштабнее – 24% или 10,2 тыс. человек. Для сравнения, количество погибших жителей этой волости в Первой мировой и Гражданской войнах составило «всего» 1,0 тыс. человек [Тарадин, 1926, С. 66]. Динамика численности разных этносов в Ровеньском районе была диаметрально противоположной: численность украинцев сократилась с 40,7 до 28,0 тыс. человек (–31%), русских – возросла с 1,7 до 4,3 тыс. человек (+152%) – таблица 1.

Таким образом, можно констатировать, что масштабы распространения голода 1932–34 гг. на территории Белгородской области были разными: северные, преимущественно русские по национальному составу районы, пострадали незначительно, в то время как в южных, украинских, депопуляция составила около ¼ к уровню 1926 г. Как указывает В.В. Кондрашин: в ЦЧО «в 1933 г. в наибольшей степени пострадали от голода пшеничные районы, пшеничный клин, где традиционно жили украинцы» [Кондрашин, 2014, С. 193]. Данный вывод подтверждается и сохранившимися сведениями о масштабах и последствиях голода, приходивших «с мест» в правительственные и партийные органы. В секретном сообщении ОГПУ от 8 июня 1933 г. (пик голода): «Наиболее острые продза-

труднения продолжают испытывать районы южной части области, в том числе районы, граничащие с Украиной – Уразовский, Борисовский, Валуйский, Н.-Оскольский, Ровенский и другие» [Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД, 2005, С. 426].

Голод имел такие масштабы, что массовым стало употребление в пищу не только суррогатов (трав, корней деревьев, собак и кошек и т. п.), но и привел к многочисленным случаям каннибализма, информация о которых поступала, прежде всего, из южных, преимущественно украинских по этническому составу районов – Борисовского, Грайворонского, Великомихайловского, Ровенского и др. Так, например, органы ОГПУ регулярно докладывали в своих сводках областным партийным руководителям: «В Борисовском районе население испытывает большие продзатруднения. Особенное напряжение с продовольствием в Борисовском сельсовете. За время зимы и весны 1933 г. лишь по одному селу Борисовке умерло от голода более 1000 человек... Колхозники покидают села и уезжают в города. Так, бригадир колхоза Борисовского сельсовета Ложак уехал с женой, оставив 5 человек детей, запертых в хате» или «В хуторе Вишиново, Лознянского сельсовета, Ровенского района беднячка-колхозница Солодовникова Анастасия Яковлевна из 4 умерших у нее детей 3 сварила и съела» [Сабов, 2006, С. 9].

Весной 1933 г. в Борисовском районе «от голода опухло громадное количество людей, массовым явлением стали нищие, особенно дети. Среди последних смертность доходила до 70–90 человек в день» [Дроздов, 2011, С. 318]. Однако и районные, и областные, и тем более общесоюзные власти не только не спешили помочь своему населению, но и зачастую не скрывали своего злорадства: «В нашей слободе бывает мертвых ежедневно от 3 до 6 человек... Умерших от голода даже не стали хоронить на кладбищах... Власти на такую обстановку смотрят с едкой усмешкой, стараясь показать, вот, мол, что мы можем сделать», писали в письме Сталину жители украинской слободы Рыбинские Буды Обоянского района (ныне юго-запад Курской области) [Загоровский, 1998, С. 45].

Таким образом, учитывая внутрорегиональную географию голода, из общего числа прямых потерь населения Белгородчины от голода 1932–34 гг., оцениваемых нами в 300–350 тыс. человек, не менее 2/3 составили этнические украинцы (т.е. 200–250 тыс.) – рис. 1.

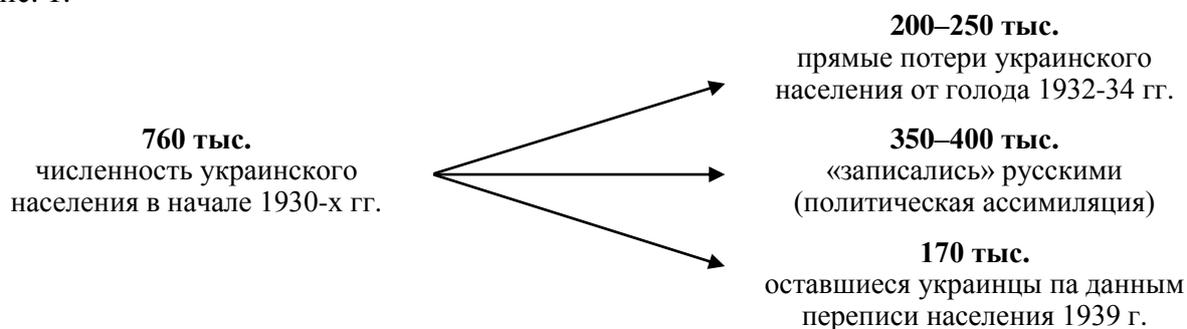

Рис. 1. Оценка причин и объемов сокращения численности украинского населения Белгородчины в 1930-е гг.

Fig. 1. Assessment of the causes and the volume reduction in the number of Ukrainian population in the Belgorod region in 1930s.

Однако еще большее число украинцев Белгородчины – почти 400 тыс. человек – изменило свою «официальную» национальную идентичность (т. е. в документах и при переписях населения) к 1939 г. Последствия голода, прошедшего, прежде всего, по населенным украинцами зажиточным районам юга Центрального Черноземья, в совокупности с переводом всех созданных за предыдущее десятилетие украиноязычных школ, газет, органов управления на русский язык, а также использование версии об «украинском национализме» НКВД во время большого террора во второй половине 1930-х гг., вся эта цепь взаимосвязанных событий сформировала у местного украинского населения представления о «нецелесообразности» официально декларировать свою принадлежность к украинскому народу. Как справедливо констатирует К.С. Дроздов, «Сталин в кризисной ситуации 1932 г. попытался окончательно

«разрешить» на Украине и в украинизированных районах РСФСР оба вопроса разом: крестьянский и национальный» [Дроздов, 2011, С. 333].

К 1939 г. от 683 тыс. украинцев, зафиксированных переписью 1926 г. (или 760 тыс. – по оценке на начало 1930-х гг.), осталось всего 170 тыс. Из 31 района территории современной Белгородской области русские стали преобладать в 29 районах (таблица 2). Преимущественно украинскими остались лишь Ровенский (украинцы – 85,7%) и Ладомировский (73,8%) районы на востоке Белгородчины. По всей видимости, сохранение районов с населением у которых преобладала украинская идентичность именно в этой части северной Слобожанщины было обусловлено тем, что на территории бывшего Острогожского полка доля украинцев исторически была максимальной во всем исследуемом регионе. До сих пор в языке, традициях, материальной культуре населения на юго-востоке Белгородской области заметно сильное украинское влияние несмотря на то, что большинство украинского по происхождению населения уже официально идентифицирует себя русскими.

Таблица 2

Table 2

Национальный состав административно-территориальных единиц (районов и городов) Воронежской и Курской областей по данным переписи населения 1939 г., территории которых в настоящее время находятся в составе Белгородской области [РГАЭ РФ]
Ethnic composition the administrative-territorial units (districts and cities), Voronezh and Kursk regions according to the census of 1939 y., the territory of which are now a part of the Belgorod region

Административно-территориальная единица	РУССКИЕ		УКРАИНЦЫ		ПРОЧИЕ		ВСЕГО чел.
	чел.	%	чел.	%	чел.	%	
Всего на территории современной Белгородской области	1 270 339	87,78	169 695	11,73	7 113	0,49	1 447 147
Районы, входившие в Воронежскую область							
Алексеевский р-н	60 166	96,53	1 890	3,03	270	0,43	62 326
Буденновский р-н	56 271	96,56	1 816	3,12	191	0,33	58 278
Вейделевский р-н	18 611	60,47	11 944	38,81	221	0,72	30 776
Ладомировский р-н	5 013	25,78	14 344	73,77	87	0,45	19 444
Никитовский р-н	37 445	97,72	725	1,89	150	0,39	38 320
Ровенский р-н	4 340	13,29	28 004	85,74	319	0,98	32 663
Уколовский р-н	36 599	98,73	315	0,85	156	0,42	37 070
Шаталовский р-н	46 658	99,21	183	0,39	187	0,40	47 028
Районы, входившие в Курскую область							
г. Белгород	30 416	88,52	2 839	8,26	1 104	3,21	34 359
Белгородский р-н	46 332	96,42	1 517	3,16	204	0,42	48 053
Беленихинский р-н	21 673	99,00	153	0,70	67	0,31	21 893
Боброво-Дворский р-н	39 752	99,25	191	0,48	109	0,27	40 052
Больше-Троицкий р-н	26 123	59,85	17 394	39,85	130	0,30	43 647
Борисовский р-н	29 309	60,05	19 291	39,53	207	0,42	48 807
Валуйский р-н	54 790	95,64	2 094	3,66	406	0,71	57 290
Велико-Михайловский р-н	20 531	62,98	11 962	36,69	108	0,33	32 601
Волоконовский р-н	54 219	96,78	1 648	2,94	154	0,27	56 021
Грайворонский р-н	33 735	67,80	15 721	31,60	297	0,60	49 753
Ивнянский р-н	36 556	98,57	370	1,00	162	0,44	37 088
Корочанский р-н	65 387	92,65	4 969	7,04	216	0,31	70 572
Краснояржужский р-н	36 003	96,24	1 274	3,41	131	0,35	37 408
Микояновский р-н	34 925	97,56	758	2,12	115	0,32	35 798
Ново-Оскольский р-н	46 969	88,50	5 918	11,15	187	0,35	53 074
Прохоровский р-н	39 841	93,15	2 790	6,52	141	0,33	42 772
Ракитянский р-н	52 998	96,27	1 790	3,25	263	0,48	55 051
Саженьский р-н	29 776	93,48	1 971	6,19	106	0,33	31 853
Скороднянский р-н	45 618	98,76	438	0,95	136	0,29	46 192
Старо-Оскольский р-н	81 392	97,86	1 141	1,37	638	0,77	83 171
Томаровский р-н	40 443	97,71	852	2,06	97	0,23	41 392
Уразовский р-н	26 912	68,65	12 154	31,01	133	0,34	39 199
Чернянский р-н	46 945	98,02	823	1,72	124	0,26	47 892
Шебекинский р-н	64 591	95,97	2 416	3,59	297	0,44	67 304

Позднее, уже во времена активной урбанизации Белгородской области в 1960–70-е гг., автохтонное украинское население Белгородчины, переселяясь в крупные города, стало чуждаться своего языка и даже акцента, а любые попытки заявить о праве на образование на родном языке воспринимались властями как проявление «чуждого социалистическому обществу буржуазного национализма». Как считает К.С. Дроздов, «Отказ от политики украинизации положил начало переходу от национально ориентированной политики коренизации к унитарной централизаторской политике денационализации, в основу которой была положена идеология советского патриотизма и великодержавности» [Дроздов, 2010, С. 15].

По данным последней переписи населения Российской Федерации 2010 г., из 42 тыс. украинцев, проживающих в Белгородской области (2,8% всего населения), лишь 4 тыс. являются уроженцами региона (0,2% жителей) [рассчитано по: Федеральная служба государственной статистики РФ]. Таким образом, за восемь десятилетий коренное украинское население северной Слобожанщины сократилось с примерно 760 до 4 тыс. человек, или почти в двести раз!

Вместе с этим «официальная», политическая ассимиляция украинцев российской части Слобожанщины не является полноценной или «окончательной». Так, исследования А.А. Гриценко конца 2000-х годов показали, что присутствие украинской культуры у местного населения «почти на порядок превосходит долю лиц украинской национальности по переписям населения» [Гриценко, 2010, С. 15]. По нашим наблюдениям, большинство старожильческого населения Белгородской области, имея, как правило, полиэтническое, смешанное русско-украинское происхождение, во многом ассоциирует национальную (этническую) принадлежность со страной проживания, т. е. отождествляет гражданскую и этническую идентичность по принципу «раз мы живем в России, то лучше записаться русскими». При этом «элементы украинской культуры продолжают органично входить в региональную идентичность жителей граничащих с Украиной территорий» [Гриценко, Крылов, 2012, С. 135]. Более того, недавние исследования (2012 г.) А.А. Гриценко и М.П. Крылова показывают, что на значительной части юга Белгородской области (равно как и в приграничных с Украиной районах Курской и Воронежской областей) русские и украинские этнокультурные компоненты в идентичности жителей до сих пор, несмотря на полное отсутствие инфраструктуры поддержания и развития украинской этнической идентичности (школ, СМИ и пр.), находятся в равном соотношении [Там же, С. 136].

Кроме того, у жителей российской части Слобожанщины присутствует и инструментальность этнического сознания, когда люди «выбирают» из своей полиэтнической родословной ту идентичность, которая представляется более комфортной или выгодной в текущих общественно-политических условиях, которые имеют свойство меняться. Так, например, еще несколько десятилетий назад быть евреем, немцем или поляком в Советском Союзе было не очень «престижно», в последние же годы успешность стран происхождения этих этносов сделала принадлежность к ним значительно более социально престижной, и теперь многие россияне «выскивают» у себя еврейские, немецкие или польские корни, причем не только для возможности репатриации в соответствующие страны, но и для выражения некоего более высокого социокультурного статуса [См.: Штейн, 2005]. Возможно, когда-нибудь аналогичные процессы развернутся и в северной Слобожанщине, на Кубани и в иных регионах, заселенных в значительной части жителями украинского происхождения.

Список литературы References

1. Военно-статистическое обозрение Российской империи. Том XIII. Часть 2. Воронежская губерния. СПб: Департамент генерального штаба, 1850. 264 с.
Voенno-statisticheskoe obozrenie Rossijskoj imperii. Tom XIII. Chast' 2. Voronezhskaja gubernija. Saint Petersburg: Departament general'nogo shtaba, 1850. 264 p. (in Russian).
2. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Том III. Центральное-черноземный район. Средне-волжский район. Нижне-волжский район. М.: Издание ЦСУ Союза ССР, 1928.
Vsesojuznaja perepis' naselenija 1926 goda. Tom III. Central'no-chernozemnyj rajon. Sredne-volzhskij rajon. Nizhne-volzhskij rajon. Moscow: Izdanie CSU Sojuza SSR, 1928. (in Russian).

3. Голод в СССР. 1929 – 1934. Т. 3: Лето 1933 – 1934. / Отв. составитель В.В. Кондрашин. – М.: МФД, 2013. 960 с.

Golod v SSSR. 1929 – 1934. T. 3: Leto 1933 – 1934. / Otv. sostavitel' V.V. Kondrashin. – Moscow: MFD, 2013. 960 p. (in Russian).

4. Гриценко А.А. Влияние политических и ландшафтных границ на региональную идентичность в российско-украинском порубежье: автореф. дисс. ... канд. географ. наук. М., 2010. 25 с.

Gricenko A.A. Vlijanie politicheskikh i landshaftnyh granic na regional'nuju identichnost' v rossijsko-ukrainskom porubezh'e: avtoref. diss. ... kand. geograf. nauk. Moscow, 2010. 25 p. (in Russian).

5. Гриценко А.А., Крылов М.П. Этнокультурный градиент: региональная идентичность и историческая память в соседних районах России и Украины // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 126-140.

Gricenko A.A., Krylov M.P. Jtnokul'turnyj gradient: regional'naja identichnost' i istoricheskaja pamjat' v sosednih rajonah Rossii i Ukrainy // Kul'turnaja i gumanitarnaja geografija. 2012. T. 1. № 2. P. 126–140. (in Russian).

6. Дроздов К.С. Государственное регулирование русско-украинских национальных отношений в Центральном Черноземье (1923–1933 гг.): автореф. дисс. ... канд. истор. наук. М., 2010. 30 с.

Drozdzov K.S. Gosudarstvennoe regulirovanie russko-ukrainskih nacional'nyh odnoszenij v Central'nom Chernozem'e (1923–1933 gg.): avtoref. diss. ... kand. istor. nauk. Moscow, 2010. 30 p. (in Russian).

7. Дроздов К.С. Голод 1933 года в южных украинизированных районах Центрально-Черноземной области РСФСР: спланированный Москвой этногеноцид украинского народа или закономерный итог сталинской политики? // Современная российско-украинская историография голода 1932–1933 гг. в СССР / науч. ред. В.В. Кондрашин. М.: РОССПЭН, 2011. С. 282–338.

Drozdzov K.S. Golod 1933 goda v juzhnyh ukrainizirovannyh rajonah Central'no-Chernozemnoj oblasti RSFSR: splanirovannyj Moskoj jtnogenocid ukrainskogo naroda ili zakonomernyj itog stalinskoj politiki? // Sovremennaja rossijsko-ukrainskaja istoriografija goloda 1932–1933 gg. v SSSR / nauch. red. V.V. Kondrashin. Moscow: ROSSPJeN, 2011. P. 282–338. (in Russian).

8. Загоровский П.В. Социально-политическая история Центрально-Черноземной области: 1928–1934. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1995. 152 с.

Zagorovskij P.V. Social'no-politicheskaja istorija Central'no-Chernozjomnoj oblasti: 1928–1934. Voronezh: Izd-vo VGU, 1995. 152 p. (in Russian).

9. Загоровский П.В. Социально-экономические последствия голода в Центральном Черноземье в первой половине 1930-х годов. Воронеж: Воронежский государственный педагогический университет, 1998. 132 с.

Zagorovskij P.V. Social'no-jekonomicheskie posledstvija goloda v Central'nom Chernozem'e v pervoj polovine 1930-h godov. Voronezh: Voronezhskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet, 1998. 132 p. (in Russian).

10. Кабузан В.М. Украинцы в мире: динамика численности и расселения. 20-е годы XVIII века – 1989 год. М.: Наука, 2006. 658 с.

Kabuzan V.M. Ukraincy v mire: dinamika chislennosti i rasselenija. 20-e gody XVIII veka – 1989 god. Moscow: Nauka, 2006. 658 p. (in Russian).

11. Кондрашин В.В. Голод 1932–1933 гг. – общая трагедия народов СССР: национально-региональный аспект // Советские нации и национальная политика в 1920 – 1950-е годы. Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: РОССПЭН, 2014. С. 187–201.

Kondrashin V.V. Golod 1932 – 1933 gg. – obshhaja tragedija narodov SSSR: nacional'no-regional'nyj aspekt // Sovetskie nacii i nacional'naja politika v 1920 – 1950-e gody. Materialy VI mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. Kiev, 10–12 oktjabrja 2013 g. – Moscow: ROSSPJeN, 2014. P. 187–201. (in Russian).

12. Кондрашин В.В., Тюрина Е.А. «Говорить о голоде считалось чуть ли не контрреволюцией» документы российских архивов о голоде 1932–1933 гг. в СССР // Отечественные архивы. 2009. № 2. С. 94–128.

Kondrashin V.V., Tjurina E.A. «Govorit' o golode schitalos' chut' li ne kontrevoljuciej» dokumenty rossijskih arhivov o golode 1932-1933 gg. v SSSR // Otechestvennye arhivy. 2009. № 2. P. 94–128. (in Russian).

13. Левчук Н.М. Районна диференціація втрат населення України унаслідок голоду в 1933 році // Голод в Україні у першій половині ХХ століття: причини та наслідки (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Матеріали Міжнародної наукової конференції. Київ, 20–21 листопада

2013 р. / Інститут демографії та соціальних досліджень імені М.В. Птухи НАН України; Інститут історії України НАН України; Київський національний університет імені Тараса Шевченка; Національний університет «Києво-Могилянська академія». Київ, 2013. С. 263–264.

Levchuk N.M. Rajonna dyferenciacija vtrat naselennja Ukrai'ny unaslidok golodu v 1933 roci // Golod v Ukrai'ni u pershij polovyni HH stolittja: prychny ta naslidky (1921–1923, 1932–1933, 1946–1947): Materialy Mizhnarodnoi' naukovoï konferencii'. Kyi'v, 20–21 lystopada 2013 r. / Instytut demografii' ta social'nyh doslidzhen' imeni M.V. Ptuhy NAN Ukrai'ny; Instytut istorii' Ukrai'ny NAN Ukrai'ny; Kyi'vs'kyj nacional'nyj universytet imeni Tarasa Shevchenka; Nacional'nyj universytet «Kyjevo-Mogyljans'ka akademija». Kyi'v, 2013. P. 263–264. (in Ukrainian).

14. Российский государственный архив экономики (РГАЭ РФ), фонд 1562, опись 336, Д.Д. 966–1001 («Национальный состав населения по СССР, республикам, областям, районам»), Д.Д. 256–427 (табл. 26 «Национальный состав населения районов, районных центров, городов и крупных сельских населенных пунктов»).

Rossijskij gosudarstvennyj arhiv jekonomiki (RGAE RF), fond 1562, opis' 336, D.D. 966–1001 («Nacional'nyj sostav naselenija po SSSR, respublikam, oblastjam, rajonom»), D.D. 256–427 (tabl. 26 «Nacional'nyj sostav naselenija rajonov, rajonnyh centrov, gorodov i krupnyh sel'skih naselennyh punktov») (in Russian).

15. Сабов А. Голодная правда // Российская газета. № 4240 от 6 декабря 2006 г. С. 9.

Sabov A. Golodnaja pravda // Rossijskaja gazeta. № 4240 ot 6 dekabrja 2006 g. P. 9. (in Russian).

16. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918-1939. Документы и материалы. В 4-х т. / Т. 3. 1930–1934 гг. Кн. 2. 1932–1934 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2005. 840 с.

Sovetskaja derevnja glazami VChK-OGPU-NKVD. 1918–1939. Dokumenty i materialy. V 4-h t. / T. 3. 1930–1934 gg. Kn. 2. 1932–1934 gg. / Pod red. A. Berelovicha, V. Danilova. Moscow: ROSSPJeN, 2005. 840 p. (in Russian).

17. Тарадин И. Воронежская деревня. Выпуск I. Слобода Ровеньки. Воронеж: Воронежское краевед. изд-во, 1926. 171 с.

Taradin I. Voronezhskaja derevnja. Vypusk I. Sloboda Roven'ki. Voronezh: Voronezhskoe kraeved. isd-vo, 1926. 171 p. (in Russian).

18. Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939: Документы и материалы. В 5-ти тт. / Т. 3. Конец 1930–1933 / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.: РОССПЭН, 2001. 1008 с.

Tragedija sovjetskoj derevni. Kollektivizacija i raskulachivanie. 1927–1939: Dokumenty i materialy. V 5-ti tt. / T. 3. Konec 1930-1933 / Pod red. V. Danilova, R. Manning, L. Violy. Moscow: ROSSPJeN, 2001. 1008 p. (in Russian).

19. Управление образования администрации Белгородского района Белгородской области: http://www.uobr.ru/content.php?p_id=10&mt=12.

Upravlenie obrazovanija administracii Belgorodskogo rajona Belgorodskoj oblasti: http://www.uobr.ru/content.php?p_id=10&mt=12. (in Russian).

20. Федеральная служба государственной статистики РФ, база микроданных Всероссийских переписей населения 2002 и 2010 гг.: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>.

Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki RF, baza mikrodannyh Vserossijskih perepisej naselenija 2002 i 2010 gg.: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>. (in Russian).

21. Чижикова Л.Н. Русско-украинское пограничье. М.: Наука, 1988. 256 с.

Chizhikova L.N. Russko-ukrainskoe pogranich'e. Moscow: Nauka, 1988. 256 p. (in Russian).

22. Чугунова Н.В. Социально-демографическое развитие Белгородской области изменяющейся России. М.: ГЕОС, 2011. 140 с.

Chugunova N.V. Social'no-demograficheskoe razvitie Belgorodskoj oblasti izmenjajushhejsja Rossii. Moscow: GEOS, 2011. 140 p. (in Russian).

23. Штейн Е.Э. Формирование этнической самоидентификации у потомков русско-еврейских браков в современной России: автореф. дисс. ... докт. истор. наук. М., 2005. 50 с.

Shtejn E.E. Formirovanie jetnicheskoi samoidentifikacii u potomkov russko-evrejskih brakov v sovremennoj Rossii: avtoref. diss. ... dokt. istor. nauk. Moscow, 2005. 50 p. (in Russian).

УДК 316.75

**КРАУДИНГ КАК ФАКТОР ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИФИКАЦИИ
СТУДЕНТОВ-ПЕРВОКУРСНИКОВ *****CROWDING AS A FACTOR OF URBAN IDENTIFICATION
OF FIRST-YEAR STUDENTS****А.Ю. Казакова****A.Y. Kazakova**Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского,
Россия, 248023, г. Калуга, ул. Степана Разина, 26

Tsiolkovsky Kaluga State University, 26 Razin St., Kaluga, 248023, Russia

E-mail: kazakova.a.u@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается краудинг как состояние, сопутствующее одному из видов жилищной депривации, связанной с дефицитом и низким качеством жилья. Опровергается версия внебиологической, чисто социальной природы краудинга. Юный возраст не избавляет от переживания краудинга, невзирая на отсутствие социального осуждения в связи с отсутствием «своего жилья» в зрелом возрасте; краудинг может наблюдаться и в условиях институционального жилья (общежитие), и в условиях отдельного жилья родительской семьи, и даже индивидуального жилищного фонда. Краудинг оказывает ограниченное влияние на идентификацию с городом на начальном этапе профессиональной социализации, способствуя разрушению эмоциональной привязанности к городу у его уроженцев.

Resume. In the article the krauding as a state accompanying one of types of the housing deprivation connected with deficiency and poor quality of housing is considered. Especially biological and purely social nature of krauding version is disproved. The early age doesn't relieve of krauding experience despite of lack of social condemnation due to the lack of own housing at mature age; the krauding can be observed also in the conditions of institutional housing (student hostel), and in conditions of separate housing of a parental family, and even of individual housing stock. The krauding exerts limited impact on identification with the city at the initial stage of professional socialization, promoting destruction of emotional attachment to the city at his natives.

Ключевые слова: жилищная депривация, краудинг, территориальность, городская идентификация.

Keywords: housing deprivation, krauding, territoriality, city identification.

Введение

Экологическая социология, психология жизненной среды давно изучают индивидуальные и социально обусловленные особенности пространственного восприятия, поведения в пространстве и стрессовых реакций человека на пространственную среду. Особого внимания заслуживают ситуации, при которых свою первоочередную функцию физической и психологической защиты от неблагоприятных факторов и вызовов внешней среды утрачивает или перестает полноценно выполнять жилище, организующее непосредственную жизненную среду человека. Дисфункцию жилища как источника риска, дискомфорта, вызванного экстремальными (стрессовыми) условиями и порождающего дезадаптацию, обуславливают в первую очередь социально-экономические условия.

«Эмпирически выявленная неудовлетворенность основных потребностей населения в обустройстве своего жилищного пространства, – сказано в работе Р.М. Хазиева, – становится источником социальной напряженности в обществе» [Хазиев Р.М., 2012]. Такая неудовлетворенность фиксируется исследователями в самых разных регионах страны, хотя уровни жилищной обеспеченности в них могут быть разными; для горожан важнее всего

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ и Правительства Калужской области, проект № 16-13-40002а(р) – Типы жилищной депривации населения Калужской области: уровни, источники, последствия.

дефицит площади, для сельчан – благоустройства. Таким образом, феномен жилищной депривации можно трактовать не только через объективную принадлежность к «жилищному классу» [Хазиев Р.М., 2012], но и через особенности человеческой территориальности. Именно в инвайронментальной психологии разграничиваются объективный физический показатель плотности и субъективно-оценочный показатель тесноты (краудинга).

Из предположения Дж.Б. Колхауна о наличии для каждого биологического вида максимума в 12 совместно проживающих особей, по превышении которого начинаются стресс и девиации [Ramsden E, Adams J., 2009, p.11-12], следует, что само устройство города содержит в себе потенциал больших нервно-психических перегрузок, повышенной напряженности и нервозности жителей [Микляева А. В., Румянцева П. В.]. А для «первичного пространства» в терминологии наиболее известного исследователя краудинг-эффекта Д. Стоколса [Stokols D., Rall M., Pinner B., Schopler J. 1973], т. е. пространства домашнего, где сосредоточен максимум маркеров интимности, собственности, и которое поэтому гарантирует индивиду чувство защищенности, стрессовый характер субъективной нехватки пространства и избытка людей находит подтверждение уже в современных исследованиях повседневной бытовой культуры коммунальных квартир [Утехин И.В., 2004; Герасимова Е., 1998; Герасимова К., Чуйкина С., 2000].

Сказывается ли краудинг и жилищная депривация в целом не только угнетенным психическим состоянием личности, но и изменениями в ее социальном поведении; обуславливают ли они массовые реакции общественного сознания и поведения; если «да», то какие именно и при каких условиях – эти вопросы имеют высокую научно-практическую значимость ввиду острого жилищного дефицита и низких потребительских качеств имеющегося у населения жилья.

Рассмотрев вопрос об удовлетворенности калужан качеством жилищных условий на основе данных проведенного нами в сентябре 2014 – марте 2015 г. исследования проблем развития городских и сельских территорий МО «Город Калуга»⁵, мы обратили внимание на ярко выраженную поляризацию оценок в зависимости от возраста респондента. Критерий однородности Дункана в рамках однофакторного дисперсионного анализа показал, что самые молодые и самые пожилые группы опрошенных могут быть выделены во внутренне однородные подмножества с надежностью 100%, тогда как в «срединных» группах разброс оценок слишком велик для того, чтоб считать их самостоятельными. Как видно из карты контроля качества на рисунке 1, юные респонденты оценивают свои жилищные условия так высоко, что эти значения выпадают за пределы контрольного диапазона, как и нетипично низкие оценки престарелых.

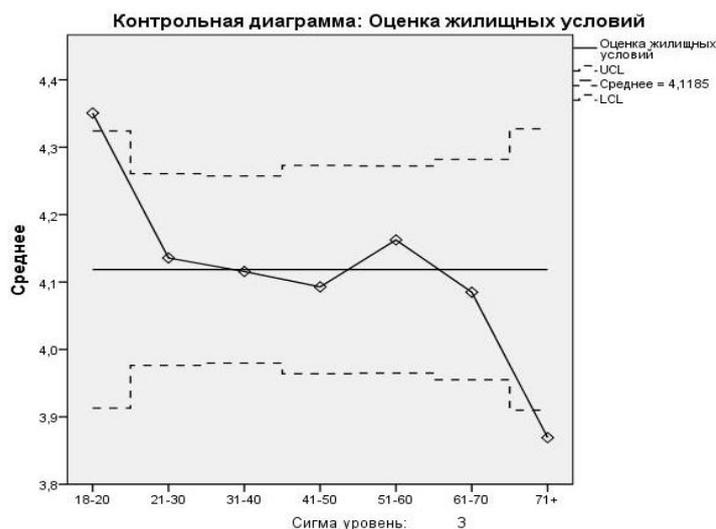

Рис. 1. Удовлетворенность жилищными условиями в среднем по возрастным группам

Fig. 1. Satisfactory living conditions on average by age group

⁵ Использовалась территориальная стратифицированная двухступенчатая выборка объемом 1536 человек, рассчитанная по доле населения микрорайонов и населенных пунктов МО «Город Калуга» в генеральной совокупности; контролировалось соблюдение половозрастных квот и присутствие в выборке всех типов жилья (индивидуальные и многоквартирные жилые дома, в том числе с коммунальными квартирами и общежития); сбор данных проведен методом личного маршрутного интервью рядом с жилыми домами, расположенными на улицах района, в случае утвердительного ответа на вопрос-фильтр о постоянном проживании пешехода в отобранном доме.

Сравнение парной и частных корреляций показало, что разброс оценок на 6–10% определяется именно возрастом (r Пирсона = -0.094 со значимостью 0.000 на уровне значимости 0.001), независимо от таких характеристик жилища, как его близость к центру (частная корреляция = -0.080 со значимостью 0.002), благоустроенность (частная корреляция = -0.063 со значимостью 0.014), отдельность (частная корреляция = -0.096 со значимостью 0.000), численность домохозяйства (частная корреляция = -0.081 со значимостью 0.002). Иными словами, при равенстве жилищных условий до 10% различий в их оценку привносит возраст, а точнее – связанные с ним состояние здоровья и надежда улучшить жилищные условия. Если исключить переменную состояния здоровья, связь с возрастом теряется (живя в коммунальной квартире, молодой человек выше ее оценивает, чем его родители, но только если он здоров); если исключить надежду улучшить жилищные условия, связь с возрастом усиливается до -0.115 со значимостью 0.000 (то есть и в семьях, которые планируют изменить жилищные условия, и в семьях, которые этого не планируют, имеющиеся жилищные условия лучше оцениваются младшим поколением).

Исходя из сказанного, можно предположить, что юному возрасту, за исключением ослабленных и больных, не свойственна жилищная депривация, а значит, она имеет исключительно внебиологическую, социальную природу (потребительский жилищный стандарт, качество жилья как символ жизненного успеха, социальное сравнение и т. д.). Такой вывод согласуется с данными исследований самореализации лиц зрелого возраста [Солодникова И.В., 2007], существенную часть которой составляет баланс сделанного и приобретенного. «Решение» жилищной проблемы в таком случае видится достаточно простым: снизить притязания, «о душе подумать», жить «в тесноте, да не в обиде».

Специально рассматривая возрастной аспект переживания краудинга, Е.А. Стерлигова и Д.И. Лунев подчеркивают его малоизученность и, исходя из общетеоретических достижений возрастной психологии, предполагают: «лица юношеского возраста имеют большую социальную активность и необходимость большего взаимодействия с городской средой, отсюда легче переживают большое скопление людей. Пожилые люди реже вступают во взаимодействие с окружающей средой по сравнению с молодежью и людьми среднего возраста» [Стерлигова Е.А., Лунев Д.И. С. 199]. Ссылаясь при этом на данные новосибирских исследователей О.С.Щемелина и О.Е.Ванина, согласно которым подавляющее большинство новосибирцев несвободно от негативных переживаний краудинга (лишь 9% испытуемых испытывают положительные эмоции по поводу количества людей на улицах города; 53% не испытывают отрицательных эмоций; при этом 38% испытуемых хотели бы уменьшить количество людей на улицах города» [Стерлигова Е.А., Лунев Д.И.С.199]), пермские авторы приводят таблицу, противоречащую исходной гипотезе. Она показывает, что с ростом возраста допустимое для человека расстояние между ним и окружающими падает, а максимальное количество людей в помещении, не вызывающее дискомфорта, соответственно, растет. Так же интерпретируют ее данные и авторы: «Юношеский возраст предъявляет более высокие требования в расстоянии для общения, а также к количеству человек, с которыми удобно общаться, не испытывая дискомфорта» [Стерлигова Е.А., Лунев Д.И., 2015, С.199]. Но здесь же, рассматривая результаты выборов лицами юношеского, среднего и пожилого возраста различных типов публичных городских пространств, авторы приходят к противоречивым выводам: «Молодые люди предпочитают места, относящиеся к природной, культурной и социальной среде, публичные территории и места массового скопления людей, так как актуальными потребностями данного возраста являются стремление к общению, потребность в эмоциях, желание быть в центре событий. /.../ Лица юношеского возраста в силу большей социальной активности и необходимости большего взаимодействия с городской средой в меньшей степени переживают краудинг по сравнению с лицами среднего и пожилого возрастов. У юношей чаще встречаются ассоциации, связанные с физическим и психологическим дискомфортом, а также выше оценка толпы как более тяжелой, пассивной, хаотичной и напряженной. Как выяснилось, молодые люди более негативно переживают краудинг, хотя у них имеется потребность в общении» [Стерлигова Е.А., Лунев Д.И., 2015, С.199–200].

Авторы никак не комментируют сочетание в одном абзаце двух противоположных выводов, хотя можно предположить, что краудинг как стресс скученности в замкнутом помещении и пребывание в толпе в публичных пространствах как стресс урбанизма не

являются одним и тем же эффектом и не должны, соответственно, проявлять согласованности. Возможно и разное соотношение в возрастных подгруппах мужчин и женщин, а повышенную чувствительность мужчин к скученности в малых помещениях (при отсутствии различий между полами в менее ограниченном пространстве) можно считать доказанной [Баум А.С.]. Но характеристик выборки, принципов группировки и анализа данных в статье нет. Таким образом, интересные данные остаются без объяснения, а вопрос о возрастной обусловленности краудинга – по-прежнему открытым.

В нашем собственном исследовании 2014 года выборка, выравниваясь пропорционально доле демографических групп в составе населения Калуги, не соответствовала условиям выявления специфических факторов их внутреннего членения с точки зрения воспринимаемого качества жилищных условий. Кроме того, она охватывала только калужан, постоянно проживающих (прописанных) на территории муниципального образования.

Поэтому основной задачей предпринятого нами в апреле 2016 г. тест-анкетирования, где в качестве испытуемых выступили студенты-первокурсники КГУ им. К.Э. Циолковского, являлось установление того, способны ли молодые люди испытывать краудинг; если «да», то вызывает ли его только институциональная, слабо персонифицируемая жилая среда общежития; сказывается ли краудинг на характере формирующейся территориальной идентичности, в частности, ориентации студента на город как будущее место жительства.

Тестирование проведено по сплошному принципу в реальных целевых (учебных) группах первокурсников трех разных факультетов, охватив 55 студентов и основываясь на трех комплексных шкалах: идентификации с городом, уровня «социальной загрязненности» городского микрорайона, интенсивности переживания краудинга [Микляева А.В., Румянцева П.В.].

Данные обрабатывались автоматически в программе IBM SPSS Statistics for Windows-20 с опорой на три основных метода – однофакторного дисперсионного, регрессионного и факторного анализа.

Внутренняя согласованность для пяти пунктов шкалы идентификации с городом очень высокая (α Кронбаха = 0.910, все наблюдения валидны); распределения значений всех переменных (идентификация с городом, степень социальной загрязненности района, интенсивность переживания краудинга), проверенные по одновыборочному критерию Колмогорова – Смирнова на уровне значимости 0.05, со значимостью 0.000 не соответствуют нормальному. Данные проверены на временную устойчивость: нас интересовало влияние накопленной усталости и, напротив, выездов за город, поэтому замеры проведены дважды, в конце и начале учебной недели. Как показывает проверка по критерию Краскала – Уоллиса, нулевая гипотеза об одинаковом характере распределений значений всех шкал принимается, то есть принципиального влияния на результаты в выборке в целом день недели не оказывает.

Результаты исследования

Процедура подгонки кривых (таб. 1) для переменных, характеризующих территориальность студентов, показала отчетливую связь лояльности к городу и выраженности эффекта краудинга с местом проживания (с тремя градациями: «Общежитие», «Квартира в многоквартирном доме», «Индивидуальный дом») при независимости от жилищных условий образа микрорайона.

Таблица 1

Table 1

**Сводка модели и оценки параметров (независимая переменная Место проживания)
Model summary and parameter estimates (independent variable is “Place of residence”)**

Зависимая переменная	Сводка для модели					Оценки параметров	
	R-квадрат	F	ст.св.1	ст.св.2	Знч.	Константа	b1
Итоговое принятие города	,737	148,465	1	53	,000	-,342	,361
Неблагоприятность района	,008	,451	1	53	,505	1,399	,043
Краудинг	,380	32,553	1	53	,000	10,075	-,402

Безусловно, студенты испытывают краудинг, и он действительно присущ, прежде всего, студентам, живущим в университетском общежитии. Кроме структурных значений территориальности важна их устойчивость (см. сравнение средних в таблице 2). Однофакторный дисперсионный анализ на основе критерия Дункана, равного 1, позволяет выделить каждую из трех групп в самостоятельное внутренне однородное подмножество. У студентов из общежития показатели краудинга в обоих замерах не только самые высокие, но и самые нестабильные, а устойчивые минимальные значения показали студенты, проживающие в домах индивидуальной застройки. У студентов, живущих в многоквартирном жилфонде города, средние значения укладываются в пределы контрольного диапазона в 3 σ , но показатели вариации почти такие же высокие, как и у студентов из общежития.

Таблица 2
Table 2

Сравнение средних для различных по условиям проживания студенческих групп агрегированных показателей территориальности
Comparison of aggregated indicators of territoriality means for student groups differentiated by living conditions

Место_проживания		Краудинг_mean 1	Неблагоприятность_района_mean_1	Итоговое_принятие_города_mean_1
Общежитие	Среднее	10,0526	1,3405	-,2979
	N	19	19	19
	Стд.Отклонение	,50206	,36332	,04972
Многоквартирный жилфонд	Среднее	9,7000	1,5158	-,0361
	N	30	30	30
	Стд.Отклонение	,20211	,26526	,15887
Индивидуальный жилфонд	Среднее	9,2000	1,3012	,5200
	N	6	6	6
	Стд.Отклонение	0,00000	0,00000	0,00000
Итого	Среднее	9,7673	1,4318	-,0659
	N	55	55	55
	Стд.Отклонение	,41579	,30089	,26824

Только у живущих в родительских квартирах студентов после выходных и только после выезда за город наблюдается (схема на рисунке 2) поляризация значений краудинга: низкие показатели снижаются, высокие усиливаются. Мы связываем это с контрастом при резкой смене пространственной среды, что соответствует модели интенсификации Дж. Фридмана [Freedman J.L., Perlick D., 1979], который доказывает неоднородность субъективных реакций на воспринимаемую физическую и социальную плотность окружающей среды в зависимости от сложившихся установок на общение или его избегание. Из рисунка видно, что возможным источником этого варьирования является такой признак, как «своя комната», социализационная значимость которой подчеркивалась С.Н. Щегловой [Щеглова (Майорова) С.Н., 2009]. Однако для достоверного вывода нам недостаточно данных: требуется либо увеличение выборки, чтобы обеспечить достаточное для статистического анализа количество вариантов сочетаний, либо дополнительные пояснения студентов, желательно с привлечением фотоматериала. С одной стороны, у студентов, лишенных своей комнаты, показатели краудинга не снижаются, но с другой стороны, говорят о наличии «своей комнаты» и те из студентов, у которых значения краудинга растут. Возможно, границы «автономии» не слишком строго соблюдаются родителями; возможно, «своя» комната становится таковой только в ночной период, удовлетворяя днем потребности всех членов семьи; возможно, в семье больше одного ребенка, и «своя» комната является фактически «детской». Если действительно основу дифференциации составляет не размер личного пространства, а нерушимость его границ и свобода персонификации, станет понятным и повышенный уровень краудинга студентов в общежитии независимо от размеров комнаты и количества живущих вместе соседей.

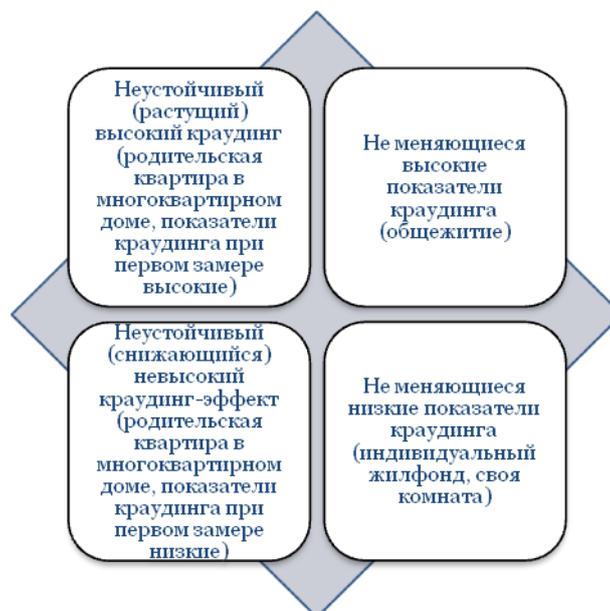

Рис. 2. Вариативность значений краудинга в зависимости от жилищных условий студентов

Fig. 2. The variation of the crowding values depending on students' housing conditions

В условиях многоквартирных домов формируется несколько большая, чем у жителей частного сектора и университетского общежития, выходящая за границы контрольного диапазона в 3σ чувствительность к «социальной загрязненности» микрорайона, хотя критерий Дункана в рамках однофакторного дисперсионного анализа не позволяет выделить по данному критерию самостоятельные внутренне однородные подгруппы. Размах вариации у студентов, живущих в родительских квартирах, по данному параметру максимален, что объясняется образом жизни. В силу меньшего давления краудинга студенты из частного сектора домоседы: никто из них не выезжал на выходные за город, несмотря на начавшийся сезон дач и шашлыков. «Челночные» маршруты передвижения студентов из общежития чрезвычайно сужены по сравнению с калужанами, независимо от характера жилищных условий последних, и носят высоко регламентированный и предсказуемый характер (привязаны к режиму общежития, недельному циклу, расписанию междугородних автобусов и т. д.). Маршруты жильцов квартир отличаются максимальной широтой, произвольностью, спонтанностью. Они лучше всех знают город и его инфраструктуру, и поэтому сравнительный фон для конструирования образа микрорайона у них намного шире.

Сказанное касается только коренных калужан. Некалужане, даже арендующие квартиру или дом, не склонны обращать внимание на «чужую» окружающую среду, что описывается уравнением линейной регрессии (1): Y (социальная загрязненность микрорайона) = $0.974 + 0.518 \cdot \text{близость места рождения} - 0.374 \cdot \text{жилищные условия}$ (1).

Высокое значение константы в данном случае указывает на важность объективного состояния самого микрорайона, поскольку функция автоматического моделирования регрессии как значимый предиктор (важность 0.17) выделила наименование микрорайона.

Неудивительно, что по шкале итогового принятия города испытуемые распределились в порядке, обратном выраженности краудинга: максимально идентифицируются с городом проживающие в индивидуальных домах, на карте контроля качества это проявляется в сильном выбросе за пределы верхней границы контрольного диапазона, размах вариации минимальный в выборке; средние баллы и размер вариации у студентов из общежития и многоквартирных домов укладываются в пределы контрольного диапазона, хотя у первых среднее значение оказывается на его нижней границе, поскольку это самое низкое значение в выборке.

Функция автоматического моделирования с точностью 59,6 % указывает, что важнейшими предикторами для переменной идентификации с городом являются: степень социальной загрязненности микрорайона (важность предиктора 0.68), место проживания (важность предиктора 0.17) и место рождения (важность предиктора 0.15).

Процедура подгонки кривых (таблица 3) показала, что для лояльности и к городу, и к микрорайону одинаковую важность имеет место рождения, тогда как для переживания краудинга оно незначимо.

Таблица 3
Table 1

**Сводка модели и оценки параметров (независимая переменная Место рождения)
Model summary and parameter estimates (independent variable is “Place of birth”)**

Зависимая переменная	Сводка для модели					Оценки параметров	
	R-квадрат	F	ст.св.1	ст.св.2	Знч.	Константа	b1
Итоговое_принятие_города	,079	4,481	1	52	,039	-,338	,196
Неблагоприятность_района	,083	4,817	1	53	,033	1,148	,196
Краудинг	,001	,041	1	53	,839	9,837	-,064

Как видим, место рождения в данной модели, в отличие от модели, показывающей влияние места жительства в таблице 1, почти не обладает различительной силой. Иными словами, переживание краудинга совершенно не подчинено локальному патриотизму уроженцев. Уравнение линейной регрессии (2), построенной методом исключения, показывает, что лояльность к Калуге зависит в первую очередь от благоприятных жилищных условий: Y (идентификация с городом) = $-0.345 + 0.377 * \text{жилищные условия}$ (2). Переменная места рождения исключена по критерию: вероятность F-исключения ≥ 0.100 .

Однофакторный дисперсионный анализ тоже говорит о том, что резко отличаются друг от друга в своем отношении к городу только его уроженцы и жители области, тогда как родившиеся за ее пределами могут быть объединены и с первыми, и со вторыми. Именно жители Калужской области, составляющие основную долю обитателей общежития, проявляют резкое неприятие Калуги (см. сравнение средних на рисунке 3). Те, кто родился в других регионах или странах СНГ, чаще, чем жители области, снимают жилье (живут в арендованном жилье 50% некалужан, а жителей Калужской области – только 13%). Наиболее вариативны оценки уроженцев города, среди которых, разумеется, нет проживающих в студенческом общежитии (хотя есть жильцы семейных общежитий).

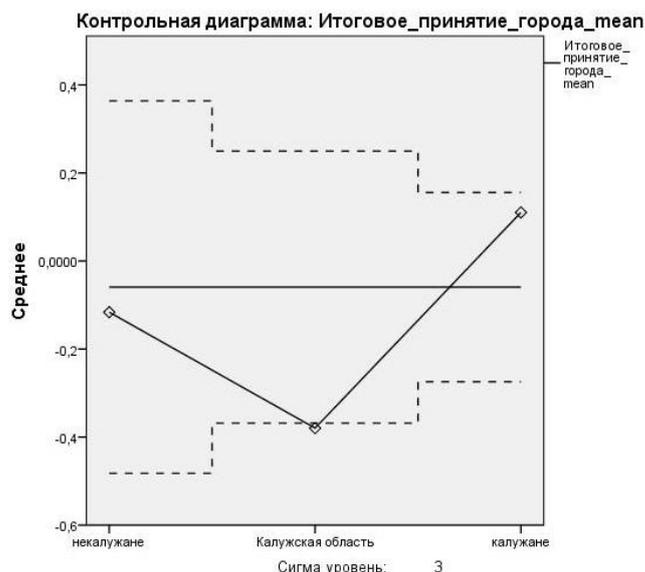

Рис. 3. Агрегированные средние шкалы идентификации с городом для групп по месту рождения
Fig. 3. The aggregated average of the scale of identification with the city for groups by place of birth

Сами показатели территориальности оказываются достаточно тесно связанными из-за того, что они формируются под действием одних и тех же факторов (условий проживания – идентификация с городом и краудинг как показатель качества первичного домашнего пространства; места рождения – идентификация с городом и благоприятность

образа микрорайона). Корреляционная матрица, представленная в таблице 4, демонстрирует, что восприятие пространства комплексно: чем меньше лояльность к городу, тем сильнее негативная составляющая образа района; чем меньше лояльность к городу, тем глубже переживается краудинг.

Таблица 4. Корреляции показателей территориальности (вся выборка)
Table 4. Correlations of indicators of territoriality (the whole sample)

		Итоговое_принятие_города_mean	Неблагоприятность_района_mean	Краудинг_mean
Итоговое_принятие_города_mean	Корреляция Пирсона	1	-,449**	-,341*
	Знч.(2-сторон)		,001	,012
	N	54	54	54
Неблагоприятность_района_mean	Корреляция Пирсона	-,449**	1	,162
	Знч.(2-сторон)	,001		,237
	N	54	55	55
Краудинг_mean	Корреляция Пирсона	-,341*	,162	1
	Знч.(2-сторон)	,012	,237	
	N	54	55	55
** . Корреляция значима на уровне 0.01 (2-сторон.).				
* . Корреляция значима на уровне 0.05 (2-сторон.).				

Поэтому, если рассматривать восприятие пространства в комплексе, становится ясным, что краудинг препятствует формированию территориальной идентичности только уроженцев города.

Для живущих в общежитии место рождения утрачивает различительную силу, и для них регрессионная модель принятия или неприятия города выглядит как величина, обратная степени негативизации образа микрорайона (бета-коэффициент -0.971 со значимостью 0.000) и растущая с увеличением краудинга (бета-коэффициент 0.319 со значимостью 0.045). Это неслучайно, потому что если разложить на компоненты итоговую шкалу принятия города, факторный анализ показывает, что основой идентификации являются шкала внешней ценности и – в меньшей степени – целеполагания. Иными словами, принятие города у иногородних основано на ценности повышения социального статуса, в качестве «платы» за которую выступает краудинг.

У проживающих в многоквартирных домах – также независимо от места рождения – лояльность к городу растет по мере снижения неблагоприятности образа района (бета-коэффициент -0.340 со значимостью 0.053) и интенсивности краудинга (бета-коэффициент -0.355 со значимостью 0.044). Для их идентификации с городом определяющие значение имеют sentimentальные мотивы (шкала восприятия близости и общей привязанности к городу).

А для проживающих в секторе индивидуальной жилой застройки все предикторы, кроме краудинга (бета-коэффициент -0.917 со значимостью 0.001), перестают играть какую-либо роль, а sentimentальная привязанность к городу выстраивается в единую временную перспективу: только у этой группы наблюдается тесная связь шкалы целеполагания и шкалы внешней ценности со шкалой связи с прошлым.

Снижение размерности методом симметричной нормализации интересующих нас переменных (рисунок 4) позволяет выделить три профиля идентификации с городом.

Сильно выраженный краудинг у студентов-калужан, живущих в многоквартирных домах, и студентов из районов области, живущих в общежитии, порождает (в сочетании с образом сильного социального неблагополучия района) резкое неприятие города, которое несколько компенсируется общей привязанностью к нему уроженцев.

Рис. 4. График соответствия шкал итогового принятия города (в интервале от -1 до 1) и интенсивности краудинга (в интервале от почти полного отсутствия до сильной степени).

Fig. 4. The graph of correspondence the scales of the final adoption of the city (in the interval from -1 to 1) and the intensity of crowding (in the range from almost complete absence to a great extent).

Низкая степень краудинга, вплоть до его отсутствия, сопровождается благожелательным равнодушием к городу. Этот тип отношения отсутствует среди студентов – жителей области. Он характерен для части уроженцев города и приехавших издалека.

Средняя степень краудинга, преимущественно у калужан из зоны индивидуальной жилой застройки и, вероятно, студентов, имеющих, живя с родителями, отдельную комнату, порождает самый высокий уровень идентификации, которая характерна и для выходцев из области, сознательно идущих на неудобства жизни в общежитии ради повышения социального статуса.

Заключение

Итак, краудинг – характеристика восприятия среды, не детерминированная возрастом. Наши данные показывают, что краудинг присущ и юношескому возрасту, хотя состояние здоровья и оптимистический взгляд в будущее, безусловно, снижают остроту его проявления по сравнению с возрастом зрелым и пожилым. Вместе с тем данные исследований социально-психологического состояния сирот в интернатных условиях указывают на то, что краудинг как атрибут институциональной среды вызывает целый ряд патологий социализации. Детально социализация в условиях нехватки личного пространства рассмотрена М.С. Астоянц [Астоянц М.С., 2006], и отмеченные ею черты поведения детей-сирот говорят о том, что краудинг способны испытывать даже дети, а привычность вовсе не делает данное состояние менее дискомфортным.

Краудинг оказывает ограниченное влияние на идентификацию с городом на начальном этапе профессиональной социализации, но актуализирует различные мотивы у коренных горожан и приезжих. Чем ниже уровень краудинга, тем большую привязанность испытывают коренные калужане к родному городу и тем чаще связывают с ним свое будущее, а у приезжих острота переживания краудинга снижается в том случае, если они уверены в престижности города как места получения образования. Такой престиж безусловен для студентов из районных населенных пунктов, а для более отдаленных регионов он, видимо, определяется ореолом близости Москвы. Таким образом, влияние уме-

ренного краудинга на территориальную идентификацию будущего профессионала с очень высокими достижительными установками может быть и мотивирующим, если он не сопровождается психологическими перегрузками, связанными со стрессом урбанизма (шкала, измеряющая субъективную «социальную загрязненность» микрорайона). С другой стороны, у коренных калужан на фоне краудинга, сопряженного с жилищным неблагополучием (или семейными конфликтами при невозможности уединения), формируется негативная территориальная идентичность. В нашем случае она очевидна, так как значимых различий по шкале целеполагания между коренными калужанами и иногородними нет: их потенциальная трудовая мобильность так же высока, как и у приезжих.

Список литературы:

References:

1. Астоянц М.С. 2006. Дети-сироты: анализ жизненных практик в условиях интернатного учреждения. Опыт включенного наблюдения. Социологические исследования, 3: С. 54–63.
Astoyanc M.S. 2006. Deti-siroti: analiz zhiznennyh praktik v usloviyah internatnogo uchrezhdeniya. Opyt vkluchennogo nablyudeniya [Orphan children: the analysis of the being practices in residential establishment conditions. Experience of the included supervision]. Sociologicheskie issledovaniya, 3: S. 54–63. (in Russian).
2. Баум А.С. Теснота (crowding) [Электронный ресурс].-URL: [http://slovarix.ru/psihologicheskaya_entsiklopediya/page/tesnota_crowding.1431/\(01.05.2016\)](http://slovarix.ru/psihologicheskaya_entsiklopediya/page/tesnota_crowding.1431/(01.05.2016))
Baum A.S. Tesnota (crowding). Available at: URL: [http://slovarix.ru/psihologicheskaya_entsiklopediya/page/tesnota_crowding.1431/\(01.05.2016\)](http://slovarix.ru/psihologicheskaya_entsiklopediya/page/tesnota_crowding.1431/(01.05.2016)). (in Russian).
3. Герасимова Е. 1998. Советская коммунальная квартира. Социологический журнал, 1–2: 224–244.
Gerasimova E. 1998. Sovetskaya kommunal'naya kvartira [Soviet communal flat]. Sociologicheskij zhurnal, 1–2: 224–244. (in Russian).
4. Герасимова К., Чуйкина С. 2000. Символические границы и «потребление» городского пространства (Ленинград, 1930-е годы). В кн.: Российское городское пространство: попытка осмысления /Под ред. В. Вагина. М., МОНФ: 127–153.
Gerasimova K., Chujkina S. 2000. Simvolicheskie granicy i «potreblenie» gorodskogo prostranstva (Leningrad, 1930-e gody) [Symbolical borders and "consumption" of city space (Leningrad, 1930th years)]. V kn.: Rossijskoe gorodskoe prostranstvo: popytka osmysleniya [Russian city space: attempt of judgment] /Pod red. V. Vagina. M., MONF: 127–153. (in Russian).
5. Микляева А. В., Румянцева П. В. Городская идентичность жителя современного мегаполиса: ресурс личностного благополучия или зона повышенного риска?[Электронный ресурс].-URL: [http://humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost \(01.05.2016\)](http://humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (01.05.2016))
Miklyaeva A. V., Rumyanцева P. V. Gorodskaya identichnost' zhitelya sovremennogo megapolisa: resurs lichnostnogo blagopoluchiya ili zona povyshennogo riska?[City identity of the resident of the modern megalopolis: a resource of personal wellbeing or a zone of the increased risk?]. Available at: URL: [http://humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost \(01.05.2016\)](http://humanpsy.ru/miklyaeva/gorodskaya-identichnost (01.05.2016)) (in Russian).
6. Солодникова И.В. 2007. Самореализация личности в зрелом возрасте (социологический анализ) Автореф. дисс... д. соц. н. М. [Электронный ресурс].-URL: [http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-03-19-08-50 \(01.05.2016\)](http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-03-19-08-50 (01.05.2016))
Solodnikova I.V. 2007. Samorealizaciya lichnosti v zrelom vozraste (sociologicheskij analiz)[Self-realization of the personality at mature age (the sociological analysis)]. Abstract dis... d. soc. sciences. M. Available at: URL: [http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-03-19-08-50 \(01.05.2016\)](http://www.smolsoc.ru/index.php/2010-09-03-19-08-50 (01.05.2016)). (in Russian).
7. Стерлигова Е.А., Лунев Д.И. 2015. Особенности переживания краудинга жителями города. В кн.: Экологическая политика: проблемы и перспективы: Материалы межвуз. студ. науч.-практ. конф. ПГНИУ 21 мая 2015 г.). Пермь, Перм. гос. нац. исслед. ун-т: 198–200.
Sterligova E.A., Lunev D.I. 2015. Osobennosti perezhivaniya kraudinga zhitelyami goroda [Features of experience of a krauding by urban residents]. V kn.: Ekologicheskaya politika: problemy i perspektivy: Materialy mezhvuz. stud. nauch.-prakt. konf. PGNIU 21 maya 2015 g.) [Environmental policy: problems and prospects: Materials of the PGNIU interuniversity student's scientific and practical conference on May 21, 2015]. Perm', Perm. gos. nac. issled. un-t: 198–200. (in Russian).
8. Утехин И.В. 2004. Очерки коммунального быта [Sketches of communal life]. - М.: ОГИ, 277. (in Russian).
Утехин И.В. 2004. Очерки коммунального быта. - М.: ОГИ, 277.

9. Хазиев Р.М. 2012. Жизненное пространство населения в условиях реформирования жилищно-коммунальной сферы (региональный аспект). Автореф. дисс... канд. соц. н. Казань [Электронный ресурс].-URL:<http://www.docme.ru/doc/214363/zhiznennoe-prostranstvo-naseleniya-v-usloviyah-reformirovani...> (01.05.2016)

Haziev R.M. 2012. Zhiznennoe prostranstvo naseleniya v usloviyah reformirovaniya zhilishchno-kommunal'noj sfery (regional'nyj aspekt) [Vital space of the population in the conditions of reforming of the housing-and-municipal sphere (regional aspect)]. Abstract dis...kand.soc. sciences. Kazan'. Available at: URL: <http://www.docme.ru/doc/214363/zhiznennoe-prostranstvo-naseleniya-v-usloviyah-reformirovani...> (01.05.2016) (in Russian).

10. Щеглова (Майорова) С.Н. 2003. «Своя» комната как артефакт молодежной субкультуры. Социологические исследования, 3: 119–122.

Shcheglova (Majorova) S.N. 2003. «Svoya» komnata kak artefakt molodezhnoj subkul'tury ["The self" room as artifact of youth subculture]. Sociologicheskie issledovaniya, 3: 119–122. (in Russian).

11. Freedman J.L., Perlick D. 1979. Crowding, Contagion, and Laughter. Journal of experimental Social Psychology, 15: 295–303

12. Gillis A.R. 1979. Household density and human crowding: Unravelling a non-linear relationship. Journal of population, 2 (2): 104–117.

13. Ramsden E, Adams J. 2009. Escaping the Laboratory: The Rodent Experiments of John B. Calhoun & Their Cultural Influence. London, The Journal of Social History, 59.

14. Stokols D., Rall M., Pinner B., Schopler J. 1973. Physical, social, and personal determinants of the perception of crowding. Environment and Behavior, 5 (1): 87.

УДК 301.085:35

МОДЕЛИРОВАНИЕ И ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ СИСТЕМЫ РАЦИОНАЛЬНОГО И СБАЛАНСИРОВАННОГО ПИТАНИЯ КОНКРЕТНОЙ ЛИЧНОСТИ В СТРУКТУРЕ ЗОЖ

MODELING AND TECHNOLOGIZATION OF THE SYSTEM OF RATIONAL AND BALANCED NUTRITION OF A PARTICULAR INDIVIDUAL IN THE STRUCTURE OF HLS

Ю.В. Шмарион, В.С. Благинин
Y.V. Shmarion, V.S. Blaginin

Липецкий государственный педагогический университет

Lipetsk State Pedagogical University

E-mail: jbshmarion@mail.ru; kibervlad@mail.ru

Аннотация: в статье здоровый образ жизни рассматривается с позиций социально-технологического подхода. В работе представлены концептуально-технологические основы моделирования, разработки и реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания.

Annotation: in the article a healthy lifestyle, considered from the standpoint of social and technological approach. The paper presents conceptual and technological foundations for modeling, developing and implementing social technologies for the realization of rational and balanced nutrition.

Ключевые слова: здоровый образ жизни, технологизация, социальные технологии, адаптивные социальные технологии, правильное питание, разработка социальных технологий.

Keywords: healthy lifestyle, technologization, social technologies, adaptive social technologies, proper nutrition, the development of social technologies.

Реализации одной из важнейших жизненных ценностей человека – здоровья – препятствует недостаточный уровень сформированности социально-культурных эталонов здоровья, которые определяют субъективную модель здорового человека и выбор способа достижения этой цели в образе жизни. Большинство людей не обладают достаточными знаниями о критериях здоровья, путях и методах их достижения. В современных условиях все еще отмечается недостаточное отношение к ценности здоровья человека на общественном уровне, что является серьезным препятствием для повышения мотивации к сохранению и укреплению индивидуального здоровья.

Формирование у человека установки на сохранение и поддержание собственного здоровья требует как изучения закономерностей формирования здоровья, так и разработки подходов к моделированию и технологизации здорового образа жизни. Интерес к здоровому образу жизни привлекает все более пристальное внимание и специалистов, и широких кругов населения, так как подавляющая часть заболеваний современного человека обусловлена, прежде всего, его образом жизни и повседневным поведением.

Социологические исследования здорового образа жизни населения пяти муниципальных образований Липецкой области показали, что 50,3% населения отмечают насущную потребность в знаниях о правильном питании, 29,4% – испытывают потребность в знаниях о развитии стрессоустойчивости, 29,1% – желают расширить свои медицинские знания, 28,0% – знания о способах поддержания физической активности, а 26,4% – знания о развитии иммунитета. Кроме того, половина опрошенных (50,9%) рассматривают питание как один из основных факторов здорового образа жизни [1]. Высокий уровень потребности в знаниях о правильном питании обусловлен тем, что пища, которую мы употребляем, обеспечивает развитие тканей и клеток организма, постоянное их обновление, а также является источником энергии. От характера питания зависит обмен веществ в орга-

низме, наша трудоспособность, устойчивость к заболеваниям, физическое развитие, нервно-психологическое состояние, продолжительность жизни. Поэтому правильное питание и здоровый образ жизни неразделимы.

Все теории питания пытаются решить одну проблему: регулярное поступление в организм в правильных пропорциях достаточного количества углеводов, жиров, белков, витаминов, микроэлементов, минеральных веществ. Нам представляется, что эта проблема может быть разрешена посредством создания моделей рационального и сбалансированного питания и построения на их основе совокупности социальных технологий, обеспечивающих реализацию системы согласованных процедур, ориентированных на достижение оптимального социального результата в организации питания.

Концептуально-технологические основы моделирования, разработки и реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания

Деятельность человека по разработке и реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания можно представить совокупностью процесса, организованности и системы принятия решений. Понятие «процесс» с позиций социологии управления означает единицу работы, рассматриваемую в динамике [2]. Деятельная система принятия решений в организации и реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания должна осуществляться в технологически разумных пределах, определяемых процедурой нормирования верхнего и нижнего допустимого предела. Организация процесса ориентирована на достижение цели – получение питания, обеспечивающего рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствующее улучшению его здоровья и профилактике заболеваний. Критерии оценки степени достижения этой цели основываются на принципах непрерывности процесса, объектной каузальности, энергетического равновесия питания, сбалансированности питания и соблюдения режима питания.

Каждый человек в процессе разработки и реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания выступает в трех ипостасях: управленца, концептолога и социального технолога. Как управленец, он в режиме самоуправления выполняет весь объем оптимальной управленческой деятельности, опираясь на достижения социологии управления, теории и практики социальных технологий и науки о питании человека. Как концептолог, он видит окружающую его реальность в системной взаимозависимости, сложности и многообразии, разрабатывает и совершенствует существующие модели рационального и сбалансированного питания, определяет в соответствии с современным достижением науки о питании человека, технологически обоснованные коридоры функционирования социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания. Как технолог, он на основании достижений социологии управления и науки о питании разрабатывает предложения по модернизации социальных технологий, обобщает передовой опыт и процессуально, процедурно и операционально оформляет опыт, делая его воспроизводимым, технологичным.

Таким образом, мультидисциплинарная природа деятельности человека по разработке и реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания должна включать в себя следующие этапы:

- социологическая диагностика позитивных и негативных проявлений в реализации социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания;
- отбор совокупности ситуаций деструктивного характера и их анализ;
- использование результатов анализа для разработки корректирующих управляющих воздействий на концептуальном, управленческом и технологическом уровнях;
- внесение научно обоснованных изменений на концептуальном, управленческом и технологическом уровнях;
- уточнение проблемы и порождающих ее противоречий;
- декомпозиция неоптимальных процедур, устранение неэффективных процедур и действий либо замена их на эффективные;

- коррекция и адаптации существующих алгоритмов социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания;
- адаптация системы команд исполнителя алгоритмов социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания посредством уточнения и изменения его компетенций, компетентностей, знаний, умений, навыков, необходимых для четкой реализации модернизированных социальных технологий реализации рационального и сбалансированного питания, т. е. совершенствование его социально-технологической культуры.

Для создания личностно-ориентированной системы рационального питания необходимо построение модели рационального и сбалансированного питания, а также осуществление процедур ее технологизации с целью получения оптимального социального результата.

Известно, что рациональное питание – это питание, обеспечивающее рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствующее улучшению его здоровья и профилактике заболеваний. Оно базируется на строгом соблюдении принципов энергетического равновесия питания, сбалансированности питания и строгого соблюдения режима питания [3].

Обеспечение энергетического равновесия достигается за счет получения человеком с пищей такое количество энергии, какое он тратит в процессе своей жизнедеятельности за обозначенный промежуток времени, например, за сутки. При этом необходимо учитывать, что энергозатраты мужчин и женщин отличаются, у пожилых людей энергозатраты ниже, чем у молодых. Энергозатраты зависят также от уровня физической активности человека и от характера его профессиональной деятельности.

Каждый организм имеет свой уровень сбалансированности питания. Вместе с этим любой организм нуждается в строго определенном количественном соотношении пищевых веществ, которое должно поступать в установленных пропорциях. Белки являются источником синтеза гормонов, ферментов, витаминов, антител. Жиры являются для организма человека не только энергетической, но и пластической ценностью, поставляя жирорастворимые витамины жирных кислот, фосфолипиды. Углеводы – это базовый топливный материал для жизнедеятельности организма [4]. Реализация принципа сбалансированного питания обеспечивается поддержанием в организме научно обоснованного соотношения белков, жиров, углеводов.

Питание человека должно осуществляться по частям в зависимости от энергозатрат организма. Каждый этап приема пищи должен осуществляться в соответствии со стабильным распорядком дня, что оптимальным образом подготавливает организм для принятия пищи. Человеку необходимо есть ровно столько, чтобы утолить голод, и только биологически полноценную пищу. Питание, организованное по указанным выше принципам, является правильным питанием. Оно обеспечивает условия для сохранения здоровья и хорошего самочувствия.

Для разработки системы рационального и сбалансированного питания человека, а также технологизации процесса питания необходимо выполнить моделирование процесса питания. Укрупненная модель рационального и сбалансированного питания человека должна базироваться на строгом соблюдении трех указанных выше принципов.

Современная модель рационального питания имеет вид пирамиды: продукты в ней располагаются от основания к вершине по мере убывания их полезности. Ориентируясь на нее, можно составлять сбалансированный рацион на каждый день [5].

Модель оптимального пропорционального содержания рационального питания может быть представлена в виде:

$$\text{ПРП} = a_0 + a_1 * \text{ЦЗП} + a_2 * \text{ОВ} + a_3 * \text{ФР} + a_4 * \text{МРП} + a_5 * \text{МП} + a_6 * \text{ЖСП} \quad (1)$$

где ПРП – показатель наличия в дневном рационе питания, оптимальности пропорций каждого из шести уровней пирамиды питания, измеряемый в долях от единицы. Единица означает наличие оптимального соотношения пропорций;

a_0 – коэффициент, определяющий специфику пропорций, сложившихся в организации питания данного человека;

a_1 – коэффициент, определяющий доленое участие порций цельнозерновых продуктов в питании данного человека;

ЦЗП – количество порций гречневой каши, овсяной каши, хлеба из муки грубого помола, маскарон из пшеницы твердых сортов и т. п. из расчета 6–9 порций в день при условии, что каждая порция содержит около 15 граммов углеводов;

a_2 – коэффициент, определяющий доленое участие порций овощных продуктов в питании данного человека;

ОВ – количество порций овощей (помидоры, тыква, сладкий перец и т. п.) в дневном рационе питания из расчета в среднем 5 порций в день;

a_3 – коэффициент, определяющий доленое участие порций фруктовых продуктов в питании данного человека;

ФР – количество порций фруктов (1 порция – средний апельсин, яблоко, 1 чашка нарезанных фруктов или 1,5 чашки сока, 1 чашка сухофруктов и т. п.) в дневном рационе питания из расчета в среднем от 3 до 5 порций в день;

a_4 – коэффициент, определяющий доленое участие порций мясных продуктов, рыбы, птицы, творога в питании данного человека;

МРП – количество порций мясных продуктов и приравненных к ним продуктов (1 порция: 30 г приготовленного мяса, птицы или рыбы, 1 чашка бобов, гороха или чечевицы, 1 яйцо или 2 белка, 30–60 г обезжиренного сыра, 1 чашка обезжиренного творога) из расчета в среднем от 4 до 8 порций в день;

a_5 – коэффициент, определяющий доленое участие порций молочных продуктов в питании данного человека;

МП – количество порций молочных продуктов (1 порция: 1 чашка обезжиренного молока или обезжиренного йогурта, кефира) из расчета 2 порции в день. Необходимо ограничивать поступление продуктов, содержащих много животных жиров, как источника скрытого жира (сыры, мороженое, сметану, жирные соусы, майонез);

a_6 – коэффициент, определяющий доленое участие порций жиросодержащих продуктов в питании данного человека;

ЖСП – количество порций жиросодержащих продуктов (орехи, животные и растительные масла) из расчета: сладости – 20–30 г в день, жиры, масло – 2–3 столовые ложки.

Организму человека ежедневно необходимо строго определенное количество пищевых веществ, которые должны поступать в определенных пропорциях. Принцип сбалансированного питания подразумевает ежедневное рациональное по времени и долям поступление белков, жиров, углеводов в организме в строгом их соотношении [6]

Модель энергетического баланса питания человека может быть представлена в следующем виде:

$$ПЭБ = b_0 - b_1 * Б - b_2 * Ж - b_3 * У \quad (2),$$

где ПЭБ – абсолютный показатель отклонения от нормы энергетического баланса данного человека;

$b_0 = f$ (пол, возраст, физическая активность, профессия) – личностно-ориентированная норма энергетического баланса данного человека;

b_1 – коэффициент суммарной калорийности белковой пищи;

$Б = f_1$ (гормоны, ферменты, витамины, антитела, ...) – состав белковой пищи;

b_2 – коэффициент суммарной калорийности жирной пищи;

$Ж = f_2$ (растворимые витамины жирных кислот, фосфолипиды, ...) – состав жирной пищи;

b_3 – коэффициент суммарной калорийности углеводистой пищи;

$У = f_3$ (клетчатка, каротиноиды, антиоксиданты, витамины С, Е, ...) – состав углеводистой пищи;

$ПЭБ/b_0$ – относительный показатель отклонения от нормы энергетического баланса данного человека.

Поступление пищи в организм человека должно соответствовать оптимальному режиму питания, который определяется дробностью, равномерностью и регулярностью приема пищи. Соблюдение режима питания обеспечивает регулярную готовность организма к оптимальному усвоению пищи и может быть описано следующей моделью.

$$\text{ВСРП} = c_0 + c_1 * \text{УТ} + c_2 * \text{ПД} + c_3 * \text{ОБ} + c_4 * \text{УЖ} \dots\dots\dots (3)$$

где ВСРП – временное соблюдение режима питания, измеряемое в долях от единицы, c_0 – коэффициент, определяющий соотношение режима сна и бодрствования конкретного человека;

c_1 – коэффициент, определяющий временное соответствие утреннему приему пищи;

УТ – время утреннего приема пищи;

c_2 – коэффициент, определяющий временное соответствие приема пищи в полдник;

ПД – время приема пищи в полдник;

c_3 – коэффициент, определяющий временное соответствие приема пищи в обед;

ОБ – время приема пищи в обед;

c_4 – коэффициент, определяющий временное соответствие приема пищи в ужин;

УЖ – время приема пищи в ужин.

Модель дробности приема пищи в соответствие с режимом питания имеет вид

$$\text{ДСРП} = d_0 + d_1 * \text{УТ} + d_2 * \text{ПД} + d_3 * \text{ОБ} + d_4 * \text{УЖ} \dots\dots\dots (4),$$

где ДСРП – долевое соблюдение количества принимаемой пищи на всех этапах режима питания;

d_0 – коэффициент, учитывающий сложившиеся привычки и режим питания конкретного человека;

d_1 – коэффициент долевого соответствия завтрака в общем приеме пищи;

УТ – количество утреннего приема пищи;

d_2 – коэффициент долевого соответствия полдника в общем приеме пищи;

ПД – количество пищи в полдник;

d_3 – коэффициент долевого соответствия обеда в общем приеме пищи;

ОБ – количество пищи в обед;

d_4 – коэффициент долевого соответствия ужина в общем приеме пищи;

УЖ – количество пищи в ужин.

Наличие моделей (1,2,3,4) сбалансированного и рационального питания для конкретного человека с учетом особенностей его организма, привычек, пола, возраста, физической активности и профессии создает необходимые условия для технологизации здорового образа жизни человека в части оптимального питания, обеспечивающие рост, нормальное развитие и жизнедеятельность человека, способствующие улучшению его здоровья и профилактике заболеваний.

Входными данными алгоритма социальной технологии моделирования и поискового прогнозирования рационального и сбалансированного питания конкретной личности являются: перечень особенностей сложившейся системы питания человека, его пол, возраст, физическая активность, профессия, объективные данные, характеризующие состояние здоровья. Перечисленные выше данные являются основанием для выполнения следующих технологических процедур:

1. Процедура определения объективных параметров состояния здоровья конкретной личности, которые необходимы для того чтобы не только оценить реальное состояние здоровья, но и определить уровень знаний основ правильного питания данного человека.

2. Процедура определения наличия финансовых и иных ресурсов обеспечения сбалансированного питания.

3. Процедура определения возможности реализации рационального питания (режим питания и оптимальный распорядок дня).

4. Процедура построения модели сбалансированного питания и прогнозирования с помощью моделей (1,2,3,4) возможных параметров питания. Определение величины отклонений в реализации рационального питания.

5. Процедура анализа уровня отклонений в реализации рационального питания. Если есть значимые отклонения в реализации рационального питания, то необходимо определить корректирующие параметры режима питания и оптимального распорядка и вернуться к выполнению процедуры 4, иначе перейти к выполнению следующей процедуры 6.

6. Процедура проверки отклонения в финансовых и иных ресурсах. Если ресурсов не достаточно, то осуществляется необходимое пополнение финансовых и иных ресурсов из имеющихся запасов домашнего хозяйства, и после этого рассчитывается коррекция финансовых и других необходимых ресурсов для полноценной реализации рационального и сбалансированного питания и осуществляется переход к выполнению процедуры 3, иначе осуществляется переход к процедуре 7.

7. Процедура оценки знаний основ правильного питания данного субъекта технологизации. Эта информация необходима для разработки социально-педагогической технологии формирования актуальных компетентностей субъекта, необходимых для реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

8. Процедура проверки у субъекта уровня знаний о ЗОЖ, необходимых для реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности. Если знаний недостаточно, то определяется структура и содержание знаний, умений и навыков, необходимых для актуализации потребности в правильном и рациональном питании, у субъекта формируется необходимый объем знаний, умений и навыков, а затем осуществляется переход к процедуре 7, иначе осуществляется переход к процедуре 9.

9. Процедура построения с помощью уточненных моделей системы рационального и сбалансированного питания субъекта оптимального распорядка дня с учетом реального ресурсного обеспечения и наличия у субъекта необходимых компетенций и компетентностей для реализации системы оптимального питания.

Социальная технология проектирования и планирования системы рационального и сбалансированного питания для стационарных и переходных процессов жизнедеятельности субъекта

Социальное проектирование системы рационального и сбалансированного питания для стационарных и переходных процессов жизнедеятельности субъекта ориентировано на определение таких режимов, необходимой данному человеку компонент питания, которое обеспечит конкретному человеку оптимальные режимы питания в реальном масштабе времени, осуществимые в естественных условиях и при имеющемся ограниченном ресурсном обеспечении. Социальное проектирование базируется на моделях (1,2,3,4), предполагает проведение системного социологического анализа реальных условий жизнедеятельности человека и использование результатов этого анализа для разработки совокупности возможных вариантов реализации системы питания. После анализа полученных вариантов выбираются наиболее приемлемые для данного человека с учетом особенностей его жизнедеятельности, всех имеющихся видов ресурсного обеспечения. Условия, обеспечивающие реализацию разработанного социального проекта, выполняют роль ограничений при решении задачи достижения оптимального социального результата здорового образа жизни человека.

Алгоритм социальной технологии проектирования и планирования системы рационального и сбалансированного питания для стационарных и переходных процессов жизнедеятельности субъекта включает в себя следующие процедуры:

1. Процедура системного анализа реальных режимов питания данного субъекта, а также определение «технологических коридоров» реализации всех возможных и приемлемых для данного субъекта режимов питания.

2. Процедура системного анализа вариантов распорядка дня данного субъекта для стационарных и переходных режимов жизнедеятельности.

3. Процедура социально-экономического анализа возможных вариантов ресурсного обеспечения системы питания при реализации различных режимов питания и вариантов распорядка дня.

4. Процедура коррекции концепции рационального и сбалансированного питания с учетом особенностей жизнедеятельности данного субъекта, ресурсного обеспечения системы питания и наличия у него необходимых компетенций и компетентностей для реализации системы оптимального питания.

5. Процедура коррекции параметров моделей (1, 2, 3, 4) с учетом особенностей жизнедеятельности данного субъекта, ресурсного обеспечения системы питания и наличия у субъекта необходимых компетенций и компетентностей для реализации системы оптимального питания.

6. Процедура расчета режимов питания для доминирующего распорядка дня жизнедеятельности субъекта и нормального ресурсного обеспечения питания.

7. Процедура проверки соответствия полученных режимов питания для доминирующего распорядка дня жизнедеятельности субъекта и нормального ресурсного обеспечения питания естественным условиям жизни данного субъекта. Если отклонения в режимах незначительны, то осуществляем переход к процедуре, непосредственно следующей за данной (процедура 8), иначе, если отклонения ощутимы, то переходим к процедуре 5 для коррекции параметров модели, если эта мера не дает ожидаемого результата, переходим к процедуре 4 – процедуре коррекции концепции рационального и сбалансированного питания.

8. Процедура расчета режимов питания для распорядка дня в переходных процессах жизнедеятельности субъекта и ограниченного ресурсного обеспечения питания.

9. Процедура проверки полученных режимов питания для распорядка дня в переходных процессах жизнедеятельности субъекта и ограниченного ресурсного обеспечения питания. Если отклонения в режимах незначительны, то осуществляем переход к процедуре, непосредственно следующей за данной (процедура 10), иначе, если отклонения ощутимы, то переходим к процедуре 5 – процедуре коррекции параметров модели, если эта мера не дает ожидаемого результата, то переходим к процедуре 4 – процедуре коррекции концепции рационального и сбалансированного питания.

10. Процедура социального планирования системы рационального и сбалансированного питания для стационарных и переходных процессов жизнедеятельности субъекта.

11. Процедура представления полученных результатов социального проектирования и социального планирования в социально-технологическом виде, удобном для ежедневного использования данным субъектом. Разработка инструментария для самоконтроля при реализации полученной оптимальной системы питания в процессе ежедневного использования.

Образовательная социальная технология формирования актуальных компетентностей субъекта, необходимых для реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта

Образовательная социальная технология отличается от традиционного обучения тем, что акцентирует внимание на конкретное и детальное определение целевых установок и, как следствие, точное и понятное определение конечного оптимального результата, также на оптимальную последовательность процедур, обеспечивающих получение желаемого результата, которая задает и конкретизирует непосредственно процесс обучения. В социальной технологии обучения особое внимание уделяется

контролю качества усвоения материала и использованию результатов контроля для коррекции мотивации обучающихся и организации их деятельности с целью достижения оптимального конечного результата. При этом ставится задача достижения необходимого уровня усвоения компетенций и компетентностей в части когнитивного, деятельностного и диагностического компонентов.

Алгоритм образовательной социальной технологии формирования актуальных компетентностей субъекта, необходимых для реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта, включает в себя следующие процедуры:

1. Процедура оперативной диагностики уровня подготовленности субъекта ЗОЖ к осмыслению сущности рационального и сбалансированного питания, а также оценке знаний, умений и навыков, необходимых для реализации социальных технологий.

2. Процедура формирования содержания образования, включающая в том числе сценарии (алгоритмы) реализации социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

3. Процедура диагностики уровня подготовленности субъекта ЗОЖ, необходимого для реализации конкретных процедур социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

4. Процедура формирования когнитивного компонента, необходимого для реализации сценариев (алгоритмов) социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

5. Процедура формирования деятельностного компонента, необходимого для реализации сценариев (алгоритмов) социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

6. Процедура формирования диагностического компонента, необходимого для реализации сценариев (алгоритмов) социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта.

7. Процедура комплексной проверки уровня готовности субъекта ЗОЖ к реализации социальной технологии рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта. Если уровень подготовленности субъекта в части когнитивного компонента не соответствует, то осуществляется переход к процедуре 4 – процедуре формирования когнитивного компонента. Если уровень подготовленности субъекта в части деятельностного компонента не соответствует, то осуществляется переход к процедуре 5 – процедуре формирования деятельностного компонента. Если уровень подготовленности субъекта в части деятельностного компонента не соответствует, то осуществляется переход к процедуре 5 – процедуре формирования диагностического компонента. Если субъект полностью готов к реализации социальной технологии, то осуществляется переход к процедуре, следующей за данной процедурой.

8. Процедура опытной апробации субъектом социальных технологий рационального и сбалансированного питания для стационарного и переходного процессов жизнедеятельности субъекта, выдача субъекту сертификата готовности к осуществлению данного класса социальных технологий.

Социальная технология внедрения оптимальной системы рационального и сбалансированного питания субъекта

Вне зависимости от простоты или сложности разработанной социальной технологии всегда возникают проблемы в процессе ее внедрения в повседневную жизнь конкретных людей. Поэтому в большинстве случаев социально-внедренческая деятельность – это

сложный, творческий, динамический процесс, который включает в себя системно-согласованную совокупность социально-технологических, организационных и экономических управленческих решений, направленных на освоение социальной технологии и получение оптимального социального результата.

Алгоритм социальной технологии внедрения оптимальной системы рационального и сбалансированного питания субъекта включает в себя следующие процедуры:

1. Процедура уточнения и выявления на данный момент наиболее приемлемых вариантов режимов питания.

2. Процедура уточнения и выявления на данный момент наиболее приемлемых вариантов распорядка дня.

3. Процедура уточнения достаточности ресурсного обеспечения и условий реализации социальной технологии рационального и сбалансированного питания.

4. Процедура выбора необходимого варианта режима питания и распорядка дня для реализации оптимальной системы питания данным индивидом.

5. Процедура определения в соответствии с пирамидой питания перечня продуктов для формирования недельной и посуточной продовольственной корзины для стационарного режима жизнедеятельности.

6. Процедура выявления соответствия сформированного перечня продуктов с имеющимся набором продуктов в розничной торговой сети по месту жительства данного субъекта. Если нет возможности приобретения необходимого количества продуктов в розничной торговой сети, то осуществляется возврат к процедуре 5, иначе осуществляется переход к процедуре, следующей за данной.

7. Процедура оценки достаточности ресурсов для реализации социальной технологии рационального и сбалансированного питания. Если ресурсов недостаточно, то они пополняются из резервов домашнего хозяйства субъекта и процедура 7 повторяется, иначе осуществляется переход к процедуре, следующей за данной.

8. Процедура определения времени, необходимого для приготовления пищи и согласования его с распорядком дня для соответствующего режима жизнедеятельности.

9. Процедура ежедневной реализации всех необходимых процедур социальных технологий оптимального питания субъекта.

10. Процедура ежедневной оперативной оценки эффективности выполняемых процедур и соответствующих социальных технологий в целом.

11. Процедура оценки удовлетворенности субъекта выполняемой им социальной технологии рационального и сбалансированного питания. Если технология не удовлетворяет субъект, то, в зависимости от величины и характера рассогласования, осуществляется возврат на соответствующую вышерасположенную процедуру, которая разрешает оперативно возникшую проблемную ситуацию, иначе социальная технология рационального и сбалансированного питания продолжает выполняться в выбранном режиме жизнедеятельности данного субъекта.

Таким образом, предложены модели рационального и сбалансированного питания, на основе которых разработаны социальные технологии реализации личностно-ориентированной системы рационального и сбалансированного питания человека. Социальные технологии представлены в виде оптимальной последовательности процедур, представляющих собой одну из базовых алгоритмических структур: «следование», «развилка», «цикл». Выполнение каждой процедуры социальных технологий ориентировано на возможное использование актором как конвергентного (линейное мышление), так и дивергентного мышления (творческое мышление), что обеспечивает необходимый уровень исполнительской вариативности в достижении оптимального социального результата как на уровне исполнения отдельной процедуры, так и при реализации алгоритма соответствующей социальной технологии в целом. Предусмотренная в алгоритмах социальных технологий система обратных связей наделяет эти технологии свойством адаптивности, что позволяет учитывать индивидуальные особенности жизнедеятельности каждой конкретной личности при сохранении общей идеологии системы рационального и сбалансированного питания, разработанной диетологами и представителями медицинской науки. Предложенные

модели и технологии могут быть реализованы любым человеком как в безмашинном варианте, так и с использованием общедоступных информационных технологий, известных каждому современному человеку.

Список литературы References

1. Шмарион Ю.В., Кузьмина Е.Е., Благинин В.С., Дуспаев Б.Т. Здоровый образ жизни населения муниципального образования: социологический анализ. Липецк. Издательство федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Липецкий государственный педагогический университет». 2013, - 203 с.

Shmarion Yu.V., Kuzmina E.E, Blaginin V.S, Duspaev B.T. Healthy lifestyle of the population of the municipal formation: sociological analysis. Lipetsk. The publication is the federal state budget educational institution of higher professional education "Lipetsk State Pedagogical University". 2013, - 203 p.

2. Патрушев В.И. Введение в теорию социальных технологий. М. Издательство ИКАР. 2008. – 222 с.

Patrushev V..I Introduction to the theory of social technologies. M. Publishing house ICAR. 2008. - 222 p.

3. Лобыкина Е.Н., Хвостова О.И., Колтун В.З., Рузаев Ю.В. Научно-организационные подходы в области пропаганды знаний о рациональном питании. М. Издательство «Медицина» /Здравоохранение Российской Федерации. – 2007, - № 1, - С. 32–36.

Lobykina E.N, Khvostova O.I, Koltun V.Z, Ruzaev Yu.V. Scientific and organizational approaches in the field of promoting knowledge about rational nutrition. M. Publisher "Medicine" / Health Care of the Russian Federation. - 2007, - No. 1, - P. 32–36.

4. Усенко Л.Н. Цель – сбалансированное питание населения. М. Издательство Экономика сельского хозяйства России. – 2006,- № 9, - С. 6–7.

Usenko L.N. The goal is a balanced diet of the population. M. Publisher Economics of Agriculture of Russia. - 2006, - No. 9, - P. 6–7.

5. Галлямова А.М., Ахатова И.А. Пирамида здорового питания и ее реализация. Уфа. Издательство Башкирский государственный аграрный университет./ В сборнике Студент и аграрная наука. Материалы I Всероссийской студенческой научной конференции. – 2007, - С. 233–234.

Gallyamova A.M, Akhatova I.A Pyramid of a healthy diet and its realization. Ufa. Publishing house Bashkir State Agrarian University. / In the collection Student and agrarian science. Materials of the I All-Russian Student Scientific Conference. - 2007, - P. 233–234.

6. Кравченко О.Е., Крыловский А.Ю., Тиканов А.О., Грязева Д.В., Лобыгина Н.М. Сбалансированное питание как одна из составляющих здорового образа жизни. М. Издательство «Интернаука». – 2017, № 1–1(5), - С. 20–22.

Kravchenko O.E, Krylovsky A.Yu., Tikanov A.O, Gryazeva D.V, Lobygina N.M Balanced nutrition as one of the components of a healthy lifestyle. M. Internauka Publishing House. - 2017, No. 1–1 (5), - P. 20–22.

ЧЕЛОВЕК. КУЛЬТУРА. ОБЩЕСТВО

HUMAN BEING. CULTURE. SOCIETY

УДК: 101.1: 001.18: 316

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ УКЛАД ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ КОНЦЕПЦИИ КОНВЕРГЕНЦИИ НАУК И ТЕХНОЛОГИЙ

TECHNOLOGICAL STRUCTURE INFORMATION SOCIETY IN THE CONTEXT CONCEPT OF CONVERGENCE SCIENCES AND TECHNOLOGIES

О.Г. Басалаева¹, Н.П. Лукина²
O.G. Basalaeva¹, N.P. Lukina²

¹ Кемеровский государственный институт культуры, Россия, 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 17

² Национальный исследовательский Томский государственный университет,
Россия, 634050, Томск, пр. Ленина, 36

¹ Kemerovo State University of Culture, 17 Voroshilov St., Kemerovo, 650056, Russia

² National Research Tomsk State University, 36 Lenin Ave., Tomsk, 634050, Russia

E-mail: oksana_basalaeva@mail.ru; lloguna@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена постсовременному этапу развития информационного общества, становление которого исследователи связывают с шестым технологическим укладом и конвергенцией нано-, био-, информационных, когнитивных и социогуманитарных наук и технологий. Основополагающие компоненты этого общества – наука и технологии – не являются самостоятельными производственными единицами, а есть продукты специфической индустрии, что находит свое отражение в особенностях рассматриваемого технологического уклада. В статье акцент сделан на выявление социокультурных и антропологических составляющих технологического уклада информационного общества, определяющих особенности этого общества.

Resume. The article is characterized by the development of information technology generated by the information society and knowledge society, which draw further prospects in the development of society. They are associated with the convergence of science and technology (the American concept of convergence and the Russian concept of convergence). Moreover, it is not the chronological sequence in the historical process, and performance, formed the dominant features in the historical process of XX – beginning of XXI century. Information society is understood as a particular form of social organization in which new technological conditions arise from fundamental features of information as an intellectual and economic resource. The structure of the information society is much more complicated than the structure of previous societies, as a fundamental element of that society – science and information technology are not independent of the production unit, and is the product of a specific industry that is reflected in the features of the sixth technological order.

The article considers the specifics of the technological structure of the information society and implemented its critical analysis formed the framework of modern socio-philosophical discourse. Peculiarities of influence of technical and technological structure of this structure on human nature and attempts to clarify the essential characteristics of the information society, the result of its technological and socio-cultural projection.

Ключевые слова: методология, информационное общество, технологический уклад, конвергенция наук и технологий, природа человека.

Key words: methodology, information society, technological convergence science and technology, human nature.

Высокие технологии информационного общества инициировали создание новой социальной реальности, отличной по своим онтологическим характеристикам от предшествующих исторических типов и затрагивающей практически все стороны жизни современного человека, меняя способ его бытия [Mohammad, 2013]. Новая цивилизация трансформировала духовный опыт, метафизику, политические, научные, художественные практики, идеологические ориентации. Эти изменения требуют пристального внимания и критической философской рефлексии, необходимой для анализа новейших технологий сквозь призму мировоззренческих, социокультурных, аксиологических измерений. Теоретической перспективе субординировать имеющиеся знания с целью создания целостной концепции современного общества препятствует ряд затруднений методологического свойства. Во-первых, вовлечение в исследование социальных процессов представителей различных наук не обеспечено междисциплинарными методологическими установками. Во-вторых, стремительность общественных трансформаций, обладающих всеобщим характером, формирует новую социальную реальность, отличную по своим онтологическим параметрам от предшествующих типов, осмысление которой происходит в условиях явного опережения эмпирии по отношению к теории [Lukina, Samokhina, 2015, p. 153].

Методологический арсенал философского анализа позволяет, на наш взгляд, ответить на основной вопрос: в каком направлении и с какой целью развиваются современные технологии и каковы особенности их влияния на преобразование социальных процессов.

Актуальность данной тематики заключается также в поиске концептуального статуса теории информационного общества, несмотря на то, что на сегодняшний день существует достаточно ее версий и концепций. После исследовательского бума 60–80-х годов XX века эта теория постепенно отходит на периферию социально-философских и социологических интересов. Она все чаще подвергается критике за слабую концептуальную базу. Соответственно, формируется внушительный спектр номинаций современного общества, идущих на смену информационализму: креативное общество, общество, основанное на знаниях, Smart-общество, общество, основанное на конвергенции наук и технологий (НБИКС-общество).

В цепи наших рассуждений обратим внимание на то, что это не хронологическая последовательность в историческом процессе, а представления, сформировавшие доминантные черты в историческом процессе XX – начала XXI вв., связанные, прежде всего, с технологическим укладом. Поэтому в статье предпринята попытка прояснить теоретический и методологический потенциал концепта технологического уклада, позволяющий сформулировать сущностные характеристики информационного общества, тем самым повысив познавательные возможности его теоретического обоснования.

В 90-е годы XX века понятие информационного общества стало ключевым понятием социальных наук. В обсуждении радикальных изменений новой социальной реальности приняли участие ведущие философы и социальные теоретики современности. Теоретики постмодернизма зафиксировали необходимость переписывания индустриальной эпохи (модерна) с позиций новых методологий, отреагировавших на возросшее влияние знания, культуры и техники на социальные трансформации.

Понятие технологического уклада зарождается в рамках западной экономической науки. Теория технологических укладов вписывается в эволюционную парадигму развития экономики. Основоположники эволюционной экономики используют идею «естественного отбора», который формирует определенный «организационный генотип» развития экономики как перехода от одного технологического уклада к другому.

В современной социальной философии эта тенденция понимания развития через предпосылки зафиксирована Д. Беллом, О. Тоффлером. Последний использует понятие цивилизационного уклада, который возникает как результат технических мутаций, оказывающих революционное воздействие на социальный мир, качественно реформируя сферу труда, коммуникации, управления, досуга. Технологические изменения вызревают медленно, эволюционно, в терминологии О. Тоффлера, волнами, сопровождаясь при этом радикальными трансформациями социальных форм. Порождают технологические сдвиги инновационного уровня революционные предпосылки, «высвобождающие наш интеллект и волю». О. Тоффлер подчеркивает, что для информационного общества (третьей волны)

характерны «...сильнейшие перемены, которые мы сейчас переживаем»... и которые «не хаотичны и случайны; на самом деле они имеют четкую, хорошо различимую структуру... Предполагается, что эти перемены имеют кумулятивный характер, т. е. они суммируются с некоей гигантской трансформацией в соответствии с тем, как мы живем, трудимся, развлекаемся и мыслим» [Тоффлер, 2002, с. 37].

Позиция британского философа С. Лэша представляет интерес в контексте сформулированной в предлагаемой статье проблемы, поскольку он пытается вернуть понятию информационного общества содержательный статус, опираясь на критический анализ технологического уклада данного типа социальной реальности. Критическая интенция данной позиции содержится в тезисе, согласно которому в результате становления информационного общества возникает новый технологический уклад жизни, игнорирующий антропологический аспект, затрагивающий развитие человека, его поведение, ценности и смыслы человеческого существования. Критическое осмысление формирующегося технологизированного порядка представляется автору важной задачей современного социально-гуманитарного знания.

Концептуализация технологического уклада в теориях О. Тоффлера и С. Лэша с разных позиций раскрывают его методологический потенциал, выходя за пределы его технико-технологических параметров.

С. Глазьев выделяет пять технологических укладов, начиная отсчет от промышленной революции XVIII века, и формирующийся в настоящее время шестой уклад [Глазьев, 2010]. Пятый технологический уклад соответствует экономике информационного общества, его временные границы обозначены 1970–2010 годами. Технологический уклад информационного общества представлен микроэлектроникой, программным обеспечением, робототехникой, новыми материалами. По заявлению Комитета Государственной Думы РФ по науке и наукоемким технологиям мы сейчас находимся в шестом технологическом укладе, который называется «конвергенция НБИК-технологий», нано-, био-, информационных и когнитивных технологий... [Стенограмма, 2010]. Таким образом, специфика шестого технологического уклада связывается с развитием конвергентных наук, технологий и общества (американская концепция NBIC-конвергенции и отечественная концепция НБИКС-конвергенции).

Понятие «конвергенция» происходит от латинского *convergo* – приближение, схождение. Оно имеет много смысловых граней и аспектов. Конвергенция приобрела господствующее положение в сфере взаимодействия технологии, науки и человека, а также и всего общества в целом. При этом под технологической конвергенцией понимается не простое сближение или схождение, а сложный комплекс взаимодействия пяти научно-технологических областей: нанотехнологий, биотехнологий, информационных технологий, когнитивных и социальных наук.

Феномен конвергенции стал широко известен вследствие упомянутой выше NBIC-конвергенции, которая вызвала широкий резонанс в обществе и научных кругах, взяла на себя доминирующую роль развития науки, технологии и самого социума. Термин NBIC введен в 2002 г. американским наноученым М. Роко и американским социологом У. Бейнбриджем, авторами отчета «Конвергирующие технологии для улучшения природы человека» [Converging, 2002]. В англоязычных текстах для конкретизации часто используется термин «human enhancement» («усовершенствование, улучшение человека») с дополнительным пояснением, что речь идет о технологическом усилении, приращении человеческих способностей, модификации человеческой телесности и интеллекта. Отчет был посвящен раскрытию особенностей и значения NBIC-конвергенции. В отчете утверждается, что сейчас научно-технологические области человеческой деятельности – как эволюционно-сопряженной совокупности практик познания, изобретения и конструирования – достигли такого уровня инструментального развития, при котором они должны вступить в интенсивное синергетическое взаимодействие. Результатом последнего явится становление качественно новой нанотехнонауки, открывающей перед человеком и человечеством новые горизонты собственной эволюции как осознанно направляемого трансформативного процесса.

В национальном исследовательском центре, Курчатовском институте, возник новый вид конвергенции – НБИКС-конвергенция, в которую включен социогуманитарный аспект. Новая технологическая революция открывает возможности для полноценного участия социогуманитарных наук в конвергенции знаний и технологий, в том числе и за счет развития «технологической компоненты» социально-гуманитарного знания. Следует подчеркнуть, что такое развитие будет означать серьезные изменения в характере самого гуманитарного знания.

Нанотехнологии и биотехнологии дают ключ к изменению мира артефактов и живой природы, в том числе биологии человека, на самом фундаментальном уровне [Басалаев Ю.М. и др., 2015, с. 116]. Информационные и когнитивные технологии, дополненные технологиями социогуманитарными, имеют в качестве приложений самоорганизацию сетей различных типов (от нейро- до социальных), порождение искусственной жизни и многое другое [Алексеева И.Ю. и др., 2013]. Основная проблема, как нам видится, в том, что индивид в процессе социализации и аккультурации приобщается к обществу и культуре, не осознавая этого факта, не рефлексировав над ним. Иными словами, индивид в этом случае практически методологически не оснащен. Иное дело в случае освоения информационных процессов. Любой пользователь сознательно усваивает методику и приемы работы как с отдельным компьютером, так и работу, например, в сети Интернет, то есть пользователь уже методически оснащен, а профессионал – методологически. В социально-культурном отношении методологическое поле дискретно. Это выражается в том, что в методологическом поле практически отсутствуют культурные технологии, часто подменяемые представлениями о социально-культурных технологиях, сводимых к досуговым технологиям, которые соединяют концептуальное видение культуры с культурными практиками субъектов культуры. Возможно, по этой причине компонент культуры не выражен в концепции НБИКС. Тем не менее нельзя отрицать, что конвергенция наук и технологий – инструмент построения будущего общества. НБИКС-общество можно определить как возможный вариант дальнейшего развития информационного общества и общества, основанного на знаниях. Т. к. рост процессов конвергенции в начале XXI в. отмечен вокруг ядра информационных технологий, поскольку они используются во всех других областях.

Таким образом, основные направления шестого технологического уклада сосредоточены в области биотехнологии, нанотехнологии, системах искусственного интеллекта, глобальных информационных сетей, интегрированных социально-гуманитарных технологий. Здесь актуализируется тема инноваций в значении, которое им приписывается экономической традицией, то есть трансформации научных изобретений в нововведения, производящие новые товары и новые доходы в экономике. Выявление изобретений, способных стать инновациями, объединяет в социальном пространстве технологического уклада два типа специалистов и две логики – научную и экономическую. Научная логика, по нашему мнению, связана с конвергенцией НБИКС, которая существенным образом должна изменить человеческую цивилизацию. НБИКС-общество – это определенный тип биосоциотехнической системы, состоящей из разнородных взаимосвязанных элементов и подсистем, свойств и отношений, созданной индивидами на основе нанотехнологий, целью которых является реализация идеи «улучшения» человека, а в дальнейшем – и реализация идеи иммортализма (бесконечности жизни). «Улучшение» обеспечивает качественно новые способности человека. Например, австралийский художник Stelios Arcadiou считает, что человеческое тело устарело, а потому его следует модифицировать самым неожиданным образом. Ухо, имплантированное в руку, стало частью его нового тела. Он, кстати, вовсе не отрезал его себе, подобно Ван Гогу, а искусственно вырастил. Stelios Arcadiou утверждает, что тело грядущего – не металлический Терминатор, чьи настоящие органы заменены на искусственные, а система, в которой естественные органы разведены в пространстве, но связаны и координируются на электронном уровне. Другим примером может быть Neil Harbisson, художник из Великобритании, в голову которого вживлена антенна, позволяющая ему распознавать цвета, который официально признан первым в мире киборгом.

Таким образом, траектории различных путей «улучшения» размываются и переплетаются, вовлекаясь в конвергенцию различных технологий. Тем самым происходит делокализация проблемы «улучшения», ее трансформация в проблему становления новой технокультуры гибридных интерфейсов (квазиобъектов) [Алексеева И.Ю. и др., 2013].

Важно понять отличие современного процесса от тех попыток изменения природы человека технологическими средствами, которые предпринимались ранее. Актуальность проблемы изменения природы человека в контексте становления нанотехнологии связана с тем, что человек действительно впервые в своей истории обрел адекватные инструменты для радикальной (и глобальной) трансформации себя как вида. Следующий шаг в этом направлении ведет к тому, что можно назвать радикальной модификацией человека. Это уже не просто его «улучшение», а создание человека с заранее заданными свойствами, так называемые дизайнерские дети (генномодифицированные дети).

По своей сути, уже не столь важно, каким будет это общество – нанокапитализмом, наносоциализмом или нанокommунизмом. Социально-философский анализ результатов внедрения конвергенции, прежде всего, связан с многоликостью, противоречивостью и непредсказуемостью ее социальных последствий при воплощении идей на практике. Социальные последствия внедрения конвергенции состоят в возникновении новых социальных форм, построенных на новых возможностях виртуальной реальности с участием искусственного интеллекта. Социальные последствия конвергенции показывают изменения в социально значимых сферах, что позволяет выявить контуры будущего общества. С возможными последствиями в изменении образа жизни людей и их культурных представлений связаны культурные эффекты внедрения конвергенции и ее проникновения в жизнь человечества. Кроме того, конвергенция не отменяет основных противоречий общества – между трудом и капиталом, социального (в том числе и информационного) неравенства и т. п. Эти проблемы предстают лишь в иной форме.

Критика технологических проекций информационного общества является свидетельством сдвига традиционной социогуманитарной парадигмы в сторону исследования законов развития человека, фундаментальных ценностей и смыслов его жизни, основополагающих структур самоидентичности. В этой связи необходимо отметить алармистские интенции, содержащиеся в работах современных философов, размышляющих о проблемах вторжения технологий в человеческую природу [Хабермас Ю., 2002]. Так, Ю. Хабермас полагает, что прогресс в области новейших биомедицинских технологий и возросшая человеческая свобода манипулирования природными субстанциями нуждается в нормативном регулировании. Новая структура ответственности необходима вследствие стирания границ между людьми и вещами. Главный тезис, который формулирует Ф. Фукуяма, – это понятие человеческого достоинства как права на отстаивание своей уникальности в условиях технологических возможностей моделирования человеческой природы и создания новых тотальных форм социального контроля [Fukuyama F., 2002].

Таким образом, можно сделать вывод, что наметившиеся критические тенденции в исследовании технологического уклада информационного общества лежат в русле понимания того обстоятельства, что социальное развитие происходит не только благодаря технологическим прорывам и инновациям, но должно совпадать с органикой социокультурного процесса.

Кроме того, особенность шестого технологического уклада информационного общества заключается в том, что его технико-технологическая структура вторглась в природу человека, иницируя ее качественные изменения. В этой связи не случайным представляется совпадение во времени становления технологического уклада информационного общества и обсуждение темы постчеловеческого существования как важнейшей социально-философской и социально-культурной проблемы.

Список литературы
References

1. Алексеева И.Ю., Аршинов В.И., Чеклецов В.В. 2013. «Технолюди» против «постлюдей»: НБИКС-революция и будущее человека. Вопросы философии, 3: 12–21. URL: http://vphil.ru/index.php?id=717&option=com_content&task=view (дата обращения 05.03.2016)
Alekseeva I.Yu., Arshinov V.I., Cheklecov V.V. 2013. «Technohuman» versus «posthuman»: NBICS-revolution and future of humanity. Voprosy filosofii [Problems of philosophy]. 3: 12–21. Available at: http://vphil.ru/index.php?id=717&option=com_content&task=view. (accessed 16 January 2016). (in Russian)
2. Басалаев Ю.М., Басалаева О.Г., Игишева Ю.Н., Печеная Е.С., Усов А.В. 2015. Наноиндустрия и информационные технологии как приоритеты постсовременного общества. Международный журнал экспериментального образования, 9: 116–117.
Basalaev Yu.M., Basalaeva O.G., Igisheva Yu.N., Pechenaya E.S., Usov A.V. 2015. Nanoindustry and information technology as the priorities of the post-modern society. Mezhdunarodniy zhurnal ehksperimentaljnogo obrazovaniya [International Journal of Experimental Education]. 9: 116–117. (in Russian)
3. Глазьев С.Ю. 2010. Стратегия опережающего развития России в условиях глобального кризиса. М., 254.
Glaz'ev, S.Ju. 2010. Strategija operezhajushogo razvitija Rossii v usloviyah global'nogo krizisa [The strategy of advancing the development of Russia in the global crisis]. Moscow, 254. (in Russian)
4. Стенограмма выездного пленарного заседания и «круглого стола» Комитета Государственной Думы по науке и наукоемким технологиям Московская школа управления «Сколково» 2010. URL: <http://www.smolin.ru/actual/public/pdf/stenogramma-skolkovo.pdf> (дата обращения: 06.01.2016).
Stenogramma vihezdnogo plenarnogo zasedaniya i «kruglogo stola» Komiteta Gosudarstvennoj Dumih po nauke i naukoemkim tekhnologiyam Moskovskaya shkola upravleniya «Skolkovo» 2010. [Transcript of the plenary session and exit the «round table» State Duma Committee for Science and High Technology Moscow «Skolkovo» Management School]. Available at: <http://www.smolin.ru/actual/public/pdf/stenogramma-skolkovo.pdf> (accessed 06.01.2016). (in Russian)
5. Тоффлер Э. 2002. Третья волна. М.: Издательство АСТ, 776.
Toffler A. 2002. Tretjya volna [The Third Wave: The Classic Study of Tomorrow]. Moscow: Ltd. «Publishing AST». (in Russian)
6. Хабермас Ю. 2002. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 144.
Habermas, Yu. 2002. Budushchee chelovecheskoy prirody [The future of human nature]. Moscow: Ves' Mir, 144. (in Russian)
7. Converging Technologies for Improving Human Performance: Nanotechnology, Biotechnology, Information Technology and Cognitive Science. 2002. Edited by Mihail C. Roco and William S. Bainbridge, National Science Foundation. Arlington. Available at: http://www.wtec.org/ConvergingTechnologies/Report/NBIC_report.pdf (accessed: 12.02.2016).
8. Fukuyama F. 2002. Our Posthuman Future: Consequences of the Biotechnology Revolution. N. Y.: Farrar, Straus and Giroux, 256.
9. Lukina N.P., Samokhina N.N. 2015. Revisiting the Distinctive Features of the Information Society's Technological Structure. Review of European Studies. Published by Canadian Center of Science and Education, 7: 152–157.
10. Mohammad T. A. 2013. Information Society, Virtual Communities, Globalization. Life Sci J, 10 (4s): 478–481. Available at: <http://www.lifesciencesite.com.73> (accessed 06.10.2015).

УДК 174

**ПАРАДИГМАЛЬНЫЕ ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕНИЯ СО СТУДЕНТАМИ
В СОВРЕМЕННОМ МЕДИАПРОСТРАНСТВЕ****PARADIGMALNY ETHICAL PROBLEMS OF COMMUNICATION WITH STUDENTS
IN MODERN MEDIA SPACE****И.М. Невлева, Т.А. Сerezhko
I.M. Nevleva, T.A. Serezhko**Белгородский университет кооперации экономики и права,
Россия, 308023, Белгород, ул. Садовая, 116а

Belgorod University of Cooperation of Economics and Law, 116a Sadovaya St., Belgorod, 308023, Russia

E-mail: serezhko@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются этические аспекты поведения педагогов и преподавателей вузов в социальных сетях в условиях внедрения Интернет-технологий в образовательный процесс, а также этические дилеммы, с которыми сталкиваются преподаватели, используя социальные медиа, в особенности социальные сети, в образовательном процессе. Обсуждаются этические проблемы согласия, отслеживаемости, общественных/частных границ, публичного выступления в сети, репрезентации виртуальных личностей. Размышляя над собственным ответом на эти дилеммы и предлагая диалогический процесс как путь развития, автор возвращается к аргументу, что этическим выбором являются дилеммы, в которых большинство, если не все, варианты являются трудновыполнимыми.

Resume. In article ethical aspects of behavior of teachers and teachers of higher education institutions on social networks in the conditions of introduction of Internet technologies in educational process, and also ethical dilemmas which teachers face are considered, using social media, in particular social networks, in educational process. Ethical problems of a consent, traceability, public/private borders, a public statement in network, representation of virtual persons are discussed. Reflecting over own answer to these dilemmas and offering dialogical process as a way of development, the author comes back to an argument that the ethical choice are dilemmas in which the majority if not everything, options are exigent.

Ключевые слова: Интернет, социальная сеть, информационная безопасность, этика, этическая дилемма, информатизация, высшая школа, образовательное пространство, медиакомпетентность.

Keywords: Internet, social network, information security, ethics, ethical dilemma, informatization, the higher school, educational space, media competence.

В настоящее время бурное развитие новых информационно-социальных условий жизни современного общества, переход от локальной среды формирования личности к глобальной информационно-медийной структуре заставляют по-новому рассматривать все аспекты образовательного процесса. Суть образовательной парадигмы предыдущего периода отражала репродуктивный характер самого процесса обучения, состоящего в создании механизма передачи знаний, умений и навыков от учителя к ученику, при этом учитель был их основным источником, он определял и их объем, и методику усвоения. В рамках данной парадигмы основным потребителем образовательных услуг являлся обучаемый; продуктом, создаваемым в ходе оказания услуги, являлся набор знаний и навыков студента в соответствующей предметной области. Основным качественным параметром передаваемых знаний, умений и навыков при этом являлась их адекватность производственным процессам за время обучения и отработки (оправдания) затраченных на обучение средств. Однако такой подход для массового образования приводил к ограниченности в применении полученных знаний в силу их специфичности. При прямом перемещении знаний от учителя к ученику сфера их применения была ограничена соответствующей предметной областью.

Во второй половине XX столетия скорость экономических процессов превысила критический уровень для окупаемости образовательных услуг, а глубина и усложненная структура необходимых производству специальных и научных знаний превзошла критический для психофизиологического восприятия человека уровень. Появились другие производственные требования, существенно отличающиеся от знаний, умений и навыков обучаемых на выходе. В недалеком прошлом специалист – человек, владеющий специфическим набором знаний, умений и навыков, сейчас – человек, способный в непрерывном ритме развивать свои знания, умения и навыки, обновлять их, применять в различных предметных областях и, соответственно, имеющий определенный набор интеллектуальных личностных качеств и уровень общей культуры [3].

В связи с этим существенно увеличилась также роль, которая отводится информационно-коммуникационным технологиям для повышения эффективности обучения. Сейчас очевидно, что в рамках современного медиaprостранства сформировался глобальный информационно-образовательный кластер (ИОК), состоящий как из ресурсов образовательных учреждений разного рода, так и частных источников. Ряд авторов обращает внимание на тот факт, что активное внедрение информационных технологий в образовательный процесс размывает прежнюю образовательную парадигму и порождает потребность формирования ИКТ-компетенции всех педагогических работников [1, 3, 8]. Однако утверждение профессора А.В. Могилева о том, что социальные сети делают бессмысленными традиционные формы обучения, такие, как изложение, запоминание и воспроизведение готовых знаний, при этом любую информацию «легко и просто» найти в Интернете [4, с. 172], представляется преждевременным. Практика показывает, что критическое мышление среднестатистического современного студента, а также навыки поиска и отбора релевантной информации развиты слабо. Он оказывается «заложником» интернета в том смысле, что со школьных лет приучен к получению готового результата поиска по первому запросу, который часто представляет собой некачественный контент.

Педагоги в этих условиях не могут ограничивать свое общение со студентами только аудиторией. Преподавателю, который хочет идти в ногу со временем, чувствовать свою аудиторию, необходимо вхождение в молодежное социальное подпространство, что должно обеспечить лучшее понимание взглядов, привычек, поведенческих проявлений и интересов студенческой аудитории. При этом мы имеем ввиду не столько дистанционное обучение, реализуя которое, педагоги записывают публичные лекции, высылают задания и т. п., сколько возможности, открывающиеся перед заинтересованным преподавателем через общение со студентами в социальных сетях, посредством которых можно также проводить работу по повышению профессионального уровня обучаемых, формированию у них широкого диапазона представлений в изучаемой предметной области, умений и навыков, соответствующих современным требованиям. В настоящее время чрезвычайно актуальными являются вопросы применения в образовании социальных сетей. Глобальная сеть сама становится ресурсом и социальной информационной средой, в рамках которой решаются в том числе и новые педагогические задачи и реализуются новые формы учебной деятельности, которые невозможно представить и осуществить вне сети.

Процессы информатизации по-прежнему требуют своего научного осмысления представителями разных отраслей, глубокого изучения социального и культурологического аспектов, особенностей и специфики их внедрения и использования в разных сферах жизнедеятельности людей, в том числе в системе образования, а также анализа их позитивных и негативных последствий. Теоретико-методологические основы исследования образования как сетевой социокультурной среды анализируют в своих работах В.Н. Федоров [11], А.Б. Шалимов [12] и др. Непосредственно информационные технологии, их сущность и значение изучали такие исследователи как Ю.С. Песоцкий, А.А. Плаксина, Э.А. Тихонов, А.И. Яковлев и др. Подготовкой педагога к реализации образования в условиях его информатизации, его готовностью к использованию средств информационных и коммуникационных технологий в своей профессиональной деятельности занимались Е.В. Данильчук, Т.В. Добудько, Т.А. Лавина, М.Б. Лебедева, Т.А. Сережко [7–10]. Использование виртуальных социальных сетей в образовании анализировали А.Н. Попова, С.В. Крайнов [6] и др. Зарубежный и отечественный опыт применения социальных се-

тей и социальных медиа в учебном процессе вуза анализируется в работах И.Ф. Албеговой [1], рассматривающей перспективы развития электронного обучения в контексте использования образовательного потенциала социальных сетей.

Существуют разные методологические и теоретические взгляды на использование социальных сетей в учебном процессе. При анализе публикации по данной проблеме определено, что в работах А.В. Могилева [4], И.Л. Кафтанникова, Ю.Г. Плаксиной [3] и др. обоснованы вопросы использования образовательных виртуальных сообществ преподавателями и учителями с целью обмена опытом. Современные ученые достаточно глубоко исследуют возможности социальных сетей образовательного направления, принимают участие в разработке учебных курсов, вебинаров. Анализ научных публикаций и нормативных документов дает основание утверждать, что проблема использования возможностей социальных сетей в образовании является актуальной и востребованной. На наш взгляд недостаточное освещение в научно-методической литературе получили исследования этических аспектов применения технических и программных средств управления виртуальными сообществами для организации учебного процесса.

Целью данной работы является теоретический анализ этических проблем, возникающих в процессе переноса общения между преподавателями и студентами в Интернет-среду, а также организация вероятных стратегий регуляции поведения в сети, на основе которых могут быть выработаны методические рекомендации для преподавателей вузов.

Понятие «социальные сети» генетически произошло от классического социологического понятия «сети», которое традиционно использовалось при изучении организационного поведения, межорганизационных отношений, горизонтальных связей и поддержки индивидов, распространения информации, установления и развития политических, культурных и научных связей и т. п. «Социальные сети» как понятие и явление возникло с появлением виртуальной действительности и характеризует онлайн-социальные сети. Понятие «сетевое общество» все чаще стало фигурировать в работах философов и социологов, посвященных современной постиндустриальной эпохе. Взяв его за основу, американский социолог М. Кастельс сделал себе имя. Продуктивное применение понятию «сети» нашли такие авторы, как П. Бурдьё, Ж. Делез, ряд других представителей постструктурализма, неоинституционализма и коммуникативистики.

В современном медиапространстве социальная сеть – это интерактивный многопользовательский веб-сайт, который представляет автоматизированную социальную среду, позволяющую активно общаться пользователям, объединенным общими интересами. Характерными особенностями социальных сетей являются возможности создания собственной страницы, размещения на ней личной информации в различной форме: в виде фотографии, описания, видео и др., установления контакта с другими участниками сети, обмена с ними разнообразной информацией.

Ценность социальных сетей определяется не только и не столько контентом, который передается по каналам сети к пользователям. С развитием сервисов Web 2.0 значение официального контента заметно падает, и пользователей больше привлекают сетевые сервисы, которые отражают дополнительные возможности коллективного общения и совместной работы. Эти возможности в приложении к обучению и определяют понятие социального обучения.

Общение в социальных сетях, блогах и имитаторах трехмерного пространства позволяет общаться с людьми – носителями изучаемых языков, представителями различных культур и национальностей, что намного полезнее для образования и эффективнее, чем изучение данного материала по печатным или обычным медиаисточникам.

Коллективная работа над проектами возможна с помощью практически любых средств социальных сетевых сервисов. Так Вики позволяет учащимся совместно создать учебное пособие, реферат, исследовательскую работу. Коллективный фотоальбом помогает собрать воедино фотографии с какого-либо мероприятия или по заданной тематике.

Специальные программы для управления проектами, установленные в локальной сети или в Интернете, помогают руководить ходом проекта, заниматься распределением задач в онлайн-режиме, создавать список часто задаваемых вопросов или организовывать форум по заданной теме.

Виртуальное пространство, анонимность и социальные сетевые сервисы вместе представляют собой уникальную площадку для проведения психологических тренингов и ролевых игр, инсценировок и моделирования различных ситуаций: психологических, педагогических, экономических, даже географических [1].

Таким образом, социальные медиа являются местом для инновационного обучения, с одной стороны. С другой стороны, они также ставят много этических дилемм для преподавателей. В своей работе мы обращаем особое внимание на проблемы, связанные с особенностями использования социальных медиа, например, Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники», а также других сетевых СМИ, которые организуют взаимодействия между людьми, такими как блоги (например, Blogspot), микроблоги (например, Твиттер), wikis (например, wiktionary.org), форумы (например, minecraftforum.net), хранилища видео (например, YouTube) и изображений (например, Flickr). К социальным медиа можно также отнести виртуальные миры (например, SecondLife) и различные многопользовательские ролевые онлайн-игры (MMORPG), такие как World of Warcraft и пр. Кроме того, многие приложения на мобильный телефон и личные устройства (например, iPad) также соответствуют определению социальных медиа, например, Localmind (приложение для iOS, представляющее собой мобильную энциклопедию, основанную на знаниях местных жителей, хорошо знакомых с территорией).

Важной особенностью социальных медиа является коллективно создаваемые тексты. «Стена» Facebook или страница профиля в Твиттере не только составлена пользователем из изображений, текста, информации из других СМИ, но также создана и теми людьми, которые комментируют представленную информацию. В отличие от ранних форм цифровой обработки текста, которая поддерживала высокую степень персонального авторства, современные социальные медиа предоставляют возможность совместного создания текстов. Такая природа текстов социальных медиа свидетельствует о том, что многие из них построены людьми, руководствующимися собственными интересами и личными представлениями о цели и пользовательской аудитории. Так же, как большинство социальных медиа сами по себе не были разработаны для использования в обучении, содержание большинства социальных сетей также не было разработано, чтобы использовать в обучении. Это не умаляет значимости их использования в образовательном контексте, как продемонстрировано растущим числом отечественных и зарубежных исследований (И.Ф. Албегова, И.Л. Кафтаников, Ю.Г. Плаксина, 2015; А.В. Могилев, 2012; Snyder, 2012; Henderson, 2013; Wong & Hew, 2010), но это ставит проблемы этического характера перед преподавателями, которые, во-первых, используют тексты, разработанные в личных целях, и, во-вторых, поощряют создание текстов, нарушающих авторские права. Действительно, этические проблемы преимущественно основаны на понимании того, что и у студентов, и у преподавателей есть личная жизнь за пределами университета, которая также характеризуется разнообразными контактами и текстами социальных медиа, например, таких как Facebook или ВКонтакте.

Кроме того, социальные медиа, особенно социальные сети, часто являются объектом критики со стороны СМИ в контексте кибербуллинга и агрессивного поведения, что стимулирует панику, несмотря на изученность всех аспектов риска (Green & Hannon, 2012; Merchant, 2011). Это предубеждение неизбежно приводит к напряженности и проблематичности использования социальных медиа в обучении. Тем не менее растущий корпус данных демонстрирует, что, несмотря на риски, у социальных медиа есть ценная роль в коммуникации и управлении межличностными отношениями, творческом взаимодействии, обучении, формировании личности (АСМА, 2009; Byron, 2008; FCC, 2009). Опытным путем уже доказано, что сетевые сообщества могут служить педагогической практике для развития совместного мышления, толерантности, освоения децентрализованных моделей, критичности мышления. Интерактивное обучение с использованием социальных сетей, где грань между онлайн-обучением и социализацией размывается, позволяет повысить мотивацию студентов [1]. Как следствие, преподаватели остаются в сложном положении, пытаясь ввести новшества в образовательный процесс, используя социальные медиа и в то же время осознавая имеющиеся риски. Однако, несмотря на то, что многие проблемы, такие, например, как кибербуллинг, хорошо исследованы и решаются через развитие системы кибербезопасности, есть диапазон других профессиональных ди-

лемм, возникающих при использовании социальных медиа в обучении, которые на сегодняшний день исследованы не достаточно.

Базовые этические принципы, утвержденные Бельмонтским докладом [2], сводятся к трем основополагающим ценностям:

1. Уважение личности.
2. Благодеяние.
3. Справедливость.

На современном этапе развития научного знания эти классические принципы релевантны и ценны. Однако сегодня необходимо более детальное понимание того, как они применяются в новых и сложных социальных условиях. Когда мы используем социальные медиа, принципы, имеющиеся в нашем моральном сознании, могут потерять ясность, поскольку иногда трудно ответить на вопросы: чьи данные мы используем, что является частным, а что – общественным и каковыми могут быть последствия на данный момент и в будущем (Henderson, Johnson, & Auld, 2013).

В контексте обучения с использованием социальных медиа мы должны привлечь более широкий и менее определенный набор этических рекомендаций. Можно утверждать, что с этической точки зрения обучение синонимично «культуре заботы», которую педагог привносит в аудиторию. Руководящие принципы сформулировал J. Nias (1999), который определяет шесть аспектов «культуры заботы» в обучении: эмоциональный отклик, ответственность за учеников, ответственность за отношения в учебном заведении, самопожертвование, сверхдобросовестность и самобытность [28]. Levinas (1979) также предусматривает этические основы практики обучения: он утверждает, что жизнь всех людей в наибольшей степени зависит от «хлеба насущного и образования», и мы находимся непрерывно в этических отношениях с «другим» [23]. В то время как эта конструкция «другого» объясняет ответственность преподавателя, она также релевантна при попытке дать этический ответ тем другим, которые участвовали в составлении текста, такого как страница Facebook. Например, тексты, к которым имеет доступ студент или использует в обучении, могут являться монтажом текстов различных авторов, которые не давали разрешения для использования их в образовательной среде. Кроме того, социальные сети стирают границы между профессиональной и личной жизнью, что ведет к появлению социальной неопределенности в отношении ролей, нарушению привычной субординации, а также относительной доступности информации приватного характера и вызывает, таким образом, значительную напряженность со стороны преподавателей и образовательных организаций.

Можно сформулировать четыре этические дилеммы, которые должны осознавать преподаватели, использующие содержание социальных медиа в образовательном пространстве, или планирующие исследование / документирование социальных медиа в обучении. В этом контексте необходимо сделать моральный выбор, и, в конечном счете, дать свой собственный ответ на дилеммы, согласно их социокультурному и профессиональному контексту. Этические дилеммы представлены в табл. 1 и сформулированы согласно устоявшейся этической практике (согласие, отслеживаемость / конфиденциальность, границы и контакт с противоправной деятельностью).

Поднимая эти вопросы, мы не отговариваем преподавателей от использования социальных медиа. Скорее, мы надеемся построить пространство, в котором преподаватели уполномочены выстраивать сотрудничество и диалог, осознавая последствия и этические дилеммы, с которыми они сталкиваются в изменяющейся профессиональной практике.

Согласие касается способа получения разрешения от людей сотрудничать с ними в каком-либо формате и в получении доступа к их данным. Есть много проблем относительно получения согласия, с которыми сталкиваются преподаватели, используя социальные медиа в работе со студентами. Одна из таких проблем состоит в ответе на вопрос, что считать общественными (публичными) данными. Включаясь в дебаты о том, что составляет частную и общественную информацию, Rosenberg (2010) считает: то, что публично доступно в Интернете, и то, что воспринято участниками группы, может сильно отличаться [29]. Например, если студент публикует видео на YouTube для друзей, он не всегда желает, чтобы то же самое видео было показано в учебной аудитории. Преподаватели должны уточнять, какие виды ресурсов социальных медиа они могут использовать в аудитории, поскольку их производители по-

тенсиально создавали их не для общественного потребления. Рассматривая проблему согласия, Boyd и Marwick (2011) считают, что у молодых людей не всегда есть полное понимание долгосрочных последствий регистрации в социальных медиа [16]. Очевидно, преподавателю необходимо учитывать первоначальную цель и аудиторию созданного текста, спрашивая согласие использовать данные материалы в образовательном процессе.

Таблица 1
Table 1

Этические дилеммы преподавателей, использующих социальные медиа в образовательном процессе или исследовательской деятельности

Ethical dilemmas of the teachers using social media in educational process or research activity

Этические дилеммы	Использование социальных медиа в образовательном процессе	Использование социальных медиа в исследовательской деятельности
Принцип согласия – уважение к достоинству другого человека выражается в обязательном получении его согласия на определенное обращение.	Имеет ли преподаватель право использовать или публиковать тексты студентов из социальных сетей для обсуждения в аудитории? Действительно ли преподаватели могут использовать доступ к виртуальным страницам студентов в их социальных медиа в контексте обучения?	Когда и как мы должны искать информированное согласие в окружающем медиaprостранстве, которое все чаще транслирует тексты, сконструированные несколькими десятками человек, создавая иллюзию частной жизни в толпе, анонимности через аватары, и в котором личные данные все больше и больше выходят из-под контроля человека?
Конфиденциальность (Отслеживаемость)	Должны ли преподаватели подталкивать студентов к публичным высказываниям в социальных сетях по тем или иным учебным вопросам?	Какова роль педагога в процессе утраты конфиденциальности и раскрытия личных идентификационных данных в сетевом, все более и более расширяющемся, и, в конечном счете, доступном для поиска «dataverse» (виртуальном хранилище данных)?
Границы	Подготовлен ли педагог к раскрытию своих социальных медиа студентам как ответ в процессе обучения?	Подготовлен ли педагог к раскрытию своих социальных медиа студентам как ответ на свою научно-исследовательскую деятельность?
Признание и ответ на незаконную деятельность	Должен ли педагог противостоять какой-либо незаконной деятельности, связанной с использованием студентами социальных медиа?	Что представляет собой незаконная деятельность в социальных медиа, требующая вмешательства?

Другим аспектом проблемы согласия является возможное «выдергивание» информации из контекста в образовательную среду. Bakardijeva и Feenberg (2000) приводят доводы в пользу понятия «неотчуждения», где содержание онлайн-коммуникации не вырвано из контекста оригинального возникновения без явного разрешения [15]. Комментарии, которыми преподаватели сопровождают использование социальных медиа в аудитории, могут значительно отличаться от комментариев, которые публиковались в процессе производства текстов в социальных сетях. Преподаватели должны анализировать, этично ли апеллировать к личностям студентов, тексты которых они используют в их социальных медиа в качестве части процесса обучения в аудитории. Использование социальных медиа в аудитории означает, что преподаватели должны расширить по Nias (1999) «конструкцию заботы» со ссылкой на то, чтобы быть ответственным за отношения в школе. Преподаватели, использующие социальные медиа, ответственны за отношения со студентами и «друзьями» за пределами школы, отношениями, установленными в цифровой среде [28]. Когда студенты действительно дают согласие для использования своих изображений, текстов и аватаров в аудитории, преподаватели

должны осознавать, что это согласие, возможно, нужно еще раз пересмотреть. Есть реальная проблема в получении согласия участников на предмет того, как их частная информация и взаимодействия могут быть преобразованы в общественные данные. Ключевая идея использования социальных сетей педагогом в процессе взаимодействия со студентами в социальных сетях заключается в обязательной рефлексии, которая предполагает всестороннее осмысление процесса и результатов данного взаимодействия, различных сопутствующих феноменов, соотнесение их с собственным педагогическим опытом, формирование собственного видения образовательных проблем и механизмов их решения.

Включением социальных медиа в контекст обучения мы неявно требуем, чтобы студенты, стремясь преуспеть в учебе, привлекли свои знания в области социальных медиа. В то время как Moll, Amanti, Neff и Gonzalez (1992) предположили, что использование «домашних методов» студентов в аудитории может привести к успешной педагогике, мы должны также учитывать, не делаем ли мы студенческую группу заложниками использования плохо подобранных и плохо понятых социальных медиа, которые могут привести к непреднамеренным последствиям и которые представляют собой вторжение во «внеучебные» практики и личности студентов [26]. Обзор литературы показывает, что, несмотря на знакомство студентов с социальными медиа, с одной стороны, отмечается, что они не окончательно испытаны в образовании, с другой – наоборот, мы слышим возмущенные отзывы по поводу использования социальных медиа в обучении (Snyder et al., 2012). Конечно, склонность студентов использовать созданные в соавторстве тексты из социальных медиа в личной жизни не является само по себе достаточным основанием, чтобы использовать технологию, имеющую облик «подлинности» в обучении [30].

Интернет-браузеры непрерывно сканируют электронную почту пользователей с помощью автоматизированных систем. Они используют это для обнаружения спама и вредоносных программ, а также для специализированной рекламы. Содержание электронной почты, а также поисковые запросы, просмотры на YouTube и профиль в социальных сетях в целом анализируются, и эта информация используется для генерации объявлений, наиболее подходящих для конкретного пользователя. Этот процесс сканирования и индексации не может быть полностью выключен, что делает его этическим вопросом конфиденциальности информации в Интернете.

Когда преподаватели просят, чтобы студенты написали в Твиттере, записали в блог, отправили информацию, прокомментировали или составили тексты совместно с остальной частью группы, они, по сути, подталкивают студента к выступлению на официальной или полуофициальной арене. В этой ситуации преподаватели сталкиваются с этическим вопросом о том, безопасна ли эта практика для личности студентов. Как мы можем обещать студентам, что их цифровой след (разговоры онлайн, взаимодействия, персональные данные) будет ограничен контекстом группы? Важнейшая особенность социальных медиа состоит в том, что созданный профиль может сохраняться в течение длительного времени. Это является тем более проблематичным, чем более высокотехнологичными становятся возможности поиска, позволяющие найти и собрать данные о профиле человека через множество платформ социальных медиа, таким образом, обнародовав совсем другой и потенциально нежелательный профиль человека, над которым он имеет минимальный контроль. Кроме того, пути, которыми в социальных медиа, особенно в социальных сетях, информация создается и публикуется, отличаются значительной степенью автономии от того человека, информация которого используется. Международный Совет по политике в области прав человека отмечает, что «сегодня «частный человек» является общественным лицом..., которым он управляет только частично» [22, р. 65].

Кажется, что в наше время поисковые системы так мощны, что почти каждая цифровая фраза прослеживаема. Международный Совет по политике в области прав человека (2011) полагает, что мы – все часть «dataverse», относящегося к повсеместной природе данных, окружающих наши повседневные жизни, и люди имеют доступ к этим данным [22]. Преподаватели, которые анонимно цитируют пользователей из социальных сетей в аудитории, могут найти автора текста через поисковые системы. Еще большее беспокойство вызывает то, что, поощряя студентов использовать социальные медиа в целях обуче-

ния, учитывая интеллектуальные и творческие риски, мы потенциально овеществляем идентификационные данные студентов в течение многих последующих лет.

Также необходимо затронуть и такой аспект интернет-общения в социальных сетях, как соблюдение принципа герменевтичности, предполагающего адекватное понимание смысловой сущности использованных слов и выражений. Ведь человек, вступая впервые в виртуальное взаимодействие, может быть просто неверно истолкован, равно как порой не может понять тот сленг, который используется в Интернете.

Хотя формы общения и деятельности в интернете очень разнообразны и отличаются друг от друга, они обладают общими свойствами, которые являются результатом специфики коммуникации в Интернет-пространстве и, в частности, в социальных сетях. Такими особенностями по сравнению с реальным миром являются: невидимость субъекта коммуникации, анонимность, слабая регламентированность поведения, разнообразие сред общения, видов деятельности и способов самопрезентации [6].

В связи с этим актуальной становится проблема нарушения приватности информации обеих сторон. Подробности личной жизни, биография, круг интересов, а также сведения о социальной среде участников процесса общения могут повлиять как на репутацию преподавателя – один из основных инструментов его действия в группе, так и на социальное положение учащегося в группе, а также на личные взаимоотношения. Страница в социальной сети – «лицо» человека в интернете, средство самовыражения и способ самопрезентации в разных группах пользователей – от друзей и родственников до коллег и случайных знакомых. Несомненно то, что личная информация не всегда уместна для представления в разных группах, но она всегда является целью повышенного интереса. Видео-записи, фотографии, список «друзей» могут многое рассказать о человеке, скомпрометировать, повредить его репутации, а, например, указанный в профиле номер телефона может быть доступен и использован людьми, для которых он не был предназначен, то есть может быть нарушена субординация и совершено вторжение в личную жизнь.

Любопытно, что в очной беседе (или, скажем, в телефонном разговоре) студенты проявляют себя более тактичными, нежели в социальных сетях. Парадокс, но при общении в интернете происходит некоторое стирание социальных ролей, и молодые люди начинают примерять на себя часть той модели поведения, к которой они привыкли, используя данную площадку коммуникации. Безусловно, речь не идет о хамстве, или, скажем, «панибратстве», скорее – о включении «собеседника-препода» в поле «френд-зоны», дающее право «лайкать», оставлять комментарии и позволять себе чуть больше, чем во время очного общения. Из этого следует, что преподаватель в своем общении со студентами через Интернет может столкнуться с проблемой нарушения социальных ролей как со стороны коммуникатора, так и со стороны реципиента – иллюзия вседозволенности может сыграть злую шутку как с самим преподавателем, так и с учеником, ведь в Интернете людям свойственно принимать собеседников как изначально равных себе участников процесса общения, и это отношение может легко перейти в плоскость реальности. Этот аспект стоит всегда принимать во внимание педагогам в случае активного общения со студентами в социальных сетях [1].

Итак, дилемма возникает, когда устоявшиеся нормы поведения сталкиваются с новыми технологиями, требующими пересмотра прежде известных границ между частным и общественным, личным и профессиональным/студенческим, и даже досугом и работой / университетом. Преподаватели должны учитывать то, какими могут быть последствия от общения в социальных сетях. Опросы свидетельствуют о неподдельном желании студентов видеть преподавателей в числе своих друзей в социальных сетях, виртуально общаться с ними по разным вопросам, в том числе о хобби, интересах, политических взглядах и др. Большинство студентов с удовольствием просматривают новостные ленты своих преподавателей, комментируют их. Таким образом, две самых очевидных этических проблемы соседства в социальных медиа определяются следующим: с одной стороны, преподаватели, открывающие свои частные (внеуниверситетские) идентификационные данные в профилях, не всегда соответствуют ожиданиям студентов, оценивающих личность преподавателя с профессиональной точки зрения; с другой стороны, студенты, активно ищущие контакт с преподавателями в сетях и при этом участвующие в формировании профиля преподавателя, могут иметь неверные ожидания от общения.

Эти этические проблемы актуальны как внутри, так и за пределами социальных медиа. Однако уникальные особенности социальных медиа, такие как анонимность браузера, постоянство данных, включая истории социальных взаимодействий и простоту поиска через сети, увеличивают потенциальные риски для преподавателей.

Если преподаватели используют социальные медиа в личных или профессиональных (т. е., чтобы преподавать и учиться) целях, возникает риск повышенного общественного внимания к их профилям, в том числе со стороны студентов, наблюдающих аспекты того, что можно считать частной жизнью. Кроме того, определение коммуникации в этом отношении становится проблематичным, поскольку применение социальных сетей, где сохраняются архивы файлов и деятельности, которые, естественно, становятся доступны студентам при разрешении их доступа к профилю преподавателя.

В связи с этим возникает вполне резонный вопрос: а нужно ли общение преподавателя с обучающимся в социальных сетях? Особенно если речь не идет о дистанционном образовании. Бездумная политика открытости и прозрачности в некоторой мере попирает устоявшиеся веками традиции академичности высшего образования, и в том числе коммуникативной модели «учитель – ученик». Социальные сети делают доступными «внеуниверситетские» личности преподавателей для обозрения студентами, их родителями, коллегами и профессиональными сообществами. В то же время чрезмерная ретроградность и ортодоксальность в данном вопросе неприемлема. Как же быть?

Очевидного ответа на данный вопрос для преподавателей, принявших решение создать личную страницу в любой социальной сети, не существует. Некоторые исследователи говорят о необходимости более высокой степени защиты частной жизни и контроле. Для сохранения прежних отношений, возникших в реальной жизни, необходимо соблюдение прежних социально-этических правил, а также правил, возникших в ходе образовательного процесса в малой группе, в которой и взаимодействуют коммуникатор и реципиент. В данном случае уместен обмен информацией в любых количествах, но исключительно образовательного (или имеющего отношение к совместной деятельности) характера. Однако это не всегда выполнимо и не всегда желательно, поскольку нивелирует подлинный контекст до инсценированного диалога.

Другая стратегия для преподавателей может состоять в том, чтобы создать профиль в социальной сети определенно для профессиональной деятельности. Это позволяет решить некоторые проблемы, но требует значительных усилий и целенаправленного обслуживания (например, удаление «друзей»-студентов в конце каждого года, очищение истории взаимодействий, включая фотографии, и т. д.). Необходимо выработать личную политику доступа к информации различных групп собеседников в Интернете, реализовать ее посредством настройки приватности в той или иной социальной сети. Также можно вести общение с нескольких несвязанных аккаунтов, каждый из которых предназначен для разных групп.

Представляется, что некоторая смена парадигм, наблюдаемая в наши дни – есть суть переходного периода, отличающегося формированием новых ценностей и коммуникативных моделей. Иными словами, со временем эволюционным путем должны сложиться новые нормы морали и этики общения в соцсетях, которые позволят выработать приемлемую коммуникативную модель «учитель – ученик». Однако сегодня, скорее всего, не стоит злоупотреблять такого рода общением и ограничивать его исключительно консультированием по вопросам материала преподаваемой дисциплины или, скажем, решением организационных моментов. В противном случае извращение социальных ролей может стать существенной проблемой для дальнейшего взаимоотношения учителя и студента.

Когда преподаватель сталкивался с той частью работы студента, в которой использовано изображение известной кинозвезды или популярного анимационного персонажа, должен ли он рассматривать это как противоправное поведение, связанное с нарушением авторского права? Даже при том, что риск преследования по закону может быть минимален, многие преподаватели не учитывают данный аспект проблемы и рассматривают процесс как выражение согласия на использование идентификационных данных (Henderson, De Zwart, Lindsay, & Phillips, 2010) [20]. Проблемой здесь является публикация материала онлайн, степени понимания читателями и студенческим сообществом авторского права, которое может нарушаться при использовании материалов в аудитории. Прежде чем пре-

подаватель может ответить на противоправную деятельность, он должен признать нарушение прав правообладателей. В вышеупомянутом примере предполагается, что преподаватель должен знать все защищенные авторским правом изображения, которые студенты могут использовать в аудитории, что, конечно, нереально.

Имея дело с социальными медиа, не всегда легко опознать ключевых участников (преступники, жертвы, регулирующие или сообщающие органы) или даже противоправную сущность самой деятельности (Auld & Henderson, 2014). Например, из-за социальных медиа, которые позволяют совместно создавать и редактировать тексты (например, как в Wiki), может быть сложно распознать нарушителя [14]. Кроме того, возникает вопрос степени участия в противоправной деятельности, например, когда кто-то только редактирует грамматику, нарушаются ли права правообладателя? Совместный дизайн, производство и распределение текстов социальных медиа делают идентификацию авторства проблематичным, не говоря уже о вмешательстве.

Преподаватели также сталкиваются с работами студентов, которые зачастую являются монтажом других текстов. Если преподаватель не указывает на нарушение авторских прав, то что студент узнает от преподавателя о моральном выборе при нарушении любого другого закона? Студенты должны узнавать от преподавателей о сфере действия закона и морально-этических нормах при использовании материала, нарушающего авторские права.

Итак, используя опыт практической и исследовательской работы, мы обрисовали в общих чертах четыре сложных этических проблемы, связанные с использованием социальных медиа в контексте образовательного процесса. Мы предложили преподавателям проанализировать дилеммы владения, использования, передачи и архивирования текстов и изображений, поскольку они вводят социальные медиа в образовательный процесс. На сегодняшний день отсутствуют рекомендации как для образовательной практики, так и для норм поведения, которые бы полностью способствовали решению этих проблем. Это происходит частично из-за все время изменяющейся среды социальных медиа и частично вследствие того, что некоторые проблемы, такие как этика использования студенческого социального пространства, еще не решены. Мы предполагаем, что преподаватели (и студенты) должны общаться «в сети» не по инструкции, но учитывать этичность своих отношений с «другим» (Levinas, 1979), включая того, кто находится вне аудитории, т. е. «друзей» из сети [23].

Несмотря на то, что выбор студентов относительно совместного использования текстов нужно уважать, мы также подчеркиваем необходимость участвовать в диалоге со студентами при этом выборе. Сама природа технологии, особенно социальных медиа, непрерывно вырывает информацию «из контекста» и повторно включает ее в личные данные, делая возможным неверные истолкования [24, р. 13]. Однако когда студентов поощряют анализировать и критично относиться к использованию социальных медиа при взаимодействии с преподавателем или с сокурсниками, они учатся регулировать свое поведение, разговаривать, создавать общие тексты способами, которые отличаются от их уже привычных практик [14]. Merchant (2011) предположил, что эффективное использование социальных медиа в контексте обучения включает также приобретение знаний «из» и «о» социальных медиа [25]. Можно утверждать, что практика использования этих текстов должна основываться на ряде онтологических подходов, в основе которых должен находиться мотив уважения «другого». В этой связи следует рассматривать этический аспект работы педагога со студентом в социальной сети как симбиоз традиционных и инновационных методов обучения в условиях переходного периода, отличающегося формированием новых ценностей и коммуникативных моделей. Диалог среди студентов и между преподавателем и студентом является залогом успешного использования социальных медиа в образовательном пространстве.

Список литературы References

1. Албегова И.Ф. Изменение функций и статуса преподавателя вуза в цифровом обществе: причины, факторы и последствия// Цифровое общество как культурно-исторический контекст развития человека: сб. науч. статей и материалов межд. конф., 11–13 фев. 2016 г. Коломна: ГСГУ, 2016. С. 24–27.

Albegova I. F. Change of functions and status of the teacher of higher education institution in digital society: reasons, factors and consequences//Digital society as cultural and historical context of development of the person, 11–13 Feb. 2016 Kolomna: GSGU, 2016. Page 24–27.

2. Бельмонтский доклад. Этические принципы и рекомендации по защите человека при проведении исследований. 18 апреля 1979 г. Пер. с англ. Р.Р. Белялетдинова http://bioethics.uniongraduatecollege.edu/nih-grants/curriculum/pdf/Belmont_Report-Russian.pdf

Belmont report. Ethical principles and recommendations about protection of the person when carrying out researches. On April 18, 1979 the Lane from English R. R. Belyaletdinov http://bioethics.uniongraduatecollege.edu/nih-grants/curriculum/pdf/Belmont_Report-Russian.pdf

3. Кафтаников И.Л., Плаксина Ю.Г. Современные парадигмы и сценарии образовательного процесса // В сборнике: Новые информационные технологии в образовании материалы VIII Международной научно-практической конференции. Российский государственный профессионально-педагогический университет. 2015. С. 87–92.

Kaftannikov I. L., Plaksina Yu. G. Modern paradigms and scenarios of educational process//In the collection: New information technologies in education materials VIII of the International scientific and practical conference. Russian state professional and pedagogical university. 2015. Page 87–92.

4. Могилев А.В. Социальные сети – школа будущего! // Народное образование. 2012. № 6. С. 170–175.

Mogilev A.V. Social networks – school of the future!//National education. 2012. No. 6. Page 170–175.

5. Невлева И.М., Кохан Ж.С. Культура как система ценностей: психолого-культурологический экскурс // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Философия. Социология. Право. № 24(245), вып.38, Декабрь 2016. С. 177–180.

Nevleva I. M., Kokhan Zh. S. Kultura as system of values: psikhologo-culturological digression//Scientific sheets of the Belgorod state university. Philosophy. Sociology. Right. No. 24(245), issue 38, December, 2016. Page 177–180.

6. Попова А.Н., Крайнов С.В. Особенности коммуникативной модели «студент-преподаватель» в условиях социальных сетей // Сборники конференций НИЦ Социосфера. 2016. № 60. С. 15–17.

Popova A. N., Kraynov S. V. Features of the communicative student teacher model in the conditions of social networks//Collections of conferences of Research Center Sotsiosfera. 2016. No. 60. Page 15–17.

7. Сerezко Т.А. Духовно-нравственные мотивации педагогической деятельности преподавателя // Творческое развитие личности преподавателя как социально-психологическая проблема: Монография / И.М. Невлева, Н.В. Поддубный, Л.В. Соловьева и др.; Под ред. проф. В.К. Невлева. Белгород: Издательство БУКЭП, 2013. С. 146–172.

Sereztko T.A. Spiritual and moral motivations of pedagogical activity of the teacher//Creative development of the identity of the teacher as social and psychological problem: Monograph / I.M. Nevlev, N. V. Poddubny, L. V. Solovyova, etc.; Under the editorship of the prof. V. K. Nevlev. Belgorod: BUKER publishing house, 2013. Page 146–172.

8. Сerezко Т.А. Духовно-нравственный аспект современного социального образования // Социология и социальная работа в системе профессионального образования: Материалы международной научно-практической и методической конференции профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 4-6 апреля 2016 г. Белгород: Издательство БУКЭП, 2016. С. 380–391.

Sereztko T.A. Spiritual and moral aspect of modern social education//Sociology and social work in system of professional education: Materials of the international scientific and practical and methodical conference of the faculty and graduate students. On April 4-6, 2016 Belgorod: BUKER publishing house, 2016. Page 380–391.

9. Сerezко Т.А. Подготовка преподавателей вузов к работе в условиях инклюзивного образования // Педагогика профессионального образования: проблемы и перспективы развития. Методика преподавания гуманитарных дисциплин в современном вузе: Материалы международных научно-практической и научно-методической конференций профессорско-преподавательского состава и аспирантов. 5 апреля 2016 г. Белгород: Издательство БУКЭП, 2016. С. 152–160.

Sereztko T.A. Training of teachers of higher education institutions for work in the conditions of inclusive education//Pedagogics of professional education: problems and prospects of development. A technique of teaching humanitarian disciplines in modern higher education institution: Materials of the international scientific and practical and scientific and methodical conferences of the faculty and graduate students. On April 5, 2016 Belgorod: BUKER publishing house, 2016. Page 152–160.

10. Сerezко Т.А. Профессиональная этика и служебный этикет. Учебное пособие. Белгород: Издательство БУКЭП, 2017.

Serezhko T.A. Professional ethics and office etiquette. Education guidance. Belgorod: BUKEP publishing house, 2017.

11. Федоров В.Н. Сетевое пространство как фактор инновационного развития образовательных систем / В.Н. Федоров // «Инновации в науке»: материалы XIV международной заочной научно-практической конференции. Часть II. (19 ноября 2012 г.); Новосибирск: Изд. «СибАК», 2012. С. 112–119.

Fedorov V.N. Network space as factor of innovative development of educational systems / V.N. Fedorov// "Innovations in science": materials XIV of the international correspondence scientific and practical conference. Part II. (on November 19, 2012); Novosibirsk: Prod. "SIBAK", 2012. Page 112–119.

12. Шалимов А.Б. Социальные сети как современная образовательная среда // Дискуссия Выпуск: №11 (41). Декабрь 2013. <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=974>

Shalimov A. B. Social networks as modern educational environment//Discussion Release: No. 11 (41). December, 2013. <http://journal-discussion.ru/publication.php?id=974>

13. АСМА. (2009). Click and connect: Young Australians' use of online social media. Canberra: Australian Communications and Media Authority.

14. Auld, G., & Henderson, M. (2014). The ethical dilemmas of social networking sites in classroom contexts. In G. Mallia (Ed.), *The Social Classroom: Integrating Social Network Use in Education* (pp. 192–207). The Netherlands: Information Science Reference.

15. Bakardjieva, M., & Feenberg, A. (2000). Involving the virtual subject. *Ethics and Information Technology*, 2, 233–240.

16. Boyd, D., & Marwick, A.E. (2011). Social Privacy in Networked Publics: Teens' Attitudes, Practices, and Strategies. Paper presented at the A Decade in Internet Time: Symposium on the Dynamics of the Internet and Society (September 2011), University of Oxford. <http://ssrn.com/abstract=1925128>

17. Byron, T. (2008). Safer Children in a Digital World, The Report of the Byron Review.

FCC. (2009). In the Matter of Empowering Parents and Protecting Children in an Evolving Media Landscape. Federal Communications Commission Retrieved from <http://www.gpo.gov/fdsys/pkg/FR-2009-11-24/html/E9-27664.htm>.

18. Green, H., & Hannon, C. (2007). Their Space: Education for a digital generation. Retrieved 31 October 2012, from <http://www.demos.co.uk/files/Their%20space%20-%20web.pdf>

19. Henderson, M., De Zwart, M., Lindsay, D. F., & Phillips, M. (2010). Legal risks for students using social networking sites. *Australian Educational Computing*, 25(1), 3–7.

20. Henderson, M., Johnson, N. F., & Auld, G. (2013). Silences of ethical practice: dilemmas for researchers using social media. *Educational Research and Evaluation*, 19(6), 546–560.

International Council on Human Rights Policy. (2011). *Navigating the dataverse: Privacy, technology, human rights* (pp. 100). Geneva, Switzerland.

21. Levinas, E. (1979). *Totality and infinity: an essay on exteriority*. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers.

22. Mayer-Schonberger, V. (2009). *Delete: The Virtue of Forgetting in the Digital Age*. Princeton, New Jersey: Princeton University Press.

23. Merchant, G. (2011). Unravelling the social network: theory and research. *Learning, Media and Technology*, 37(1), 4–19. doi: 10.1080/17439884.2011.567992

24. Moll, L. C., Amanti, C., Neff, D., & Gonzalez, N. (1992). Funds of knowledge for teaching: Using a qualitative approach to connect homes and classrooms. *Theory into Practice*, 31(2), 132–141.

25. NHMRC. (2007). National statement on ethical conduct in human research. Canberra: Commonwealth of Australia Retrieved from <http://www.nhmrc.gov.au/publications/synopse/s/e/72syn.htm>.

26. Nias, J. (1999). Primary teaching as a culture of care. In J. Prosser (Ed.), *School culture* (pp. 66–81). London: Paul Chapman.

27. Rosenberg, A. (2010). Applying the "contextual integrity" model of privacy to personal blogs in the blogosphere. *International Journal of Internet Research Ethics*, 3(1), 38–47.

28. Snyder, I., Henderson, M., & Beale, D. (2012). *Social media for social learning: A horizon scan*. Commissioned Report for the Department of Education & Early Childhood Development (DEECD). Melbourne: Faculty of Education, Monash University.

29. Webber, S., & Mitchell, C. (1999). Teacher identity in popular culture. In J. Prosser (Ed.), *School culture* (pp. 145–160). London: Paul Chapman.

30. Wong, R., & Hew, K. (2010). The impact of blogging and scaffolding on primary school pupils' narrative writing: A case study. *International Journal of Web-based Learning and Teaching Technologies*, 5(2), 1–17.

УДК 1 (075.8)

АКСИОЛОГИЯ ПАРАНАУЧНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**AXIOLOGY OF PARASCIENTIFIC ACTIVITY****Д.А. Трищенко
D.A. Trishchenko**

Белгородский университет кооперации, экономики и права, 308023, г. Белгород, ул. Садовая, 116а
Belgorod University of Cooperation, Economics and Law, 308023, Belgorod, Sadovaya st. 116a

E-mail: gastronom-tv@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются одно из значений понятия «паранаучная деятельность», определяются направления паранаучной деятельности, а также анализируется ее ценность на разных уровнях.

В целях уточнения одного из значений понятия «паранаучная деятельность» предложена модель, которая предполагает наличие у некоего объекта или явления системы знаков, позволяющей отнести данный объект или явление к определенному классу; определено, что достаточным основанием причисления объекта к какому-либо классу объектов считается наличие у него специфических формальных признаков, а не его содержание, сущность.

Дано определение паранаучной деятельности как деятельности, носящей формальные признаки научной деятельности. Определена ценность паранаучной деятельности.

Выявлено, что ныне действующая формализованная оценка деятельности ученых в виде наукометрических показателей выступает в качестве синкретичной оценки как научной, так и паранаучной деятельности, стимулируя последнюю, что входит в противоречие с потребностями развития общества.

Resume. The article explores problems of science and scientific activity, detects one of values of the concept "parascientific activity", defines the directions of parascientific activity, and also analyzes its value at the different levels.

To clarify one of the values of the concept of "parascientific activity" the study provides the model which assumes that a certain object or phenomenon has its own system of signs, that allows to carry this object or the phenomenon to a certain class; it is defined that attributing an object to any class is based on its specific formal signs, not on its contents or its nature.

The article gives definition for parascientific activity as the activity, which carries formal signs of scientific activity, and determines its value.

It reveals that the current formalized assessment of scientists' activities by scientometric indicators performs as sinkretichny assessment of both scientific and parascientific activity, stimulating the last that is in a conflict with requirements of society development.

Ключевые слова: аксиология, научная деятельность, паранаучная деятельность, наукометрические показатели, имитация научной деятельности.

Keywords: axiology, scientific activity, parascientific activity, scientometric indicators, imitation of scientific activity.

Введение

Проблема взаимоотношений науки и паранауки является достаточно глубоко исследованной в современной российской философской науке. В последние годы ее активно разрабатывают Андреев А.А. [Андреев, 2013, 2016], Головин Д.В. [Головин, 2012], Ивин А.А. [2005, 2012], Калинина Г.Н. [Калинина, 2015], Юревич А.В. [Юревич, 2008] и другие исследователи.

Нет недостатка в работах по аксиологии науки и научной деятельности, начиная от древнегреческих философов и продолжая на современном этапе работами Ильина В.В., Ивина А.А. [Ивин, 2005] и других.

Нашей задачей является выявление ценности не паранауки, а паранаучной деятельности в том значении понятия, которое будет раскрыто ниже.

Актуальность темы исследования обусловлена оппозицией ценностей разного уровня, противоречия между которыми оказывают заметное влияние на развитие не паранаучной, а научной деятельности.

Объекты и методы исследования. Объектом нашего исследования является паранаучная деятельность, но не как деятельность, осуществляемая в рамках паранауки, а как деятельность, развивающаяся в результате внедрения системы формализованных оценок научной деятельности.

Предметом исследования является аксиология паранаучной деятельности, столкновение ценностей разного порядка.

Целью исследования является уточнение одного из значений понятия «паранаучная деятельность», определение ценности означаемого и выявление противоречий ценностей разного уровня.

Рабочая гипотеза исследования заключается в том, что ныне действующие для оценки научной деятельности наукометрические показатели стимулируют развитие паранаучной деятельности, во многом – в ущерб собственно научной.

В ходе исследования использовались методы моделирования, сравнения, семиотического анализа, аналогии.

Результаты и их обсуждение. Вначале представим модель, которая, на наш взгляд, применима к понятию «паранаучная деятельность» в том значении, в котором оно будет рассматриваться.

Возьмем некий артефакт, обладающий рядом признаков другого, достаточно легко идентифицируемого, известного объекта. Это может быть бульонный кубик, растворенный в кипящей воде, может быть водный раствор красителей и ароматизаторов с добавлением углекислоты, может быть смесь углеводородов, прошедших ряд сложных технологических (физико-химических) этапов на пути превращения чуть ли не в любой объект и, к примеру, идентифицируемый как деревянный стол. В каждом случае объект обладает специфическими признаками – системой знаков, воспринимаемых субъектом, человеком, и осознанно либо подсознательно причисляется субъектом к другому классу объектов, будь то куриный бульон, яблочный сок или батон колбасы.

Денежные знаки – это знаки, имеющие определенное означаемое, скажем, эквивалент стоимости. Но они будут являться этим эквивалентом в том случае, если как физический объект будут иметь собственную знаковую систему: специальную бумагу, волокна, хаотично расположенные по всей поверхности, волокна, светящиеся в ультрафиолетовом излучении, металлизированную пластиковую полосу, водяные знаки и так далее. Ряд этих признаков доступен визуально или тактильно, а ряд – только с помощью специальных приборов. Следовательно, нечто, имеющее некоторую неполную совокупность необходимых признаков, может выполнять функции денежных знаков, на самом деле не являясь эквивалентом стоимости.

То есть рассматриваемая модель – это артефакт, имеющий ряд признаков определенного объекта или явления и воспринимаемый за таковое.

Далее уточним содержание ряда необходимых нам базовых понятий, поскольку их интерпретация у различных авторов неоднозначна. Это замечание не относится только к такому понятию как «наука», поэтому в целях нашего исследования остановимся на следующем: «Наука – одна из определяющих подсистем культуры, форма общественного сознания, направленная на получение и систематизацию знаний об объективной реальности, деятельность по выработке нового знания и результат этой деятельности [Невлева, Соловьева, 2012, с. 16].

Наука как деятельность направлена на анализ эмпирических данных, их систематизацию, а главное – на получение нового знания.

Научная деятельность – это деятельность, направленная на выработку новых системно-организованных объективных и аргументированных знаний о мире, на познание мира. Результатом научной деятельности является новое знание, и результаты ее должны быть отображены в какой-либо знаковой форме. Для каждого вида научной деятельности

форма знакового сообщения имеет свои особенности. Это может быть код, доступный более или менее широкому кругу пользователей знаковой системы. Ограниченность адресата, пользователей знаковой системы, используемой в сообщении, является знаком того, что данное сообщение относится к научной деятельности.

Признаки кода: понятийно-терминологический аппарат, последовательность взаимодействия знаков в синтагме.

Понятие «паранаука» находится в оппозиции понятию «наука». И хотя само понятие «паранаука» нас в контексте данного исследования не интересует, но для определения содержания одного из значений понятия «паранаучная деятельность» обратимся к некоторым аспектам сопоставления этих феноменов.

«...Задачу демаркации науки и паранауки вполне возможно решить в другой – социальной – плоскости научного познания. В социальном плане ученый – это человек, принадлежащий к научному сообществу, т. е. в условиях современной, институционализированной науки получивший соответствующее образование, работающий в одном из научно-исследовательских или образовательных учреждений, имеющий публикации в научных журналах и т. п. Не обладающего этими атрибутами человека мы вряд ли сочтем принадлежащим к научному сообществу» [Юревич, 2008, с 111–112]. Данный тезис, с которым мы не можем не согласиться, содержит, однако, указание на то, что истинность суждения вытекает из наличия у объекта определенных знаков, признаков, которые служат основанием причисления его к одному классу объектов и отличия от другого класса. Далее прибегнем к помощи этого же автора: «...Экзотические идеи, предлагаемые учеными, отнюдь не смешиваются с паранаукой, а объявляются некими артефактами самой науки, и демаркационная линия между наукой и паранаукой отделяет от последней не только науку стандартного вида, но и то, что принято считать внутринаучной экзотикой. В данном случае эта линия проходит не через когнитивную, а через социальную плоскость научной деятельности: «экзотические» идеи, выдвигаемые членами научного сообщества, не принимаются официальной наукой, но и не причисляются ею к ведомству паранауки именно потому, что они выдвигаются членами научного сообщества, обладающими соответствующими атрибутами [Юревич, 2008, с. 114]. То есть, собственно говоря, эта цитата указывает, что паранаучная деятельность существует в научной среде, не относясь при этом к паранауке.

Таким образом, понимание термина «паранаучный» следует отграничить от понимания только как «принадлежащий к паранауке»: так же, как «наука» и «научная деятельность» не являются тождественными понятиями, и значения понятий «паранаука» и «паранаучная деятельность» пересекаются лишь отчасти. Паранаучная деятельность – в том смысле, в котором мы употребляем термин – это деятельность, которая имеет формальные характеристики научной деятельности. А по существу имеет значение «имитация научной деятельности».

Паранаучная деятельность не направлена на выработку новых знаний. Содержание ее результатов не удовлетворяет требованию научной новизны. Но сообщение о результатах, не имея содержательного смысла, создается с помощью того же кода и имеет все формальные характеристики, как и сообщение о результатах научной деятельности. В частности, научный стиль литературного языка по своей синтаксической структуре и лексике направлен на ограниченный круг пользователей и затрудненность его декодирования в бытовом общении является его признаком. Но это – формальная характеристика сообщения о результатах научной деятельности, а формальные характеристики (то есть, код или функциональный стиль языка) могут быть изменены с сохранением основного содержания. Эта возможность, собственно, позволяет внедрять достижения науки в практическую деятельность.

Можно отметить, что использование кода в подобных сообщениях часто имеет специфические отличия: в научной деятельности код используется для того, чтобы передать содержание, смысл, идею, поэтому синтагмы имеют относительно простой (для пользователей данной знаковой системы) характер, а в паранаучных сообщениях – более сложный, так как знаки используются не для передачи мысли, результатов, а для сокрытия их отсутствия. Это не относится к реферативным сообщениям, которые, собственно, пред-

ставляют совокупность цитат, соединенных авторскими ремарками и также не имеющих научной новизны.

Использование специфических знаковых систем, конечно, обусловлено историческим развитием науки, необходимостью абстрагирования, использования научного моделирования и т. п. Однако одной из объективно выполняемых функций является противопоставление группы субъектов научной деятельности всем другим субъектам, то есть функция, которую в такой же степени выполняют молодежный, криминальный сленг, профессиональные слова. Использование определенной знаковой системы есть способ причисления личности к группе – в данном случае – к группе ученых. Обязательная атрибутика – это результаты деятельности (как научной, так и паранаучной), выступающие в виде сообщений (статей) в специализированных изданиях.

Далее определим наше отношение к содержанию понятия «ценность». А.А. Ивин отмечает, что чаще понятие «ценность» употребляется в том же смысле, что и понятие «положительная ценность» [Ивин, 2012, с. 327]. Однако далее указывает, что слово «ценность» предполагает возможность существования положительной, отрицательной и даже нулевой ценности, так как категория является выражением установления определенного отношения между субъектом или субъектами оценки и ее предметом [Ивин, 2012, с. 328].

В противоположность ему В.М. Таланов утверждает, что «из самого смысла слова «ценность» и из самого определения понятия «ценность» уже вытекает, что они, соответственно, одно обозначает, а другое отражает нечто именно и только положительное для людей, общества, человечества», что «ценностью может быть и является лишь положительное для человека, общества, государства, человечества» [Таланов, 2010].

С последним мнением мы менее склонны согласиться, так как положительная ценность для одного субъекта оценки может являться отрицательной для другого субъекта. Будем исходить из понимания ценности как важности, значимости чего-то, но при этом нам придется исключить «нулевую ценность», так она этой значимостью не обладает.

Для того чтобы дать оценку ценности паранаучной деятельности, обратимся к индексам цитирования. Очевидно, что индексы цитирования отражают формализованные результаты деятельности, которую относят к научной.

Воспользуемся анализом эмпирических данных, проведенным В. Имаевым по направлению «Обработка металлов и сплавов методами интенсивной пластической деформации». Анализ наукометрических показателей некоторых ученых – лидеров по индексу Хирша – дал автору возможность сделать заключение, что «для достижения высокого индекса Хирша нужно публиковать как можно больше статей и создать множество команд (в рамках одной большой команды) для проведения экспериментов и написания статей, при этом самое главное – организовать всю многочисленную команду таким образом, чтобы обеспечить интенсивное и бесперебойное взаимное цитирование» [Имаев, 2016, с. 42].

Данное заключение дает основание утверждать, что индекс Хирша, являясь формализованной оценкой – знаком – высокого уровня научной деятельности, не тождественен высоким научным результатам, так как публикация (лат. *publico* – объявляю всенародно) является лишь одной из форм сообщения о результатах научных исследований. То есть результатом научной деятельности является сам факт достижения нового знания, а сообщение о нем должен выполнять функцию обеспечения приоритета ученого в данной сфере, а не быть основным показателем результативности его как ученого.

Следующий вывод вышеозначенного автора существенно ближе к объекту нашего исследования: «С точки зрения достижения высокого индекса Хирша ученому, вообще говоря, не целесообразно заниматься чем-то новым, поскольку превратить новое в «горячую тему» с вовлечением большого числа исследователей по всему миру сложно. Поэтому создаваемая в настоящее время в РФ система избыточно поощряет стремление к высоким наукометрическим показателям [Имаев, 2016, с. 49]».

Таким образом, изменяется цель деятельности ученого: достижение не нового знания, а высоких наукометрических показателей. Соответственно, наблюдается редукция научной деятельности в паранаучную. Из этого вытекает, что под паранаучной деятельностью в рамках нашего исследования мы понимаем деятельность, носящую формальные признаки научной и ставящую целью достижения высоких формализованных наукометри-

ческих показателей. Основное средство достижения этой цели – высокая публикационная активность и создание системы взаимного цитирования; при этом содержание публикаций играет не столь важную роль, как использование в них принятых в научной среде знаковых систем. Публикация (статья) является частным случаем модели, рассмотренной нами ранее – артефактом, имеющим ряд признаков определенного объекта или явления и воспринимаемый за таковое – за научную статью. В свою очередь, научная статья также является лишь знаком, означаемым которого предполагаются новые знания – результат научной деятельности.

Паранаучная деятельность, то есть имитация научной деятельности, обладает положительной ценностью для ее субъекта – автора, обеспечивая:

- 1) их идентификацию с научным сообществом;
- 2) связанный с идентификацией социальный статус;
- 3) получение материальных благ: «технологии их (индексов цитируемости – Д.Т.)

искусственного повышения... открывают путь к получению грантов, наград, высоких должностей и иных почестей» [Имаев, 2016, с. 49].

Следующий ценностный уровень – это уровень профессионального сообщества.

В качестве его представителя выступает ООО «Научная электронная библиотека», учредителями которого являются четыре частных лица ⁶, имеющее сайт «Научная электронная библиотека <http://elibrary.ru>», на котором есть база данных по публикациям ученых и наукометрические показатели.

Обратимся к методическим рекомендациям, размещенным на сайте «Научная электронная библиотека elibrary.ru» и направленным на повышение индексов цитируемости ⁷.

Для удобства представим рекомендации в виде таблицы, разбив их на две группы: имеющие отношение к научной деятельности и не относящиеся к ней (табл.).

Таблица 1
Table 1

Рекомендации по повышению индекса цитирования
Recommendations for increasing Science Citation Index

	Имеющие отношение к научной деятельности	Не относящиеся к научной деятельности
1.	Стремиться публиковать оригинальные статьи высокого научного и практического уровня, на которые охотно бы ссылались другие авторы.	Публиковаться в соавторстве с коллегой, имеющим высокие наукометрические показатели.
2.	Направлять статьи в журналы, поддерживаемые экспертным советом ВАК, где публикуемые материалы проходят тщательную научную экспертизу и доступны в сети Интернет	При направлении публикации в англоязычные издания давать ссылки на собственные статьи, опубликованные в переводной литературе.
3.		Увеличить обмен ссылками с коллегами, а также самоцитируемость.
4.		Для повышения импакт-фактора «своего» журнала – давать ссылки на статьи «своего журнала», а также активно информировать коллег о статьях данного авторского коллектива, опубликованных в журнале.
	Составлять качественные рефераты	

Как явствует из таблицы, количество рекомендаций, относящихся к сфере научной деятельности в два раза меньше количества аналогичных рекомендаций, не имеющих к ней отношения. К тому же реализация двух первых представляет существенно большие затруднения, чем четырех последних.

⁶ <https://sbis.ru/contragents/7729367112/772901001#msid=s1483543823299>

⁷ <http://elibrary.pro/rinc-i-indeksy.html>

Данный факт является не предметом критики, поскольку это не входит в цели нашего исследования; он является знаком того, что в профессиональной среде паранаучная деятельность оценивается более высоко, чем научная. Таким образом, и на данном уровне – уровне профессионального сообщества ученых – паранаучная деятельность обладает положительной ценностью.

В следующем, «общественном уровне» следует выделить два подуровня: «государственный» и «уровень общественного развития».

Поскольку система индексов цитируемости получает поддержку как на уровне Министерства образования и науки, так и других федеральных структур (например, при получении грантов), то и на этом уровне мы можем отметить положительную ценность паранаучной деятельности.

Иначе складывается ситуация на уровне общественного развития: «безусловную опасность для науки представляет ситуация, когда «мастера» повышения h-индекса станут доминирующей силой в научном учреждении. В этом случае формально высокие наукометрические показатели могут сочетаться с выхолащиванием как фундаментального, так и прикладного содержания проводимых работ [Имаев, 2016, с. 50]», кроме того, паранаучная деятельность – в более широком значении – является «мешающей нормальному жизнеобеспечению системы» [Калинина, 2015, Паранаука в феноменологии..., с. 125]. Это очевидно, поскольку паранаучная деятельность отвлекает ресурсы ученого – временные, интеллектуальные. В то время, когда «научные знания и специализированные уникальные навыки их носителей становятся главным источником и ключевым фактором развития материального и нематериального производства, обеспечения устойчивого экономического развития» [Невлева, Соловьева, 2012, с. 172], используемые критерии оценки тождественны как для научной, так и для паранаучной деятельности, в результате нивелируется значимость собственно научной деятельности.

В аксиологическом аспекте научная и паранаучная деятельность являются противоположностями, отрицают друг друга. Противоположности не могут сосуществовать друг с другом вне конфронтационного взаимодействия, они все время сталкиваются, борются, выдавливают друг друга, фактически конкурируют за ресурсы: как ученых, которые вынуждены заниматься паранаучной деятельностью, так и государства и общества – интеллектуальные, финансовые, материальные и другие.

С точки зрения развития общества, одним из элементов которого является наука, паранаучная деятельность является отрицательной ценностью.

Заключение. Таким образом, в исследовании дано определение одному из значений понятия «паранаучная деятельность». Под паранаучной деятельностью понимается деятельность, имеющая формальные признаки научной и направленная на достижение высоких наукометрических показателей.

Выявлено, что паранаучная деятельность обладает положительной ценностью на уровне субъекта паранаучной деятельности, уровне научного сообщества, на уровне государственного управления, но обладает отрицательной ценностью с точки зрения развития общества.

Теоретическая значимость исследования заключается в определении одного из значений понятия «паранаучная деятельность».

Практическая значимость исследования заключается в указании на необходимость пересмотра системы используемых наукометрических показателей.

Список литературы References

1. Андреев А.А. О специфике паранауки в современной культуре в аспекте естественнонаучного знания // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. Выпуск № 4 (16), 2013. 201 с. С. 98–100.

Andreev A.A. (2013). O specificite paranauki v sovremennoj kul'ture v aspekte estestvenno-nauchnogo znaniya [About specificity parascience in modern culture in aspect of natural-science knowledge] // Vestnik Permskogo universiteta. Filosofiya. Psihologiya. Sociologiya [Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology]. Vypusk. № 4 (16), 98–100.

2. Андреев А.А. Паранаука как предмет социально-философского анализа // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. – Тамбов: Грамота, 2016. № 11(73): в 2-х ч. Ч. 1. С. 13–16.

Andreev A.A. (2016). Paranauka kak predmet social'no-filosofskogo analiza [Parascience as subject of the social and philosophical analysis] // Istoricheskie, filosofskie, politicheskie i yuridicheskie nauki, kul'turologiya i iskusstvovedenie. Voprosy teorii i praktiki [Historical, philosophical, political and jurisprudence, cultural science and art criticism. Questions of the theory and practice]. – Tambov: Gramota, № 11(73): v 2-h ch. CH.1.13–16.

3. Головин Д.В. Паранаука, социокультурные основания и функции. Автореф. дисс. канд. филос. наук. – Иваново, 2012.

Golovin D.V. (2012). Paranauka, sociokul'turnye osnovaniya i funkcii [Parascience sociocultural bases and functions] // Avtoref. diss. kand. filos. nauk [Abstract of the thesis of the candidate of philosophical sciences]. – Ivanovo.

4. Ивин А.А. Наука, паранаука и псевдонаука. Философский очерк. – М.: Директ-Медиа, 2012. – 334 с.

Ivin A.A. (2012). Nauka, paranauka i psevdonauka. Filosofskij ocherk [Science, parascience and pseudo science. Philosophical sketch]. – М.: Direkt-Media, 334.

5. Ивин А.А. Современная философия науки. – М.: Высш. шк., 2005. – 592 с.

Ivin A.A. (2005). Sovremennaya filosofiya nauki [Modern philosophy of science]. – М.: Vyssh. shk., 592.

6. Имаев В. Технологии увеличения индекса Хирша и развитие имитационной науки // В защиту науки / [отв. редактор Е.Б. Александров]; составители Е.Б. Александров, Ю.Н. Ефремов; Комиссия РАН по борьбе с лженаукой и фальсификацией научных исследований. – М.: 2016. Бюллетень № 17. – 2016. – 113 с. С.39–51.

Imaev V. (2016). Tekhnologii uvelicheniya indeksa Hirsha i razvitie imitacionnoj nauki [Technologies of increase in an index of Hirsh and development of imitating science] // V zashchitu nauki [In protection of science] / [otv. redaktor E.B. Aleksandrov]; sostaviteli E.B. Aleksandrov, YU.N. Efremov; Komissiya RAN po bor'be s lzhenaukoj i fal'sifikaciej nauchnyh issledovaniy. – М. Byulleten № 17, 39–51.

7. Калинина Г.Н. Паранаука в контексте культуры и философско-культурологических интерпретаций // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 1(5) 2015. С.122–129.

Kalinina G.N. (2015). Paranauka v kontekste kul'tury i filosofsko-kul'turologicheskikh interpretacij [Parascience in the context of culture and philosophical and culturological interpretations] // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]. Vypusk 1(5), 122–129.

8. Калинина Г.Н. Паранаука в феноменологии современной культуры // Наука. Искусство. Культура. Выпуск 3(7) 2015. С. 120–126.

Kalinina G.N. (2015). Paranauka v fenomenologii sovremennoj kul'tury [Parascience in phenomenology of modern culture] // Nauka. Iskusstvo. Kul'tura [Science. Art. Culture]. Vypusk 3(7), 120–126.

9. Невлева И.М., Соловьева Л.В. Наука – парадигма цивилизации: Монография. – Белгород: Издательство БУКЭП, 2012. – 251 с.

Nevleva I.M., Solov'eva L.V. (2012). Nauka – paradigma civilizacii: Monografija [Science – a civilization paradigm: Monograph]. –Belgorod: Izdatel'stvo BUKEP [BUKEP publishing house]. – 251.

10. Таланов В.М. Общечеловеческие ценности // Научная электронная библиотека. Монографии, изданные в издательстве Российской Академии Естествознания. – 2010. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.monographies.ru/en/book/view?id=97>.

Talanov V.M. (2010). Obshchechelovecheskie cennosti [Universal values] // Nauchnaya ehlektronnaya biblioteka. Monografii, izdannye v izdatel'stve Rossijskoj Akademii Estestvoznaniya [Scientific electronic library. The monographs published in publishing house of the Russian Academy of Natural sciences]. URL: <https://www.monographies.ru/en/book/view?id=97>.

11. Юревич А.В. Паранаука в современной России // Наука. Инновации. Образование. № 6, 2008. С. 97–116.

Yurevich A.V. (2008). Paranauka v sovremennoj Rossii [Parascience in modern Russia] // Nauka. Innovacii. Obrazovanie [Science. Innovations. Education]. № 6, 97–116.

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И СОЦИОЛОГИЯ КУЛЬТУРЫ

RELIGION STUDIES AND SOCIOLOGY OF CULTURE

УДК 130.2

ОНТОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО ДИЗАЙНА ПРАВОСЛАВНОГО БОЛЬНИЧНОГО ХРАМА

ONTOLOGY OF THE SOCIAL DESIGN OF THE ORTHODOX HOSPITAL TEMPLE

Иеромонах Гавриил (Д.В. Мельников)¹, Е.А. Кантарюк²
Hieromonk Gabriel (D.V. Melnikov), E.A. Kantaryuk

¹ Липецкий государственный педагогический университета имени Семенова-Тян-Шанского,
Россия, г. Липецк, 398020, ул. Ленина, 42

² Липецкий государственный технический университет,
Россия, г. Липецк, 398600, ул. Московская, 30

¹ Lipetsk State Pedagogical University named after Semyonov-Tyan-Shansky,
Russia, 398020, Lipetsk, ul. Lenin, 42

² Lipetsk State Technical University, Russia, 398600, ul. Moskovskaya, 30

E-mail: gavriil48@gmail.com; e.abaeva@mail.ru

Аннотация. В данной статье показана роль храма в медицинском учреждении. Приведен полный цикл оздоровления человека (телесная, душевная и духовная компоненты как искусство врачей, человеческое соучастие, благодать Таинств Церкви), который с помощью больничного храма и получает максимальную полноту. Сделан дизайн-проект современного больничного храма для людей с ограниченными возможностями и выделены эстетико-пространственные факторы.

Resume. This article shows the role of temple in the medical setting. Also the article shows complete cycle of health improvement of a man (corporal, mental and spiritual components as art is healing, human complicity, grace of Sacrament of the Church) which by dint of hospital temple receives maximally fullness. Design project of the modern hospital temple for people with reduced capabilities was made and aesthetic-spatial factors were identified.

Ключевые слова: Бог, храм, больница, икона, дизайн, проект.

Key words: God, temple, hospital, icon, design, project.

Храм является объединяющим началом различных слоев бытия. В искусстве онтологический смысл и его философскую интерпретацию передает художественный образ. Семантически храм – носитель сакральных смыслов; однако в определенных условиях, когда семантическое видение оказывается недостаточным, может выступать как живое и жизненное обозначение, наполненное святой заботой о другом и каждом, попечением о другом и тем самым попечением о себе и своем. В сложном пластичном взаимодействии социального и сакрального художественный образ храма оказывается изображением общения в его предельном смысле, как общения людей, среди которых – Христос, «и Есть, и Будет». Храм есть практический результат единства Божественного Откровения, направленного к человеческой душе и эмпирически полученных людьми знаний. Но понимание этого синтеза, его жизненности, становится возможным в ракурсе конкретного богослужения в конкретном храме в общине сослужащих и сострадающих. Больничная община, собираясь в своем храме, является ярким свидетельством такого синтеза, в кото-

ром упокоиваются сердца и взгляды и достигают своего жизненного предела онтологические смыслы искусства [3, с. 41].

Дело Церкви – врачевание. Она стремится исцелить болезни, прежде всего – болезни человеческого духа. В этом основа учения Нового Завета и отцов Церкви. Но душа и ее высшая сторона – человеческий дух исцеляются не отдельно от тела; человек целостен в своем существовании. Врачуется душа и, стало быть, становится возможным более глубокое врачевание человека, в том числе и его тела. Как известно, духовное исцеление больных совершается Духом Святым, Подателем благодати Троиственного Бога. Священник – служитель этого исцеления. Вся церковная организация является богочеловеческой. Ведь благодать Божия таинственно действует через священника, и сам он по опыту знает это таинственное действие Божией благодати [4, с.27–30]. Все это осуществляется в больничном храме.

Больничный храм, как и любой другой тип храма, в православной традиции рассматривается как «икона преображенного мироздания», а трехчастное строение его внутреннего пространства унаследовано исторически. Вплоть до уничтожения в 1917 г. традиция создания больничных храмов сохранялась неизменной. В последующее время медицина и религия, как известно, точек соприкосновения официально не имели, и больницы строились без учета возможности организации в их пределах храмовых помещений.

Это имеет психологическое значение: в основе архитектуры храма находится эстетика устойчивости, она отображает мир константный, обращенный лицом к вечности. Особенно важным условием единения материального и духовного, внешнего и внутреннего является икона. Но в ней необходимо видеть не артефакт прикладного искусства, пусть даже очень высокого, а живой элемент пространства, преобразующий темпоральный интервал бытия в космическое событие, вечность.

Примером этого является икона «Спас в Силах». Будучи шедевром художественной графики, воплощает в себе одновременно гармоничное и таинственное сочетание духовного и земного миров. Она исполнена А. Рублевым с таким мастерством, при котором восприятие иконописного образа не трансформируется в сторону сугубо эстетического поклонения. В нем внешний взгляд не заменяет внутреннее общение. В этом высшем семантическом акте метод гармонизации среды реализует себя как проводник и медиатор единого, но разного в своих проявлениях миров.

В начале XXI века ситуация существенно изменилась. Исчезли внешние препятствия, затрудняющие сотрудничество медицины и церкви. Создана база для нормативного регулирования их взаимодействия, которая основывается на законодательстве РФ. Начиная с 1996 г. подписываются соглашения о сотрудничестве между Министерством здравоохранения РФ и Московской патриархией, на региональном уровне – подобные соглашения между департаментами здравоохранения администраций субъектов Федерации и епархиальными управлениями, на местном уровне – между медицинскими и церковными организациями.

Но при этом открытым остается вопрос, как и какими средствами можно воплотить храмовое помещение в стандартную строительную коробку современной больницы. Построенные в XX веке здания не предусматривали подобных возможностей.

В отечественной проектной культуре указанная проблема находит решение посредством сочетания канонических требований к внутреннему убранству храма и достижений современного дизайна. Возникающие при этом оригинальные решения направлены на «сворачивание» внутреннего пространства храма до его сакрального ядра, представляющего собой сердцевину богослужебного таинства, и одновременное усиление внутренней энергии коммуникативного диалога между человеком и Универсумом. Последнее достигается с помощью центральной храмовой иконы, сила воздействия которой зависит в том числе от места и композиционного решения ее пространственного расположения.

Практическая реализация подобной задачи требует двухстороннего, встречно направленного анализа проектной ситуации: с одной стороны – определения специфики пространственного расположения храма, а с другой – выбора адекватной ему доминанты храмового богослужения, которая определяется адекватным расположением икон. При этом решаются вопросы подбора, сочетания и соподчинения вспомогательных элементов

интерьера. В каждом конкретном случае указанная работа носит индивидуальный характер и может быть типизирована только в аналогичных ситуациях.

Для внутриврачебной среды функциональность – это связь обряда и пространства храма, которое формируется как пространство литургическое. В их взаимообусловленном действии каждая деталь закономерна, символична и нацелена на сообщение каждому посетителю чувства причастности к Универсуму, гармонии с Ним. Все, что задействовано и что сопутствует богослужению, – это стержень православной культуры, сохраняющий ей жизнь даже в самые трудные времена, такие как первые дни утверждения христианства на Руси, татаро-монгольского ига, репрессий сталинского режима и т. д.

Храм в составе больницы соединяет в себе не только материальную и духовную культуру, но и культуру человеческих отношений.

В условиях больницы храм олицетворяет собой высокие гуманистические идеалы и духовное единение. Храм выступает осязаемой моделью сознательного бытия; в самые кризисные моменты человеческой жизни храм способен стать своего рода онтологическим порталом, местом преобразования человека воскорбевшего, болящего, своеобразным «выходом из тупика». Здесь становится особенно понятным значение именно совместной молитвы для православного человека, которая, по словам Антония, митрополита Сурожского, является сокровенным и крепким основанием жизни. Замечая о нераздельности молитвы и жизни, вл. Антоний говорит о том, что отсечение жизни от молитвы есть отсечение самой жизненной глубины, некая отчаянная близорукость живущего. Такая изувеченная, болезненная жизнь «сама по себе» позволяет, конечно, довольствоваться видимым, «ближним», но по преимуществу «в физическом плане» – «ближним, в котором мы не обнаруживаем всей безмерности и вечности его судьбы». Молитва, личная и совместная, сливаясь с жизнью и укрепляя ее, распространяет жизнь к горизонтам; в фактической конкретности, полноте и незавершенности жизни молитва указывает вполне определенно на меру вечности живого и живущего. Жизненный мир, если только не относиться к нему с болезненным малодушием, отнюдь не безбожен; «в существе своем он вышел из рук Божиих, он любим Богом... молитва свидетельствует, что мы знаем это, – знаем, что каждый человек и каждая вещь вокруг нас священны в очах Божиих: любимые Им, они становятся дороги и для нас. Не молиться – значит оставлять Бога за пределами всего существующего, и не только Его, но и все, что Он значит для созданного Им мира, того мира, в котором мы живем» [5, с. 70].

Святые Отцы, по-видимому, не разрабатывали отдельно тему больничного храма. Однако замысел такого храма весьма органично вписывается в православную антропологию, космологию, христологию и даже логологию (учение о Логосе).

Внутри обычной больницы храм задает как бы особую иерархичность и вместе с тем обеспечивает полноту оздоровления человека.

По учению Св. Иринея Лионского и Св. Максима Исповедника, в основу мироздания положена высшая идея, содержащаяся в Уме Божиим. Эта высшая идея, высший, максимально общий логос творения, есть замысел Богочеловека – Воплощенного Христа. Действительно, во Христе в совершенном единстве, гармонии и красоте соединены Божественное бытие (нетварное), духовное бытие (тварные духи, души людей), душевное бытие (низшая сторона душевной деятельности) и материальное бытие. И уже этой идеей Христа задается иерархия бытия, дающая полноту жизни, а значит, и здоровья (неущербности, полноты) того или иного бытия. Тело одухотворяется душой, душа через дух наполняется присутствием Бога и, таким образом, все уровни бытия сверху вниз одухотворяются, пронизываются Божественными действиями, возводятся к максимальному блаженству и гармонии. По этому образцу (предсуществующего в идеях Св. Троицы воплощенного Христа) был создан первозданный Адам, утративший первозданное и богозданное здоровье. Новый Адам – Христос, уже реально воплотившийся, осуществивший в конкретном бытии идеальный Свой замысел, явил вновь первозданную гармонию, первичную идею, заложенную изначально в тварный мир [2, с. 76; 7, с. 79].

Больничный храм как раз структурирует оздоровительный процесс человека в рамках врачебного учреждения, согласно богоустановленному порядку здорового и полноценного бытия. Медики лечат в первую очередь тело, используя химические препараты,

как бы собирая дары Божии, заложенные в материальную природу мира для поддержания тела человека – центра, средоточия этой материальной вселенной. Но уже врачи дополняют свое лечение душевной поддержкой, теплым словом, участием, состраданием. Тело, укрепляясь «снизу», от подчиненной природы, укрепляется и «сверху» – через душевное врачевство. Это лишь начало пути, как мы видим из совершенной структуры бытия, сообразной Христу. Следующий шаг – уже духовное врачевство через молитву, таинства Церкви, когда дух больного человека «сверху» оживотворяется в покаянии Св. Духом и вовлекает «сверху» и душу, и тело в эти животворные токи исцеляющей Божественной благодати.

Таким образом, больничный храм становится высшей стороной как лечебного учреждения, так и лечебного процесса, когда весь цикл оздоровления становится, наконец, завершенным, согласно православной антропологии, космологии и христологии: деятельность медиков – это тело и душа лечебного процесса, а функционирование больничного храма – это его дух и преподание Святого Духа, оживотворяющего тело, душу и дух самого лечебного процесса.

Тело лечебного процесса – лекарства, медицинские технологии.

Душа лечебного процесса – теплое участие медиков, сострадание.

Дух лечебного процесса – функционирование больничного храма, совершение Св. Таинств, через которые Сам Святой Дух наполняет весь лечебный процесс силой свыше.

Итак, Св. Дух – Таинства в храме – сострадание – медицинское врачевство. Это полный цикл наиболее полного лечебного процесса, который как раз с помощью больничного храма и получает максимальную полноту.

При организации храма внутри больничного помещения (т. е. при отсутствии специально выстроенного здания) нами был сделан дизайн-проект современного больничного храма для людей с ограниченными возможностями, рис. 1, 2.

Целью научного исследования является роль больничных храмов в культуре XXI века, проблемой исследования является неполнота использования оборудования в больничном храме для людей с ограниченными возможностями. Идея наша заключается во внедрении в больничный храм приспособления для пациентов-инвалидов и осуществление полного цикла оздоровления человека в его полноте с помощью больничного храма.

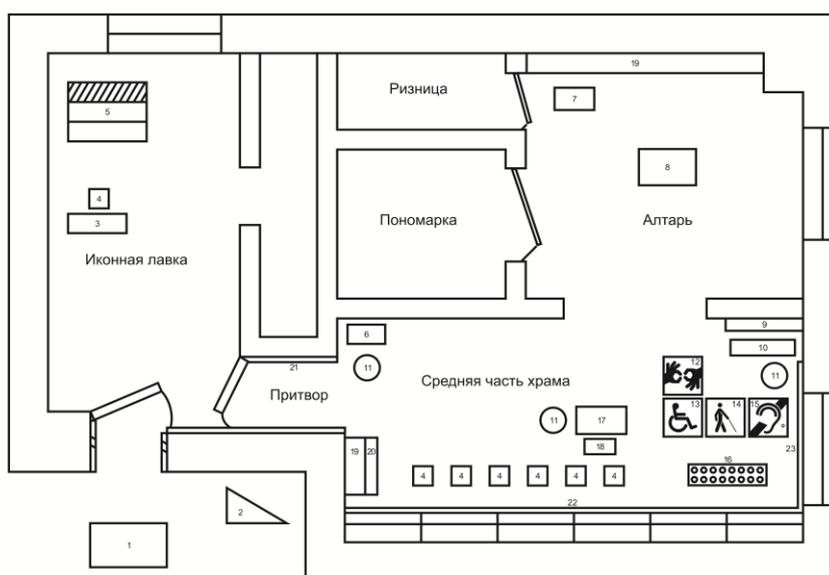

Рис. 1. Дизайн-проект современного больничного храма для людей с ограниченными возможностями

Pic. 1. Design project of the modern hospital temple for people with reduced capabilities

	Центральный вход в больницу
	Пандус
	Стол
	Стулья
	Книги Свечи Тактильные иконы
	Канун
	Жертвенник
	Престол
	Храмовая икона
	Клирос
	Аудиодиш
	Сурдопереводчик
	Инвалид-колясочник
	Слабовидящие люди
	Слабослышащие люди
	Тактильное напольное покрытие
	Аналой
	Тактильная икона
	Стенная роспись Молитва (на русском языке)
	Поручни

Рис. 2. Обозначения в дизайн-проекте
Pic.2. Designations in the design project

Больничный храм, интерьер которого разрабатывался нами в рамках экспериментального проектирования, расположен на первом этаже нового корпуса Липецкой областной клинической больницы в двух примыкающих друг к другу небольших прямоугольных в плане помещениях.

Композиционное построение больничного храма в целом подчиняется канону и устоявшимся традициям православной материально-предметной культуры. Содержательный контекст и функциональные особенности объекта обуславливают принципиальную дизайн-концепцию его построения.

Характер интерьера подчинен настенной росписи, техника исполнения и стилистические особенности которой тяготеют как к классической ясности и простоте, так и выражению той мобилизации духа, которая все отчетливее проступает в настоящее время сквозь хаос духовного разрушения XX века. Здесь хотелось бы привести в пример Св. Луку. О сердце, как важнейшем органе чувств, знаменитый военный хирург и ученый В.Ф. Войно-Ясенецкий (1877–1961 гг.), впоследствии – Святитель Лука, принявший сан священника в 1921 г., писал: «... наши анатомо-физиологические знания о сердце не толь-

ко не мешают, а скорее, даже побуждают нас считать сердце важнейшим органом чувств, а не только центральным органом кровообращения.

Но священное писание говорит нам о сердце гораздо больше. О сердце идет речь чуть ли не на каждой странице Библии, и впервые читающий ее не может не заметить, что сердцу придается значение не только центрального органа, но и важнейшего органа познания, органа мысли и восприятия духовных воздействий. И больше того, сердце, по Священному Писанию, есть орган общения человека с Богом, а следовательно, оно есть орган высшего познания» [1, с. 65–68].

Все богатство, разнообразие чувств и глубина эмоциональных актов раскрываются с особой силой в моменты скорби и надежды в больничных храмах и связываются с мыслями, которые воплощены в образах духовной живописи, и именно поэтому работу по созданию предметно-пространственной среды больничного храма с участием средств мону-ментальной стеной росписи можно считать уникальной.

С целью достижения визуального единства помещения и создания в медицинском помещении образа православного храма с характерными для него архитектурными компонентами был использован метод стилизации. Была использована орнаментальная роспись с введением в композицию стилизованных изображений арок и колонн.

Целостность композиции росписи храма была достигнута замкнутым ее характером, который выразился в непрерывности ритма декоративного оформления по периметру помещений и единой цветовой гаммой.

Стиль написания Святых образов был выбран в рамках Московской школы иконописи XV века, отличающейся мягкостью письма и утонченной гармонией колорита. Она впитала традиции отечественных школ и южнославянских течений, основанных на византийском искусстве.

Решением задачи в больничном храме, а именно разработкой иконографической программы и формированием смыслового центра, стала композиция, включающая священные образы святых земли Липецкой и наиболее почитаемых духовных врачей.

Была сделана оценка отбора икон для больничного храма, таких как икона «Спас в силах», «Святые Борис и Глеб», «Святая Блаженная Матрона» и др., где в каждой из них проявляется единая духовность, соборность. Например, икона «Спас в силах» несет в себе высокую графическую культуру с семантическим энергетическим смыслом, икона «Святые Борис и Глеб» показывает идею синтеза научной грамоты и культуры, а икона «Святая Блаженная Матрона» проявляет истинную духовность, которая формируется без относительности.

Отличительным признаком композиции стенописи является введение в священные изображения текстов молитв в соответствии с образом святого. Тексты изложены с помощью русского современного алфавита с учетом их произношения на церковно-славянском языке. Таким образом, молитвы стали понятными для большинства пациентов-прихожан и с ограниченными возможностями, которые не знают церковно-славянского языка, рис. 3.

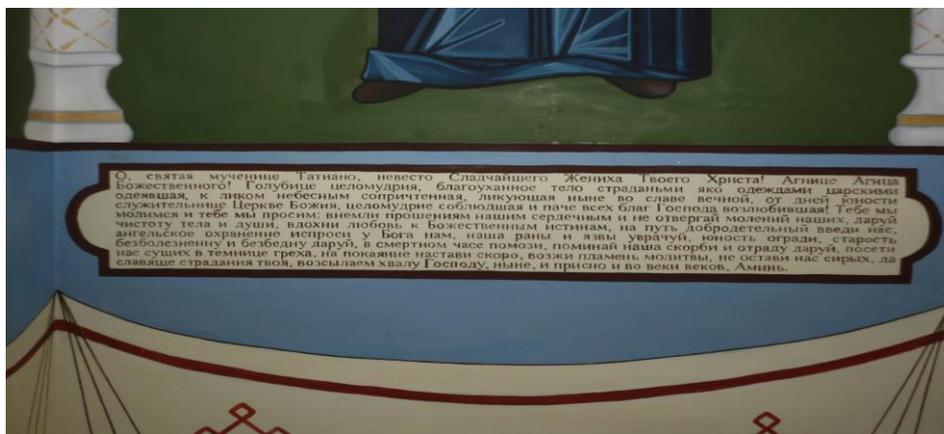

Рис. 3. Молитва Св. вмч. Татиане
Pic. 3. A prayer to the holy martyr Tatiana

В результате монументальной стеной росписи помещений больничного храма в честь Казанской иконы Божьей Матери создана благоприятная пространственная среда, выражающая образ православного храма, способствующая молитвенному состоянию человека и его всестороннему оздоровлению, базирующемуся на создании целостной личности, гармонично сочетающей работу ума и сердца. Это одно из условий дизайн-проекта, которое должно соблюдаться в больничном храме для людей с ограниченными возможностями.

В проекте интерьера доминантой является икона «Спас в Силах», рис. 4. Композиция «Спас в силах» является одним из наиболее насыщенных и глубоких изображений, это целый богословский трактат, исполненный средствами живописи и символического языка [6, с. 32].

Рис. 4. Список иконы «Спас в силах»
Pic. 4. Icon list «Christ in Majesty»

Делая доминантой больничного храма указанную икону, учитывались следующие обстоятельства: если в историческом прошлом среда больничного храма служила ритуальному чину поминания, где доминантным настроением было сочувствие, соболезнование, утешение, то современная среда соединяет в себе ряд дополнительных функций, связанных с особенностью жизни современного человека. Важнейшей является коммуникативная функция, поскольку многие люди в условиях больницы обращаются к вере. В этом случае храмовая среда приобретает значение особой миссионерской территории. Кроме того, в больничных храмах иногда возникает необходимость совершения ритуала венчания или крещения, что в прошлом места не имело.

При разработке дизайн-проекта больничного храма для людей с ограниченными возможностями были соблюдены эстетико-пространственные факторы: предметная маркировка (перила, поручни, сидячие места), цветовая маркировка (благоприятная тональность красок на стенах храма), звуковая маркировка (аудиодуш, разнотон, сигнализация), световая маркировка (локальное и общее освещение), иконопись (резная иконопись, размеры изображений, наличие текстов святому) и другое (емкость со святой водой, наличие тепловой аптечки, тактильное напольное покрытие, указатели).

При таком удобстве пациенты-прихожане будут не лишены утешения слышать ежедневно божественную службу. В нашем храме расположена церковная лавка в отдельном помещении.

Несмотря на то, что при оформлении больничных храмов монументальная стеновая роспись не является распространенной, мы обратились к ней как к приему, характеризу-

ющемуся целостным и пронизательным духовным умозрением. В нем человек ищет отражение и подтверждение собственных мыслей и чувств.

Проект, в котором используются приемы монументальной живописи для достижения целостности храмового интерьера в помещении, предназначенном для обычной палаты, является новым. Но он не противоречит каноническим нормам, позволяет сфокусировать внимание на борьбе за выздоровление, на жизнеутверждающих оттенках настроения, создавая одновременно основу для глубокого проникновения в семантику высокой духовной графики.

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что дизайн-проект больничного храма для людей с ограниченными возможностями должен быть востребован.

И полный цикл оздоровления человека становится завершенным, согласно православной антропологии, космологии и христологии: деятельность медиков – это тело и душа лечебного процесса, а функционирование больничного храма – это его дух и преподавание Святого Духа, оживотворяющего тело, душу и дух самого лечебного процесса.

Список литературы References

1. Войно-Ясенецкий В.Ф. «Дух, душа и тело», Изд-во «Сибирская Благовонница», М.-Клин, 2003. - С. 65–68.
Voino-Yasenetsky V.F. “The spirit, soul and body” , Sybirskaya Blagovonnica Publ., M-Klin, 2003, p. 65–68.
2. Елифанович С.Л. Максим Исповедник и Византийское богословие. – М.: Мартис, 2003 – С. 76.
Epifanovich S.L. “Maksim Confessor and Byzantine theology” М.: Martys, 2003, p. 76.
3. Кантарюк Е.А. Социальное и сакральное в экзистенциальном пространстве больничного храма // Общество: Философия, история, культура, Изд-во ООО Издательский дом «Хорс», Выпуск № 8 2016. – С. 41.
Kantaryuk E.A. «A social and sacral in existential space of hospital temple” // Society: Philosophy, history, education. Hors Publ., no. 8, 2016, p. 41.
4. Митрополит Ирофей Влахос "Православная психотерапия. Святоотеческий курс врачевания души. Изд-во: «Свято-Троицкая Сергиева Лавра», 2004. – С.27–30.
Metropolitan Irofei Vlahos “The orthodox psychological therapy. Patristic course of doctoring of soul” Svyato-troickaya Sergieva Lavra Publ., 2004, p. 27–30.
5. Митрополит Антоний Сурожский. Молитва и жизнь, Изд-во: Фонд «Духовное наследие митрополита Антония Сурожского», 2015. - С. 70.
Metropolitan Anthony Surozhsky “The prayer and life”, Spiritual heritage of Metropolitan Anthony Surozhsky Publ., 2015, p. 70.
6. Рамо-Поки Гийом. Техника росписи икон / Серия «Рукодельница». – Ростов н/Д: «Феникс», 2004. - С. 32.
Ramo-Poki Gyiom “The technique of icon painting / Library “Rukodelnitsa”, Rostov-on-Don: Fenix Publ., 2004, p. 32.
7. Феодор (Юлаев), иером. Максим Исповедник. Антропология // Православная энциклопедия, М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», Б.г. – Т. 43 – С. 79.
Feodor (Yulayev) “Hieromonch Maksim Confessor. Anthropology // Orthodox encyclopedia. М.: Ecclesiastical-scientificcentre “Orthodox encyclopedia” p. 79.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

ACTUAL PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

УДК 342.52

О ЦЕЛЕСООБРАЗНОСТИ РАСШИРЕНИЯ ПЕРЕЧНЯ СУБЪЕКТОВ ПРАВА ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ ИНИЦИАТИВЫ

ON THE FEASIBILITY OF EXPANDING THE LIST OF SUBJECTS OF LEGISLATIVE INITIATIVES

Т.А. Золотухина

T.A. Zolotukhina

Таганрогский институт управления и экономики, 347900, Россия, г. Таганрог, ул. Петровская, 45

Taganrog Institute of management and Economics, Taganrog, the Rostov region, 347900, Russia

E-mail: ttzoloto@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринято исследование правового статуса закрепленных в Конституции России субъектов права законоотворческой инициативы, признается неполнота их перечня. На основании проведенного анализа нормативно-правовых актов и существующих в юридической литературе точек зрения автор приходит к выводу о целесообразности расширения перечня субъектов права законоотворческой инициативы.

Resume. The article represents the study of the legal status enshrined in the Constitution of Russia of subjects of law of legislative initiative, recognizes the incompleteness of their list. On the basis of the conducted analysis of normative legal acts and their existing legal literature points of view, the author comes to the conclusion about the feasibility of expanding the list of subjects of legislative initiative.

Ключевые слова: закон, законоотворческий процесс, законоотворческая инициатива, субъект, право, российские граждане.

Key words: law, legislative process, legislative initiative, subject to the right of the Russian citizens.

В Российской Федерации процесс создания законов, включающий многочисленные творческие элементы (законотворческий процесс), представлен рядом последовательных стадий и этапов. При этом первой его стадией является законоотворческая инициатива, направленная на возбуждение законоотворческого процесса и представляющая собой совокупность действий компетентных субъектов, образующих юридический факт, с которым связано возникновение правоотношений по поводу рассмотрения и возможного принятия (одобрения) либо отклонения законодательным органом законодательного акта. На этой стадии осуществляется официальное внесение уполномоченным субъектом законопроекта (законодательного предложения) в законодательный орган в соответствии с установленной процедурой. Реализация права законоотворческой инициативы влечет за собой обязательность ее рассмотрения и обсуждения в парламенте [Бычкова, 2013; Кокотов, 2013; Минх, 2016].

Формами реализации права законоотворческой инициативы являются законодательное предложение (идея, концепция будущего закона) или готовый законопроект (текст будущего закона со всеми его реквизитами). Как справедливо утверждают Г.Н. Чеботарев и

К.А. Иванова, законодательному предложению свойственна более облегченная форма реализации (например, устная форма) [Чеботарев, Иванова, 2013].

Статья 104 Конституции Российской Федерации и статья 103 Регламента Государственной Думы четко определяют перечень субъектов, которые являются обладателями права законодотворческой инициативы и обязаны выявлять отношения, требующие оформления правом, внесения изменений и дополнений в существующие законы и т. п. Указанное право предоставлено Президенту Российской Федерации, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Федерации. Это обладатели общего права законодотворческой инициативы, которые могут вносить законопроекты по неопределенному кругу вопросов. Правом законодотворческой инициативы наделены также Конституционный Суд Российской Федерации и Верховный Суд Российской Федерации, но только по вопросам, которые имеют непосредственное отношение к их деятельности. Это обладатели специального права законодотворческой инициативы, которые могут вносить законопроекты только по определенным вопросам.

В Российской Федерации с точки зрения потенциальных возможностей организации и ресурсного обеспечения законопроектной работы субъекты права законодотворческой инициативы признаются существенно неравнозначными. Коллективные, к которым можно отнести Правительство Российской Федерации, Конституционный и Верховный Суды Российской Федерации, Совет Федерации, и законодательные (представительные) органы государственной власти в субъектах Российской Федерации имеют возможности использовать в законопроектной работе собственные организационные структуры (аппараты), которые включают правовые и юридические службы; привлекать необходимых специалистов и экспертов, обладающих высокой квалификацией, специализированные экспертные и юридические организации по конкретным отраслям законодательства; использовать бюджетное финансирование.

Аналогичные возможности обеспечения законопроектной работы принадлежат и Президенту Российской Федерации, который формально относится к группе индивидуальных субъектов права законодотворческой инициативы, а фактически, с ресурсной точки зрения, – к группе коллективных субъектов.

Наряду с главой государства к группе индивидуальных субъектов относятся члены Совета Федерации и депутаты Государственной Думы. Каждый депутат нижней и член верхней палаты парламента согласно Конституции Российской Федерации является субъектом права законодотворческой инициативы и может самостоятельно вносить в Государственную Думу проект любого закона, который, однако, должен быть именованным.

Указанным субъектам в их законопроектной работе принадлежат существенно ограниченные ресурсы. Однако политические партии, которых в парламенте представляют такие лица, имеют большие возможности, поскольку могут использовать часть партийных ресурсов для профессионального обеспечения законодотворческой деятельности своего депутатского корпуса путем создания собственных законодотворческих центров или заключения договоров со специализированными организациями и отдельными специалистами в сфере законодотворчества для подготовки высококачественных законопроектов. Такие партии заинтересованы как в том, чтобы представляющие их в парламенте депутаты вносили законопроекты, которые направлены на урегулирование наиболее острых и общественно значимых проблем, так и в том, чтобы такие законопроекты имели потенциальные возможности быть принятыми в качестве законов [Нисневич и др., 2007].

Депутатам Государственной Думы как представителям народа хорошо известны проблемы общества (по крайней мере, должны быть известны), и для их разрешения они могут предложить пути преодоления таких проблем. В этой связи, вопреки утверждению о том, что депутатов необходимо лишить права быть субъектами законодотворческой инициативы [Булаков, Рязанцев, 2007], представляется, что право законодотворческой инициативы предоставлено им вполне обоснованно. Кроме того, накопленный опыт работы Федерального Собрания свидетельствует о том, что именно депутаты Государственной Думы были и остаются наиболее активными, хотя и не самыми результативными в смысле вступления законов в силу субъектами права законодотворческой инициативы: основной

объем законопроектов, которые рассматриваются в Государственной Думе, вносят сами депутаты Государственной Думы (более половины законопроектов, находящихся на рассмотрении). Правительство Российской Федерации вносит лишь четвертую часть от объема всех принимаемых к рассмотрению законопроектов. Незначительную роль в этом процессе играет и Президент Российской Федерации [Гребенников и др., 1998; Лихобабин, 2004; Нисневич и др., 2007].

В то же время представители юридической науки отмечают положительную динамику в процессе активизации законопроектной деятельности Правительства Российской Федерации, что подтверждается статистическими данными. Указанный процесс обусловлен тем, что именно Правительству Российской Федерации приходится постоянно сталкиваться с проблемами и недостатками в законодательстве, ему предоставлены значительные возможности в области разработки высококачественных законопроектов и их проведения через парламент, а большинство вносимых российским Правительством на рассмотрение Государственной Думы законопроектов посвящены регулированию вопросов, имеющих социальное значение [Карлин, 2002; Мазуренко, 2010].

Ни Конституция, ни законодательство не содержат какие-либо критерии, разграничивающие вопросы, по которым законотворческую инициативу должен осуществлять преимущественно Президент Российской Федерации, а по которым – Правительство Российской Федерации. Не исключается их совместная законотворческая инициатива, равно как и совместная (консолидированная) законотворческая инициатива других ее субъектов.

При этом Президент Российской Федерации определяет основные направления внутренней и внешней политики государства и необходимость законодательного обеспечения их в своих ежегодных посланиях Федеральному Собранию. И если в течение 1994–1999 гг. президентские послания практически не оказывали влияния на программы законопроектной работы, то в последние годы ситуация претерпела существенные изменения, а Президент Российской Федерации превратился в важного поставщика законопроектов в Государственную Думу [Мазаев, Минх, 2013]. Ему принадлежит исключительное право вносить в Государственную Думу проект федерального конституционного закона об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации. Кроме того, подписывая договоры о разграничении полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъекта России, он обязан внести в Государственную Думу проект федерального закона об утверждении данного договора. В свою очередь в обязанности Правительства Российской Федерации входит внесение в Государственную Думу в установленный срок проекта федерального закона о федеральном бюджете.

Предоставление права законотворческой инициативы законодательным (представительным) органам государственной власти субъектов Российской Федерации можно объяснить особенностями федеративного устройства российского государства и стремлением решать региональные задачи, которые имеют одновременно общефедеральное значение. При этом вполне возможно, что активность многочисленных субъектов России в использовании этого права приведет к некоторой инфляции законотворческих инициатив.

Кроме того, что в Конституции Российской Федерации установлен перечень субъектов, которые обладают общим правом законотворческой инициативы, статья 104 предоставляет Конституционному и Верховному Судам Российской Федерации ограниченное право законотворческой инициативы (только по вопросам, находящимся в их ведении). Такая инициатива связана с изменением законодательства о судостроительстве, процессуального законодательства, а также направлена на законодательное регулирование проблем, которые выявляет судебная практика каждого из этих судов. Но обращаются с законотворческими инициативами высшие судебные органы крайне мало и неодинаково.

Например, системы общих и арбитражных судов особенно остро и быстро ощущают недостатки и проблемы в законодательстве, чем и обусловлено наделение их высшей инстанции – Верховного Суда – правом законотворческой инициативы, а также проявление им активности в этой области.

Напротив, Конституционный Суд Российской Федерации инициировал принятие только федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», а также внесение ряда поправок в проекты федеральных конституционных законов «О судебной системе Российской Федерации», «О референдуме в Российской Федерации». В целом же он избегает принимать участие в законотворческом процессе из-за того, что деятельность этого органа имеет охранительную направленность, что юридическая доктрина признает оправданным, так как закон, принятие которого инициировал Конституционный Суд, может быть в будущем оспорен по мотиву неконституционности именно в данный орган судебной власти [Косолапов, 2002].

Более того, в практике Конституционного Суда в последнее время распространены адресованные непосредственно законодателям обращения, в которых указана необходимость принять те или иные законодательные положения (например, Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 1996 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений Федерального закона «О статусе депутата Совета Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 17 июля 1998 г. № 23-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 102 Федерального закона «О федеральном бюджете на 1998 г.»). Такого рода обращения нельзя назвать формой реализации права законотворческой инициативы, но они становятся поводом для законотворческих инициатив, вносимых депутатами Государственной Думы, а также для внесения изменений в законопроекты, которые уже обсуждаются Федеральным Собранием.

В то же время высшие судебные органы не указаны в статье 134 Конституции Российской Федерации в качестве субъектов, обладающих правом внесения предложений об изменении норм действующей Конституции. Поддерживая позицию представителей юридической науки [Косолапов, 2002], мы думаем, что отсутствие данной нормы является существенным нарушением принципа разделения властей, порождает дисбаланс властей и умалывает авторитет судебной власти.

Однако установленный сегодня на федеральном уровне перечень субъектов права законотворческой инициативы следует признать неполным, так как ряд субъектов, лишенных права законотворческой инициативы, могут вносить свои инициативные проекты только с помощью органов и лиц, которые наделены таким правом [Абрамова, 2006; Бычкова, 2013].

Согласно статье 6 федерального закона от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» конституция (устав) субъекта России может предоставить право законотворческой инициативы общественным объединениям, а также гражданам, проживающим на территории данного субъекта.

В этой связи в юридической литературе ведется дискуссия о целесообразности расширения перечня субъектов права законотворческой инициативы путем наделения соответствующим правом Генерального прокурора, Уполномоченного по правам человека, Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, общественные организации (объединения), политические партии, отдельные группы граждан или в принципе даже любого гражданина. Однако обязательность рассмотрения той или иной инициативы высшим законодательным органом Российской Федерации или субъекта Российской Федерации должна наступать после предварительной экспертизы [Булаков, Рязанцев, 2007; Гриб, 2010; Макаров, Нестерова, 2015; Матузов, Малько, 2005].

По утверждению А.Н. Кокотова, право граждан, их объединений на внесение законопроектов вытекает из статьи 33 Конституции Российской Федерации, которая конкретизируется в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» [Кокотов, 2013].

Наделение правом законотворческой инициативы граждан Российской Федерации закреплено в российском региональном законодательстве. Предоставление права законотворческой инициативы населению Российской Федерации в форме объединения граждан России в инициативные группы вполне закономерно, поскольку именно граждане госу-

дарства первыми ощущают необходимость правового регулирования определенной проблемы, а также являются первичным звеном в процессе реализации закона. Результатом предоставления гражданам права законотворческой инициативы, по мнению Е.И. Бычковой, должно стать формирование у отдельного человека и в целом у общества стремления и мотива к соблюдению правовых предписаний. И более того, граждане желают принимать непосредственное участие в процессе создания правовых норм [Бычкова, 2015].

В результате расширения перечня субъектов права законотворческой инициативы потребуются нормативно установить, какая из форм реализации этого права приемлема для того или иного субъекта. Так, для населения предпочтительно использование такой формы реализации права законотворческой инициативы, как внесение идеи, предложения о разработке законопроекта с обоснованием его потребности в общественной жизни, поскольку данному субъекту затруднительно создание законопроекта своими силами [Леоненко, 2011]. Другим субъектам целесообразно предусмотреть внесение уже подготовленных законопроектов.

Изложенные обстоятельства свидетельствуют о том, что для обоснованного проведения указанных мероприятий необходимо принять специальный закон, посвященный законотворческой инициативе либо регулирующий порядок реализации права законотворческой инициативы. Нормы такого закона должны осуществлять детальную регламентацию такой важной стадии законотворческого процесса как законотворческая инициатива, в реализации которой участвует обширный круг субъектов этого права.

Кроме того, целесообразно принятие самостоятельного федерального закона о гражданской (народной) законотворческой инициативе [Чеботарев, Иванова, 2013], что будет направлено на пропаганду идеи участия граждан в законотворческой деятельности, призвано способствовать повышению активности граждан России в процессе решения волнующих их злободневных проблем, оказывая влияние на принимаемые Федеральным Собранием федеральные законы, их характер и содержание. В данном законе следует закрепить принципы реализации права на народную законотворческую инициативу, в том числе возможность граждан Российской Федерации принимать участие в инициативных акциях свободно и добровольно, на равных с другими членами общества основаниях, и непосредственно обладать всей полнотой прав на реализацию народной законотворческой инициативы. В предлагаемом законе должна быть четко определена процедура осуществления народной законотворческой инициативы на федеральном уровне, ее реализации, а также обязанность законодательного (представительного) органа в определенный срок рассмотреть поступивший в рамках гражданской законотворческой инициативы проект. Кроме того, в законе следует предусмотреть обязанности средств массовой информации, в том числе электронных (как центральных, так и региональных), связанные с обнародованием содержания инициатив, а также определить меры ответственности за неправомерные действия, совершаемые органами и должностными лицами, которые выразились в воспрепятствовании реализации права законотворческой инициативы [Леоненко, 2011; Нудненко, Попова, 2008; Матузов, Малько, 2005; Чеботарев, Иванова, 2013].

Следует в этой связи поддержать предложение Н.Т. Леоненко о закреплении в статье 3 Конституции Российской Федерации такой формы непосредственного выражения воли народа, как гражданская законотворческая инициатива [Леоненко, 2011].

Подводя итог проведенному исследованию, необходимо отметить, что перечень субъектов права законотворческой инициативы нуждается в расширении по меньшей мере за счет предоставления соответствующего права населению Российской Федерации в форме объединения граждан России в инициативные группы.

Эти идеи также требуют конституционного и законодательного оформления.

Список литературы References

1. Абрамова А.И. Право законодательной инициативы: проблемы обеспечения и защиты // Журнал российского права. 2006. № 3.
Abramova A. I. Pravo zakonodatel'noj iniciativy: problemy obespecheniya i zashchity // Zhurnal rossijskogo prava. 2006. № 3.

2. Булаков О.Н., Рязанцев И.Н. Парламентское право России: Курс лекций / под ред. О.Н. Булакова. М.: Юстицинформ, 2007.
Bulakov O.N., Ryazancev I.N. Parlamentskoe pravo Rossii: Kurs lekciy / pod red. O.N. Bulakova. M.: Yusticininform, 2007.
3. Бычкова Е.И. Правотворческая инициатива граждан: сущность и проблема стагнации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 9.
Bychkova E.I. Pravotvorcheskaya iniciativa grazhdan: sushchnost' i problema stagnacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 9.
4. Бычкова Е.И. Теоретико-правовые вопросы законодательной инициативы граждан (на примере города Москвы) // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 6.
Bychkova E.I. Teoretiko-pravovyye voprosy zakonodatel'noj iniciativy grazhdan (na primere goroda Moskvy) // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 6.
5. Гребенников В.В., Васецкий Н.А., Полуян Л.Я. Федеральный законодательный процесс в зеркале статистики (Аналитический обзор) // Государство и право, 1998, № 9.
Grebennikov V.V., Vaseckij N.A., Poluyan L.Ya. Federal'nyj zakonodatel'nyj process v zerkale statistiki (Analiticheskij obzor) // Gosudarstvo i pravo, 1998, № 9.
6. Гриб В.В. Законотворческая (правотворческая) инициатива как форма влияния институтов гражданского общества на органы государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2010. № 12.
Grib V.V. Zakonotvorcheskaya (pravotvorcheskaya) iniciativa kak forma vliya-niya institutov grazhdanskogo obshchestva na organy gosudarstvennoj vlasti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2010. № 12.
7. Карлин А. Нормативно-правовое обеспечение социально-экономической сферы // Российская юстиция. 2002. № 9.
Karlin A. Normativno-pravovoe obespechenie social'no-ehkonomicheskoy sfe-ry // Rossijskaya yusticiya. 2002. № 9.
8. Кокотов А.Н. Законодательная инициатива в федеральном парламентском законодательном процессе // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11.
Kokotov A.N. Zakonodatel'naya iniciativa v federal'nom parlamentskom zakonodatel'nom processe // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 11.
9. Косолапов М.Ф. Конституционный механизм взаимодействия законодательной и судебной власти в Российской Федерации // Правовая политика и правовая жизнь. 2002 № 1.
Kosolapov M.F. Konstitucionnyj mekhanizm vzaimodejstviya zakonodatel'noj i sudebnoj vlasti v Rossijskoj Federacii // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2002 № 1.
10. Леоненко Н.Т. Право законодательной инициативы в региональном законодательном процессе: сущность, проблемы, предложения // Российский юридический журнал. 2011. № 5.
Leonenko N.T. Pravo zakonodatel'noj iniciativy v regional'nom zakonodatel'nom processe: sushchnost', problemy, predlozheniya // Rossijskij yuridicheskij zhurnal. 2011. № 5.
11. Лихобабин В.А. Делегированное законодательство. Не посмотреть ли на старое по-новому? // Правовая политика и правовая жизнь. 2004. № 1.
Lihobabin V.A. Delegirovannoe zakonodatel'stvo. Ne posmotret' li na sta-roe po-novomu? // Pravovaya politika i pravovaya zhizn'. 2004. № 1.
12. Мазаев В.Д., Минх Г.В. Законодательная инициатива как инструмент реализации конституционных полномочий Президента Российской Федерации // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 1.
Mazaev V.D., Minh G.V. Zakonodatel'naya iniciativa kak instrument reali-zacii konstitucionnyh polnomochij Prezidenta Rossijskoj Federacii // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 1.
13. Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М.: Юрист, 2010.
Mazurenko A.P. Rossijskaya pravotvorcheskaya politika: koncepciya i real'-nost'. M.: YUrist, 2010.
14. Макаров А.В., Нестерова Т.Ю. Избирательная комиссия как субъект законодательной инициативы по законодательству субъектов Российской Федерации // Государственная власть и местное самоуправление. 2015. № 5.
Makarov A. V., Nesterova T. YU. Izbiratel'naya komissiya kak sub"ekt zakonodatel'noj iniciativy po zakonodatel'stvu sub"ektov Rossijskoj Federacii // Gosudarstvennaya vlast' i mestnoe samoupravlenie. 2015. № 5.
15. Минх Г.В. Законодательная инициатива Президента Российской Федерации как конституционно-правовой институт // Журнал российского права. 2016. № 1.

Minh G.V. Zakonodatel'naya iniciativa Prezidenta Rossijskoj Federacii kak konstitucionno-pravovoj institut // Zhurnal rossijskogo prava. 2016. № 1.

16. Нисневич Ю.А., Платонов В.М., Слизовский Д.Е. Законодательная деятельность: Политико-правовой анализ: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2007.

Nisnevich Yu.A., Platonov V.M., Slizovskij D.E. Zakonodatel'naya deyatelnost': Politiko-pravovoj analiz: Ucheb. posobie dlya studentov vuzov. M.: Aspekt Press, 2007.

17. Нудненко Л.А., Попова М.А. Концепция Федерального закона «О народной законодательной инициативе в Российской Федерации» // Конституционное и муниципальное право. 2008. № 9;

Nudnenko L.A., Popova M.A. Konceptsiya Federal'nogo zakona «O narodnoj zakonodatel'noj iniciative v Rossijskoj Federacii» // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2008. № 9;

18. Правовая жизнь в современной России: теоретико-методологический аспект / Под ред. Н.И. Матузов и А.В. Малько. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2005.

Pravovaya zhizn' v sovremennoj Rossii: teoretiko-metodologicheskij aspekt / Pod red. N.I. Matuzov i A.V. Mal'ko. Saratov: Izd-vo GOU VPO «Saratovskaya gosudarstvennaya akademiya prava», 2005.

19. Чеботарев Г.Н., Иванова К.А. Гражданская законодательная инициатива как форма осуществления населением государственной власти // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 4.

Chebotarev G.N., Ivanova K.A. Grazhdanskaya zakonodatel'naya iniciativa kak forma osushchestvleniya naseleniem gosudarstvennoj vlasti // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2013. № 4.

УДК 342.2

**КОРРЕЛЯЦИЯ СТАБИЛЬНОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СТРОЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С РЕАЛИЗАЦИЕЙ ПРИНЦИПА ЕДИНСТВА
ПРАВООЗАЩИТНОГО ПРОСТРАНСТВА***

**CORRELATION OF STABILITY OF THE CONSTITUTIONAL SYSTEM OF THE
RUSSIAN FEDERATION WITH THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF
THE UNITY OF A HUMAN RIGHTS SPACE**

А.Е. Новикова

A.E. Novikova

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: novikova_a@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье представлен обзор российского законодательства, позволяющий коррелировать понятие «дестабилизация» с ранее предложенным в юридической науке термином «правозащитные риски» применительно к конституционному строю. Авторами не только осуществлено дефинирование заявленного понятия, но также выявлены и указаны конкретные виды правозащитных рисков дестабилизации конституционного строя в Российской Федерации, а также сформулированы предложения по их минимизации.

Resume. The article presents an overview of the Russian legislation, allowing to correlate the concept of «destabilization» previously proposed in legal science, the term «human rights risks» in relation to the constitutional order. The authors not only implemented the definition of the claimed concept, but also identified and listed the specific types of human rights risks destabilizing the constitutional order in the Russian Federation and proposals for their minimization.

Ключевые слова: правозащитные риски, минимизация, правозащитные риски дестабилизации конституционного строя, единство правового пространства, стратегия, стабильность, федерализм, территориальная целостность, внешняя политика, внутренняя политика.

Key words: human rights risks, minimization of human rights risks destabilizing the constitutional order, the unity of legal space, strategy, stability, federalism, territorial integrity, foreign policy, domestic policy.

Конституционный строй, выступая базовым для государственного строительства теоретическим понятием, фиксирует основные общественные отношения, определяющие организационное и функциональное единство общества, а также предопределяет строгий набор принципов для функционирования государственной системы.

В юридической науке и на практике нет единого мнения о понятии и сущности основ конституционного строя, и, следовательно, о правовых инструментах его защиты. В рамках данной работы под основами конституционного строя будем понимать зафиксированные в Конституции основные начала организации жизни общества и государства, имеющие наивысшую юридическую силу и предопределяющие сущность всей правовой системы государства. Они являют собой главный объект обеспечения безопасности государства за счет того, что обладают высшей юридической силой.

Будучи моделью комплекса общественных отношений, основы конституционного строя выступают в качестве наиболее существенного, наиболее важного объекта конституционного регулирования, определяют наиболее важные принципы правового государ-

* Работа выполнена в рамках гранта Президента Российской Федерации Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук (Конкурс – МК-2016).

ства и статус субъектов конституционно-правовых отношений, пронизывающих правовое регулирование их деятельности.

Конституционный строй стабилен и являет собой базу для действенного функционирования государства, прогресса общественной жизни, осуществления человеком своих прав и свобод, когда наличествует и действует сформированная и обеспеченная система его гарантий. Гарантия конституционного строя есть способ защиты его неприкосновенности от посягательств с целью его насильственного, противоправного изменения. Ключевую роль среди гарантий играет национальная безопасность, которая воспринимается как основная гарантия.

К числу гарантий конституционного строя относят:

- возможность изменения его основ только в строго установленном порядке через созыв специального органа – Конституционного Собрания;

- верховенство положений гл. I «Основы конституционного строя» среди других норм Конституции Российской Федерации [Российская газета. – 1993, 25 декабря; СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398];

- закрепленную Уголовным кодексом Российской Федерации [СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Российская газета. – 2017, 19 апреля] ответственность за преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, объект посягательства которых соответствует ч. 4 ст. 3 Конституции Российской Федерации;

- судебный конституционный контроль;

- функции органов публичной власти по охране и защите конституционного строя.

Состояние безопасности современной России во многом определяется последствиями процессов государственного и муниципального строительства, включая разграничения предметов ведения и полномочий, правового регулирования системы и статуса органов государственной власти субъектов Российской Федерации и муниципальных образований, последовательное и разборчивое распределение сфер компетенции и ответственности. Таким образом, стоимость гарантированной безопасности конституционной системы, рассмотренной в качестве одного из приоритетных направлений функционирования государственных и муниципальных органов в области защиты интересов личности, общества и государства возрастает. Динамика развития федеративного устройства и местного самоуправления порождает ряд новых угроз безопасности конституционного строя, которые должны найти адекватное правовое разрешение в конституционной теории, законодательстве и правоприменительной практике.

Конституционные риски развиваются в среде, характеризуемой неопределенностью, которая проявляется в возможности нескольких вариантов развития конституционных или конституционно опосредованных процессов. Так, например, это может быть внесение поправок в Конституцию, проблемы ее реализации или интерпретации.

Однако, существуют не только конституционные риски дестабилизации конституционного строя. Можно выделить несколько аспектов, способных дестабилизировать состояние российского конституционализма. В первую очередь следует отметить, что факторы дестабилизации подразделяются на внешние и внутренние. Внешние угрозы формируются вне внутренних процессов деятельности государства и исходят от иностранных государств или международных организаций. Внутренние же складываются лишь между субъектами одного государства и исходят от его компонентов, будь то организации, сами органы власти, либо граждане и деятельность, осуществляемая ими. Внутренние факторы можно подразделить, исходя из основных сфер жизни общества – экономической, политической, социальной и духовной. Соблюдение баланса интересов всех участников жизни общества во всех его сферах является гарантией отсутствия внутренних угроз конституционному строю. Что же касается угроз внешних, то их гораздо сложнее контролировать, и чтобы избежать, нужно умело «вальсировать» на мировой арене.

В продолжение отметим, что теоретическим решением, способствующим минимизации деструктивных проявлений стабильности конституционного строя Российской Федерации, на наш взгляд, может стать категория «правозащитные риски дестабилизации конституционного строя».

Конституция России не содержит термин «дестабилизация». Однако он встречается в других нормативных правовых актах. К примеру, он используется в Уголовном кодексе Российской Федерации при определении понятия террористический акт как действия «в целях дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций...».

Примечательно, что законодатель начал активно внедрять термин «дестабилизация» лишь в последние годы. В принятой и утвержденной Президентом России Военной доктрине Российской Федерации этот термин встречается применительно к положениям о внутренних и внешних военных опасностях [Российская газета. – 2014, 30 декабря]. Дестабилизации могут подвергнуться внутривнутриполитическая и социальная ситуация в России, а также обстановка в отдельных государствах и регионах (п. «а» ст. 13 и п. «б» ст. 12 Военной доктрины).

В Стратегии национальной безопасности России, принятой в 2015 г., дестабилизация работы органов государственной власти и внутривнутриполитической и социальной ситуации в стране отнесена к основным угрозам государственной и общественной безопасности (ст. 43).

Дестабилизация внутривнутриполитической и социальной ситуации в России причислена к угрозам национальной безопасности также и в Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. [СПС «Консультант плюс»]. В Стратегии уточняется, что преступления экстремистской направленности могут привести к дестабилизации общественно-политической (ст. 7), социально-политической обстановки в стране (ст. 10). Кроме того, в ст. 16 Стратегии дана интерпретация дестабилизации социально-политической обстановки в стране: «привлечение различных групп населения к участию в протестных акциях, в том числе несогласованных, которые впоследствии умышленно трансформируются в массовые беспорядки».

В Концепции общественной безопасности в Российской Федерации речь идет не о дестабилизации обстановки, а ситуации (внутривнутриполитической и социальной) [СПС «Консультант плюс»].

Термин «дестабилизация» встречается не только в стратегиях и концепциях, но также и в федеральном законодательстве. Например, в федеральном законе «О связи» сказано, что дестабилизирующее воздействие может быть оказано на «целостность, устойчивость функционирования и безопасность единой сети электросвязи» (в ч. 2 ст. 43) [Российская газета. – 2003, 10 июля; 2016, 8 июля].

Исходя из приведенных примеров, представляется возможным выделить следующие признаки дестабилизации:

- представляет собой угрозу безопасности, источник опасности;
- круг объектов дестабилизации ограничивается органами государственной власти; внутривнутриполитической, социальной или общественно-политической обстановкой или ситуацией в государстве или регионе;
- усилия государства направлены на недопущение или пресечение дестабилизирующего воздействия;
- предусмотрена юридическая ответственность за попытки или осуществленную дестабилизацию определенного круга объектов.

Однако представленные нормативные формулировки не отвечают на важный, по нашему мнению, вопрос: возможна ли дестабилизация любого объекта или только стабильного, находящегося до этого в гармонии и целостности?

Само слово «дестабилизация» является производным от слова «стабильный» или «стабильность», поэтому логично обращение к словарному определению именно этих слов. В толковом словаре русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой «стабильный» – это прочный, устойчивый, постоянный, «стабилизировать» – привести в устойчивое состояние [Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. С. 750].

Таким образом, дестабилизация означает выведение из устойчивого состояния (приведение в неустойчивое состояние), а это говорит о том, что дестабилизировать можно лишь тот объект, который находится в устойчивом состоянии. Сделаем ремарку, что применительно к стабильности общественных институтов, политической и социальной

обстановке в стране, конституционному строю нельзя говорить о постоянстве как о неизменности и неподверженности никакому влиянию. Это опосредовано тем, что мир не стоит на месте, развивается, и государство должно реагировать на положительные изменения для более эффективной реализации своих функций, в том числе и правозащитной.

Интегрируя содержание понятий конституционного строя и дестабилизации, предлагаем определить дестабилизацию конституционного строя как противозаконные действия / бездействие по приведению основных конституционных начал жизни общества и государства в неустойчивое состояние, создающие опасность незащищенности прав и свобод личности, всех государственных и общественных институтов, а также политической, социальной, экономической обстановки в стране в целом.

Сделав ремарку о том, что любой риск дестабилизации конституционного строя ставит под угрозу права и свободы человека и гражданина и потому презюмируется его правозащитный характер, перейдем к рассмотрению таковых.

Понятие дестабилизации встречается в Уголовном кодексе Российской Федерации при характеристике другой категории – «терроризм». И ведь на самом деле терроризм представляет собой наиболее опасную угрозу для человека, общества, государства, а также для безопасности мира в целом. В Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» уточнено, что терроризм несет в себе угрозу сохранению территориальной целостности, социальной, политической и экономической стабильности государства, а также правам и свободам человека и гражданина [Российская газета. – 2012, 17 февраля]. Принимаемые в России нормативные правовые акты, направленные на снижение правозащитных рисков, исходящих от террористической деятельности [Российская газета. – 2006, 10 марта; 2016, 8 июля; СЗ РФ. – 2015. – 52 (часть I). – Ст. 7591; СЗ РФ. – 2015. – № 47. – Ст. 6576], свидетельствуют о признании государством таковой опасности и попытках минимизировать правозащитные риски.

Непосредственное негативное отношение к конституционному строю имеет экстремизм, который определен законодателем, в первую очередь, как насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации [Российская газета. – 2002, 30 июля; 2015, 25 ноября]. Выделяя такие виды экстремизма, как политический, расовый, языковой, нацистский, национальный, религиозный, социальный и террористический, Д.С. Воробьев в своей диссертации отмечает, что политический экстремизм представляет собой наибольшую угрозу безопасности конституционного строя [Воробьев Д.С. Гарантии безопасности конституционного строя современной России. С. 120].

Большое значение для стабильного конституционного строя имеет экономическая составляющая. Государству необходимо спонсировать развитие и поддержание основных общественных институтов. Однако экономика России нестабильна. Мировой финансово-экономический кризис стал серьезным испытанием для экономической основы конституционного строя Российской Федерации. Кризис показал, что она не защищена в должной мере от внешних угроз. В последующем события, связанные с введением рядом государств против России санкций, еще раз продемонстрировали уязвимость экономического сектора. Это указывает на необходимость дополнительных мер по снижению зависимости национальной экономики и финансовой системы от негативных внешних факторов, исходящих не только от нестабильности на мировых рынках, но и от различных политических угроз.

Существенный правозащитный риск дестабилизации конституционного строя представляет нарушение конституционного принципа единства правового пространства. Если акты не имеют ясности, четкости и однозначности, не соблюдается иерархия нормативных правовых актов и они применяются по-разному в зависимости от усмотрения правоохранительных органов, степени доверия граждан и их объединений к государству и праву имеют тенденцию к снижению, что приводит к незаконным способам разрешения социальных и политических конфликтов.

Обращаясь к Конституции Российской Федерации, отметим, что заложенная в ней модель федерализма, предполагающая наличие субъектов, образуемых по национальному признаку, несет в себе риски нарушения территориальной целостности государства и, как следствие, риски дестабилизации конституционного строя.

Как было отмечено, стабильность конституционного строя не означает его неизменность, когда такие изменения отражают реакцию на мировое развитие и носят позитивный характер. Таким образом, должна быть обеспечена реальная возможность изменения основ конституционного строя России. Российской Конституцией такая возможность предусмотрена при непосредственном участии Конституционного Собрания, правовое положение которого должно быть урегулировано федеральным конституционным законом (ч. 2 ст. 135). Однако такой закон не был принят, хотя попытки его принять были [Жорник А.М. Необходимость принятия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании Российской Федерации. С. 38–43]. Такой пробел, безусловно, указывает на потенциальную возможность возникновения правозащитных рисков дестабилизации конституционного строя.

В ответ на усилившуюся угрозу были укреплены государственные и общественные институты, основы российского федерализма, произошел прогресс в региональном развитии, в решении экономических и социальных задач. Правоохранительные органы и спецслужбы стали более эффективными в борьбе с терроризмом и экстремизмом; была создана актуальная основа национальной политики, произведены корректировки подходов к образованию; не прекращается борьба с коррупцией – все это направлено на охрану основ конституционного строя, безопасности и суверенитета.

Для того чтобы меры, направленные на охрану конституционного строя, были более эффективными, предлагаем разработать основные направления минимизации правозащитных рисков дестабилизации конституционного строя. Под минимизацией правозащитных рисков будем понимать деятельность соответствующих субъектов защиты прав и свобод человека и гражданина, в процессе которой преодолевается неопределенность ситуации и имеется возможность не только оценить вероятность достижения поставленной правозащитной цели, но и просчитать наиболее оптимальный путь ее достижения [Новикова А.Е. Правозащитные риски: понятие, сущность и перспективы конституционно-правовой институционализации. С. 54–56].

В первую очередь минимизация правозащитных рисков должна быть осуществлена в сфере единства правозащитного пространства: принятие договоров о разграничении предметов ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации; учреждение в каждом субъекте Российской Федерации конституционного (уставного) суда.

В целях сохранения территориальной целостности России ее политика должна быть в значительной мере ориентирована на учет интересов граждан различных национальностей, вероисповедания, политических взглядов и убеждений при обеспечении общих конституционно-значимых ценностей.

Введение на законодательном уровне определения понятий «дестабилизация», «дестабилизация конституционного строя» в целях придания ясности положениям различных стратегий и концепций, касающихся безопасности Российской Федерации, а также разработки мер реагирования на дестабилизирующие воздействия.

Принятие федерального конституционного закона «О Конституционном Собрании Российской Федерации» окажет позитивное влияние на укрепление стабильности конституционного строя в перспективе.

Список литературы References

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с учетом поправок, внесенных законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 г. № 6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 г. № 7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 г. № 2-ФКЗ и от 21 июля 2014 г. № 11-ФКЗ) // Российская газета. – 1993, 25 декабря; СЗ РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17.04.2017 г.) // СЗ РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2954; Российская газета. – 2017, 19 апреля.
3. Федеральный закон от 07.07.2003 г. № 126-ФЗ «О связи» (ред. от 06.07.2016 г.) // Российская газета. – 2003, 10 июля; 2016, 8 июля.

4. Федеральный закон от 06.03.2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» (ред. от 06.07.2016 г.) // Российская газета. – 2006, 10 марта; 2016, 8 июля.
5. Указ Президента РФ от 18.11.2015 г. № 562 «О Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма» (вместе с «Положением о Межведомственной комиссии по противодействию финансированию терроризма») // СЗ РФ. – 2015. – № 47. – Ст. 6576.
6. Указ Президента РФ от 26.12.2015 г. № 664 «О мерах по совершенствованию государственного управления в области противодействия терроризму» (вместе с «Положением о Национальном антитеррористическом комитете») // СЗ РФ. – 2015. – 52 (часть I). – Ст. 7591.
7. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14.11.2013 г. № Пр-2685) // СПС «Консультант плюс».
8. Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года (утв. Президентом РФ 28.11.2014 г. № Пр-2753) // СПС «Консультант плюс».
9. Военная доктрина Российской Федерации (утв. Президентом РФ 25.12.2014 г. № Пр-2976) // Российская газета. – 2014, 30 декабря.
10. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. – 2012, 17 февраля.
11. Воробьев Д.С. Гарантии безопасности конституционного строя современной России: Дис. ... канд. юрид. наук. – Белгород, 2015.
12. Жорник А.М. Необходимость принятия федерального конституционного закона о Конституционном Собрании Российской Федерации // Сборник научных работ учащихся юридического факультета НИУ «БелГУ» (посвященный Дню Конституции Российской Федерации и Дню юриста 2012 г.) / сост. А.Е. Новикова. В 2-х частях. Часть 2. – Белгород: ООО «ГиК», 2012.
13. Новикова А.Е. Правозащитные риски: понятие, сущность и перспективы конституционно-правовой институционализации // Материалы II Международной научно-практической конференции «Правовая политика Российской Федерации в условиях современного социально-экономического развития» (12–13 октября 2007 г.). – Ростов-на-Дону, 2007.
14. Ожегов С.И. и Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская АН; Российский фонд культуры. – М.: АЗЪ, 1996.

УДК 340.01

**ПРОБЛЕМЫ РЕФОРМИРОВАНИЯ СУДА ПРИСЯЖНЫХ
В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ****PROBLEMS OF REFORMING JURY TRIALS IN MODERN RUSSIA****В.Е. Тонков****V.E. Tonkov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
308015, Россия, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: tonkov_v@bsu.edu.ru

Аннотация. Автором с позиций обоснованности, своевременности и действительной потребности рассматриваются вопросы реформирования суда присяжных в современной России с учетом современного этапа социального и государственного развития и фактического состояния отечественного правосудия.

Resume. The author from the standpoint of validity, timeliness and actual needs addresses the issues of reform of trial by jury in modern Russia taking into account modern stage of social and state development and the actual situation of domestic justice.

Ключевые слова: судебная реформа, присяжные заседатели, подсудность уголовных дел.

Key words: judicial reform, the jury, jurisdiction of criminal cases.

Развитие суда присяжных в России ученые нередко и не без определенных опасений называют революционным. В ежегодном послании Федеральному Собранию в 2015 году Президент Российской Федерации В.В. Путин высказал мнение о необходимости реформирования института присяжных. В частности, глава государства предложил «укрепить роль института присяжных заседателей, расширить число составов преступлений, которые они могут рассматривать... подумать о сокращении числа присяжных до пяти-семи человек, при этом обязательно сохранить полную автономию и самостоятельность присяжных при принятии решений» [8].

На Всероссийском совещании судей в феврале 2016 года В.В. Путин признал институт присяжных неэффективным ввиду сокращения количества рассмотренных дел, хотя как можно большее число граждан должно иметь возможность избирать именно эту форму правосудия, поэтому, по его мнению, нужно распространить ее на районные суды» [2].

Следует отметить, что идеи оптимизации такой формы правосудия и расширения ее юрисдикции высказывались и ранее, в том числе в Верховном Суде РФ, однако они были неконкретными, носили скорее декларативный характер. На уровне высшего руководства страны и столь решительно этот вопрос был озвучен впервые. В результате уже 14 марта того же года в Государственную Думу ФС РФ внесен пакет соответствующих президентских законопроектов, которые в июне обрели статус законов. В их числе – Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» [12], вводящий с 1 июня 2018 года новую форму уголовного судопроизводства в районных судах.

Следует подчеркнуть, что согласно «Финансово-экономическому обоснованию» к проекту упомянутого федерального закона, его принятие не потребует дополнительных расходов из федерального бюджета, так как финансирование его реализации будет осуществляться за счет бюджетных ассигнований Судебного департамента при Верховном Суде РФ.

Мы не без оснований полагаем, что именно вопросы организационного и материально-технического характера сегодня вызывают особую озабоченность на местах, занимая лидирующие позиции в повестке региональных судебных учреждений в рамках подготовки районных судов к введению суда присяжных.

В юридической периодике и правоприменительной среде основными направлениями полемики выделяются преимущественно вопросы координационного и технического плана: существенное увеличение финансового бремени (оплата труда присяжных, обеспечение судов дополнительными помещениями и т. д.), особенности составления списков присяжных заседателей, трудности их вызова и формирования коллегий (с учетом недостаточности правовой ответственности и правовой культуры населения). Например, в 2015 году явка кандидатов в присяжные заседатели Московского областного суда составила 0,27%, или 982 человека из направленных 361523 приглашений [Венев, 2016].

Вместе с тем факт распространения суда присяжных, причем не столько в плане конкретных преступлений, но и по уровню предметной подсудности, путем его введения в районное звено судебной системы, воспринимается как данность, оставляя далеко за рамками дискуссии место «общественного суда» в правовой системе России, его исходную сущность и предназначение, а также обоснованность и действительную необходимость расширения реализации конституционного права граждан на участие в отправлении правосудия (статья 32 Конституции РФ) в соотношении границ такого права с основными принципами функционирования институтов государственной власти.

Несомненно, суд присяжных – это конституционно закрепленная форма осуществления правосудия, демократическое начало в правовом, социально ориентированном государстве, присущее ведущим судебным системам. И в том виде, в котором он существовал до принятия упомянутого пакета президентских законопроектов, истинное проявление «народного правосудия» существовало в достаточных пределах и объеме, необходимых на современном этапе развития отечественной судебной системы.

На наш взгляд, в расширяющейся тенденции распространения суда присяжных не все безупречно с точки зрения последствий такого решительного шага. Не касаясь сферы организационно-технических проблем, попытаемся представить, сколько и каких граждан будет вовлечено в данный процесс?

В американском сериале «Хорошая жена», в том числе посвященном проблемам правосудия, один из присяжных, отвечая на вопрос о том, чем он руководствовался при принятии решения, говорит: *своей интуицией*. Эмоции, интуиция, психологические особенности личности, настроение, материальные затруднения, персональные семейные проблемы – вот тот неполный перечень факторов, который оказывает бесспорное влияние на присяжных и интерпретацию ими существа рассматриваемого дела.

Увеличивая диапазон возможностей суда присяжных, не совершаем ли мы трагическую ошибку, когда компетентное мнение судьи, основанное на профессиональном изучении и оценке доказательств, подменяется психологическим, личностным отношением человека к случившемуся. *Оправданно ли ставить интуицию выше доказательств?*

Безусловно, по отдельным категориям дел такой подход может быть полезен. Не вызывает сомнений, к примеру, применение института присяжных заседателей в России там, где право на суд присяжных является одновременно гарантией его права на жизнь. Не случайно установление исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления против жизни в силу положений части 2 статьи 20 Конституции РФ возможно лишь при предоставлении обвиняемому права на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей.

Кстати, иных случаев реализации права на «общественный суд» Основной закон не называет, делегируя его развитие федеральному законодателю (часть 2 статьи 47). Вместе с тем расширение этой практики в формате грядущих новаций (Федеральный закон от 23 июня 2016 года № 190-ФЗ) представляется не только недостаточно продуманным и обоснованным, но и опасным.

Анализируя цели развития суда присяжных, заявленные в пояснительной записке к президентскому законопроекту (дальнейшее развитие и укрепление демократических основ уголовного судопроизводства, повышение открытости правосудия и доверия обще-

ства к суду, укрепление статуса районных судов, создание необходимых условий для широкого привлечения граждан к отправлению правосудия), предлагаем обратиться к зарубежным системам правосудия.

Так, по результатам нашего непосредственного наблюдения и изучения практики функционирования североамериканской Фемиды (в частности, округ Колумбия и штат Мэриленд) нельзя не отметить сложившееся впечатление, что судьи фактически отстранены от отправления правосудия в его широком понимании – разрешения уголовно-правового спора. Подавляющее большинство (до 95%) криминальных производств разрешаются на основе сделки с правосудием, и в этом случае роль судьи заключается в назначении подсудимому наказания, причем до определенного периода в этом направлении действовали обязательные формулы и таблицы, применение которых сводило к минимуму судебское усмотрение.

Что же касается случаев, когда фигуранты отказываются от сделки, то дело разрешается жюри присяжных, и вновь вопросы виновности-невиновности остаются за рамками компетенции судьи. Парадоксально, но при такой системе правосудия, когда, подчеркнем, в ведении носителей судебной власти находятся исключительно вопросы наказания, уровень доверия общества к суду и авторитет последнего демонстрируют рекордные показатели.

В этом ракурсе расширение подсудности отечественного суда присяжных, вероятно, возымеет положительный эффект, учитывая, что в его орбиту вводятся наиболее тяжкие и общественно значимые составы уголовно-правовых деликтов, итоги разрешения которых будут в руках представителей самого общества.

Но оправдывает ли цель средства? Любая правовая цель нуждается в средствах, обеспечивающих ее достижение. Если в качестве одной из приоритетных целей судебного разбирательства рассматривать установление истины по уголовному делу, то является ли суд присяжных адекватным средством для достижения указанной цели? Ведь достаточно часто выводы присяжных противоречат мнению судьи и находятся вдалеке от истины. А если так, то под угрозой оказывается вся конструкция правовой системы, ее назначение и принципы. Принципы не являются производными от целей, но определяются одновременно с ними.

Как справедливо отмечает И.Ф. Демидов, «истина в уголовном судопроизводстве означает неопровержимую констатацию всех подлежащих доказыванию юридически значимых обстоятельств дела» [Демидов, 2009].

Возможно ли достижение данной цели посредством суда присяжных? Весьма сомнительно, что понимание присяжными сущности используемых в качестве доказательств сведений и их оценка на основе интуиции и эмоционального переживания способствуют принятию правильного процессуального решения.

Истина не может формироваться исключительно на эмоциональном фоне. Только профессиональный судья может компетентно ответить на вопрос, являются ли доказательства, представленные стороной обвинения, достоверными и достаточными, а также дать правильные ответы на каждый вопрос, подлежащий разрешению при постановлении приговора.

Более того, принятие решения на основе вывода коллегии присяжных заседателей, по нашему мнению, фактически дезавуирует статью 8 УПК РФ, в соответствии с которой правосудие по уголовному делу в Российской Федерации осуществляется только судом. Общеизвестно, что в данной статье УПК РФ лишь фиксируется положение, вытекающее из содержания части 1 статьи 118 Конституции РФ.

Получается так, что правосудие осуществляет суд, принимает решение он же, но подчас оно основывается на выводах присяжных, не соответствующих истине по уголовному делу. Таким образом, суд, основываясь на выводах присяжных, вынужден в ряде случаев выносить заведомо неправосудное решение.

Является ли вообще коллегия присяжных заседателей судебным органом? А если нет, то мы должны констатировать в данном случае нарушение конституционных положений, когда фактически *квазисудебное* формирование, пусть и опосредованно, присваивает судебные полномочия.

Не случайно институт суда присяжных весьма привлекателен для подсудимых – количество оправдательных приговоров здесь составляет 15% и существенно превышает показатели рассмотрения дел судьями (1%)» [7].

Напомним, что современный суд присяжных первоначально был введен лишь в 9 регионах Российской Федерации. Уже за первый год было оправдано 40% подсудимых, что примерно в сорок раз больше, чем оправдывали обычные суды.

Известный советский и российский адвокат Ю.И. Стецовский называл суд присяжных лучшей из известных человечеству форм отправления правосудия по уголовным делам, лучшей из форм народного участия в нем, сам факт существования которой в стране свидетельствует о том, что имеется независимая судебная власть и состязательность правосудия [Стецовский, 2000].

Аналогичного мнения придерживается и А.А.Тарасов [Тарасов, 2001], и другие, достаточно многочисленные сторонники суда присяжных, ряды которых, безусловно, пополнятся после озвученной Президентом страны позиции.

Тем не менее ряд ученых, а также представителей судейского сообщества придерживаются иного мнения, которое заключается в том, что в основе решений присяжных находится не законность, а полисубъектное представление о справедливости, нередко выходящее за рамки не только закона, но и здравого смысла.

В России еще в XIX веке суды присяжных называли судом улицы или судом толпы.

Английский философ и правовед Иеремия Бентам считал, что суд присяжных – это «суд, пригодный для варваров, но недопустимый у нас». По мнению выдающегося австрийского криминалиста Ганса Гросса, «девятьюстами процентами всех практиков-юристов и большая часть образованной публики убеждены в том, что достоинства суда присяжных ничтожны, а опасность его для правосудия огромна».

Немецкий юрист Рудольф Иеринг тонко и образно подметил, что присяжные «добрые люди, но плохие музыканты», неспособные судьи, поскольку не могут быть хорошими судьями люди «без знания права, которое достигается только внимательным изучением, без сознания ответственности, которое приобретается профессией, вырабатывается лишь практикой, люди, часто приходящие в суд уже с предвзятым мнением вследствие ходящих сплетен, покорные речи защитника и всевозможным общественным влияниям» [Иеринг, 1881].

М.И. Клеандров занимает более сдержанную позицию, однако и он полагает, что «отправление правосудия требует профессионального исполнения – не обязательно профессионалом, но на профессиональном, а не на дилетантском уровне» [Клеандров, 2000].

В то же время сторонники рассмотрения дел с участием присяжных считают, что «одним из основных достоинств этого суда является независимость неюристов из народа, в отличие от профессиональных судей, чувствующих свою зависимость от профессионального опыта и знаний, от вышестоящих профессионалов» [Чурилов, 2009].

Прямо скажем, достаточно сомнительная аргументация. С каких это пор профессиональная грамотность судьи и его опыт стали обременением?

Кроме того, необходимость увеличения количества присяжных заседателей в связи с их появлением и в районных судах инициирует «призыв» в их ряды отнюдь не самых лучших представителей народа, а, скорее, тех же, кто наполняет трибуны многочисленных «ток-шоу».

Вряд ли можно положительно оценить значение статьи 355 УПК РФ, которая ограждает присяжных заседателей от информации, способной повлиять на их беспристрастность, устанавливая запрет на исследование в их присутствии вопросов, связанных с недопустимостью доказательств и т. д. На наш взгляд, это никак не сочетается с требованием всесторонности, полноты и объективности исследования обстоятельств уголовного дела. Подобный подход влечет за собой подмену истины в уголовном судопроизводстве некими эфемерными ценностями, произрастающими из неверного толкования роли и места естественного права.

Следует обратить внимание, что уголовно-процессуальное законодательство большинства государств требует устанавливать истину по уголовному делу. Такое требование содержалось еще в Уставе уголовного судопроизводства России 1864 года. Сохранялось

оно и в УПК РСФСР 1960 года. А вот современное законодательство России отказывается от данного принципа, вследствие чего все большее расширение диапазона полномочий присяжных заседателей и упрощение порядка их участия в уголовном процессе могут привести к деградации уголовного судопроизводства.

Как верно подчеркивает В.И. Зажицкий, «в статье 86 УПК РФ, раскрывающей содержание процесса доказывания по уголовному делу, целесообразно указать на истину как цель доказывания» [Зажицкий, 2009].

В заключении обратимся и к отмеченному ранее вопросу организационно-технического характера.

Введение суда присяжных в районное звено судебной системы не обеспечено финансовыми гарантиями. При этом очевидно, что «народный суд» является чрезмерно обременительным в материальном плане для государственной казны образованием: компенсационное вознаграждение присяжных, прочие текущие расходы, подготовительные мероприятия, связанные с необходимостью масштабнейшего реформирования и строительства помещений сообразно имеющимся законодательным требованиям к нормам обеспечения деятельности этой формы правосудия и так далее.

Ну и основной вопрос – формирование коллегий присяжных заседателей, особенно в малосоставных судах, население юрисдикционных территорий которых порой не превышает нескольких десятков тысяч человек. С учетом предусмотренных Федеральным законом «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» [11] критериев отбора (возраст, криминальное прошлое, должностное положение и прочее), принимая во внимание специфику провинциального уклада, особенности его межличностных, трудовых и социальных взаимоотношений, ряд других факторов, возможность формирования адекватной коллегии присяжных представляется весьма иллюзорной.

Наивно полагать, что комплекс обозначенных обстоятельств был исключен из поля зрения идеологов и технологов реформы, однако же им без колебаний пренебрегли, фактически фетишизирував учреждение, которому буржуазная юридическая теория придала когда-то несоответствующее ему значение.

Список литературы References

1. Венев Д.А. Подсудность суда с участием присяжных заседателей в уголовном процессе России – вопросы и перспективы // Российская юстиция. 2016. № 10.
Veney D.A. Podsudnost' suda s uchastiem prislyazhnykh zasedatelej v ugovornom processe Rossii – voprosy i perspektivy // Rossijskaya yusticiya. 2016. № 10.
2. Выступление Президента РФ В.В. Путина на Всероссийском семинаре-совещании председателей судов 16 февраля 2016 г.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343>
Vystuplenie Prezidenta RF V.V. Putina na Vserossijskom seminare- soveshchanii predsedatelej sudov 16 fevralya 2016 g.: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/51343>
3. Демидов И.Ф. Принципы уголовного судопроизводства в свете Конституции Российской Федерации (проблемы и решения) // Журнал российского права. 2009. № 6.
Demidov I.F. Principy ugovornogo sudoproizvodstva v svete Konstitucii Rossijskoj Federacii (problem i resheniya) // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 6.
4. Зажицкий В.И. Проблемы повышения эффективности правосудия по уголовным делам // Государство и право. 2009. № 7.
Zazhickij V.I. Problemy povysheniya ehffektivnosti pravosudiya po ugovornym delam // Gosudarstvo i pravo. 2009. № 7.
5. Иеринг Р. Цель в праве. СПб., 1881.
Iering R. Cel' v prave. SPb., 1881.
6. Клеандров М.И. Статус судьи. Новосибирск, 2000.
Kleandrov M.I. Status sud'i. Novosibirsk, 2000.
7. Основные статистические показатели деятельности судов общей юрисдикции за 2016: <http://www.cdep.ru/>
Osnovnye statisticheskie pokazateli deyatel'nosti sudov obshchej yurisdikcii za 2016: <http://www.cdep.ru/>

8. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 3 декабря 2015 г.: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

Poslanie Prezidenta Rossijskoj Federacii Federal'nomu Sobraniyu Rossijskoj Federacii 3 dekabrja 2015 g.: <http://kremlin.ru/events/president/news/50864>

9. Стецовский Ю.И. Судебная власть. М.: Дело, 2000.

Stecovskij Yu.I. Sudebnaya vlast'. M.: Delo, 2000.

10. Тарасов А.А. Единоличное и коллегиальное в уголовном процессе. Самара, 2001.

Tarasov A.A. Edinolichnoe i kollegial'noe v ugovnom processe. Samara, 2001.

11. Федеральный закон «О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации» от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа.

Federal'nyj zakon «O prisyazhnyh zasedatelyah federal'nyh sudov obshchej yurisdicii v Rossijskoj Federacii» ot 20 avgusta 2004 g. № 113-FZ // Rossijskaya gazeta. 2004. 25 avgusta.

12. Федеральный закон «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в связи с расширением применения института присяжных заседателей» от 23 июня 2016 года №190-ФЗ // Российская газета. 2016. 28 июня.

Federal'nyj zakon «O vnesenii izmenenij v Ugolovno-processual'nyj kodeks Rossijskoj Federacii v svyazi s rasshireniem primeneniya institute prisyazhnyh zasedatelej» ot 23 iyunya 2016 goda № 190-FZ // Rossijskaya gazeta. 2016. 28 iyunya.

13. Чурилов Ю.Ю. Проблемы эффективности оправдания судом с участием присяжных заседателей // Журнал российского права. 2009. № 2.

Churilov Yu.Yu. Problemy ehffektivnosti opravdaniya sudom s uchastiem prisyazhnyh zasedatelej // Zhurnal rossijskogo prava. 2009. № 2.

УДК 342.565.2

**УЧАСТИЕ СВЕДУЩИХ ЛИЦ В КОНСТИТУЦИОННОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ:
ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ И ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ АСПЕКТЫ****PARTICIPATION OF EXPERTS IN THE CONSTITUTIONAL LEGAL
PROCEEDINGS: PROCEDURAL AND ORGANIZATIONAL ASPECTS****Е.Е. Тонков, Н.П. Каторгина
E.E. Tonkov, N.P. Katorgina**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: etonkov@bsu.edu.ru, inyakova@bsu.edu.ru

Аннотация: Авторы статьи считают, что введение в конституционное судопроизводство эксперта-правоведа является объективной необходимостью в связи со сложностью нормативных правовых актов и имеющихся в них юридических аномалий, пробелов и коллизий. Вместе с тем привлечение эксперта не только приблизило возможность достижения объективной истины, но и привело к возникновению ряда правовых и тактических проблем.

Resume: The authors of the article consider that the introduction of a legal expert in the constitutional legal proceedings is an objective need due to complexity of normative legal acts and the legal anomalies, gaps and collisions in them. But on the one hand, involvement of an expert gives the possibility to achieve the objective truth, on the other, it leads to the emergence of a number of legal and tactical problems.

Ключевые слова: конституционное судопроизводство, эксперт, экспертиза, компетенция, регламент, заключение.

Keywords: constitutional legal proceedings, expert, expertise, competence, regulation, conclusion.

Появление в конституционном судопроизводстве фигуры эксперта-правоведа рассматривается нами как объективная необходимость. Это обусловлено как возрастающей сложностью нормативных правовых актов, так и сохраняющимися в них юридическими аномалиями, пробельностью и коллизийностью. Однако привлечение эксперта, с одной стороны, хотя существенно приблизило достижение объективной истины, но с другой стороны, привело к возникновению правовых и тактических проблем его участия в судопроизводстве.

Эксперт выступает в качестве субъекта производства экспертизы, обладая для этого специальными знаниями. Учитывая специфику экспертной деятельности в конституционном судопроизводстве, можно предположить, что субъектом производства экспертизы является лицо, обладающее специальными знаниями в области конституционного права. Именно поэтому в конституционном судопроизводстве проводится только правовая экспертиза, а не любая иная.

В юридической литературе традиционно под экспертом понимают лицо, обладающее специальными знаниями и назначенное в установленном законом порядке для производства экспертизы и дачи заключения [Россинская, 2011, с. 85].

Как подчеркивал Н.В. Витрук, эксперт относится к числу участников, которые оказывают содействие в осуществлении правосудия [Витрук, 2005, с. 314]. По мнению М.В. Мархгейм, эксперт – это лицо, обладающее специальными знаниями по вопросам рассматриваемого дела [Мархгейм, 2007, с. 19].

В связи с отсутствием единого подхода к пониманию сущности экспертизы в конституционном судопроизводстве вопрос о соотношении категорий «правовая экспертиза» и «юридическая экспертиза» остается дискуссионным. Видимо, законо-

дателю необходимо быть более точным в использовании синонимичных понятий, придерживаться единообразных формулировок в использовании ключевых категорий. На наш взгляд, термин «правовая экспертиза» более корректен и обусловлен спецификой исследовательской деятельности эксперта в определенной области права.

Попытка разграничить категории «юридическая экспертиза» и «правовая экспертиза» была предпринята Д.В. Чухвичевым, который считает, что юридической и правовой экспертизе необходимо отвести самостоятельное место и значение в системе видов экспертиз. Юридическую экспертизу он понимает как исследование, направленное на установление соответствия рассматриваемого нормативного правового акта более высокой юридической силы; а правовую экспертизу – установление соответствия правового акта требованиям норм права, общественному интересу, социальным потребностям [Чухвичев, 2006, 93–95].

О.А. Короткова выделяет у юридической и правовой экспертиз общие черты, но полагает, что правовая экспертиза является более широким понятием [Короткова, 2010, с. 29].

Большое значение имеет правильная юридическая трактовка понятия «компетенция эксперта», под которой Р.С. Белкин подразумевал «комплекс знаний в области теории, методики и практики экспертизы определенного рода, вида» [Белкин, 2000, электронный ресурс].

Ученые дифференцируют виды компетенции эксперта следующим образом: объективная (совокупность знаний, которыми должен владеть эксперт) и субъективная (уровень владения этими знаниями экспертом). Именно субъективную компетенцию называют компетентностью эксперта [Россинская, 2011, с. 96–97; Россинская, 2014, СПС «КонсультантПлюс»; Россинская, Россинский, 2014, СПС «КонсультантПлюс»].

Определить компетентность эксперта можно по официальным удостоверяющим документам (дипломам об образовании, ученой степени и звании, аттестатам, свидетельствам, трудовой книжке, научным публикациям и т. д.). Отсутствие подтверждающей документации о компетентности эксперта ставит под сомнение возможность обладания им необходимым комплексом специальных знаний, что, соответственно, является основанием для отвода эксперта. Итак, компетентность эксперта – это документально подтвержденные его способности (знания, умения и навыки), в частности, в определенной области права.

Статус эксперта раскрывается, в том числе через другие его качества. Эксперт должен соответствовать не только профессиональным, но и интеллектуальным, моральным, нравственным, этическим, культурным требованиям качеств личности. Незаменимыми свойствами сведущего лица выступают целеустремленность, добросовестность, порядочность, инициативность, выдержанность, организованность, ответственность.

На роль эксперта целесообразно приглашать юридических или физических лиц, не участвовавших в подготовке законопроекта, что ограничивает их предвзятость при исследовании правового акта. Независимость эксперта состоит в отсутствии постороннего влияния на изложение своего мнения в заключении. Значение имеет и отсутствие родственных отношений или другой зависимости от лиц, назначивших экспертизу, а также личной заинтересованности в исходе дела.

Таким образом, эксперт должен удовлетворять следующим требованиям: обладать специальными знаниями в области права, иметь соответствующую ученую степень и звание; не иметь заинтересованности в исходе дела. Если хотя бы один из критериев не выполняется, то эксперт должен подлежать отводу. Права эксперта состоят в виде ознакомления с материалами дела, возможности задавать вопросы сторонам и свидетелям для установления информации, относящейся к предмету экспертизы, а также заявления ходатайства о предоставлении ему дополнительных материалов.

Эксперт имеет право на возмещение ему расходов, связанных с подготовкой им экспертного заключения и его участием в заседаниях Конституционного Суда Российской Федерации [Кокотов, 2012, СПС «КонсультантПлюс»]. Из анализа ст. 59 Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (далее – ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ) можно заключить, что правом эксперта также является ознакомление с протоколом и стенограммой судебного засе-

дания с разрешения Конституционного Суда Российской Федерации. Замечания на протокол или стенограмму рассматриваются председательствующим и судьей-докладчиком в заседании с участием в случае необходимости лиц, подавших замечания. Удостоверение их правильности либо отклонение замечаний приобщаются к протоколу и к стенограмме.

В качестве обязанности эксперта согласно ст. 63 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ выступает предоставление ответов на дополнительные вопросы судей Конституционного Суда Российской Федерации и сторон после пояснения своего заключения. Исходя из толкования ст. 50 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ, к обязанностям эксперта косвенно можно отнести производство экспертизы, а также направление Конституционному Суду Российской Федерации ответа по результатам ее проведения в течение месяца со дня получения от него соответствующих требований, если иной срок не указан Конституционным Судом Российской Федерации. Можно предположить, что основополагающей процессуальной обязанностью эксперта является объективное проведение экспертизы и предоставление мотивированного заключения по вопросам, поставленным перед ним.

Регламент Конституционного Суда РФ (далее – Регламент КС) в § 34 предусматривает ответственность эксперта на стадии подготовки дела к рассмотрению. В соответствии со ст. 50 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ ответственность наступает за отказ (уклонение) от рассмотрения либо исполнения, нарушение сроков рассмотрения либо исполнения, неисполнение или ненадлежащее исполнение требований Конституционного Суда Российской Федерации, а также умышленное введение его в заблуждение. Однако о какой именно (уголовной, гражданской, административной или дисциплинарной) ответственности идет речь и каковы ее последствия, не вполне ясно.

А.В. Филатова считает, что необходимо усовершенствовать институт ответственности эксперта за заведомо ложное заключение. Автор отмечает, что должна наступать личная ответственность эксперта за необоснованные выводы в его заключении [Филатова, 2009, с. 32].

Закон предусматривает, что эксперт приводится к присяге и предупреждается об ответственности за дачу заведомо ложного заключения. Однако допустимо ли признать заведомо ложным заключением такое, в котором эксперт, обладающий специальными знаниями в области права, дает толкование правовой норме по своему собственному внутреннему убеждению, основанному на позициях научной школы, представителем которой он является? Вряд ли представляется возможным определить заведомо ложный характер заключения эксперта по делам, например, о толковании правового акта, так как они содержат неоднозначные научные суждения и оценки. Точки зрения двух экспертов по одному и тому же делу могут существенно расходиться.

Видимо, данное обстоятельство стало основанием для невозможности однозначного использования заключения эксперта в качестве доказательства. Так, ч. 1 § 57 Регламента КС РФ определяет, что «по результатам обсуждения материалов к проекту итогового решения Конституционного Суда, представленному судьей-докладчиком (судьями-докладчиками), эти материалы могут быть приняты за основу для дальнейшей работы в качестве проекта итогового решения либо может быть принято решение о разработке нового проекта итогового решения». Безусловно, в качестве материалов к подготовке проекта итогового решения Конституционного Суда выступает и заключение эксперта. Выводы эксперта не всегда совпадают с позицией, отображенной в постановлении и определении Конституционного Суда.

По мнению В.О. Лучина, Конституционный Суд не обязан руководствоваться экспертными заключениями и воспроизводить отдельные их части в своих решениях [Лучин, 2002, с. 541]. Солидарен с ним был и Н.В. Витрук, утверждая, что заключение эксперта не имеет обязательного значения для Суда (судьи) [Витрук, 2005, с. 336].

Законодатель четко не определяет юридические основания назначения правовой экспертизы. Отчасти статьей 49 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ регламентировано, что при изучении обращения и подготовке дела к слушанию судья-докладчик поручает производство экспертизы. Однако процедура такого поручения и должностное лицо, разъясняющее правовой статус эксперта, не установлены. Анализ судебной практики свидетельствует о том, что решение Конституционного Суда (судьи) о производстве правовой экс-

пертизы оформляется письмом, содержащим запрос [Ярков, 2014, СПС «Консультант-Плюс»], просьбу [Абова, 2014, СПС «КонсультантПлюс»] либо обращение [Цветкова, электронный ресурс].

По убеждению А.Н. Кокотова, в определении о назначении экспертизы должны содержаться вопросы, требующие экспертной оценки, и предложение лицу, которому поручена экспертиза, дать письменное заключение по ним [Кокотов, 2012, СПС «КонсультантПлюс»]. М.К. Треушников считает, что целесообразно отображать следующую информацию: 1) дату и место составления определения о назначении экспертизы, наименование суда, назначившего экспертизу, номер дела, по которому назначена экспертиза; 2) основания для назначения экспертизы; 3) наименование учреждения, в котором будет проведена экспертиза; 4) вопросы, поставленные перед экспертом; 5) материалы, представленные в распоряжение эксперта [Треушников, 2005, с. 212].

Существенное значение имеет выбор экспертного учреждения или эксперта, которому поручается исследование. В настоящее время правовая экспертиза производится, как правило, сотрудниками ведущих научных образовательных учреждений России (например, в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, в Российской академии наук) соответствующего профиля (специализации), имеющими необходимую квалификацию и опыт работы в проведении подобного рода исследований. Если производство экспертизы поручается учреждению, то руководитель дает задание по выполнению исследования своим сотрудникам. По итогам проведенной экспертизы эксперт дает заключение от своего имени в соответствии со своими специальными знаниями [Шейнин, электронный ресурс].

В соответствии со ст. 38 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ заявитель вправе приложить к обращению список экспертов, обладающих специальными знаниями в рассматриваемой области права. Однако решение о назначении правовой экспертизы конкретному эксперту выносится судьей-докладчиком или Конституционным Судом независимо от волеизъявления участников судопроизводства.

Важное место в тактике назначения правовой экспертизы занимает правильная формулировка вопросов, выносимых на разрешение эксперта. В словаре русского языка под вопросом понимается «то или иное положение, обстоятельство как предмет изучения и суждения, задача, требующая решения, проблема» [Ожегов, 2011, с. 121]. Следовательно, термины «вопрос» и «задача» в контексте производства экспертизы являются синонимичными категориями.

Задачи принято делить на общие (базовый инструмент в ходе оценивания правовых актов) и специальные (конкретизируют и уточняют общие задачи) [Кострицкая, 2009, с. 57].

Общими задачами правовой экспертизы в конституционном судопроизводстве, исходя из положений Конституции Российской Федерации, являются: установление в нормативных правовых актах норм, препятствующих осуществлению человеком и гражданином своих прав и свобод (ст. 2 Конституции Российской Федерации); определение норм, затрудняющих соблюдение экономических интересов России (ч. 1 ст. 8 Конституции Российской Федерации); выявление норм, нарушающих политические интересы государства (ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации).

Специальными задачами, разрешаемыми посредством правовой экспертизы в конституционном судопроизводстве, могут выступать: соответствие действующих нормативных актов Конституции Российской Федерации; соответствие Конституции Российской Федерации нормативных актов органов государственной власти и договоров между ними; соответствие Конституции Российской Федерации не вступивших в силу международных договоров Российской Федерации; толкование Конституции Российской Федерации; установление порядка подписания, заключения, принятия, опубликования или введения в действие правового акта; разграничение компетенции между федеральными органами государственной власти; разграничение предмета ведения и полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти субъектов Российской Федерации согласно Конституции Российской Федерации, федеративным и иным договорам и многие другие.

Таким образом, задачи, поставленные перед экспертом, касаются пояснения правовой наукой как отдельных норм законодательного акта, так и анализа правового акта в целом. Эксперту при формировании ответов на указанные вопросы недостаточно будет указать на обнаруженные им несоответствия, необходимо также высказать свою позицию для урегулирования выявленных противоречий.

В конституционном судопроизводстве тактика формулирования перед экспертом задач имеет свою специфику в отличие от других видов судопроизводств. Задачи могут определяться только судьей-докладчиком и Конституционным Судом (ст. 63 ФКЗ от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ). Х.Б. Шейнин считает, что решение об удовлетворении (или отклонении) вопросов эксперту, оформленное в виде ходатайства от участников судопроизводства на этапе подготовки дела к слушанию, принимается судьей-докладчиком, а в судебном заседании – Судом [Шейнин, электронный ресурс].

Вопросы Суда (судьи) обязательно должны относиться к компетенции эксперта. Предварительно Суд (судья) может проконсультироваться с экспертом или специалистом с целью корректировки формулировки вопросов. Задачи, выносимые на разрешение эксперту, должны быть четкими, конкретными, ясными, грамотными, юридически обоснованными, не допускающими двоякого толкования.

Важно отметить, что эксперт вправе в своем заключении указать на те обстоятельства, в отношении которых не были сформулированы вопросы, так как их установление имеет важное значение для правильного разрешения дела. Некоторые авторы считают, что эксперт не должен отвечать на вопросы, не поставленные перед ним [Иванова, 2012, с. 302].

Достаточно часто во вводной части заключения эксперты меняют формулировку вопросов в соответствии со своими специальными знаниями. Исправляя текст вопроса, предоставляют свою версию и добавляют: «в редакции эксперта», «эксперт понимает вопрос как ...» [Закиров, 2008, с. 158]. По мнению Р.С. Белкина, проявление экспертной инициативы может привести к субъективным экспертным ошибкам [Белкин, 1997, с. 328; Белкин, 2001, с. 187, 190].

Е.Р. Россинская предлагает наделить эксперта правом переформулировать вопросы, предварительно согласовав их с органом или лицом, назначившим экспертизу [Россинская, 2004, с. 35].

Производство экспертизы является одним из важных и ответственных этапов. От эксперта требуются знания, умения и навыки оценить, проанализировать нормативные правовые акты различной юридической силы, сравнить и установить в них возможные противоречия.

В соответствии с п. 11 Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, утвержденных приказом Министерства юстиции Российской Федерации от 31 мая 2012 г. № 87, анализ правового документа состоит из: оценки формы акта, его целей и задач, предмета правового регулирования, компетенции органа, принявшего акт, содержащихся в нем норм, порядка принятия, обнародования (опубликования) на предмет соответствия требованиям Конституции Российской Федерации и федерального законодательства, а также оценка соответствия правового акта требованиям юридической техники (в том числе проверка наличия необходимых реквизитов). Кроме того, рекомендуется изучить состояние правового регулирования в соответствующей сфере правоотношений.

Предложенный Минюстом алгоритм последовательных взаимосвязанных действий эксперта можно признать методикой производства правовой экспертизы. Однако, исходя из содержания приказа, приведенная структура имеет юридическую силу только для правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации и не может быть в полной мере приемлемой при производстве правовых экспертиз в конституционном судопроизводстве.

Если при оценке правовых норм будут установлены расхождения между действующими нормативными правовыми актами, то рекомендуется применять общепринятые положения коллизионного права. Следует иметь в виду, что при наличии общей и специальной нормы права используется специальная норма. При существовании двух законода-

тельных актов одинаковой юридической силы применяется акт, принятый позднее [Приказ Минюста, п. 15].

При решении вопроса, например, о соответствии представленного на исследование нормативного правового акта Конституции Российской Федерации на первый план выходит единство и целостность правовой системы [Эбзеев, 2008, с. 3]. По мнению Е.В. Журкиной, прежде чем выполнять задачу соответствия правового акта Конституции, необходимо уточнить, что собой представляет формула «соответствие Конституции» [Журкина, 2009, с. 83].

Учеными предлагается несколько подходов к решению данной задачи. Во-первых, может использоваться естественно-правовая теория конституционализации, которая основана на позиции естественных прав и свобод личности. Правовые акты оцениваются с точки зрения соответствия их общепризнанным правам и свободам человека и гражданина. Во-вторых, может применяться позитивистская теория конституционализации, основой которой является анализ нормативных актов на предмет соответствия Конституции по форме или по содержанию. В-третьих, может иметь место историко-правовая теория конституционализации, которая развивается в процессе социального прогресса и общества. С ее помощью регулируются взаимоотношения между действующими правовыми положениями норм, политическими мотивами и историческими условиями становления соответствующих конституционно-правовых институтов, принципов и норм [Кравец, 2002, с. 25–26].

Ю.А. Тихомиров обращает внимание, что соответствие Конституции – это выполнение определенных операций и принятие правовых актов на базе идей конституционализма, отмеченных в основополагающем законе. Элементами соответствия нормативного правового акта Конституции Российской Федерации он называет: присутствие конституционных идей и принципов; правовое применение конституционных понятий и терминов; учет места акта в правовой системе и правила к его форме; соблюдение предписанного порядка подготовки, принятия и вступления в силу; взаимосвязь смысла норм правового акта и соответствующих положений Конституции; устойчивое правоприменительное толкование и пояснение значения правовых норм [Тихомиров, 2005, с. 255].

Например, в стадии сравнительного исследования могут обнаруживаться несоответствия конституционным принципам, несогласованность положений правового акта нормам Конституции. Эксперт, определив подобные противоречия, высказывает свою позицию [Басангов, 2003, СПС «КонсультантПлюс»; Артемова, 2014, электронный ресурс] о правовом качестве нормативного акта по отношению к актам более высокой юридической силы, определяет различные виды коллизий, несоответствий между нормами федеральных законов, характеризующих наличие или отсутствие межсистемной связи [Апт, 2008, с. 18]. По итогам исследования у эксперта должна быть сформулирована аргументированная позиция по отношению к общей концепции нормативного правового акта (или отдельной его нормы).

Заключение эксперта оформляется в письменной форме. В нем должны содержаться сведения об эксперте (специальность, ученая степень и ученое звание), о деле, в связи с которым производилась экспертиза; ответы на вопросы, поставленные перед экспертом; воспроизведение текста присяги эксперта, подпись эксперта под текстом заключения. Если экспертиза проводилась группой экспертов, то согласованное заключение подписывается всеми экспертами. В случае имеющихся разногласий между экспертами каждый из них составляет собственное заключение.

В выводах в четкой форме излагаются ответы на поставленные перед экспертом вопросы. Каждая страница заключения, включая приложения, подписывается экспертом и заверяется оттиском печати соответствующего учреждения. При составлении экспертного заключения о несоответствии правового акта Конституции Российской Федерации и федеральному законодательству рекомендуется наиболее точно описать конкретные нормы рассматриваемого правового акта, противоречащие Конституции Российской Федерации и федеральным законам, а также иным актам, принимаемыми органами государственной власти Российской Федерации в соответствии с их компетенцией. При этом не всегда целесообразно переписывать (воспроизводить) нормы правового акта, достаточно изложить именно ту его часть, которая содержит несоответствие.

Если вывод о противоречии нормы правового акта аргументируется несколькими логически взаимосвязанными федеральными нормами, необходимо четко указать, каким конкретно из них противоречит норма правового акта. Вывод по результатам проведения правовой экспертизы может быть также аргументирован ссылкой на судебную практику и нормы международного права.

В заключении эксперта целесообразно не просто указывать на факты несоответствия нормативного акта или отдельных его положений федеральному законодательству и Конституции Российской Федерации, но и представлять свой вариант текста норм правового акта. Эксперты не должны ограничиваться абстрактными рассуждениями и замечаниями, а формулировать в своем заключении конкретные рекомендации по предмету экспертизы.

Заключение эксперта подлежит всесторонней, полной и объективной оценке с точки зрения относимости, допустимости, достоверности и достаточности и по своему внутреннему убеждению [Витрук, 2005, с. 337; Витрук, 2009, СПС «КонсультантПлюс»; Мархгейм, 2007, с. 31; Нарутто, 2011, СПС «КонсультантПлюс»]. При этом критерии оценки заключения эксперта характеризуются следующим образом: относимость – признание значимости для дела; допустимость означает установление того факта, что доказательства получены в соответствии с законом; достоверность, то есть соответствие действительности; достаточность – это совокупность доказательств, которые позволяют Суду сформулировать итоговый вывод по существу.

Изложенное позволяет сделать вывод, что многолетняя практика участия эксперта в конституционном судопроизводстве доказывает свою востребованность. Однако в действующем законодательстве, к сожалению, недостаточно урегулирован правовой статус эксперта, основания привлечения эксперта в судопроизводство и получения от него заключения. Все это свидетельствует о целесообразности дальнейшего углубленного изучения проблем **использования специальных знаний экспертом** в конституционном судопроизводстве, что будет способствовать расширению представлений о роли и значении эксперта при решении задач в области права.

Список литературы References

1. Абова Т.Е. Заключение эксперта от 19 декабря 2005 г. № 14202-36-2114.3 (Цит. по: Султанов А.Р. 2014. Борьба за право на обжалование судебного решения. Статут: СПС КонсультантПлюс).

Abova T.E. Zakluchenie eksperta ot 19 dekabria 2005 g. № 14202-36-2114.3 (Tsit. po: Sultanov A.R. 2014. Borba za pravo na obzhalovanie sudebnogo reshenia. Statut: SPS Konsultant Plus). (in Russian)

2. Апт Л.Ф. 2008. Теоретические вопросы правовой экспертизы федеральных законов. Журнал российского права. (2): 18–25.

Apt L.F., 2014. Teoreticheskie voprosy pravovoy ekspertizy federalnich zakonov. Zhurnal rossiyskogo prava. (2): 18–25. (in Russian)

3. Артемова Д.И. 2014. Эксперт и специалист как участники процесса доказывания в конституционном и уголовном судопроизводстве. Концепт. (27). Электронный ресурс. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspert-i-spetsialist-kak-uchastniki-protssessa-dokazyvaniya-v-konstitutsionnom-i-ugolovnom-sudoproizvodstve> (19 апреля 2017 г.).

Artiomomova D.I. 2014. Ekspert i spetsialist kak uchastniki protssessa dokazyvaniya v konstitutsionnom i ugolovnom sudoproizvodstve. Kontsept. (27) Date views 19.04.2017 <http://cyberleninka.ru/article/n/ekspert-i-spetsialist-kak-uchastniki-protssessa-dokazyvaniya-v-konstitutsionnom-i-ugolovnom-sudoproizvodstve>. (in Russian)

4. Басангов Д.А. 2003. Значение экспертных заключений в конституционном судопроизводстве. Журнал российского права. (11): СПС КонсультантПлюс.

Basangov D.A. 2003. Znachenie ekspertnikh zaklucheniy v konstitutsionnom sudoproizvodstve. Zhurnal rossiyskogo prava. (11): SPS Konsultant Plus. (in Russian)

5. Белкин Р.С. 2001. Криминалистика: проблемы сегодняшнего дня. Злободневные вопросы российской криминалистики. М., Норма, 240.

- Belkin R.S. 2001. Kriminalistika: problemy segodniashnego dnia. Zlobodnevnie voprosy rossiyskoy kromonalistiki. M., Norma, 240. (in Russian)
6. Белкин Р.С. 2000. Криминалистическая энциклопедия. Электронный ресурс. URL: <http://fanread.ru/book/download/4142577/> (19 апреля 2017 г.).
- Belkin R.S. 2000. Kriminalisticheskaya entsiklopedia. Date views 19.04.2017 <http://fanread.ru/book/download/4142577/>. (in Russian)
7. Белкин Р.С. 1997. Курс криминалистики. В 3-х томах. Т. 2. М., 464.
- Belkin R.S. 1997. Kurs kriminalistiki. V 3 tomach. V 2, M., 464. (in Russian)
8. Витрук Н.В. 2005. Конституционное правосудие. Судебно-конституционное право и процесс. М., Юристъ, 527.
- Vitruk N.V. 2005. Konstitutsionnoje pravosudie. Sudebno-konstitutsionnoje pravo i protsess. M., Yurist, 527. (in Russian)
9. Витрук Н.В. 2009. Общая теория юридической ответственности. Норма: СПС КонсультантПлюс.
- Vitruk N.V. 2009. Obschaja teoria yuridicheskoy otvetstvennosti. Norma: SPS Konsultant Plus. (in Russian)
10. Журкина Е.В. 2009. Правовая экспертиза нормативного правового акта как средство повышения эффективности законодательства. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 178.
- Zhurkina E.V. 2009. Pravovaja ekspertiza normativnogo pravovogo akta kak sredstvo povishenia effektivnosti zakonodatelstva. Dis. kand. of law sciences, M., 178. (in Russian)
11. Закиров И.А. 2008. Правовая экспертиза. Дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 190.
- Zakirov I.A. 2008. Pravovaya ehkspertiza [Legal examination]. Dis. kand. of law sciences. N. Novgorod, 190. (in Russian)
12. Иванова Е.В. 2012. Расследование преступлений, совершенных с использованием веществ, опасных для здоровья: монография. М., Юрлитинформ, 440.
- Ivanova E.V. 2012. Rassledovanie prestuplenij, sovershennyh s ispol'zovaniem veshchestv, opasnyh dlya zdorov'ya: monografiya. [The Investigation of crimes committed with the use of substances hazardous to health]. Moscow, Yurlitinform, 440. (in Russian)
13. Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный). 2012. (под ред. Г.А. Гаджиева). Норма, Инфра-М: СПС КонсультантПлюс.
- Kommentarii k Federalnomy konstitutsionnomu zakonu "O Konstitutsionnom Sude Rossijskoy Federatsii". 2012. (pod. red. Gadzhieva G.A.). Norma, Infra-M: SPS KonsultantPlus. (in Russian)
14. Короткова О.А. 2010. Экспертиза законопроектов и законодательных актов: теоретико-правовой аспект. Дис. ... канд. юрид. наук. М., 179.
- Korotkova O.A. 2010. Ekspertiza zakonoproektov i zakonodatel'nyh aktov: teoretiko-pravovoj aspekt [Expertise of draft laws and legal acts: theoretical and legal aspect]. Dis. kand. of law sciences. Moscow, 179. (in Russian)
15. Кострицкая М.В. 2009. Экспертная законопроектная деятельность: теоретико-правовое исследование. Дис. канд. юрид. наук. Белгород, 185.
- Kostritskaya M.V. 2009. Ekspertnaja zakonoproektnaja dejatelnoct: teoretiko-pravovoje issledovanie. Dis. kand. of law sciences. Belgorod, 185. (in Russian)
16. Кравец А.И. 2002. Верховенство Конституции – принцип конституционализма. Журнал российского права. (7): 15–26.
- Kravets A.I. 2002. Verkhovenstvo konstitutsii - prinzip konstitutsionalizma. Zhurnal rossiyskogo prava. (7): 15–26. (in Russian)
17. Лучин В.О. 2002. Конституция Российской Федерации: Проблемы реализации. М., 687.
- Luchin V.O. 2002. Konstitutsia Rossiyskoy Federatsii: Problemy realizatsii. M., 687. (in Russian)
18. Маркгейм М.В. 2007. Конституционное судопроизводство. Белгород, БелГУ, 136.
- Markham M.V. 2007. Konstitucionnoe sudoproizvodstvo: ucheb. Posobie [Constitutional proceedings: proc. textbook]. Belgorod, Publishing house of BSU, 136. (in Russian)
19. Нарутто С.В. 2011. Обращение граждан в Конституционный Суд Российской Федерации: Научно-практическое пособие. Норма, Инфра-М: СПС КонсультантПлюс.
- Narutto S.V. 2011. Obraschenije grazhdan v Kostitutsionniy sud Rossiyskoy Federatsii: Nauchno-prakticheskoe posobie. Norma, Infra-M: SPS Konsultant Plus. (in Russian)
20. Ожегов С.И. 2011. Словарь русского языка. Под общ. ред. проф. Л.И. Скворцова. 24-е изд., исп. и доп. М., Оникс, Мир и Образование, 1200.
- Ozhegov S.I. 2011. Slovar' russkogo yazika. Pod obsch. red. proff. Skvortsova L.I. 24-e izd. isp. i dop. M., Onoks, Mir i obrazovaie, 1200. (in Russian)

21. Приказ Минюста России от 31 мая 2012 г. № 87 (ред. от 21.09.2015) «Об утверждении Методических рекомендаций по проведению правовой экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации»: СПС КонсультантПлюс.

Prikaz Minyusta Rossii ot 31 Maja 2012 № 87 (red. 21.09.2015) "Ob utverzhdenii metodicheskikh rekomendatsiy po provedeniju pravovoy ekspertizy normativnikh pravovikh aktov subjektov Rossiyskoy Federatsii": SPS Konsultant Plus. (in Russian)

22. Россинская Е.Р. 2004. Вопросы совершенствования законодательства о судебной экспертизе. Судебная экспертиза. (1): 25–38.

Rossinskaja E.R. 2004. Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatelstva o sudebnoy ekspertize. Sudebnaja ekspertiza (1): 25–38. (in Russian)

23. Россинская Е.Р. 2014. Кодекс об административном судопроизводстве и проблемы унификации законодательства о судебно-экспертной деятельности. Административное право и процесс. (2): СПС КонсультантПлюс.

Rossinskaja E.R. 2014. The Code of administrative proceedings and problems of unification of legislation on judicial-expert activity. In: Administrativnoe pravo i process [Administrative law and process]. No. 2. ATP ConsultantPlus. (in Russian)

24. Россинская Е.Р., Россинский Б.В. 2014. Некоторые аспекты совершенствования судебно-экспертного обеспечения производства по делам об административных правонарушениях. Административное право и процесс. (9): СПС КонсультантПлюс.

Rossinsky E.R., Rossinsky B.V. 2014. Some aspects of improving forensic support of production on Affairs about administrative offences. In: Administrativnoe pravo i process [Administrative law and process]. (9): ATP ConsultantPlus. (in Russian)

25. Россинская Е.Р. 2011. Судебная экспертиза в гражданском, арбитражном, административном и уголовном процессе. М., Норма, ИНФРА-М, 736.

Rossinskaja E.R. 2011. Sudebnaja ekspertiza v grazhdanskom, arbitrazhnom, administrativnom i ugovnom protsesse. M., Norma, INFRA-M, 736. (in Russian)

26. Тихомиров Ю.А. 2005. Коллизионное право: учебное и учебно-методическое пособие. М., 394.

Tikhomirov U.A. 2005. Kollizijnoje pravo: uchebnoje i uchebno-metodichesoje posobie. M., 394. (in Russian)

27. Треушников М.К. 2005. Судебные доказательства. М., 288.

Treushnikov M.K. 2005. Sudebniye dokazatelstva. M., 288. (in Russian)

28. Филатова А.В. 2009. Экспертиза регламентов и процедур исполнения государственных функций в системе экспертной деятельности России. М., ДМК Пресс, 120.

Filatova A.V. 2009. Ekspertiza reglamentov i protsedur ispolnenia gosudarstvennykh funktsiy v sisteme ekspertnoy dejatel'nosti Rossii. M., DMK Press, 120. (in Russian)

29. Цветкова Л.А. Заключение эксперта. [Электронный ресурс]. URL: http://spbu.ru/images/exp_zakl/exp01-121-230-1.pdf

Tsvetkova L.A. Zakluchenie eksperta. Available at: URL: http://spbu.ru/images/exp_zakl/exp01-121-230-1.pdf (in Russian)

30. Чухвичев Д.В. 2006. Законодательная техника. М., 239.

Chukhvicev D.V. 2006. Zakonodatel'naja tekhnika. M., 239. (in Russian)

31. Шейнин Х.Б. Комментарий к статье 63 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.az-design.ru/index.shtml>.

Sheinin H.B. Kommentarii k statje 63 Federal'nogo konstitutsionnogo zakona "O Konstitutsionnom Sude Rossoyskoy Federatsii". Available at: URL: <http://www.az-design.ru/index.shtml>. (in Russian)

32. Эбзеев Б.С. 2008. Конституция Российской Федерации: прямое действие и условия реализации // Журнал зарубежного права и сравнительного правоведения. (1): 5–15.

Ebzeev B.S. 2008. Konstitutsia Rossiyskoy Federatsii: priamoje dejstvie i uslovija realizatsii // Zhurnal zarubezhnogo prava i sravnitel'nogo pravovedenia. (1): 5–15. (in Russian)

33. Ярков В.В. Заключение эксперта от 18 марта 2005 г. (Цит. по: Султанов А.Р. 2014. Борьба за право на обжалование судебного решения. Статут: СПС КонсультантПлюс).

Yarkov V.V. Zakluchenie eksperta ot 18 marta 2005 g. (Tsit. po: Sultanov A.R. 2014. Borba za pravo na obzhalovanie sudebnogo reshenia. Statut: SPS Konsultant Plus). (in Russian)

УДК 34

**«ИСКУССТВЕННЫЕ» СЕМЬИ: СУРРОГАТНОЕ МАТЕРИНСТВО И
УСЫНОВЛЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ ЗАЩИТЫ ПРАВ РЕБЕНКА****«ARTIFICIAL» FAMILIES: SURROGACY AND ADOPTION IN THE CONTEXT OF
PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE CHILD****Е.Ю. Цуканова, К.Р. Хоборова
E.Yu. Tsukanova, K.R. Khoborova**Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: tsukanova@bsu.edu.ru, k.khoborova@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается проблематика вопросов, связанных с использованием вспомогательных репродуктивных технологий при планировании ребенка в семье, а также представляется сравнительный анализ суррогатного материнства и усыновления как институтов гражданского права с точки зрения защиты прав ребенка в таких семьях. Выявляются особенности и риски при осуществлении данных процедур.

Resume. The article consider the questions connected with using of auxiliary reproductive technologies when parents planning the appearance of the child in a family and also the comparative analysis of surrogacy and adoption. The presented two institutes are considered from the point of view of protection of the rights of the child in such families. Features and risks at implementation of these procedures come to light.

Ключевые слова: вспомогательные репродуктивные технологии, суррогатное материнство, усыновление, защита прав, ребенок.

Keywords: auxiliary reproductive technologies, surrogacy, adoption, protection of the rights, child.

Сегодня достижения науки и медицины сделали возможным решение проблемы появления ребенка в семье у бездетных пар посредством использования вспомогательных репродуктивных технологий (далее ВРТ), например, таких как экстракорпоральное оплодотворение (далее ЭКО), суррогатное материнство, которые, однако, при всей кажущейся благоприятности, содержат огромное количество проблем как юридического, медицинского, так и нравственного характера. Данные процедуры являются очень спорными по своей природе, отношению к ним общества и таят в себе большие риски с точки зрения защиты прав ребенка.

Само определение термина «суррогат» (от лат. *surrogates* – продукт, отчасти заменяющий какой-либо другой продукт; подделанный, фальсифицированный) создает ощущение противоестественности, когда речь идет о рождении ребенка, пусть не биологической матерью, а женщиной, которая выносила его. Тем не менее такой термин считается официальным и законодательно признанным, поэтому приходится считаться с таковой его формулировкой [4: С. 86–89].

Таким образом, под суррогатным материнством следует понимать метод ВРТ, при котором женщина на основании взаимной договоренности с лицами, обратившимися к ее услугам, проходит процедуру имплантации эмбриона, созданного в результате ЭКО, вынашивает ребенка с целью родить и передать его этим лицам.

Не только явление суррогатного материнства, сам процесс, но и фигура суррогатной матери выглядит неоднозначно и противоречиво. С одной стороны, она предстает как благодетельница, помогающая обрести счастье материнства бездетной семье. С другой же – поступает аморально, вынашивая ребенка «на продажу», ставя в опасность благополучие ребенка, свое здоровье в роли суррогатной матери и социальные последствия применения данной процедуры. Двойственность сущности суррогатного материнства заключается в том, что оно может пониматься, с одной стороны, как сознательное, осмысленное, добровольно принятое решение зачать, выносить и родить ребенка для лиц, не имеющих такой природной способно-

сти, в связи с чем суррогатное материнство называют «последним шансом», «актом любви и человечности». С другой стороны, такое решение может рассматриваться как проявление одной из форм эксплуатации над женщиной, осуществляться с мошенническими намерениями, что представляется «спекуляцией на материнстве»[3: С. 35–40].

Большое юридическое значение имеет правовой аспект суррогатного материнства. Это объясняется значительным количеством правовых пробелов в данной области, например, определение вида договоров, к которому относится договор суррогатного материнства, а также проблемы закрепления родительских прав, регистрация ребенка, его передача и многие другие. Таким образом, самой незащищенной стороной в отношениях суррогатного материнства является ребенок. Использование данного метода ВРТ может нарушить права ребенка, например, его право жить и воспитываться в семье (п. 2 ст. 54 СК РФ). Более того, правовая неурегулированность некоторых вопросов суррогатного материнства не отвечает на вопрос о судьбе ребенка в случае отказа от него и суррогатной матери и биологических родителей. Так, ребенок рискует остаться вообще без семьи, что опять-таки нарушает его права.

Интересным по этому поводу представляется особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.Д. Князева, считающего, что модель правового регулирования суррогатного материнства нарушает баланс интересов граждан, а именно ущемляет права не только биологических родителей, но и «суррогатного» ребенка. «Могут серьезно пострадать интересы «суррогатного» ребенка, который благодаря законодательной «заботе» о приоритетах выносившей и родившей его матери не только лишается возможности воспитываться в семье своих биологических родителей, но и объективно подвергается риску стать «безотцовщиной» и, как следствие, не получить родительской любви в той степени, в какой она могла бы достаться ему от биологических матери и отца». Таким образом, обеспечить защиту прав и законных интересов ребенка возможно только путем правового регулирования отношений, возникающих между суррогатной матерью и супругами, желающими воспользоваться ее услугами[5].

Однако существуют и другие способы решения данной проблемы. Альтернативным способом создать семью при невозможности осуществить свои репродуктивные функции самостоятельно является усыновление, с помощью которого утративший родительское попечение ребенок приобретает новую семью и полноценный социальный статус. Признание как усыновленного, так и искусственно репродуцированного ребенка самостоятельным субъектом права диктует необходимость рассмотрения вопроса защиты его прав. Так, проанализировав признаки усыновления и рождения ребенка с применением ВРТ, можно сделать вывод об уровне защищенности прав ребенка со стороны законодательной базы. Особо остро стоит вопрос о том, что является предпочтительным в данном случае с точки зрения защиты прав и обеспечения наилучших интересов для самого ребенка.

Обозначим общие признаки и особенности усыновления и суррогатного материнства. Во-первых, и усыновление, и ВРТ являются способами создания, а зачастую и сохранения уже созданной семьи. Однако если усыновление предназначено для реализации права ребенка, утратившего родительское попечение, жить и воспитываться в семье, то ВРТ – исключительно для удовлетворения интересов лиц, желающих стать родителями. Это делает искусственную репродукцию более естественным способом создания семьи, нежели усыновление. Но в данном случае необходимо принимать во внимание тот факт, что при зачатии в пробирке риск рождения ребенка, имеющего проблемы со здоровьем, возрастают в несколько раз. Однако и в том, и в другом случаях общей целью является удовлетворение потребности в детях.

Во-вторых, природа обеих типов семьи является искусственно созданной, поэтому они могут казаться отличными, непохожими на семьи, создаваемые естественным путем. Не случайно создание семьи посредством усыновления или ВРТ рассматривается как «социальная проблема». Например, как усыновление, так и искусственная репродукция предоставляет возможности для появления в семье ребенка у пар с нетрадиционной ориентацией, что приведет к разрушению и обесцениванию семейных ценностей.

В-третьих, если в «обычной» семье вопрос о том, следует или нет посвящать ребенка в его родословную решается ей самостоятельно, то в случаях как усыновления, так и появления ребенка с помощью ВРТ раскрытие информации о рождении ребенка подвергается правовому-

му регулированию со стороны государства, поэтому вопрос о защите информации о и сохранении тайны усыновления (рождения) ребенка, с одной стороны, и реализации права ребенка знать свое происхождение – с другой, стоит весьма остро. Данную проблему возможно решить, например, закрепив институт «тайны суррогатного материнства» на подобие с «тайной усыновления» и назначить ответственность за нарушение данной тайны.

Что касается отличий, то, во-первых, в случае усыновления ребенок уже существует. Это может быть новорожденный ребенок или ребенок старшего возраста, оставшиеся без попечения родителей, а потому остро нуждающийся в семье. Поэтому усыновление в большей степени защищает права детей из социально неблагополучных семей; в случаях же усыновления ребенка его отчимом (мачехой) защита прав ребенка осуществляется посредством создания для него полной семьи, что особенно важно для тех детей, чьи родители ранее не состояли в браке. В случаях искусственной репродукции ребенка создают специально для того, чтобы удовлетворить родительский инстинкт лиц, желающих иметь «своего» ребенка. Поэтому о защите прав ребенка речь здесь пока не идет.

Во-вторых, при усыновлении, как правило, усыновители не являются биологическими родителями ребенка и не связаны с ним кровным родством, поэтому речь идет о социальном родительстве. При использовании ВРТ, при суррогатном материнстве, один из потенциальных родителей может являться и биологическим родителем. Поэтому, с одной стороны, появление ребенка в результате использования ВРТ может создавать меньше проблем для самого ребенка, так как он является почти кровным членом семьи. В этой ситуации существует больше гарантий для реализации таких прав ребенка, таких как право насколько возможно знать своих родителей и право на их заботу (п. 1 ст. 7 Конвенции о правах ребенка), право на сохранение своей индивидуальности (п. 1 ст. 8 Конвенции).

И, наконец, в-третьих, по российскому законодательству лица, не состоящие между собой в браке, не могут совместно усыновить одного и того же ребенка (п. 2 ст. 127 СК РФ). В то же время законодатель наделяет мужчину и женщину, как состоящих, так и не состоящих в браке, правом на применение ВРТ при наличии их обоюдного информированного согласия на медицинское вмешательство. Таким образом, право усыновленного ребенка жить и воспитываться в семье подвергается дискриминации по сравнению с правом ребенка, рожденного с использованием ВРТ.

И тем не менее из-за того, что сегодня наука и медицинская практика не могут гарантировать рождение ребенка, появившегося на свет в результате применения ВРТ, здоровым, а также из-за несовершенства и «неполноценности» российского законодательства риски для ребенка, в отличие от усыновления, достаточно высоки. Далее приведены лишь некоторые из них.

При усыновлении роль биологического родителя минимальна: так, при усыновлении отчимами (мачехами) необходимо лишь получить согласие от одного из родителей ребенка на его усыновление; при лишении родительских прав родители утрачивают все родительские права, в том числе и право давать согласие на усыновление. Решение, принятое суррогатной матерью в отношении ребенка, оказывает существенное влияние как на биологических родителей, так и на потенциальных доноров. Согласно абз. 2 п. 4 ст. 51 СК РФ, «лица, состоящие в браке между собой и давшие свое согласие в письменной форме на имплантацию эмбриона другой женщине в целях его вынашивания, могут быть записаны родителями ребенка только с согласия женщины, родившей ребенка (суррогатной матери)». В этой части российское законодательство не в полной мере соответствует международным стандартам, поскольку, признавая право суррогатной матери в качестве абсолютного, п. 4 ст. 51 СК РФ нарушает право ребенка на воспитание своими биологическими родителями, право на их заботу, право ребенка на сохранение своей индивидуальности, включая гражданство, имя и семейные связи. Следует согласиться также и с тем, что «в случае отказа суррогатной матери передать ребенка на воспитание его биологическим родителям новые условия жизни и воспитания ребенка, предоставленные суррогатной матерью, могут в значительной степени отличаться от тех, которые были уготованы биологическими родителями, и далеко не в лучшую сторону».

Если усыновление подвергается тщательному правовому регулированию, то законодательство в сфере ВРТ только начинает развиваться. Российскими авторами указывается, что «нет сомнений в том, что уже в недалеком будущем в России широко распространятся

судебные споры о материнстве и отцовстве, связанные с искусственной репродукцией (отдельные споры уже имели место)» [1: С. 27–31]. Решение таких дел в настоящее время осложнено правовым вакуумом, ведь российское законодательство практически не затрагивает эти вопросы.

Следует отметить, что в семейном законодательстве также не стоит вопрос об ответственности биологических родителей, которые не хотят быть записанными родителями ребенка в книге записей рождений с согласия суррогатной матери в случае появления на свет ребенка, неполноценного в умственном и физическом отношении. Такой ребенок может оказаться ненужным и повторить судьбу ребенка, зачатого естественным способом, от которого отказались родители. Как справедливо указывается в юридической литературе, в законе следует установить запрет на отказ супругов-заказчиков от записи их родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью. В противном случае интересы новорожденного ребенка не будут защищены должным образом. При этом получится, что супруги-заказчики, заключившие договор с целью стать родителями ребенка, рожденного суррогатной матерью, не будут нести никаких обязательств по отношению к нему. Но в таком случае попечение ребенка может перейти к государству, а нареченные родители или сама суррогатная мать должны выплачивать алименты на содержание ребенка в пользу государства [2: С. 47–50].

Опасность ВРТ также заключается в том, что сегодня эта процедура становится доходным бизнесом, аналогичным тому, которым было международное усыновление, а поскольку вопросы защиты прав ребенка не находятся под пристальным вниманием законодателя, это, в отличие от усыновления, ведет к злоупотреблениям в данной сфере. Так, одним из наиболее распространенных видов злоупотребления является мошенничество [6. Российская газета. 2012. 6 дек.].

ВРТ влечет за собой существенные риски, которые не позволяют пока говорить о возможности полноценной защиты не только прав ребенка, появившегося в результате такой процедуры, но и его потенциальных родителей и государства. Таким образом, хотя усыновление рассматривается в качестве «последнего шанса» для появления ребенка в семье, в отличие от искусственной репродукции данный институт несравнимо лучше защищает права как ребенка, так и всей семьи в целом.

Список литературы References

1. Афанасьев С.Ф. Гражданская процессуальная сторона дел об исполнении договора о предоставлении услуг суррогатного материнства // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. № 7. С. 27–31.
Afanasyev S.F. Civil procedural party of cases of performance of the contract on surrogacy rendering of services//Arbitration and civil process. 2014. No. 7. Page 27–31.
2. Борисова Т. Ответственность по договору суррогатного материнства // Законность. 2010. № 11. С. 47–50.
Borisova T. Responsibility under the contract of surrogacy//Legality. 2010. No. 11. Page 47–50.
3. Кириченко К.А. О двух подходах к пониманию правовой сущности вспомогательных репродуктивных технологий // Медицинское право. 2011. № 3. С. 35–40.
Kirichenko K. A. About two approaches to understanding of legal essence of auxiliary reproductive technologies//the Medical right. 2011. No. 3. Page 35–40.
4. Кириченко К.А. Регулирование вспомогательных репродуктивных технологий на постсоветском пространстве: сравнительно-правовой анализ // Гуманитарные науки в Сибири. 2008. № 1. С. 86–89.
Kirichenko K. A. Regulation of auxiliary reproductive technologies in the former Soviet Union: the comparative and legal analysis//the Humanities in Siberia. 2008. No. 1. Page 86–89.
5. Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации С.Д. Князева касательно Определения от 15 мая 2012 г. № 880-О.
Dissenting opinion of the judge of the Constitutional Court of the Russian Federation S.D. Knyazev concerning Definition of May 15, 2012 No. 880-O.
6. Тимофеева А. Младенец по контракту. Растет число женщин, готовых стать суррогатными матерями // Российская газета. 2012. 6 дек.
Timofeeva A. The baby under the contract. The number of the women ready to become substitute mothers//the Russian newspaper grows. 2012. 6 Dec.

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

THESIS

УДК 130.2

ДУХОВНО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОГО ПРАВОСЛАВНОГО ОБЩЕСТВА КАК СЛЕДСТВИЕ ИНДИВИДУАЛИЗАЦИИ СОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ И ТРАНСФОРМАЦИИ ПОНИМАНИЯ ЦЕРКОВНОЙ ЖИЗНИ

THE SPIRITUAL CRISIS OF MODERN ORTHODOX SOCIETY AS A CONSEQUENCE OF THE INDIVIDUALIZATION OF CONSCIOUSNESS OF THE PERSONALITY AND TRANSFORMATION OF THE UNDERSTANDING OF CHURCH LIFE

А.Д. Бондаренко
A.D. Bondarenko

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: 594783@bsu.edu.ru

Аннотация. В данной статье рассмотрены причины духовно-мировоззренческого кризиса современного православного общества, опираясь на работы русских философов и на данные социологических исследований.

Abstract. This article discusses the causes of the spiritual crisis of the modern Orthodox community, based on the works of Russian philosophers and sociological studies.

Ключевые слова: индивидуализм, кризис, соборность, трансформация.
Key words: individualism, crisis, unity, transformation.

Развитие индивидуализма в России в силу культурно-мировоззренческой традиции имело свои особенности. Необходимость соборности у русского народа была столь глубока, что смогла своего рода трансформировать в XX веке марксистское учение в свое особое, «русское» русло [1, с. 124–125]. По Бердяеву, религиозная формация души русского человека веками выработала определенные свойства в виде догматичности, жертвенности, аскетизма, устремления к трансцендентному. Но в то же время религиозная энергия русской души обладала способностью «переключения» к идеям социальным, а не духовным [1, с. 7–8]. Сам термин «соборность» необычайно глубок и многогранен. Не удивительно, что за все время развития русской философской мысли этот термин предавался различным формулировкам, порой даже противоречащим друг другу. Но из всех толкований ясна главная мысль: игнорирование духа соборности есть «радикальное непонимание православной церковности» [2, с. 109]. Эгоцентричный индивидуализм чужд для русской философской мысли. Проблема индивидуальности поднималась, но не переходила за рамки православного мировоззрения.

События 90-х годов XX века стали не меньшим потрясением для России, как и события первой четверти века. Идея коллективизма, заменившая дух соборности, была смещена идеей индивидуализма. Советское общество не было готово к принятию индивидуалистических тенденций [8], ставших «шоковой терапией» для мировоззрения российского

общества. Крах коммунистической идеологии породил «мировоззренческий вакуум», заполнить который должен был сам индивид.

Перелом сознания привел к росту числа деструктивных культов и развитию новых религиозных организаций на территории России и стран бывшего СССР. Большинство граждан начали относить себя к православным, возвращаясь к историческим и духовным корням. Однако же в такие понятия, как «православный», «прихожанин» и «соборность» большинство людей вкладывают свои определения, зачастую расходящиеся с самим православным учением. Связано это как с богоборческой советской эпохой, так и с личным духовным невежеством человека. Социологами определяются две основные волны религиозности в новейшей истории России. Первая волна имеет условные сроки с 1989 по 1995 год, когда стало отмечаться резкое увеличение численности граждан, называющих себя православными. Если в 1989 году православными себя называли около 30% населения, то к 1994 году уже значилась цифра 56. Объяснялось это тем, что люди воспринимали полученную свободу вероисповедания как один из основных символов демократизации. В период с 2000 по 2008 год отмечается вторая волна увеличения количества православных до 75%, где Русская Православная Церковь воспринимается людьми как часть великой России. В настоящий момент численность граждан, относящих себя к православии, стабилизировалась на отметке 70%.

Кто же такой православный прихожанин? Согласно Уставу Русской Православной Церкви, «прихожанами являются лица православного исповедания, сохраняющие живую связь со своим приходом. Каждый прихожанин имеет своей обязанностью участвовать в богослужении, регулярно исповедоваться и причащаться, соблюдать каноны и церковные предписания, совершать дела веры, стремиться к религиозно-нравственному совершенствованию и содействовать благосостоянию прихода. На обязанности прихожан лежит забота о материальном содержании прихода и храма» [9].

Выше было отмечено, что около 70% населения России причисляют себя к православным. Однако на деле можно увидеть абсолютную противоположность. Высокие показатели статистики вовсе не являются свидетельством духовного возрождения страны. Об этом свидетельствуют следующие данные: 60% православных не считают себя религиозными людьми. Но самое удивительное то, что около 30% граждан, назвавших себя православными, убеждены в том, что Бога не существует. На Причастии не бывают около 80% православных, более половины не посещают богослужения, а 90% вовсе заявили, что совершенно не участвуют в жизни Церкви [3]. Лишь около 3–4% православных твердо знают, во что они верят и проводят молитвенные практики [4]. Свою потребность в вере большинство православных объясняют тем, что вера помогает им в жизни, делая ее легче, ответственности же за свою веру и связывание ее со своей личной активностью они не испытывают. Из социального портрета церкви видно, что в большинстве своем среди верующих преобладают женщины и пожилые люди, которые зачастую не имеют высшего образования. Однако стоит заметить, что в последнее время отмечается приток православных из молодежной среды, а также мужчин и людей с высшим образованием [3].

В настоящий момент само понятие «Прихожанин» понимается в двух значениях. Наиболее распространенное – «тот, кто ходит в церковь» вместо «тот, кто имеет живую связь с церковью» [7]. Именно поэтому в церковной среде появился новый термин «захожанин», то есть человек, который не участвует в церковной жизни, однако присутствует на богослужениях по большим праздникам, таким как Рождество, Крещение и Пасха, а также временами посещающий церковь с целью заказать какую-либо требу и поставить свечу. Многие священнослужители полагают, что появления такого «подвида» прихожанина обусловлено как духовным невежеством, так и потребительским отношением к Церкви. Также это называют «облегченным православием» [6]. Подобное явление представляет определенную опасность для духовного здоровья человека, так как в таких людях легко уживается и посещение церкви, и практика так называемого «бытового оккультизма», то есть вера в гороскопы, приметы, посещение бабок, целителей, экстрасенсов, и в принципе отношение к Таинствам с магическим суеверием.

Исходя из вышеперечисленных статистических данных, можно заметить, что нынешнее сознание православного общества находится в глубоком духовно-

мировоззренческом кризисе. Эгоцентрический индивидуализм вкупе с духовным невежеством большинства прихожан рушит саму идею соборности, на которую опирается православная церковь. Тысячи людей, посещая храмы, так и остаются чужими [5].

Таким образом, можно сделать вывод, что духовно-мировоззренческий кризис современного православного общества тесно связан с деградацией понимания идеи соборности, которая в свою очередь привела общество к трансформации понимания церковной жизни в целом, отмеченной кардинальными мировоззренческими расхождениями верующих людей, исходя из статистических данных.

Список литературы References

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма / Николай Бердяев. – СПб : Азбука, Азбука-Аттикус, 2016. 224 с.
Berdyayev N.A. The origins and meaning of Russian communism / Nikolai Berdyayev. – St. Petersburg : Azbuka, Azbuka-Atticus, 2016. 224 p.
2. Булгаков С.Н. Сочинения в 2 тт. Т.1. / Сергей Булгаков. - М.: Наука, 1993. 1350 с.
Bulgakov S. N. Works in 2 vols. vol. 1. / Sergei Bulgakov. - M.: Nauka, 1993. 1350 S.
3. Дубин Б. Образ православного верующего в современной России / Борис Дубин. - [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://carnegie.ru/events/?fa=3725>
Dubin B. the Image of the Orthodox believers in modern Russia / Boris Dubin. - [electronic resource]. - mode of access: <http://carnegie.ru/events/?fa=3725>
4. Дубин Б. Образ православного верующего в современной России. Семинар социолога Бориса Дубина в Московском Центре Карнеги / Борис Дубин. - [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://sreda.org/2012/obraz-pravoslavnogo-veruyushhego-v-sovremennoy-rossii-seminar-sotsiologa-borisa-dubina-v-moskovskom-tsentre-karnegi-2/6999>
Dubin B. the Image of the Orthodox believers in contemporary Russia. Seminar sociologist Boris Dubin, at the Moscow Carnegie Center / Boris Dubin. - [electronic resource]. - mode of access: <http://sreda.org/2012/obraz-pravoslavnogo-veruyushhego-v-sovremennoy-rossii-seminar-sotsiologa-borisa-dubina-v-moskovskom-tsentre-karnegi-2/6999>
5. Головин В. Каким должен быть приход / Влад Головин. - [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://mirnyi.prihod.ru/2013/11/24/kakim-dolzhen-byt-prihod/>
Golovin V. What should be the ward / Vlad Golovin. - [electronic resource]. - mode of access: <http://mirnyi.prihod.ru/2013/11/24/kakim-dolzhen-byt-prihod/>
6. Лонгин, митр. Прихожане, захожане и верующие / [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://foma.ru/prihozhanе-zaxozhane-i-veruyushhie.html>
Longin, Metropolitan. The parishioners, believers and zakhozhaev / [electronic resource]. - mode of access: <http://foma.ru/prihozhanе-zaxozhane-i-veruyushhie.html>
7. Параманов С., иеромонах. Закон Любви. Как жить по-православному / Иеромонах Серафим (Параманов). - [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://azbyka.ru/library/zakon-ljubvi-kak-zhit-po-pravoslavnomu.shtml>
Paramanov S., monk. The Law Of Love. How to live in an Orthodox / Hieromonk Seraphim (Paramanov). - [electronic resource]. - mode of access: <http://azbyka.ru/library/zakon-ljubvi-kak-zhit-po-pravoslavnomu.shtml>
8. Телегин А.М. Коллективизм и индивидуализм в современной России / Артур Телегин. - Символ науки. 2016. №4–3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kollektivizm-i-individualizm-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 24.02.2017).
Telegin A. M. Collectivism and individualism in modern Russia / Arthur Telegin. - Science symbol. 2016. No. 4–3. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/kollektivizm-i-individualizm-v-sovremennoy-rossii> (date accessed: 24.02.2017).
9. Устав Русской Православной Церкви. Глава XVI. Приходы / - [электронный ресурс]. - режим доступа: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133141.html>
Statute Of The Russian Orthodox Church. Chapter XVI. Parishes / - [electronic resource]. - mode of access: <http://www.patriarchia.ru/db/text/133141.html>

УДК 141.319.8

**«ДИЗАЙНЕРСКИЕ МЛАДЕНЦЫ»: СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПРОЕКТИРОВАНИЯ
БУДУЩИХ ДЕТЕЙ**

**«DESIGNER BABIES»: SOCIETAL PROBLEMS OF BIOTECHNOLOGICAL
ENGINEERING OF FUTURE CHILDREN**

**И.С. Буйнякова
I.S. Buinyakova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: buinyakova@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье обсуждаются положительные и негативные аспекты генетического «улучшения» человека, а также связанные с его реализацией риски, дается оценка трансгуманистического подхода к технологическому проектированию/созданию детей «на заказ».

Resume. The article discusses the positive and negative aspects of genetic human «enhancement», and also associated with its implementation risks, an assessment of the transhumanist approach to technology design/creation of children «made to order».

Ключевые слова: трансгуманизм, постчеловек, техно-этика, «улучшение» человека, генетическое усовершенствование человека, технология CRISPR/Cas9, «дизайнерские дети».

Keywords: transhumanism, posthuman, techno-ethics, «human enhancement», human genetic enhancement, CRISPR/Cas9 technology, «designer children».

В начале XXI века активно распространяющееся в мировом сообществе международное трансгуманистическое движение играет огромную роль в популяризации идей биотехнологического «улучшения» человека вплоть до радикального преобразования природы человека и призывов к созданию нового вида *Homo sapiens*. Именно это заставляет ученых весьма настороженно говорить об «улучшении» человека. Член-корреспондент РАН Б.Г. Юдин и его коллеги, занимающиеся актуальными проблемами биоэтики и всесторонней оценкой биотехнологического «улучшения», заявляют: «Мы обрамляем его кавычками в тех случаях, когда хотим подчеркнуть следующее. Относительно любого конкретного биотехнологического воздействия на человека, даже если оно, по замыслу его разработчиков, направлено на то, чтобы сделать человеку лучше, далеко не все и не всегда согласятся, что данное воздействие действительно является улучшающим, и притом во всех аспектах» [4]. Согласно манифестам идеологических лидеров трансгуманизма, постчеловек, человек будущего, обладающий интеллектуальным и телесным всемогуществом, будет радикально отличаться от привычного нам современного человека. «Постчеловек будет осуществлять автоэволюцию, управляя своими психическими, качественными и когнитивными способностями, максимально расширяя свои возможности» [1, с. 35]. В определенной степени футуристические сценарии «улучшения» человека так или иначе пытаются сформировать «новое религиозное сознание», продемонстрировать богоподобие человека техническими средствами, найти оправдание новой техно-этике, в том числе неограниченным вмешательствам в генетическую структуру человека, вызывающим тревогу у специалистов. Так, американский психолог Д. Палмер еще в 2003 году отметил: «Мы находимся на грани глубочайшего, наиболее обширного вмешательства в настройку нашей психики и органики, которое когда-либо предпринималось. Эти вмешательства являются настолько проникающими и всеохватывающими, что самые экстенсивные из нынешних химических и хирургических методов лечения покажутся по сравнению с ними всего лишь косметическими изменениями» [3]. Конечно, такая радикальная модификация генетики человека будет связана с серьезными проблемами биоэтики. Как метко предсказал Ф. Фукуяма: «Сегодня мы стоим перед этическим выбором, касающимся тайны генетической информации, правильного использования медицинских препаратов, исследований на

человеческих эмбрионах и клонировании человека. Однако вскоре нам придется иметь дело с вопросами о селекции эмбрионов и о степени, до которой все медицинские технологии можно использовать для усовершенствования человека...» [5].

И это время пришло. В феврале 2016 года научный мир облетела новость, что в Великобритании начнется использование прорывной технологии CRISPR/Cas9, позволяющей совершать манипуляции для редактирования генома эмбрионов человека. Биотехнологическая компания Editas Medicine официально заявила, что сможет совершать редактирование генома человека в 2017 году [8]. Сегодня на переднем крае науки в области генетического усовершенствования человека речь идет не только об избавлении человека от неизлечимых ранее болезней, таких как СПИД, рак и многих наследственных заболеваний. Благодаря развитию технологии CRISPR/Cas9, ген, вызывающий болезни, будет корректироваться еще на стадии развития эмбриона, что создаст возможность проектирования младенцев «на заказ» – детей, которых искусственно наделили определенным набором качеств. И это происходит прямо сейчас на наших глазах. Сегодня технология CRISPR/Cas9 находится на стадии исследования, ученые из разных стран пытаются добиться разрешения для начала более масштабных испытаний. В ходе бурных дискуссий выявились кардинальные разногласия относительно улучшения зародышевой линии. С точки зрения науки технология CRISPR/Cas9 невероятно перспективна, главными препятствиями являются вопросы этики и религии. Ее противники заявляют о неэтичности корректировки генома человека, ведь эмбрион является будущей личностью, которая не давала разрешения на проведение опытов. Представители религии подчеркивают, что эта технология является кощунством, попыткой человека стать Богом.

На наш взгляд, огромную опасность представляет реальная угроза манипулирования человеческими генами с целью создания детей с улучшенными умственными и физическими возможностями, так называемых «дизайнерских детей» [2] по заказу родителей. Дискуссии по поводу генетических «улучшений» человека превращаются в арену острых и непримиримых идейных столкновений с выраженным социально-философским контекстом. Ведь каким бы технологически продвинутым ни был человек, перед ним всегда стоит проблема выбора, от решения которой зависит, останется он человеком или нет. Насколько мы обладаем мудростью для генетического выбора от лица будущих поколений? «Идея улучшения человеческой зародышевой линии на уровне эмбриона с клиническими целями обсуждалась на протяжении многих лет с самых разных точек зрения и почти повсеместно рассматривается в качестве линии, пересекать, которую не следует» [6]. Мы считаем, что необходимо продолжать изучать тенденции разработки того широкого спектра социально-гуманитарных проблем, которые возникают в связи с замыслами генетического «улучшения» человека, и уделить внимание обзору того, что сделано к сегодняшнему дню исследователями в разных странах мира.

На наш взгляд, представляется весьма интересной статья одного из самых значимых современных философов, занимающихся изучением влияния технологий и прогнозированием последствий развития технауки, Ника Бострома, «Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective», опубликованная в The Journal of Value Inquiry в 2003 году [7] и переведенная нами на русский язык. Предлагаем читателям обсудить через текст, этические проблемы проектирования будущих детей и этические аспекты государственной политики в отношении генетических усовершенствований, в частности, улучшения зародышевой линии в перспективе трансгуманистического дискурса. Н. Бостром анализирует положительные и негативные экстерналии генетических улучшений человека, а также связанные с их реализацией риски, дает оценку трансгуманистического подхода к генетическому усовершенствованию зародышевой линии человека, а также делится с читателями опасениями по поводу регламентации генных технологий государством.

Заявленная тема весьма актуальна, несмотря на то, что с момента публикации этой статьи прошло более десяти лет, и напрямую связана с сегодняшним и завтрашним днем всего человечества. Социально-этическим проблемам биотехнологического проектирования будущих детей посвящены и сегодня не утихающие дискуссии ведущих мировых общественных деятелей, ученых, политиков, философов, медиков, религиозных деятелей.

Генетическое усовершенствование человека: трансгуманистическая перспектива

1. Что такое трансгуманизм?

Трансгуманизм – это неточно определенное движение, которое развивалось постепенно в течение последних двух десятилетий. Оно способствовало развитию междисциплинарного подхода к пониманию и оценке возможностей для совершенствования состояния человека и челове-

ского организма, которое связано с развитием современных технологий. Внимание уделяется как таким современным технологиям, как генная инженерия и информационные технологии, так и ожидаемым в будущем, таким как молекулярные нанотехнологии и искусственный интеллект.

Обсуждаемые опции оптимизации включают в себя радикальное улучшение здоровья человека, искоренение болезней, устранение ненужного страдания и усовершенствование интеллектуальных, физических и эмоциональных способностей человека. Другие темы трансгуманизма включают в себя колонизацию космоса и возможность создания сверхинтеллектуальных машин наряду с другими потенциальными изобретениями, которые основательно могли бы изменить условия существования человека. Диапазон тем не ограничивается устройствами и медициной, а охватывает экономические, социальные и институциональные проекты, развитие культуры, психологических навыков и техники.

Трансгуманисты рассматривают человеческую природу как незавершенное произведение, неполноценное начало, которое мы можем научиться повторять заново в желаемом ключе. Современное человечество не должно быть концом эволюции. Трансгуманисты надеются, что при ответственном использовании науки, технологии и других рациональных средств нам в конце концов удастся стать постлюдьми, существами со значительно более обширными способностями, чем те, которыми обладают современные люди. Некоторые трансгуманисты предпринимают активные шаги для увеличения вероятности того, что они лично смогут прожить достаточно долго, чтобы стать постлюдьми, например, делают выбор в сторону здорового образа жизни или создают специальные продукты, чтобы сохраниться крионическим путем в случае деанимации. В отличие от многих других этических мнений, которые на практике часто отражают противоположное отношение к новым технологиям, трансгуманистический взгляд сопровождается эволюционным видением принятия более активного подхода к технологической политике. Это видение должно в общих чертах создать возможность жить дольше и быть здоровее, улучшить нашу память и другие интеллектуальные способности с целью оптимизации нашего эмоционального опыта и увеличения субъективного чувства благосостояния в целом, чтобы достичь более высокой степени контроля над нашими жизненными процессами. Такое объяснение человеческого потенциала предлагается в качестве альтернативы обычным заповедям против игры в Бога, загрязнения природы, порчи нашей человеческой сущности или заслуживающего наказания высокомерия.

Трансгуманизм не влечет за собой технологический оптимизм. В то время когда технологические возможности несут в себе огромный потенциал для использования с благими намерениями, они также могут использоваться для причинения несоизмеримого вреда, выстраивая весь путь к чрезмерным возможностям и интеллектуальной жизни в процессе постепенного вымирания. Такие риски нужно воспринимать очень серьезно, что полностью признают вдумчивые трансгуманисты.

Трансгуманизм имеет свои корни в светском гуманистическом мышлении, однако он более радикален в том, что он развивает не только традиционные средства улучшения природы человека, такие как усовершенствование образования и культуры, но также непосредственное применение медицины и техники для устранения некоторых наших основных биологических ограничений.

2. Фундаментальный принцип трансгуманизма: исследование сферы деятельности постчеловека

Есть предположение, что набор мыслей, чувств, опыта и действий, которые доступны человеческому организму, составляют всего лишь ничтожную часть того, что ему подвластно на самом деле.

Нет смысла полагать, что человеческая опция бытия более свободна от ограничений, продиктованных нашей человеческой природой, чем опция бытия других животных. Точно так же, как шимпанзе не хватает силы мышления, чтобы понять, что значит быть человеком, так и нам не хватает практической способности сформировать реалистичное интуитивное понимание того, что значит быть постчеловеком.

Эта точка зрения отличается от любых принципиальных предположений о невозможности. Нам не нужно утверждать, что постчеловеческие существа нельзя будет рассчитать на машине Тьюринга или что их концепты не смогут быть выражены любыми финитными предложениями в человеческом языке. Эта невозможность больше похожа на невозможность для нас визуализировать гиперсферу из двадцати измерений или прочитать с полной сосредоточенностью и пониманием каждую книгу в Библиотеке Конгресса. Наше собственное текущее состояние бытия, таким образом, заполняется, но его зеркальная поверхность возможна или разрешена физическим насилием над все-

ленной. Это совершенно не надуманно, если предположить, что существуют части этого большого пространства, которые представляют собой особенно ценные способы жизни, чувства и мышления.

Мы можем постигать эстетическое и созерцательное удовольствие, блаженство которого значительно превышает то, что человеческое существо когда-либо испытывало. Мы можем представить себе существ, которые достигают более высокого уровня личного развития и завершенности, чем это делают современные люди, так как у них есть возможность жить сотни и тысячи лет с полной телесной и физической мощью. Мы можем возродить существ, которые намного умнее нас, которые смогут читать книги за секунду, которые смогут создавать художественные произведения, которые, даже если бы мы могли понять их только на самом поверхностном уровне, поразили бы нас как чудесные шедевры. Мы можем представить себе любовь, которая сильнее, чище и надежнее, чем любое человеческое существо когда-либо испытывало. Наши повседневные интуиции о ценностях сжаты узостью нашего опыта и ограничениями силы нашего воображения. Мы должны покинуть пределы нашего мышления для получения возможностей для развития более сильных способностей, мы должны открыть ценности, которые поразят нас как существ более высокого порядка, чем те, которые мы можем осознать, будучи неусовершенствованными биологическими человеческими существами.

Предположение о том, что существуют большие ценности, чем те, которое мы воспринимаем в настоящее время, не подразумевает, что ценности не определяются терминами наших текущих предрасположенностей. Возьмем, например, диспозиционную теорию ценностей, описанную Дэвидом Льюисом. В соответствии с теорией Льюиса что-то является для тебя ценностью, если бы ты хотел заполучить это, если бы ты был прекрасно знаком с этим, и ты думал и размышлял об этом настолько ясно, насколько это возможно. С этой точки зрения могут быть ценности, которые мы пока еще не хотим, и сейчас даже не хотим заполучить, поскольку мы не достаточно знакомы с ними или потому что мы не идеальные мыслители. Некоторые ценности, свойственные определенным формам постчеловеческого существования, вполне могут представлять собой этот вид; они могут быть ценностями для нас сейчас, и они могут быть таковыми в силу наших настоящих предрасположенностей, а мы можем оказаться неспособными оценить их с нашими имеющимися ограниченными мыслительными способностями и нашим недостатком рецептивных возможностей, необходимых для полного ознакомления с ними. Эта точка зрения важна, так как она демонстрирует трансгуманистический взгляд на то, что мы должны исследовать сферу постчеловеческих ценностей, и влечет за собой убеждения в том, что нам следует отказаться от наших нынешних ценностей. Постчеловеческие ценности могут быть нашими нынешними ценностями, хотя и теми, которые нам еще не удалось постигнуть с полной ясностью.

Мы можем преодолеть многие из наших биологических ограничений. Возможно, что есть некоторые ограничения, за пределы которых мы не можем выйти не только из-за технологических сложностей, но и на метафизической основе. Вопросы такого типа схожи с теологическими дискуссиями о жизни после смерти. В христианской теологии некоторым душам Бог позволит подняться на небеса после того, как их время в качестве телесных существ истечет. Прежде чем души будут допущены на небеса, они пройдут процесс очищения, в котором ими будут потеряны многие из предыдущих телесных атрибутов. Скептики могут сомневаться в том, что получающийся в результате разум будет подобен нашему нынешнему разуму, чтобы иметь возможность быть тем же самым лицом. Подобное затруднение возникает в рамках трансгуманизма: если состояние бытия постчеловеческого существа радикально отличается от обычного человека, то мы можем сомневаться в том, может ли быть постчеловек тем же самым лицом, что и человек, даже если постчеловек произошел от него.

Человек может получить значительно увеличенную среднюю продолжительность жизни, ум, здоровье, память и эмоциональную чувствительность, не прекращая своего существования. Интеллектуальная жизнь человека может быть радикальным образом трансформирована при помощи получения образования. Продолжительность жизни может быть существенно увеличена благодаря неожиданному освобождению от смертельной болезни. Даже это развитие не рассматривается как завершение существования оригинального человека. В частности, кажется, что модификации, которые добавляются к способностям человека, могут быть более существенными, чем модификации, которые отнимаются, например, повреждение головного мозга. Если большая часть того, чем кто-то является в настоящий момент, включая его самые важные воспоминания, действия и чувства, сохранена, то добавление других способностей поверх этого не заставит человека прекратить существование.

Сохранение личной идентификации, особенно если этому принципу дается узкое толкование, – это еще не все. Мы можем ценить другие вещи больше, чем себя, или мы можем рассматривать как удовлетворительный тот факт, если некоторые части или аспекты нас самих выживают и расцветают, даже если это влечет за собой отказ от некоторых частей, так что мы уже не считаем себя этим же человеком. Какими частями нас самих мы готовы пожертвовать, не станет ясным до тех пор, пока мы полностью не ознакомимся с полным значением опций. Тщательное пошаговое исследование сферы деятельности постчеловека может быть необходимо для достижения такого понимания, хотя мы также можем быть способны учиться по опыту друг друга и по трудам о воображении. В дополнение к этому мы можем поддержать людей будущего, будучи скорее постлюдьми, чем обычными людьми, если постчеловеческое существо будет вести свою жизнь более целесообразно, чем альтернативные люди. Любые причины, возникающие из таких обстоятельств, не будут зависеть от утверждения, что мы сами могли бы стать постчеловеческими существами.

Трансгуманизм развивает стремление к дальнейшему развитию так, чтобы мы могли исследовать недоступные до настоящего времени сферы ценностей. Технологическое усовершенствование человеческого организма – это средства, которые мы должны преследовать до конца. Есть ограничения того, сколько может быть достигнуто при помощи устаревших средств, таких как образование, философское размышление, самоизучение и другие методы, предложенные классическими философами с перфекционистскими наклонностями, включая Платона, Аристотеля и Ницше, или средствами создания более честного и лучшего общества, как предусмотрено социальными реформистами, такими как Маркс или Мартин Лютер Кинг. Не следует недооценивать то, что мы можем сделать при помощи инструментов, которые мы имеем сегодня. В конечном счете трансгуманисты надеются пойти дальше.

3. Мораль генной инженерии зародышевой линии человека

Наиболее потенциальные технологии совершенствования человека привлекли недостаточное внимание в этической литературе. Одним исключением является генная инженерия, мораль которой все больше обсуждается в последние годы. Чтобы проиллюстрировать, как трансгуманистический подход можно применить к частным технологиям, обратимся к рассмотрению случая генетического совершенствования зародышевой линии человека.

Определенные типы отрицания модификаций зародышевой линии не привлекают внимания трансгуманистического посредника. Кроме того, трансгуманисты подчеркивают, что частные вопросы о негативных аспектах генетического совершенствования, даже когда такие вопросы вполне законны, должны быть оценены в сторону отрицания потенциальной пользы, которая может прийти от успешно реализуемой генетической технологии. Например, многие комментаторы обеспокоены физиологическими эффектами использования инженерии зародышевой линии. Способность отбирать гены наших детей и создавать так называемых спроектированных детей будет портить родителей, которые будут рассматривать своих детей как обычные продукты. Тогда мы начнем оценивать наше потомство в соответствии со стандартами контроля качества, и это отрицательно повлияет на этический идеал безоговорочного принятия детей, не важно, каковы их способности и индивидуальные черты. Неужели мы действительно готовы пожертвовать на алтаре потребительского общества даже теми глубокими ценностями, которые воплощены в традиционных отношениях между ребенком и родителями? Разве стремление к безупречности стоит эту культурную и моральную цену? Трансгуманисту не следует списывать со счетов такие вопросы, считая их нерелевантными. Трансгуманисты признают, что воображаемый результат будет плохим. Мы не хотим, чтобы родители любили и уважали своих детей меньше. Мы не хотим, чтобы общественные предрассудки по отношению к людям с ограниченными возможностями стали хуже. Психологический и культурный эффекты превращения в товар человеческой природы потенциально важны.

Но такие мрачные сценарии – это всего лишь необоснованные рассуждения. Нет прочного основания верить в то, что заявленные последствия произойдут на самом деле. Одно важное свидетельство, которое мы имеем, например, наблюдая за лечением детей, которые были зачаты путем использования лабораторного оплодотворения или эмбрионного скрининга, показывает, что пессимистичный прогноз всего лишь распространяет панику. На самом деле родители будут любить и уважать своих детей, даже когда искусственные средства и рациональный выбор будут иметь место в размножении.

Вместо этого мы могли бы предположить, что совершенствование зародышевой линии приведет к более сильной любви и родительской преданности. Некоторые матери и отцы могли бы

подумать, что проще любить ребенка, который красив, разумен, здоров и счастлив. Практика совершенствования зародышевой линии может привести к лучшему лечению людей с ограниченными возможностями, так как основная демистификация генетического вклада в индивидуальные черты человека могла бы прояснить, что людей с ограниченными возможностями не стоит винить за их инвалидность, а сниженная частота встречаемости некоторых нарушений могла бы привести к большему содействию, будучи доступной для других затронутых этой проблемой людей, сделать возможным для них жить полной неограниченной жизнью благодаря различной технологической и социальной поддержке. Рассуждение о возможных психологических и культурных эффектах инженерии зародышевой линии может таким образом иметь свои плюсы и минусы. Хорошие последствия возможны с не меньшей вероятностью, чем плохие. При отсутствии громких аргументов в пользу рассмотрения того, что негативные последствия будут преобладать, такие последствия не дают повода против движения вперед с использованием технологий.

Постоянные рассуждения о гипотетических побочных эффектах могут служить нам для осознания вещей, которые могут пойти неправильно, так что мы можем быть бдительными по отношению к неожиданному развитию. Осознавая риски заранее, мы будем находиться в лучшем положении для принятия предупредительных мер. Например, если мы думаем, что некоторые люди не смогут осознать, что человеческий клон будет уникальной личностью, заслуживающей такое же уважение и чувство собственного достоинства, как и другие человеческие существа, мы могли бы упорнее работать над воспитанием общества относительно неадекватности генетического детерминизма. Теоретический вклад хорошо проинформированной и оправданной критики усовершенствования зародышевой линии мог бы опосредованно добавить к нашей мотивированности для дальнейшей работы с инженерией зародышевой линии. Когда критика уже сделала свою работу, она может предупредить нас о многих потенциальных неожиданных последствиях инженерии зародышевого ряда и сделать вклад в нашу способность принимать предупредительные меры, улучшая таким образом преимущества того, что баланс эффектов будет положительным. Могут быть и некоторые негативные последствия инженерии зародышевой линии человека, которые мы не будем предупреждать, хотя, конечно, само по себе существование негативных эффектов не является основной причиной прекращения дальнейшей работы. Каждая наиболее важная технология имеет негативные последствия. Только после тщательного сравнения рисков с наиболее вероятными положительными последствиями можно прийти к выводу, базирующемуся на анализе «затраты – выгода».

В случае усовершенствования зародышевой линии потенциальные успехи грандиозны. Тем не менее потенциальные успехи обсуждаются довольно редко, вероятно, потому, что они слишком очевидны, чтобы представлять собой теоретический интерес. В отличие от этого выявление деликатных и нетривиальных путей, в которых манипулирование нашим геномом могло бы навредить нашим глубинным ценностям, с философской точки зрения намного более сложно и интересно. Но если мы думаем об этом, то мы признаем, что результат генетического усовершенствования может быть каким угодно, но не несущественным. Более здоровые, остроумные, счастливые люди могут быть способны достичь новых уровней в культуре, добиться значительного усовершенствования человеческих способностей. Даже на самом базовом уровне геновая инженерия имеет огромный потенциал для облегчения ненужного человеческого страдания. Каждый день, в котором отсрочивается представление эффективного генетического усовершенствования человека, это день потерянного культурного и индивидуального потенциала и день мучения для многих несчастных страдальцев от болезней, которые можно было бы предотвратить. Рассмотрев проблему в данном свете, сторонники запрета или моратория на генетическую модификацию человека должны принести на себя тяжелую ношу доказательств, чтобы склонить весы с причинами в свою пользу. Трансгуманисты приходят к выводу, что данный вызов еще не был принят.

4. Нужно ли регулировать человеческое воспроизводство?

Один из способов пойти дальше с геной инженерией – разрешить все, оставив все возможности выбора родителям. В то время как эти отношения могут быть согласованы с трансгуманизмом, это не лучший трансгуманистический подход. Одна вещь, которую можно сказать для принятия либертарианской позиции в отношении человеческого воспроизводства, – это плачевные результаты деятельности спланированных обществом попыток улучшить человеческий набор генов. Список исторических примеров государственного вмешательства в эту сферу варьируется от геноцидного ужаса нацистского режима до несравненно более мягких, но в то же время отвратительных полупринудительных программ стерилизации умственно ослабленных индивидов, под-

держанных многими социалистами в прошлом веке, до спорной, но возможно доступной для понимания программы нынешнего правительства Китая для ограничения роста населения. В каждом случае государственная политика препятствовала выбору воспроизводства индивида. Если бы родителям давали возможность сделать выбор для себя, самые плохие нарушения евгенического движения не случились бы.

В настоящее время мы позволяем правительству играть определенную роль в воспроизводстве и воспитании детей, и мы можем развивать мысль о том, что подобная роль будет и в регулировании применения генной репродуктивной технологии. Государственные агентства и регламентирующие органы играют поддерживающую и руководящую роль, пытаясь продвигать интересы детей. Например, нам следует объявить вне закона генетические модификации, которые нацелены на причинение вреда ребенку или ограничение его возможностей в жизни или которые оцениваются как слишком рискованные. Если же есть базовые улучшения, это могло бы быть выгодным для ребенка, но некоторые родители не могли бы позволить себе это. Тогда нам следует субсидировать эти улучшения так же, как мы поступаем с основным образованием. Есть повод полагать, что либертарианский подход менее подходит к сфере воспроизводства, чем к другим областям. В воспроизводстве наиболее важными интересами являются интересы ребенка, который не может дать свое предварительное согласие или свободно вступать в любую форму договора.

Имеется различие между формами социального вмешательства по отношению к детям и формами вмешательства, нацеленными на генетическое усовершенствование. В то время как имеется согласие в том, что никто из детей не должен подвергаться жестокому обращению и что все дети должны иметь как минимум основное образование и должны получать необходимую медицинскую помощь, не похоже на то, что в ближайшее время мы достигнем соглашения по продвижению генетического усовершенствования. Многие родители будут сопротивляться таким предложениям по принципиальным основаниям, включая глубокие религиозные или моральные убеждения. Лучшей политической мерой для предвидимого будущего может, таким образом, стать нелегальное требование любого генетического усовершенствования, исключая вероятно экстремальные случаи, для которых не существует альтернативного лечения. Даже в таких случаях сомнительно, что социальный климат во многих странах готов к принудительному генетическому вмешательству.

Содержание этических норм и общественных мер тем не менее распространяются далеко за пределы законов, требующих или запрещающих особые формы вмешательства. Даже если данная опция усовершенствования не выходит за рамки закона и не поддерживается законом, мы все еще можем пытаться предотвратить или поддержать его использование множеством способов. Соответственно, мы можем спросить с оглядкой на технологии генетического усовершенствования, какие области применения нам следует поддержать или предотвратить.

5. Какие модификации следует продвигать, а какие предотвращать

Экстерналия, как она понимается экономистами, это расходы или прибыль от действия, выполняемого не тем лицом, которое приняло решение по его выполнению. Пример негативной экстерналии можно найти в фирме, которая снижает свои расходы, загрязняя окружающую среду. Экстерналии могут также быть положительными, когда люди тратят время и прилагают усилия на создание красивого сада рядом с домом. Эффектом наслаждаются не только садоводы, но и проходящие мимо люди. Как практическое правило, громкие политические меры и социальные нормы заставят нас усвоить многие экстерналии, так что стимулы производителей больше соответствуют социальной стоимости производства. Мы можем, например, обложить налогом загрязняющую фирму за это загрязнение и похвалить садоводов, которые украшают окружение. Генетические улучшения нацелены на получение статусных вещей, желаемых только потому, что они обеспечивают конкурентоспособное преимущество. Пример такой статусной вещи, как их называют экономисты, – рост. Очевидно, что высокий рост по статистике является преимуществом как минимум для мужчин в западном обществе. Более высокие мужчины зарабатывают больше денег, обладают большим социальным влиянием и рассматриваются более привлекательными в сексуальном плане. Родители, желающие дать своим детям по возможности лучший старт в жизни, могут рационально выбрать генетическое усовершенствование, которое может добавить сантиметр или два к ожидаемому росту их ребенка. Кажется, что для общества в целом нет никакого преимущества от того, что люди станут выше. Если все вырастут на пару сантиметров, то никто не будет лучше, чем был раньше. Деньги, потраченные на такую статусную вещь как рост, имеют очень

маленький или вообще не имеют результирующего эффекта на социальное благополучие и, таким образом, с точки зрения общества потрачены впустую.

Здоровье – совершенно другой тип товара. Оно несет в себе внутреннюю пользу. Если мы будем здоровее, то лично нам будет лучше, а другим от этого не будет хуже. Может также быть и позитивная экстерналия улучшения нашего собственного здоровья. Если мы не заразимся инфекционной болезнью, то другие люди получают выгоду в том, что не заразятся от нас. Будучи здоровыми, мы сможем больше привнести в общество и использовать меньше общественных средств из фонда медицинского страхования. Если бы мы жили в простом мире, где люди были бы совершенными рациональными заинтересованными в себе экономическими агентами и где социальные меры не имели бы расходов и непреднамеренных эффектов, то основное предписание по генетическому усовершенствованию было бы относительно прямым. К сожалению, усиление политических мер, которое хорошо работает на практике, значительно сложнее. Даже определение размера экстерналий отдельного генетического улучшения может представлять собой сложность. Существует внутренняя ценность усовершенствования памяти или интеллекта в виду того, что большинство из нас хотят быть немного умнее, даже если бы это не имело ни малейшего влияния на наши отношения с другими людьми. Будучи более умными, мы с большей вероятностью заняли бы более высокую позицию в обществе, позицию, которую в противном случае были бы заняты конкурентами.

Останутся ли такие меры хорошей идеей, когда все практические аспекты внедрения и политические реалии будут приняты во внимание, это уже другой вопрос. Но, по крайней мере, мы можем прийти к выводу, что усовершенствование, имеющее как важные внутренние преимущества для усовершенствованного индивида, так и положительные экстерналии для оставшейся части общества, должно быть поддержано.

6. Проблема равенства

Многие оппоненты генной инженерии зародышевой линии обеспокоены тем, что результаты увеличат разрыв между имущими и неимущими. Сегодня дети из богатых семей имеют множество привилегий, включая доступ к лучшим школам и социальным сетям. В центре споров стоит тот факт, что это создаст неравенство и усугубит положение детей из бедных семей. Мы могли бы также рассуждать о членах привилегированной страты общества, в конце концов, усовершенствовавших себя до той степени, когда человеческая раса распадется на два или более вида, имеющих между собой мало общего, за исключением общей эволюционной истории. Генетически привилегированные могут стать нестареющими, здоровыми супергенами безупречной физической красоты, украшенными блестящим остроумием и обезоруживающим, умаляющим чувство собственного достоинства юмором, излучающими тепло, эмпатический шарм и ослабленную непоколебимость. Непривилегированные останутся сегодняшними людьми, возможно, не имеющими чувства самоуважения и страдающими от случайных приступов зависти. Мобильность между низшими и высшими классами может исчезнуть, и ребенок, рожденный в семье бедных родителей, не имеющий генетического усовершенствования, не сможет успешно соперничать с супердетьми богатых. Даже если не случится дискриминация или эксплуатация низшего класса, все еще будет что-то разрушительное в перспективе общества с такими крайними формами неравенства.

Хотя мы имеем огромные формы неравенства и сегодня и рассматриваем его как нечестное, мы также и принимаем много форм неравенства, так как считаем, что они заслужены, имеют социальную пользу или являются неизбежными сопутствующими факторами, чтобы освободить индивидов, делая за них их собственный, иногда глупый выбор, как прожить их жизнь. Некоторые из этих оправданий могут использоваться, чтобы оправдать некоторые виды неравенства, которые могут стать результатом инженерии зародышевой линии.

Мы можем также попытаться противостоять некоторым повышающим неравенство тенденциям технологий усовершенствования при помощи выделения субсидий или их безвозмездного предоставления детям из бедных семей. В случаях, когда усовершенствование имеет существенные положительные экстерналии, такая мера может быть выгодной для всех, не только для получателей субсидии. В других случаях мы могли бы поддержать эти меры на основе социальной справедливости и солидарности.

Даже если бы все генетические усовершенствования были сделаны для всех бесплатными, это все еще не смогло бы полностью ослабить проблему неравенства. Можно было бы спорить о том, что правительство должно ответить на эту проблему ограничением свободы воспроизводства родителей, желающих воспользоваться генетическим усовершенствованием. Если мы хотим огра-

ничить свободу воспроизводства законными средствами ради уменьшения неравенства, то мы могли бы также сделать некоторые виды усовершенствования обязательными для всех детей. Требуя генетического усовершенствования для всех в одинаковой степени, мы не только предотвратили бы рост неравенства, но также и получили бы положительные экстерналии, которые происходили бы от универсального применения технологии усовершенствования. Если свобода воспроизводства рассматривается как слишком ценная, чтобы быть сокращенной, то ни требование, ни запрет использования технологии репродуктивного усовершенствования не представляет собой доступную опцию. В этом случае нам пришлось бы или терпеть неравенство как цену, которую необходимо заплатить за свободу воспроизводства, или пытаться вылечить неравенство теми способами, которые не нарушают свободы воспроизводства. Все это базируется на гипотезе, что инженерия зародышевой линии фактически будет повышать неравенство, если ее оставить нерегулируемой и не предпринимать никаких мер. Эта гипотеза может быть ошибочной. В частности, может выясниться, что технически намного проще лечить крупные генетические дефекты, чем совершенствовать здоровую генетическую конституцию. В настоящее время мы знаем намного больше о многих специфических наследственных заболеваниях, некоторые из которых проявляются из-за дефектов одного гена, чем о генетической базе талантов или желаемых качеств, таких как интеллект и долголетие, которые со всей вероятностью закодированы в сложных комплексах множественных генов. Если это действительно окажется так, то траектория генетического усовершенствования человека может быть такой, в которой первым, что случится, будет то, что множество генетически худших вариантов улучшится благодаря исчезновению таких болезней, как ранняя детская амавротическая идиотия (болезнь Тея-Сакса), гиперурикемия (синдром Леша-Найхана), синдром Дауна и раннее проявления болезни Альцгеймера. Это имело бы основной эффект нивелирования на формы неравенства, не обязательно в финансовом смысле, а относительно большего числа фундаментальных параметров основных возможностей и качества жизни.

7. Является ли вмешательство в зародышевую линию неправильным, так как оно необратимо?

Другое часто слышимое отрицание генетической инженерии зародышевой линии – это то, что она будет чрезмерно рискованной, так как изменения, которые она принесет, необратимы и повлияют на все грядущие поколения. Было бы безответственно и заносчиво с нашей стороны предполагать, что у нас достаточно мудрости, чтобы принять решение о том, какой должна быть генетическая конституция людей, живущих через много поколений после нас. Свойство человека ошибаться по отношению к этому отрицанию дает нам хороший повод для того, чтобы начинать вмешиваться в зародышевую линию. Для наших нынешних целей мы можем отложить вопрос о безопасности процедуры, понимаемой в узком смысле, и поставить условия, что риск медицинских побочных эффектов снизится до приемлемого уровня. Это вынуждает нас задать вопрос о том, обладаем ли мы необходимой мудростью для генетического выбора от лица будущих поколений.

Человеческая способность ошибаться не является решающей причиной для противостояния генетическому усовершенствованию зародышевой линии. Заявление о том, что такое вмешательство будет необратимо, неправильно. Вмешательство в зародышевую линию можно вернуть обратно при помощи другого вмешательства. Более того, считая, что технический прогресс в генетике не остановится внезапно в любое время, мы можем рассчитывать на будущие поколения, которые будут способны отменить наши нынешние вмешательства в зародышевую линию более легко, чем мы в настоящее время можем внедрить их. С совершенной генетической технологией было бы возможно обратить многие модификации зародышевой линии при помощи соматической геномной терапии или медицинской нанотехнологии. Технически изменения зародышевой линии прекрасно обратимы будущими поколениями.

Возможно, что будущие поколения сделают выбор в пользу поддержки модификаций, которые делаем мы. Если это будет так, то модификации, будучи необратимыми, на самом деле не будут обращены. Это было бы хорошо. Возможность долговременных последствий не представляет собой протест против вмешательства в зародышевую линию больше, чем против социальных реформ. Отмена рабства и введение права всеобщего голосования никогда не могли бы быть отменены; конечно, мы надеемся, что и не будут. Но это не является поводом для людей отрицать реформы. Подобным образом потенциал для непрекращающихся последствий, включая те, которые мы не можем сейчас предсказать с высокой степенью вероятности, в действительности не создает никакого повода противостоять генетическому вмешательству. Если иммунитет для проти-

востояния ужасным болезням и усовершенствование, которое расширяет возможности для человеческого роста, перейдут к последующим поколениям навечно, это будет повод для праздника, а не для сожаления.

Есть несколько видов изменений, о которых нам нужно особенно беспокоиться. Они включают в себя модификации побуждений и мотиваций наших потомков. Например, есть очевидные причины того, почему мы должны полагать, что стоит пытаться уменьшить склонность наших детей к насилию и агрессии. Нам нужно было бы тем не менее позаботиться о том, что мы не будем делать это таким способом, который сделает будущих людей чрезмерно покорными и удовлетворенными. Мы можем достичь мрачного сценария, описанного в книге «О дивный новый мир» (О. Хаксли), в которой люди ведут поверхностную жизнь, но подвергаются манипулированию, чтобы быть полностью довольными своим квазиоптимальным существованием. Если люди перенесут свои поверхностные ценности на детей, то человечество надолго застрянет в не очень хорошем состоянии, изменившись в сторону безрассудства, чтобы у него не было желания прилагать усилия к достижению чего-то лучшего. Этот результат был бы безысходным, так как постоянный «колпак» на человеческом развитии разрушил бы надежду трансгуманизма на исследование сферы постчеловека. Трансгуманисты, таким образом, делают ставку на модификации, которые в дополнении к улучшению человеческого состояния также открывают больше возможностей, чем закрывают, и которые повышают нашу способность сделать мудро последующий выбор. Более длинные активные жизненные циклы, лучшая память и более совершенные интеллектуальные способности – вероятные кандидаты для усовершенствования, которые улучшат нашу способность понимать, что нам нужно делать дальше. Они были бы хорошей площадкой для старта.

Список литературы References

1. Введенская Е.В. Биоэтический анализ противоречий трансгуманизма // Вестник МИТХТ. Серия: социально-гуманитарные науки и экология. 2014. Т. 1. № 3.- с. 35 [Электронный ресурс]. URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24097131>
Vvedenskaya E.V. Bioethical analysis of transhumanist approach //Vestnik of MITXT. Series: socio-humanitarian sciences and ecology. 2014. V.1. № 3.- p. 35 [Electronic resource]. - URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=24097131>
2. Дизайнерские дети: изменить геном и стать счастливым [Электронный ресурс]. - URL: <http://speakercom.ru/columns/494>
Designer babies: to change genome and become happy [Electronic resource]. - URL: <http://speakercom.ru/columns/494>
3. Палмер Д., Палмер Л. Эволюционная психология. Секреты поведения Homo sapiens. – М., 2003. [Электронный ресурс]. URL: <http://coollib.com/b/293732/read>
Palmer D., Pamer L. Evolutionary psychology. Secrets of behavior of Homo sapiens. –М., 2003. [Electronic resource].- URL: <http://coollib.com/b/293732/read>
4. Рабочие тетради по биоэтике. Выпуск 20: Гуманитарный анализ биотехнологических проектов «улучшения» человека: сб. науч. ст. / под ред. Б.Г. Юдина. – М.: Издательство Московского гуманитарного университета, 2015. – 168. - с. 8.
Workbooks on bioethics. Issue 20: the Humanitarian analysis of biotechnology projects of human "enhancement": digest of science articles/under the editorship of B.G. Yudin. -М.: - Publishing office of Moscow humanitarian university.2015/-168. - p.8.
5. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции.- М., 2004. [Электронный ресурс]. URL:<http://www.alleng.ru/d/polit/pol022.htm>
Fukuyama F. Our Posthuman future: consequences of the biotechnology revolution. М., 2004. [Electronic resource]URL:<http://www.alleng.ru/d/polit/pol022.htm>
6. Юдин Б.Г. Редактирование генома: социально-этические проблемы. Сводный реферат [Электронный ресурс].- URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26342152>
Yudin B.G. Genome editing: societal problems. Consolidated research papers [Electronic resource].- URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=26342152>
7. Bostrom N. Human Genetic Enhancements: A Transhumanist Perspective//The Journal of Value Inquiry 37, 2003. - p. 493–506. – [Electronic resource].- URL:-http://www.collier.sts.vt.edu/1504/pdfs/bostrom_2003.pdf
8. CRISPR Gene Editing to be testes on people by 2017 [Electronic resource]- URL: <https://www.technologyreview.com/s/543181/crispr-gene-editing-to-be-tested-on-people-by-2017-says-editas/>

УДК 352

**СПЕЦИФИКА СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА
К ИССЛЕДОВАНИЮ СИСТЕМЫ МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ****SPECIFICS OF SOCIAL AND TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE STUDY
OF MUNICIPAL GOVERNMENT****О.В. Быхтин****O.V. Bykhtin**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bykhtin@bsu.edu.ru

Аннотация: Основная цель статьи заключается в рассмотрении организации и функционирования местного самоуправления и системы муниципального управления как нового явления в социально-политической реальности России. Инноватика социально-технологического подхода к исследованию системы муниципального управления обусловлена разработкой и использованием в отечественной практике социальных технологий. При написании статьи использовались методы анализа и синтеза, метод систематизации материала, применялись принципы объективности и научности. Статья представляет научный интерес для специалистов в области социологии управления, муниципального управления.

Resume: The main purpose of the article is to review the organization and functioning of local government and the system of municipal governance as a new phenomenon in the socio-political reality in Russia. Study the content of socio-technological approach used today in the municipal Science, involves the analysis of the causal conditions of its genesis. Innovation socio-technological approach the study of municipal management system due to the development and use in domestic practice of social technologies. In writing the article used the methods of analysis and synthesis, the method of systematization of the material, the principles of objectivity and scientific applied. The article is of scientific interest to specialists in the field of sociology of management, municipal management.

Ключевые слова: муниципальное управление, социальные технологии, местное самоуправление, социально-технологический подход, интеллектуализация.

Keywords: municipal management, social technologies, local government, social and technological approach, intellectualization.

Организация и функционирование местного самоуправления и системы муниципального управления – относительно новое явление в социально-политической реальности России. Отечественный опыт функционирования местного самоуправления и муниципальных образований, системы муниципального управления на правовой основе Федерального закона от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» свидетельствует о том, что оно характеризуется серьезными проблемами. Это актуализирует вопрос о повышении ее эффективности, в том числе посредством внедрения новых социальных технологий в практику муниципального менеджмента.

Среди типичных проблем, обуславливающих трудности развития муниципалитетов и управления ими, важно выделить следующие: неразвитость материально-экономической базы, недостаточный уровень финансирования муниципалитетов для решения потребностей местного населения, неподготовленность муниципалитетов к управлению муниципальной собственностью и привлечению собственных ресурсов и доходов в местный бюджет, неудовлетворительное состояние социальной инфраструктуры поселений, низкая результативность организации функционирования местных управленческих структур.

Эти и ряд других проблем тормозят развитие местного самоуправления и не позволяют качественно решать вопросы местного значения на уровне муниципальных образований.

Выдвижение модернизации системы муниципального управления в число основополагающих задач углубления экономических и социальных реформ в России, на решение которых направлены усилия органов власти всех уровней, ученых и практиков, изучающих проблемы управления, вполне закономерно и обусловлено рядом обстоятельств.

Во-первых, объективной потребностью технологизации управленческого процесса в системе муниципального управления и трудностями адаптации зарубежных технологий и методов управленческой деятельности применительно к российской культурно-исторической традиции.

Во-вторых, значимостью феномена модернизации как эффективного инструмента повышения результативности функционирования и развития институциональных структур во всех сферах жизнедеятельности. И система муниципального управления в данной связи не является исключением.

Основным целеполагающим ориентиром процесса модернизации системы муниципального управления в России является социальный результат, а именно укрепление доверия российских граждан к конституционному строю и социально-экономической политике государства и органам местного самоуправления как мощного управленческого потенциала успешности развития российского общества.

Добиться финансово-экономической самостоятельности муниципальных образований, повысить экономическую эффективность управления муниципальной собственностью, расширить привлечение населения к реальному участию в управленческой деятельности, в процессах принятия управленческих решений в интересах граждан, проживающих в конкретном муниципальном образовании, – задачи, которые призваны решить государственные и местные органы управления в процессе модернизации системы муниципального управления. Их решение во многом зависит оттого, насколько эффективной окажется внедрение управленческих социальных технологий, реализующихся через действия людей на местах.

Социально-технологический подход в нашем понимании представляет собой инновационный метод теории управления и является интегрирующим методологическим направлением исследования системы муниципального управления. Он призван концептуально раскрыть социальную и технологическую стороны управленческого процесса данной системы, оптимизировать ее и спроектировать социальные технологии инновационного характера, направленные на ее модернизацию, приведение к современным требованиям.

Актуализация применения социально-технологического подхода обусловлена также и социально-технологическим содержанием результата муниципальной деятельности. В нем интегрируются не только социальные ожидания местного сообщества муниципального образования – уровень и качество жизни, комфортность и безопасность условий жизни населения, но и технологические ожидания – минимизация затрат на содержание управленческой организации, ее организационно-логистическое совершенствование.

Новизна социально-технологического подхода к исследованию отечественной практики муниципального управления определяется наукоемкостью социальных технологий [Иванов В.Н., Патрушев В.И., 2003, с. 155].

В частности, Л.Я. Дятченко определяет социальную технологию как специально организованную отрасль (область) знания о способах и процедурах оптимизации жизнедеятельности человека в условиях нарастающей взаимозависимости, динамики и обновления общественных процессов [Дятченко Л.Я., 1993, С. 12]. По его мнению, среди многообразия накопившихся в обществе технологий социальные технологии занимают особое место, так как создаются с целью преобразования общества, социальных отношений и социальных процессов, совершенствования самого человека [Дятченко Л.Я., 1993, С. 56].

Социальная технология, по мнению Н.С. Данакина, следует объективной логике процессов, учитывает их внутреннюю меру и естественный ритм, возможности и вероятные последствия воздействия на них. Ее конечная цель – «эффективное воздействие на

общественные процессы: ускорение, сдерживание, преобразование и т. д.» [Данакин Н.С., 1994, С. 262].

Иными словами, становление социально-технологического похода в социальной науке управления как методологического направления исследования обусловлено развитием социально-технологического знания и практикой его внедрения в отечественную систему государственного и муниципального управления.

Социально-технологический подход к исследованию общественных объектов объективно вытекает из исторической логики технологизации и интеллектуализации многообразных социальных практик управленческой деятельности местного самоуправления и муниципального управления в современных государствах, в том числе и в Российской Федерации, и связан с повышением в них роли социальных акторов, социально-технологических знаний и оптимизацией организационно-логистической практики управленческого процесса.

Возможность технологизировать любой социальный процесс, а, как известно, управленческий процесс – его часть, заложена, как считает Л.Я. Дятченко, и мы разделяем эту позицию, в структуре человеческой деятельности и в самой природе человека.

Технологизация управленческого процесса на муниципальном уровне обусловлена научно-техническим прогрессом на современном этапе информационно-технологической революции, который связан с компьютеризацией и интернетизацией всех видов человеческой деятельности, особенно в области дистанционной мобильной связи и телекоммуникационного сетевого общения. Сетевое общение создает киборгизирующий управленческий эффект, суть которого – управление поведением людей со стороны скрытого доминанта вне непосредственного социального контакта с объектом управления.

Однако для обоснования социально-технологической системы муниципального управления (системы локального социального управления) логики исторического развития технологизации общественной жизни и социального управления недостаточно. Необходима интеграция технологической составляющей управленческой деятельности с системой социального управленческого знания, отражающей уровень интеллектуализации общества, развития социологии в целом, теорий социального управления в частности и их усвоения субъектами управленческой деятельности.

Рассматривая субъекты управленческой деятельности, С.М. Киричук отмечает, что проблемность ситуации, связанной с управлением обществом, состоит в том, что здесь понятия объекта и субъекта деятельности достаточно сложно выявить так же отчетливо, как в технике или кибернетике, где управляемые и управляющие подсистемы определяются более четко [Киричук С.М., 2005, с. 63]. Как считает И.В. Бурмыкина [Бурмыкина И.В., 2012, с.19], субъекты управления должны обладать высокой социально-технологической культурой. Эта культура системного мышления и системного социального действия, характеризующаяся способностью действовать рационально, технологично, конструктивно, инновационно, гуманно. Не менее важна социально-технологическая культура и для социального объекта управления (индивидов, групп людей и социальных общностей).

Следует отметить, что интеллектуализация социальных практик местного самоуправления и муниципального управления исторически связана с человеческим фактором, то есть с его знаниями, убеждениями, умением приобретать опыт управления на основе развития социальной науки управления в целом, который реализуется в управленческой деятельности в качестве социальных акторов (субъектов и объектов управления) в организованной системе муниципального управления.

Интеллектуализация управленческого процесса на муниципальном уровне позволяет выделить в самостоятельные отрасли управленческого труда муниципальное социологическое и технологическое знание, интегрировать его в социально-технологическую культуру муниципальных управленческих кадров и социальный результат управленческой деятельности, определить пути рационального и оптимального функционирования и развития системы муниципального управления в российской социальной практике управления.

Применительно к муниципальному уровню управления в Российской Федерации интеллектуализация стимулирует развитие социальной методологии управления и актуализирует использование социально-технологического подхода как методологического

направления в качестве специального метода дальнейшего изучения и развития системы муниципального управления в российской традиции.

Интеллектуальная, научная значимость социально-технологического подхода как методологического направления исследования не ограничивается и не замыкается в рамках исследования системы муниципального управления, а распространяется и на иные уровни социального управления: региональный, государственный, межгосударственный и глобальный.

На современном этапе интеллектуального развития социологии управления в отечественной науке социально-технологический подход рассматривается как инновационный метод познания и преобразования явлений общественной жизни [Гладышев А.Г., 2003, С. 149].

Инноватика социально-технологического подхода исследования системы муниципального управления обусловлена разработкой и использованием в отечественной практике социальных технологий. Как считает К.К. Оганян [Оганян К.К., 2014, С.65–66], социально-технологический процесс, охватывающий все сферы человеческой деятельности, превращается в ускоритель социальных изменений в обществе, связанных с повышением уровня и качества жизни. При этом основным видом социальных инноваций являются социальные технологии, которые призваны оказать серьезное влияние на характер социальных отношений в обществе.

Роль социальных технологий в инновационном обновлении организационного процесса управления развитием муниципальных образований в различных аспектах освещается в отечественных работах. В частности В.Н. Иванов и В.И. Патрушев [Иванов В.Н., Патрушев В.И. 2001, с. 5], исследуя разработку социальных технологий в России, участвуя в обучении муниципальных кадров и во внедрении социальных технологий в муниципальную практику Белгородской области, других субъектов России, определяют сущность социальных технологий как инновационную систему методов выявления и использования скрытых потенциалов социальных систем, получение общественно полезного результата при наименьших затратах.

Таким образом, в методологии исследования системы муниципального управления происходит интеграция социологической и технологической познавательной парадигмы общественных процессов, что в свою очередь требует исследовать социальные практики управления органов местного самоуправления в России на методологической основе социально-технологического подхода.

Речь идет о рассмотрении социально-технологического подхода как методологического направления познания в области социальных практик муниципального управления, рассмотрения социально-технологической сущности системы муниципального управления и роли в ней социальных акторов (субъектов и объектов), выявления многообразия форм социальной организации муниципального управления, исследования коммуникаций и социальных управленческих рисков функционирования муниципального управления, а также как метода непрерывного обучения управленческих кадров теории социального управления и внедрения социальных технологий в развитие социальных практик управления муниципальным образованием.

Содержание технологической стороны социально-технологического подхода также отражает его понимание как метода изучения социальных практик муниципального управления, но с точки зрения организационно-логистической практики повышения эффективности системы муниципального управления. В целях повышения эффективности системы муниципального управления рассматривается организационно-логистический механизм муниципального управления, типовые и специфические алгоритмы операционных направлений муниципального управления, практика разработки и внедрения социальных технологий муниципального управления.

Содержание социально-технологического подхода к исследованию муниципального управления не ограничивается целостным рассмотрением социально-теоретической и технологической стороны, оно также включает в себя методологический инструментарий исследования муниципального уровня управления – исследовательские принципы и методы. С их помощью осуществляется не только накопление исследовательской информации, но и при-

ращение научных знаний об исследуемом объекте, понимание направленности изменений и выработка путей упорядочивания и оптимизации системы муниципального управления.

Результаты анализа научной литературы, социальных практик муниципального управления в Белгородской области и других регионах Российской Федерации позволяют выделить следующие особенности социально-технологического подхода как методологического направления исследования и его роли в изучении системы муниципального управления в Российской Федерации.

1. Социально-технологический подход позволяет с помощью специфических принципов и методов исследования целостно представить систему муниципального управления в социально-организационном и технологическом содержании, осуществить социально-технологическую диагностику содержания и состояния социальной практики управления органов местного самоуправления и местной администрации муниципального образования, выступить альтернативой волюнтаристскому административно-командному подходу, вульгарному технократизму на этапе транзитного периода демократического развития российского общества и государства.

2. Социально-технологический подход способствует интеллектуализации исследования социологических и технологических процессов, исследования их интеграционной целостности в многообразии организационных форм социальных практик муниципального управления путем комплексного использования социального мониторингового интерфейса, включающего анализ, оценку и прогноз стратегических целей, задач, стоящих перед органами местного самоуправления и выработку социально-технологических способов, методик и процедур достижения потребностей и интересов местного сообщества, качества их социальной жизни.

3. Социально-технологический подход создает методологическую основу аналитического и инструментального исследования естественной социальной среды функционирования муниципального управления, перспективных разработок инновационных социальных технологий повышения эффективности муниципального управления, а также проектирования управленческих стратегий и их внедрения в социальную практику местного самоуправления.

4. Социально-технологический подход направлен на системное изучение многообразия внутренних и внешних социальных коммуникаций муниципального образования, непрерывности и многовариантности их развития и проектирование повышающей эффективность системы муниципального управления коммуникационных социальных технологий.

5. Социально-технологический подход ориентирует изучение системы муниципального управления на исследование личностного фактора управления, роли субъекта управления (главы муниципального образования) и разработку управленческих социальных технологий рационализации и оптимизации организационно-логистического управленческого процесса принятия управленческих решений и поведения руководителей и исполнителей в организации при их исполнении.

6. Социально-технологический подход позволяет исследовать управленческие возможности института гражданского общества и коммуникативной общественности (общественных объединений, партий, фондов и других социальных интеграций местного сообщества) по преобразованию социальной жизни муниципального образования, подключить их к социальной практике муниципального управления и расширить конструктивную деятельность субъектов муниципального управления в сфере коммуникационных отношений местного сообщества.

7. Социально-технологический подход направлен на рационализацию инструментально-информационной основы деятельности муниципальных управленческих кадров путем внедрения в муниципальную управленческую практику новых информационных ресурсов, позволяющих изменить их мотивационную основу и активизировать творческое мышление.

8. Социально-технологический подход выступает как метод проектирования кадровых управленческих социальных технологий, используемых в обучении кадров руководителей органов местного самоуправления, местной администрации, структурных подразделений муниципалитетов, кадровых служб теории социального управления.

9. Социально-технологический подход не вступает в противоречие с другими методологическими направлениями социологического исследования системы муниципального управления – социально-аналитическим, социально-институциональным, социально-деятельностным, социально-коммуникационным, а является их интегрально-интеллектуальным логическим продолжением, соединяющим муниципальную теорию и практику в единую управляемую целостность. Он выполняет координирующую роль компетентного накопления научной информации о социальной практике муниципального управления и рационального построения взаимосвязей между различными составляющими его системы.

Таким образом, теоретическое осмысление содержания и особенностей социально-технологического подхода к исследованию развития системы муниципального управления в российской традиции позволяет сделать вывод о необходимости рассматривать его в единстве двух сторон – социально-теоретической и технологической. Социально-теоретическая сторона данного подхода отражает интеллектуальное содержание методологии исследования муниципального управления, а технологическая сторона направлена на исследование содержания организационно-логистической технологической практики, внутренних и внешних коммуникаций органов местного самоуправления и местной администрации муниципального образования и проектирования социальных технологий для повышения эффективности системы муниципального управления.

Список литературы References

1. Бурмыкина И.В. 2012. Социально-технологическая культура менеджера. Липецк. 225 с.
Burmykina I.V. 2012. Social'no-tekhnologicheskaya kul'tura menedzhera. Lipeck. 225 s.
2. Глазунова Н.И. 2009. Система государственного и муниципального управления. М., 640 с.
Glazunova N.I. 2009. Sistema gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. M., 640 s.
3. Данакин Н.С. 1994. Теоретические и методические основы разработки технологий социального управления: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08. М., 296 с.
Danakin N.S. 1994. Teoreticheskie i metodicheskie osnovy razrabotki tekhnologij social'nogo upravleniya: dissertaciya ... doktora sociologicheskikh nauk: 22.00.08. M., 296 s.
4. Дятченко Л.Я. 1993. Социальные технологии в системе управления общественными процессами: диссертация ... доктора социологических наук: 22.00.08. М., 274 с.
Dyatchenko L.YA. 1993. Social'nye tekhnologii v sisteme upravleniya obshchestvennymi processami: dissertaciya ... doktora sociologicheskikh nauk: 22.00.08. M., 274 s.
5. Иванов В.Н., Патрушев В.И. 2001. Инновационные социальные технологии государственного и муниципального управления. 2-е изд., перераб. и доп.: М., 327 с.
Ivanov V.N., Patrushev V.I. 2001. Innovacionnye social'nye tekhnologii gosudarstvennogo i municipal'nogo upravleniya. 2-e izd., pererab. i dop.: M., 327 s.
6. Касавин И.Т. 2012. Общество. Техника. Наука. На пути к теории социальных технологий: монография. М., 480 с.
Kasavin I.T. 2012. Obshchestvo. Tekhnika. Nauka. Na puti k teorii social'nyh tekhnologij: monografiya. M., 480 s.
7. Киричук С.М. 2005. Муниципальное управление как объект социально-политического изучения: диссертация ... доктора социологических наук: 23.00.03. Тюмень, 356 с.
Kirichuk S.M. 2005. Municipal'noe upravlenie kak ob'ekt social'no-politicheskogo izucheniya: dissertaciya ... doktora sociologicheskikh nauk: 23.00.03. Tyumen', 356 s.
8. Муниципальная наука: теория, методология, практика. 2003 / А.Г. Гладышев, В.Н. Иванов, В.И. Патрушев; Под общ. ред. В.Н. Иванова. М., 288 с.
Municipal'naya nauka: teoriya, metodologiya, praktika. 2003 / A.G. Gladyshev, V.N. Ivanov, V.I. Patrushev; Pod obshch. red. V.N. Ivanova. M., 288 s.
9. Оганян К.К. 2014. Социальные технологии формирования лидерских качеств у будущих руководителей в вузовской среде: монография. М., 140 с.
Oganyan K.K. 2014. Social'nye tekhnologii formirovaniya liderskih kachestv u budushchih rukovoditelej v vuzovskoj srede: monografiya. M., 140 s.

УДК 809

СЕМЬЯ В ФИЛОСОФСКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ ОСМЫСЛЕНИИ**FAMILY IN PHILOSOPHICAL AND CULTUROLOGICAL JUDGMENT****Т.И. Липич¹, А.Ю. Дмитрийчук²**
T.I. Lipich, A.Y. Dmitriyчук¹ Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308000, Белгород, Победы, 85² Белгородский университет кооперации, экономики и права,
Россия, 308000, Белгород, Садовая, 116а

Belgorod State National Research University, 85, Pobeda street, Belgorod, Russia, 308000

Belgorod University of Cooperation, Economy and Law,
116a, Sadovaya street, Belgorod, Russia, 308000

E-mail: lipich@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается семья как особый социальный институт через призму философского и научного знания. Раскрыты функции и формы семьи, в которых отражается ее сущность. Установлено, что основным изменением в семейных отношениях стало равенство полов.

Resume. The article deals with the family as a specific social phenomenon in terms of philosophy and scientific knowledge. The article focuses on functions and forms of the family, which reflect its essence. It reveals that the principal change in family relation is gender equality.

Ключевые слова: семья, кровное родство, матриархат, патриархат, культура.

Key words: family, kinship, matriarchy, patriarchy, culture.

Вопросы семьи, брака всегда вызывали живой интерес, именно в семье формируются ценностные установки, в семье ребенок учится, как надо относиться к себе, к окружающим, к миру. Первые жизненные уроки мы приобретаем именно в семье. Семья является уникальным институтом становления личности, который нельзя заменить никакой другой социальной группой.

Проблемы семьи рассматривают философы, психологи, социологи, педагоги и др. Одни авторы считают, что мы – современники преобразования семьи, другие уверены, что происходящие сегодня в этом институте процессы негативны.

В настоящее время многие социологи, демографы, психологи отмечают влияние отрицательных изменений в семье на нравственное, этическое состояние всего общества, на динамику народонаселения.

Исследования философов, в том числе осмысление историко-философского материала, способны создать целостную картину взглядов на семейно-брачные взаимоотношения. При глубоком философском подходе семья характеризуется как сложная форма социальной общности, модель познания мира.

Чтобы взвешенно оценить процессы, происходящие в семье на рубеже XX–XXI веков, необходимо глубоко изучить научный и философский подход к семье, при котором семью рассматривают как особый институт социализации.

Семья – один из важных социальных институтов, в котором отражены тенденции развития всего общества. Семья является основополагающим институтом социализации личности, исторической трансляции морально-нравственных, культурных ценностей. Выдающийся философ В.В. Розанов отмечал: «Семья – ближайшее и самое дорогое для нас отечество; пространственно – это место самых горячих связей; духовно – это место совершенного идеализма» [7; 123]. Философ считал семейный вопрос основным в общественной жизни.

В настоящее время для общества как никогда необходима духовно прочная семья, способная воспитать нравственно и физически здоровую личность. Можно утверждать, что от нравственного здоровья подрастающего поколения зависит и здоровье нации.

В процессе культурно-исторического развития менялась как форма семейных взаимоотношений, так и само содержание этих отношений, например, между супругами. Для философско-антропологического и философско-культурологического анализа важно рассмотреть причины возникновения отдельных форм брака и причины кризиса семьи. Необходимо проследить изменения в современной российской семье, выступающей носителем культурно-нравственных ценностей, а также изучение типов брака и семьи в традиционном обществе.

Семья является сложным социокультурным явлением. Ее особенность выражается в том, что она способна сфокусировать все аспекты жизнедеятельности человека, а также может выходить на уровни общественной практики: от индивидуального до общественно-культурологического. В структуре семьи условно можно выделить три блока взаимосвязанных отношений: 1) природно-биологические; 2) экономические, связанные с ведением общего хозяйства; 3) духовно-психологические, связанные в большей степени с чувствами супружеской и родительской любви, с заботой о детях, о престарелых родителях, с нравственными нормами поведения. Совокупность всех связей в единстве создает семью как особое социокультурное явление, так как близость мужчины и женщины, которая не закреплена в правовом отношении и не связана общностью быта, нельзя назвать семьей.

Семью не следует отождествлять с браком. Брак – это такая форма отношений между мужчиной и женщиной, с помощью которой общество регулирует их супружеские, родственные права и обязанности, упорядочивает их половые отношения. Браку свойственно исторически меняться. В отличие от брака семью можно представить как более сложную систему отношений, чем брак, так как семья соединяет не только мужа и жену, а также детей и других родных. В связи с этим семью необходимо рассматривать не как брачную группу, а с точки зрения социального института.

Рассматривая семью как социальный институт, можно выделить ряд этапов, из которых формируется цикл жизнедеятельности семьи. Принято выделять несколько периодов этого цикла, но основными среди них можно назвать следующие: 1) вступление в брак; 2) деторождение; 3) окончание деторождения; 4) выделение последнего ребенка из семьи; 5) прекращение жизни одного из супругов.

Суть семьи находит отражение в ее функциях – способах проявления ее активности, жизнедеятельности. Во многих обществах принято выделять следующие функции: репродуктивную, воспитательную, хозяйственно-бытовую, экономическую, духовного взаимообогащения, социальную, досуговую, эмоциональную.

Соотношение этих функций в каждой семье различно. В том или ином виде они имеют место быть во многих семьях.

В работах известных антропологов и социологов XIX в. Ф. Ле-Пле, Л. Моргана, Дж. Ф. Мак-Леннана и др. представлен исторический путь становления семьи.

Структурно-функциональный подход, который направлен на поиск общего в различных типах семей, позволил ученым сделать значительный шаг в развитии семьи как социального института.

До середины XIX века общество многими философами трактовалось как разросшаяся семья. На семью смотрели как на исходную модель общества, социальные отношения выводились из семейных. Благодаря заинтересованности ученых к происхождению человечества появляется исторический взгляд на семейный строй.

Американского антрополога Льюиса Г. Моргана интересовала идея изменчивости как форм брака, так и семьи. В 1868 г. он опубликовал первые выводы по данному вопросу, в 1870 г. увидела свет книга «Системы родства и свойства человеческой семьи», в 1877 г. выходит его произведение «Древнее общество». В книге «Древнее общество» Морган свидетельствует о том, что человечество, начавшееся с беспорядочных половых связей, пришло к индивидуальному браку и семье [5; 238].

Морган выделяет следующие формы семьи:

1. Семья, образованная между кровными родственниками – кровнородственная.

2. Семья, которая образована от кровнородственной путем исключения из семейных отношений сестер и братьев – пуналуальная.

3. Индивидуализировавшаяся семья, в которой большие группы, связанные брачно-семейными отношениями, были заменены брачными парами – синдиасмическая или парная семья.

4. Семья, находящаяся под властью отца, созданная из свободных и несвободных людей с целью обработки земель и ведения хозяйственных дел – патриархальная семья.

5. До конца индивидуализировавшаяся семья – моногамная семья [5; 293].

Основные вышеназванные положения Моргана находят отражение в работе Ф. Энгельса «Происхождение семьи, частной собственности и государства». Как и Морган, Ф. Энгельс считает, что единобрачие укоренилось благодаря женщине, что мужчины предыдущую форму семейного устройства добровольно не сменили бы. [4; 225]. Это подтверждается тем, что моногамия до настоящего времени в большей степени распространяется на женщин, чем на мужчин.

Традиция исследований семьи в России восходит к работам этнографа М.М. Ковалевского, который в своих научных трудах следовал принципам генетической социологии. Генетическая социология – это наука об обществе, занимающаяся вопросами происхождения общественной жизни и общественных институтов, каковыми являются: семья, нравственность и право, собственность, государство, религия. В работе «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» Ковалевский М.М. отдает предпочтение этнографическому методу. Он придерживался следующего принципа: у каждого народа необходимо учитывать их архаические черты. Сравнивая эти черты, можно делать определенные выводы.

Ковалевский предложил следующую периодизацию становления семьи: I. Матриархальная семья. II. Патриархальная семья. III. Индивидуальная семья.

Матриархальная семья. В таких семьях родство велось по материнской линии. Главным добытчиком и защитником являлся брат матери, дядя. По мнению Ковалевского, при матриархате женщина не имела доминирующего положения, так как главным в семье считался мужчина – брат матери, муж или отец. Даже равноправного с женщиной положения в обществе и семье женщина не занимала. В развитом же матриархате, как это подтверждается этнографическим материалом, господство принадлежало женщине.

Патриархальная семья представляет собой общину, состоящую из людей, находящихся в тесном родстве друг с другом. Члены такой общины – это потомки одного отца, живущие под одним кровом и владеющие всем имуществом.

Из-за полного подчинения общины отдельной личности – отцу и мужу – наступает постепенный распад патриархальной семьи и, как следствие, – полная ликвидация свободы личности.

По мнению этнографа Ковалевского, индивидуальная форма семьи – основа современного строя [2; 162]. Напрашивается вывод: взаимные права и обязанности супругов привносят в семейный уклад совершенно другой характер единения равноправных личностей.

Л. Морган, М. Ковалевский и др. ученые изучали предшествующие стадии развития семьи, так как знали: нельзя, изучая современную, индивидуальную семью предположить, что может стать с этим социальным институтом в будущем.

Если рассматривать семейное воспитание и семейные взаимоотношения в России, то можно сделать вывод, что они глубокими корнями уходят в духовно-нравственные традиции страны. Основным регулятором взаимоотношений в семье можно назвать христианскую веру. Как свидетельствует история становления общества, именно православная вера изменила отношение к человеку.

До Крещения Руси государство не принимало участия в семейно-брачных отношениях. Такие отношения регулировались нормами обычая. Брак заключался после того, как невеста похищалась женихом.

Собираясь на берегах рек, озер на игры с плясками и песнями, молодые люди присматривали себе пару. Затем женихи «умыкали» невест. «Умычка» могла совершиться лишь по договоренности сторон. По отношению к государю муж являлся холопом, но в

своей семье он был государем. Все члены семьи, включая слуг, находились в его беспрекословном повиновении.

Одной из обязанностей главы семейства являлось «поучение» всех членов семьи, включая, жену и детей. «Поучение» состояло в регулярных побоях. Всеобщим уважением пользовались вдовы. После смерти супруга вдова становилась хозяйкой в доме. За ней закреплялась роль главы семьи.

Многие нормы византийского права появились на Руси после Крещения. Это касается и семейно-брачных взаимоотношений. Отношения в семье регулировались церковными нормами. По византийским нормам для мужчин брачный возраст был установлен в 14–15 лет, для женщин – в 12–13 лет. В «Поучении Владимира Мономаха» содержится мудрость: обращаясь ко всем детям, князь призывает иметь страх Божий и творить добро.

Основным документом, регулировавшим семейные отношения в XVI веке, можно назвать «Домострой». Высоко оценена в Домострое роль жены, матери, так как именно жена регулировала эмоциональные отношения в семье.

Забота о духовном и физическом состоянии всех членов дома входила в обязанность главы семейства. В обязанности жены входило занятие рукоделием и ведение домашнего хозяйства. Кроме того, она должна была заниматься обучением и воспитанием дочерей, обучением сыновей занимался отец. Обсуждая ежедневно и наедине семейные вопросы, муж и жена принимали совместные решения.

Забота о детях в Домострое рассматривалась как совершенно естественное чувство, так же как и забота об их физическом состоянии. Меньше уделялось внимания духовному развитию детей. В семье они ближе к слугам, чем к родителям. Главный долг детей – абсолютное послушание в детстве, юности и забота о родителях в старости [1; 205].

Уклад семейной жизни на протяжении многих столетий оставался патриархальным. Брак прекращал существование в связи со смертью одного из супругов или разводом.

Установление равноправия полов в начале XX века повлекло изменение в семейно-брачных взаимоотношениях. Традиционно-патриархальный образ семейной жизни уступил место эгалитарному. Типичными чертами можно назвать: равноправие супругов, сокращение деторождения, стремление к нуклеаризации семьи.

В развитии семьи наметилась тенденция уменьшения количества детей в одной семье. Многодетные семьи уступили место малодетным. После 1987 года наметилось падение рождаемости и увеличение смертности. Отмечается рост бездетных семей. В настоящее время в России можно отметить преобладание однодетных семей.

С начала 70-х годов наблюдается тенденция увеличения количества детей, которые были рождены вне брака. Например, в 1970 г. каждый из десяти младенцев, появившихся на свет, рождены были вне брака. В стране наметилось увеличение числа внебрачных связей, семей одиноких матерей, которые воспитывают детей без участия отца.

Наиболее распространенная типология семьи в настоящее время: традиционная (патриархальная), современная (детоцентристская); постсовременная (супружеская); неполная; конкубинат и полигамия (альтернативная); внебрачная. Нередки случаи, когда муж и жена живут в отдельных домах. Такой брак иногда называют гостевым.

Патриархальный тип семейных отношений возник вследствие разрушения материнского права. Этому типу присущи кровнородственные отношения, отмечается зависимость детей от родителей, а также – жены от мужа. Т.И. Липич, Е.А. Марьясова подчеркивают: «женская покорность прослеживалась на всех жизненных этапах: от рождения до смерти» [3; 88].

Детоцентристскому типу семейных отношений свойственна установка на то, что дети – смысл жизни семьи. Основные ресурсы семьи направлены на совершенствование жизни детей. Все материальные и духовные усилия родителей сосредоточены на получение детьми более высокого социального статуса и материального положения. Для этого типа отношений характерны внимание к чувственной стороне брака, интимности; регулирование рождаемости, количества детей.

На рубеже XX–XXI веков заметно распространены так называемые фактические браки, материнские семьи.

По мнению исследователей, традиционная патриархальная семья в России задачи социализации реализовывает более успешно. Такой же точки зрения придерживается И.М. Невлева [6; 54].

С другой стороны, уже сформированные семьи подвергаются воздействию разрушительных факторов, оказывающих влияние на прочность брака и семьи в современном обществе. Среди них можно выделить следующие: алкоголизация в стране, стесненные жилищные условия, утрата мужем в условиях города традиционно мужской семейной роли, неумение супругов спорные вопросы решать без конфликтов.

В современном российском обществе находит место ориентированность в большей степени не на семью, а на индивида. Как следствие – малодетные семьи. Если раньше преобладали интересы семьи, то сейчас – интересы индивида. Существенно снизилось количество детей в семьях. Для типичной современной семьи характерен состав: муж, жена, один ребенок (иногда – двое детей). Влиянию подвергаются и взаимоотношения между родителями и детьми: решение старших имеют меньший вес в вопросах заключения браков их детьми. Дети со временем перестают чтить и передавать семейные традиции. Утверждение детей в современном обществе может осуществляться без опоры на семейные традиции.

Таким образом, о современной российской семье можно говорить как о продукте социальной эволюции. На смену одной эпохе приходила другая, трансформировались мировоззрение, культурные, нравственные ценности и ориентиры. Вместе с ними менялись и семейные взаимоотношения: положение женщины в семье, отношения родителей и детей. Несмотря на видоизменения, коснувшиеся российской семьи в последние годы, этот социально значимый институт существенно не изменился. Семья есть и остается важнейшим для человека институтом становления личности.

Список литературы References

1. Домострой. СПб.: Наука, 1994, с. 205.
Domostroj. SPb.: Nauka, 1994, s. 205.
2. Ковалевский М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности. – Либроком, 2011. – С. 162.
Kovalevskij M.M. Oчерk proishozhdenija i razvitija sem'i i sobstvennosti. – Librokom, 2011. – S. 162.
3. Липич Т.И., Марьясова Е.А. Влияние гендерных факторов на развитие женской личности в эпоху патриархата / Т.И. Липич, Е.А. Марьясова // Научные Ведомости НИУ «БелГУ». – Серия Философия. Социология. Право. – № 8 (205). – Вып. 32. – 2015. – С. 88.
Lipich T.I., Maryasova Ye.A. Vliyanie gendernykh faktorov na razvitie zhenskoy lichnosti v epokhu patriarkhata / T. I. Lipich, Ye. A. Maryasova // Nauchnye Vedomosti NIU «BelGU». – Seriya Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo. – № 8 (205). – Vyp. 32. – 2015. – S. 88.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 45, с. 227–372.
Marks K., JEngel's F. Soch. 2-e izd., t. 45, s. 227–372.
5. Л.Г. Морган. Древнее общество, или Исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство к цивилизации. Л., 1934, с. 235–244, 289–299.
L.G. Morgan. Drevnee obshhestvo, ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo k civilizacii. L., 1934, s. 235–244, 289–299.
6. Невлева И.М. Социально-экономические и функциональные особенности современной семьи в России [Текст] / И.М. Невлева // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права: Международный научно-теоретический журнал. – 2012. – № 4 (44). – С. 53–57.
Nevleva I.M. Social'no-jekonomicheskie i funkcional'nye osobennosti sovremennoj sem'i v Rossii [Tekst] / I.M. Nevleva // Vestnik Belgorodskogo universiteta kooperacii, jekonomiki i prava : Mezhdunarodnyj nauchno-teoreticheskij zhurnal. – 2012. – № 4 (44). – S. 53–57.
7. Розанов В.В. В мире неясного и нерешенного. М. 1995. – с. 123.
Rozanov V.V. V mire nejasnogo i nereshennogo. M. 1995. – s. 123.

УДК 291.16

**ФЕНОМЕНЫ ВЕРОТЕРПИМОСТИ И СВОБОДЫ СОВЕСТИ В РОССИИ:
ИНТЕРПРЕТАЦИИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКОВ⁸****THE PHENOMENA OF RELIGIOUS TOLERANCE AND FREEDOM
OF CONSCIENCE IN RUSSIA: THE INTERPRETATION
OF THE LATE XIX – EARLY XX CENTURIES****Н.М. Маркова
N.M. Markova**Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000, г. Владимир, ул. Горького, 87Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs,
87 Gorky St, Vladimir, 600000, Russia

E-mail: natmarkova@list.ru

Аннотация. В статье рассматривается проблема восприятия веротерпимости и свободы совести на рубеже XIX–XX веков. В этот период времени законодательно закрепляются права инаковерующих на свободу вероисповеданий, но при царском правительстве – при неизменном главенстве Русской Православной Церкви, а в советском государстве – при условиях, ограничивающих деятельность любой религии.

Resume. In the article, we can see the problem of the perception of religious tolerance and freedom of conscience at the turn of XIX–XX centuries. During this time, the rights of other faiths to freedom of religion were legislated, but at the royal government – at constant supremacy of the Russian Orthodox Church, in the Soviet Union – under conditions that limit the activity of any religion.

Ключевые слова: веротерпимость, свобода вероучения, свобода совести.
Keywords: tolerance, freedom of beliefs, freedom of conscience.

На протяжении всей истории многонациональной и поликонфессиональной России среди основных вопросов в области внутригосударственных и международных отношений выступают проблемы веротерпимости, свободы совести, толерантности. Учреждение Киевской митрополии, перевод кафедры во Владимир и Москву, сопровождалось политикой на христианизацию населения, порой принудительной. Ситуация начинает меняться только в XVIII веке, когда подданными Российской империи становятся миллионы мусульман, католиков, униатов, лютеран и представителей других верований, в отношении которых власть начинает политику большей или меньшей веротерпимости, оформляемой законодательно. Словарь В. Даля дает нам следующее исторически показательное определение термина «веротерпимость»: «Веротерпимость – свобода иноверцам исповедовать веру свою. Веротерпимое государство – государство, не стесняющее иноверцев в отправлении обрядов» [3, 333]. Близкое значение в качественно ином социальном контексте сохраняется и в советском словаре Ожегова, где под данным термином понимается «терпимость к чужой религии, признание ее права на существование» [8].

С XIX века в отечественных изданиях начинает активно использоваться термин «свобода совести» [6]. Под свободой совести сегодня подразумевается «право свободно принимать религию или убеждения, право их изменять и право действовать в соответствии со своими убеждениями [11, 958]. В условиях того периода это отражало переход внимания с проблемы равенства религий (православия и иноверцев) в плоскость построения нового, светского государства, где каждый может, в соответствии со своими убеждениями, принадлежать к определенной религии или отказываться от такой принадлежно-

⁸ Выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 15-23-06002

сти. В середине XX века положение о свободе совести в качестве международного стандарта было закреплено в ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной резолюцией ООН от 10 декабря 1948 г. Ст. 18 утверждает: «Каждый человек имеет право на свободу мысли, совести и религии; это включает свободу менять свою религию или убеждение и свободу исповедовать свою религию или убеждения как единолично, так и сообщая с другими, публичным или частным порядком, в учении, богослужении и выполнении религиозных и ритуальных порядков» [2].

Под веротерпимостью на рубеже веков в России понималась возможность некоторым инославным конфессиям свободно исповедовать свою религию и отправлять религиозные культы, т. е. православное большинство терпело присутствие «иноверцев». Основные принципы веротерпимости были изложены в статьях 44 и 45 «Основных законов Российской империи» и звучали следующим образом: «все непринадлежащие к Господствующей Церкви подданные Российского Государства, а также иностранцы, состоящие в Российской службе или временно к России прибывающие, пользуются каждый повсеместно свободным отправлением их веры и богослужения по обрядам оной (статья 44). Свобода веры присваивается не только христианам иностранных исповеданий, но и евреям, мегометанам и язычникам, да все народы, в России пребывающие, славят Бога Всемогущего разными языками по закону и исповеданию праотцев своих, благословляя царствование Российских Монархов и моля Творца Вселенной о умножении благоденствия и укреплении силы Империи» (статья 45) [4, 8–9].

Согласно утверждениям некоторых российских авторов того периода, принципы веротерпимости и толерантности существовали на Руси с самого начала ее истории; православная церковь, «храня чистоту и неприкосновенность своей веры, не прибегала к насильственным мерам по отношению к последователям иных исповеданий, не посягала на свободу их совести» [10, 10]. Хотя историкам известны и другие оценки прошлого, такие апологетические утверждения строились на контрасте с другими христианскими конфессиями – католичеством и протестантизмом, о которых, в отличие от православия, говорилось, что они не отличались подобным «высокогуманным и христианским отношением к представителям других христианских исповеданий» [10, 10]. Более того, полемически утверждалось, что ни католичество, ни протестантизм не только не признавали веротерпимость и свободу совести, но более того, всегда стремились поработить и обессилить иные вероисповедания. Наоборот, в России, как «церковная, так и государственная власть, даже совсем не вмешивались во внутренние религиозные дела иноверцев, как временно пребывающих в Россию, так и перешедших в русское подданство, предоставляя им, в этом отношении – и полную свободу» [10, 10]. Утверждалось, что власть «берегла свое и не желала чужого» [10, 14]. Вопреки известным фактам «эпохи Победоносцева» порой отмечалось, что «в России никого не заставляют насильно переменять веру, тем более никого не ссылают в ссылку за нежелание переменить веру. Все подданные Русского Царя, не только христиане какого бы то ни было вероисповедания, но даже магометане и язычники свободно исповедуют свою веру и совершают свои обряды» [7, 145].

Принцип веротерпимости предполагал, что христианское государство должно уважать свободу веры своих подданных, что, однако, не предполагало равного отношения со стороны государства ко всем религиям, существующим в нем в качестве признанных и терпимых: «Справедливость требует, чтобы каждый получал свое, насколько это соединимо с представляемой государством истиной: принцип справедливости не есть принцип абсолютного равенства. Христианская терпимость не есть равнодушие к своей истине и к чужим религиозным заблуждениям» [10, 147–148]. Считалось, что государство должно гарантировать свободу религиозного объединения, публичного культа и образования исповедальных сообществ, оставляя за собой функции надзора и регламентации, особенно тогда, когда «безграничная и безусловная свобода подобных соединений уже переходит границы требования христианской веротерпимости» [10, 148].

Принципы терпимости и невмешательства во внутреннюю религиозную жизнь иноверцев, провозглашенные в официальных документах XIX века, сочетались с принципом охранения господства Православной веры. Православная вера признавалась единственно истинной и, следовательно, господствующей верой в Российской империи. Эти

принципы подтверждаются и в «Особом журнале Комитета Министров 25 января, 1 и 8 февраля и 15 марта 1905 г., о порядке выполнения пункта шестого Именного Указа 12 декабря 1904 года», в котором говорится, что «не должно быть поколеблено устанавливаемое Основными Законами Государства положение, признающее первенствующую и господствующую в Российской Империи Веру Христианскую Православную Кафолическую, Восточного Исповедания. Значение уз, исторически скрепивших воедино судьбы Государства Русского и Православной Церкви, отнюдь не должно быть умаляемо. Поэтому неизменно подлежат сохранению и на будущее время преимуществ, главным образом придающие Православной Церкви значение господствующей: принадлежность к ней Государя Императора, свобода привлечения последователей и получение денежных средств для удовлетворения нужд своих из общегосударственных доходов» [4, 12–13]. Таким образом, статус Православной Церкви поддерживался принадлежностью к ней императора и особыми экономическими привилегиями. Другие конфессии не могли касаться вопросов православной веры и тем более склонять православных к смене вероисповедания, тогда как «господствующая роль» Православной Церкви давала ей одной право убеждать последователей иных вероучений к принятию православия: «если исповедующие иную веру пожелают присоединиться к вере Православной, никто ни под каким видом не должен препятствовать им в исполнении сего желания» [10, 149].

Издание манифеста от 26 февраля 1903 г. и упомянутого ранее именного высочайшего указа от 12 декабря 1904 г. свидетельствовало о «расширении правовых границ традиционной веротерпимости» [1, 14]. Изданный Николаем II указ Правительствующему Сенату начинался с обращения к подданным империи: «В постоянном, по заветам предков, общении со святой Православной церковью, неизменно почерпая для себя отраду и обновление сил душевных, мы всегда имели сердечное стремление обеспечить и каждому из наших подданных свободу верований и молитв по велениям его совести. Озабочиваясь выполнением этих намерений, мы в числе намеченных в указе 12 минувшего декабря преобразований включили принятие действительных мер к устранению стеснений в области религии» [1, 211]. Таким образом, в преамбуле к указу очевидно стремление со стороны императора к расширению принципов веротерпимости, установленных ранее. Эти принципы были отражены в следующих статьях указа:

1. Признать, что отпадение от Православной веры в другие христианские исповедания или вероучения не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2. Признать, что при переходе одного из исповедующих ту же самую христианскую веру супругов в другое вероисповедание все, не достигшие совершеннолетия, дети остаются в прежней вере, исповедуемой другим супругом, а при таковом же переходе обоих супругов дети их до 14 лет следуют вере родителей, достигшие же сего возраста остаются в прежней своей религии.

3. Установить, в дополнение к сим правилам (пп. 1 и 2), что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки, принадлежат, по желанию их, к исключению из числа православных [4, 79–80].

14. Признать, что во всякого рода учебных заведениях в случае преподавания в них Закона Божьего инославных христианских исповеданий таковое ведется на природном языке учащихся, причем преподавание это должно быть поручаемо духовным лицам подлежащего исповедания, и только при отсутствии их – светским учителем того же исповедания... [1, 213]

Новаторство данного указа заключалось в том, что впервые было официально обозначено право перехода из православия в иное исповедание, т. е. подданные Российского императора впервые получили возможность выбора вероисповедания: «Уже никого нельзя насильно обращать в православие; насильно обращенным в православие католикам предоставлена возможность вернуться в прежнюю веру; наконец всем вообще христианам дозволяется избирать себе исповедание по своему внутреннему убеждению» [5, VI].

Последовавший затем указ «Об устранении стеснений в области религии» от 17 апреля 1905 г. закрепил право членов Православной церкви на личный религиозный выбор и легальную возможность покинуть эту церковь. Таким образом, законодательные акты начала XX века завершили формирование системы веротерпимости, а в 1917 году Временное правительство впервые в истории законодательно утвердило нормы свободы совести в России. Последовавшие вслед за этим революционные события перевернули представления о религии в целом.

В первой Конституции РСФСР (1918) говорилось, что «в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозной и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» (ст.4) [9, 47]. Через 10 лет на XIV Съезде Советов 18-го мая 1929 г. в постановлении «Об изменении и дополнении ... статей конституции РСФСР» в числе ряда статей конституции, которые подверглись изменению, была изменена и статья 4-я. Принятая Съездом Советов ее новая редакция гласила: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы совести, церковь отделяется от государства и школа от церкви, а свобода религиозных исповеданий и антирелигиозной пропаганды признается за всеми гражданами» [9, 47]. Таким образом, слова «свобода религиозной пропаганды» были заменены словами: «свобода религиозных исповеданий». Утверждалось, что, как и прежде, «каждый гражданин может исповедовать любую из существующих религий или не исповедовать никакой. Это личное его дело» [9, 47]. Фактически новая версия ставила под запрет «религиозную пропаганду», т. е. христианскую миссию и проповедь вне своей общины. Новая редакция статьи 4-ой уточняет объем и характер той деятельности, которая «до сих пор толковалась религиозниками и церковниками различных толков как право под видом религиозной пропаганды вести антисоветскую агитацию и борьбу с любыми мероприятиями советской власти, прикрывая эту пропаганду текстами из своих церковных книг и ссылками на церковные обычаи и христианскую мораль» [9, 47]. Замена в законе понятия «свободы религиозной пропаганды» словами «свобода религиозных исповеданий» указывала на то, что деятельность верующих по исповеданию своих религиозных догматов ограничивалась лишь средою самих верующих: «Привлечение же новых кадров трудящихся, особенно детей, в число сторонников религии (что, конечно, можно достигать лишь спекулируя на их экономической зависимости, на недостаточной классовой сознательности или на отсутствии у них элементарного научного образования), каковая деятельность несомненно вредна с точки зрения интересов пролетариата и сознательного крестьянства, конечно, никоим образом не может находиться под защитой закона и охватывается понятием «свобода религиозных исповеданий»» [9, 47]. Статья 18 запрещала преподавание каких-либо вероучений в государственных, общественных и частных учебных и воспитательных заведениях: «Такое преподавание могло быть допущено исключительно на специальных богословских курсах, открываемых гражданами Союза ССР, с особого разрешения Народного Комиссариата Внутренних Дел РСФСР...» [9, 11]. Несовершеннолетние граждане советского государства могли получать религиозное образование только в рамках семьи. Любой вид деятельности, который мог быть расценен властями как «пропаганда» или «агитация» каких-либо вероучений, начинал квалифицироваться как противозаконный, противоречащий законодательству.

Религиозная политика власти всегда преследует одну цель – обеспечить консолидацию общества ради укрепления позиций правящих элит: сначала императорских, затем советских. Законодательные реформы рубежа XIX–XX веков в России показывают, что взаимоотношения государственных и конфессиональных властей претерпели кардинальные изменения, отражая переход от «господствующего статуса» одной конфессии к «политике атеизма», стремящейся к маргинализации всех исповедальных традиций в советском государстве.

Список литературы
References

1. Бендин А.Ю. Проблемы веротерпимости в Северо-Западном крае Российской империи (1863–1914 гг.) – Минск: БГУ, 2010
Bendin A.Y. The problems of religious tolerance in the Northwest region of the Russian Empire (1863–1914) - Minsk: BSU, 2010
2. Всеобщая декларация прав человека.
[//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/11914d877cee9b491e32f855edfde9c36625c38d](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/11914d877cee9b491e32f855edfde9c36625c38d)
The Universal Declaration of Human Rights.
[//http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/11914d877cee9b491e32f855edfde9c36625c38d](http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/11914d877cee9b491e32f855edfde9c36625c38d)
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. – М., 1995. – Т.1: А-З
Dahl V. Explanatory Dictionary of Russian language. – M., 1995. – Volume 1: A-Z
4. За первый год вероисповедной свободы в России. (Бесплатное приложение к журналу «Мисс. Обзор» за 1907 г.)
During the first year of religious freedom in Russia. (Free supplement to the journal "Miss. Review" for 1907)
5. Забужный И.А. В защиту веры. – СПб: Типография М.М. Стасюлинича, 1914
Zabuzhny I.A. In defense of the faith. - St. Petersburg: Printing M.M. Stasyulinicha 1914
6. Национальный корпус русского языка// <http://www.ruscorpora.ru/index.html>
Russian National Corpus// <http://www.ruscorpora.ru/index.html>
7. Об отношениях римской церкви к другим христианским церквям и ко всему человеческому роду. Записки Авдия Востокова. Издание священника, магистра Василия Гречулевича. – СПб: в типографии Эдуарда Праца, 1857
About the relations of the Roman Church to other Christian churches and the entire human race. Notes Obadiah Vostokova. The publication of the priest, Master Basil Grechulevicha. - St. Petersburg: the printing Eduard Praca, 1857
8. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. // slovarozhegov.ru/word.ph?wordid=2859
Ozhegov S.I., Shvedova N.Y. Explanatory Dictionary of the Russian language. // slovarozhegov.ru/word.ph?wordid=2859
9. Орлеанский Н. Закон о религиозных объединениях РСФСР и действующие законы, инструкции, циркуляры с отдельными комментариями по вопросам, связанным с отделением церкви от государства и школы от церкви в союзе ССР. – М.: Безбожник, 1930.
Orleansky N. The law about religious associations of the RSFSR and the applicable laws, regulations, circulars with some commentary on the issues related to the separation of church and state and school from the church in the USSR. - M.: Godless 1930.
10. Проф. М. Красножен. Иноверцы на Руси. Т.1. Положение неправославных христиан в России. – Юрьев: Типография К. Маттисена, 1903.
Prof. M. Krasnozhen. Gentiles in Russia. T.I. The position of non-Orthodox Christians in Russia. - St. George's: Typography C. Matthiessen 1903
11. Шахов М.О. Свобода совести и свобода вероисповедания //Религиоведение/ Энциклопедический словарь.-М.: Академический проект, 2006. С. 958.
Shakhov M.O. Freedom of conscience and freedom of religion //Religion/ Encyclopedic dictionary.-M.: Academic project, 2006. P. 958.

УДК 34.01

**КОНЦЕПЦИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ:
ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ****THE CONCEPT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT:
HISTORICAL AND LEGAL ASPECTS****А.Н. Пасенов
A.N. Pasenov**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, д. 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: pasenov@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается формирование и становление концепции устойчивого развития. Представлены различные подходы к периодизации становления данной концепции. Рассмотрены основные события, которые повлияли на формирование идеи устойчивого развития. Также проанализированы ключевые документы, в которых концепция получила свое закрепление. Определена возможность выделения двух этапов становления концепции устойчивого развития, на первом из которых происходило зарождение идеи устойчивого развития, а на втором нормативное закрепление разработанных на теоретическом уровне положений. В актах, принятых на втором этапе, положения концепции также получили уточнения и дополнения.

Resume. The article considers the formation of the concept of sustainable development. Different approaches to the periodization of the development of this concept are presented. The main events that influenced the formation of the idea of sustainable development are considered. Key documents in which the concept received its consolidation were also analyzed. The possibility of singling out two stages of formation the concept of sustainable development was identified, the first of which was the birth of the idea of sustainable development, and the second, the normative fixing of the theoretically developed provisions. In the acts adopted at the second stage, the provisions of the concept also received clarifications and additions.

Ключевые слова: устойчивое развитие, право, Римский клуб, глобальные угрозы, охрана окружающей среды, Комиссия по устойчивому развитию.

Key words: sustainable development, law, The Club of Rome, global threats, environmental protection, Commission on Sustainable Development.

В настоящее время человечество находится перед лицом глобальных угроз. В связи с этим активно обсуждаются способы решения данных проблем и обеспечения стабильного развития общества. За последние десятилетия было создано множество различных концепций, касающихся перспектив дальнейшего существования человеческой цивилизации. В том числе, концепция устойчивого развития, которая была принята в 1992 г. на конференции в Рио-де-Жанейро. Данная концепция получила нормативное закрепление в актах, как политического, так и правового характера, и оказала значительное влияние на политику многих государств в различных сферах, начиная от экономики и заканчивая охраной окружающей среды.

В данной статье мы рассмотрим этапы формирования и дальнейшего становления концепции устойчивого развития.

Существует несколько подходов к выделению этапов становления концепции. Так, Белоусов К.Ю. [2013] предлагает выделять три этапа: начальный (1968-1972), политический (1972-1992) и этап социально-экономических проблем (1992-по н. в.).

Краснощеков Г.П. и Розенберг Г.С. [2008] выделяют четыре этапа: первый – с 1839 по 1939 гг., второй – с 1940 по 1962 гг., третий – с 1962 по 1992 гг., четвертый – с 1992 по настоящее время.

Пашкевич М.С. и Шаповал В.М. [2014] выделяют три этапа становления концепции устойчивого развития: «первый этап – этап формирования концепции, второй этап – этап её представления, рассмотрения и принятия в научных и политических кругах, третий этап – этап пост-усовершенствования, внесения корректив, разработки планов по реализации концепции, обоснования направлений её развития». При этом авторы отмечают, что одной из характерных черт третьего этапа является разработка методических основ обеспечения устойчивого развития.

Мы считаем возможным выделить два этапа: 1) с середины XX в. до 1992 г. – этап формирования отдельных положений концепции; 2) с 1992 по н.в. – этап нормативного закрепления и дальнейшего совершенствования концепции.

Предпосылки концепции устойчивого развития можно найти в трудах К. Маркса, О. Конта, Г. Спенсера. Их представления были связаны с переходом общества от хаотического состояния к гармоническому, управляемому развитию.

Определенный вклад в становление идеи устойчивого развития внес русский ученый В.И. Вернадский. При этом «некоторые ученые считают, что он впервые сформулировал принципы современной концепции устойчивого развития в контексте теорий о ноосфере» [Пашкевич, Шаповал, 2014]. Однако на том этапе его идеи не получили должной поддержки со стороны общества.

Позже в середине XX в. появились различные концепции индустриального общества, нашедшие выражение в трудах А. Арона, Дж. Гэлбрейта и др. Основная идея данных концепций – повышение уровня жизни.

Непосредственной причиной, вызвавшей появление концепции устойчивого развития, явился социально-экологический кризис второй половины XX в.

Реакцией со стороны общества стала попытка осмысления происходящего, что привело к появлению ряда работ, посвященных проблемам окружающей среды. Среди них можно выделить книгу Рэйчел Карсон «Безмолвная весна», опубликованную в 1962 г. и объединившую исследования по токсикологии, экологии и эпидемиологии, в которой был сделан вывод о катастрофическом масштабе применения сельскохозяйственных пестицидов.

В этот же период стали создаваться группы ученых, которые ставили перед собой задачу разработки способов преодоления угроз, вставших перед мировым сообществом. Например, в 1963 г. была инициирована Международная биологическая программа, представившая анализ механизмов, посредством которых происходит разрушение окружающей среды [Кузнецова, 2013].

В 1960-х гг. ООН впервые провела Международное десятилетие развития.

В 1968 г. был создан Римский клуб. Деятельность клуба оказала значительное влияние на формирование концепции устойчивого развития. Основным результатом деятельности явился ряд докладов, в которых анализировались существующие проблемы и предлагались способы их решения. Одним из ключевых был доклад «Пределы роста».

Важное значение для становления концепции устойчивого развития имели разрабатываемые в рамках клуба теории динамического роста, органического роста, динамического равновесия. Общее для всех этих подходов – сопоставление глобальной экономической системы с живым организмом, особенно ярко проявившееся в теории органического роста.

Таким образом, 1960-е годы стали периодом зарождения идей о необходимости изменения путей дальнейшего развития человечества. Стало понятно, что существующие модели не отвечают изменяющимся условиям жизни. Общество осознало важность сохранения окружающей среды. В этот период стали осуществляться первые исследования по устойчивому развитию, проводились конференции, посвященные взаимосвязи промышленной деятельности, росту численности населения и состояния окружающей среды.

Одним из итогов этого десятилетия явилось принятие в США закона «О национальной политике в области окружающей среды» 1970 г. и создание в этом же году органа, занимающегося вопросами экологии – Агентства по охране окружающей среды США.

Следующее десятилетие было отмечено началом формирования различных организаций, движений и программ, основной целью которых провозглашалась защита окружающей среды и изучение глобальных процессов на Земле. Среди них можно назвать Международную федерацию институтов перспективных исследований (ИФИАС), Международный институт системного анализа, а в СССР — Всесоюзный институт системных исследований.

В этот же период был опубликован ряд работ, посвященных «анализу влияния использования газов на озоновый слой (Роулэнди Молина), взаимообусловленности низкого уровня развития стран и экологических проблем (Фонд Барилоче «Пределы нищеты»)» [Кузнецова, 2013].

Наиболее значимым событием 70-х стало проведение в Стокгольме в 1972 г. Конференции по проблемам окружающей человека среды. «Впервые на столь высоком уровне прозвучала мысль, что окружающую среду и развитие цивилизации нельзя рассматривать отдельно, они неотделимы друг от друга, поскольку проблемы цивилизации напрямую связаны с экологическим неблагополучием» [Синицына].

Результатом данной встречи стало принятие Декларации, которая закрепила положения, посвященные необходимости планирования и управления природными ресурсами, недопущению непоправимого ущерба экосистеме Земли, борьбе с загрязнениями, поддержке экономического и социального развития.

Помимо Декларации результатами Конференции стали принятие плана действий, который включал 109 рекомендаций, создание Фонда окружающей среды и установление Всемирного дня окружающей среды - 5 июня.

После Конференции во многих государствах были созданы специальные ведомства, занимающиеся проблемами охраны природы, новый импульс получило экологическое право, активизировалось международное сотрудничество в данной сфере, стало развиваться такое направление дипломатии как экологическая дипломатия.

Реализация предложений, выдвинутых в рамках данной встречи, была возложена на Программу ООН по окружающей среде (ЮНЕП).

Через пять лет после конференции в Стокгольме в 1977 г. была принята Тбилисская декларация. Данный документ посвящен вопросам образования в области окружающей среды. Образование, по мнению авторов Декларации, «должно способствовать установлению рационального отношения к окружающей среде и к использованию странами своих ресурсов» [Тбилисская декларация, 1977].

Можно отметить, что в 1970-е гг. были сделаны первые попытки нормативного закрепления идеи устойчивого развития и формирования отдельных направлений деятельности, необходимых для достижения успеха в данной области.

Основным событием 80-х гг. стало издание в 1987 г. доклада «Наше общее будущее», в котором впервые были даны направления к решению глобальных проблем. Именно этот доклад популяризовал термин «устойчивое развитие». [Кузнецова, 2013].

Под устойчивым развитием в докладе понималось такое развитие, которое «удовлетворяет потребности настоящего времени, но не ставит под угрозу способность будущих поколений удовлетворять свои собственные потребности». [Доклад «Наше общее будущее», 1987]. По мнению авторов доклада, оно включает в себя два ключевых понятия:

- понятие потребностей, в частности потребностей, необходимых для существования беднейших слоев населения, которые должны быть предметом первостепенного решения;

- понятие ограничений, обусловленных состоянием технологии и организацией общества, накладываемых на способность окружающей среды удовлетворять нынешние и будущие потребности [Доклад «Наше общее будущее», 1987].

Также в 80-е гг. были опубликованы доклад «Global 2000», в котором биоразнообразие впервые было признано критической характеристикой, присущей функционирующей

нию планетарной экосистемы, Всемирная стратегия охраны природы, Всемирная Хартия природы ООН, Декларация о праве на развитие.

В целом, 1980-е года можно охарактеризовать как период, когда общество пыталось осмыслить идею устойчивого развития, выработать критерии устойчивости, разработать стратегии устойчивого развития.

Концепция устойчивого развития общества непосредственно была принята на Конференции ООН по окружающей среде и развитию, состоявшейся в июне 1992 г. в г. Рио-де-Жанейро на уровне глав государств и правительств [Синицына].

Конференция проходила в период с 3 по 14 июня 1992 г. На заключительной сессии были приняты следующие документы: «Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию», «Рамочная конвенция ООН об изменении климата», «Конвенция ООН о биологическом разнообразии», «Повестка дня на XXI век» и др.

Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию была принята в продолжение Декларации Конференции Организации Объединенных Наций по проблемам окружающей человека среды 1972 г. с «целью установления нового, справедливого глобального партнерства путем создания новых уровней сотрудничества между государствами, ключевыми секторами общества и людьми» [Рио-де-Жанейрская декларация, 1992] Данный акт включал 27 принципов, необходимых для обеспечения устойчивого развития общества. Среди них «право на здоровую и плодотворную жизнь в гармонии с природой» [Рио-де-Жанейрская декларация, 1992], суверенное право государств разрабатывать свои собственные ресурсы, защита окружающей среды, необходимость искоренения бедности, поддержка развивающихся стран, ликвидация нежизнеспособных моделей производства, обмен научно-техническими знаниями.

Также государствам рекомендовалось обеспечить населению доступ к информации, судебным и административным процедурам, принять эффективные законодательные акты в области окружающей среды, в том числе «касающиеся ответственности и компенсации жертвам загрязнения и другого экологического ущерба» [Рио-де-Жанейрская декларация, 1992], поддерживать открытость международной экономической системы, принимать необходимые меры предосторожности, осуществлять оценку экологических последствий и др.

В документах Конференции ООН правительству каждой страны предлагалось разработать и утвердить свою национальную стратегию устойчивого развития. Концепция перехода Российской Федерации к устойчивому развитию была представлена Правительством РФ и утверждена Указом Президента РФ № 440 от 1 апреля 1996 г.

Подводя итоги работы Конференции, ее Генеральный секретарь Морис Стронг подчеркнул беспрецедентный масштаб и значимость этого события. «Мир после Конференции должен стать другим», - заявил он. «Другой должна стать дипломатия и система международных отношений, другой должна стать и Организация Объединенных Наций, другими станут и правительства, принявшие на себя обязательства двигаться к устойчивому развитию. Мы выживем только все вместе, в противном случае не выживет никто» [Кузнецова, 2013].

Еще одним итогом Конференции стало создание Комиссии по устойчивому развитию. Это вспомогательный орган ЭКОСОС, призванный поощрять и анализировать прогресс в осуществлении «Повестки дня на XXI век» на национальном, региональном и глобальном уровнях и содействовать комплексному и рациональному регулированию развития и охраны окружающей среды.

Однако полномочия данного органа довольно ограничены. В компетенцию Комиссии не входит принятие каких-либо юридически обязательных решений.

Конференцией в Рио-де-Жанейро, по нашему мнению, завершается первый этап становления концепции устойчивого развития.

На втором этапе было проведено множество мероприятий и принято большое количество документов, в которых концепция устойчивого развития получила дополнения и уточнения. Среди наиболее значимых можно назвать Хартию Земли 2000 г., Декларацию тысячелетия 2000 г., Йоханнесбургскую декларацию по устойчивому развитию 2002 г., Итоговый документ Конференции «Рио+20» «Будущее, которого мы хотим», принятый в

2012 г., документ «Преобразование нашего мира: Повестка дня в области устойчивого развития на период до 2030 года», принятый в 2015 г.

Таким образом, можно отметить, что концепция устойчивого развития прошла путь непродолжительный, но насыщенный путь становления.

На первом этапе, начиная с середины XX в., происходило формирование основных положений будущей концепции. Было разработано понятие «устойчивое развитие», определены критерии устойчивости. Первый этап завершился нормативным закреплением разрабатывавшихся до этого на теоретическом уровне положений. Второй этап становления концепции характеризуется дальнейшим уточнением и детализацией основных положений.

Список литературы References

1. Рио-де-Жанейрская декларация по окружающей среде и развитию. 1992. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.

Rio-de-Zhanejrskaja deklaracija po okružhajushhej srede i razvitiju. 1992. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/riodecl.

2. Тбилисская декларация. 1977. Образование в интересах устойчивого развития в международных документах и соглашениях. Москва: “ЭКО–Согласие”, 2005.

Tbilisskaja deklaracija. 1977. Obrazovanie v interesah ustojchivogo razvitija v mezhdunarodnyh dokumentah i soglashenijah. Moskva: “JeKO–Soglasie”, 2005.

3. Белоусов К.Ю. 2013. Современный этап эволюции концепции устойчивого развития и формирование парадигмы корпоративной устойчивости. Проблемы современной экономики, 1 (45): 47-50.

Belousov K.Ju. 2013. Sovremennyy jetap jevoljucii koncepcii ustojchivogo razvitija i formirovanie paradigmy korporativnoj ustojchivosti. Problemy sovremennoj jekonomiki, 1 (45): 47-50.

4. Доклад Всемирной комиссии по вопросам окружающей среды и развития «Наше общее будущее». 1987. URL: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml>.

Doklad Vsemirnoj komissii po voprosam okružhajushhej sredy i razvitija «Nashe obshhee budushhee». 1987. URL: <http://www.un.org/ru/ga/documents/gakey.shtml>.

5. Краснощеков Г.П., Розенберг Г.С. 2008. Хронология (календарь) событий, связанных со становлением представлений об «Устойчивом развитии». Самарская Лука: проблемы региональной и глобальной экологии, 17 (2): 221-288.

Krasnoshhekov G.P., Rozenberg G.S. 2008. Hronologija (kalendar') sobytij, svjazannyh so stanovleniem predstavlenij ob «Ustojchivom razvitii». Samarskaja Luka: problemy regional'noj i global'noj jekologii, 17 (2): 221-288.

6. Кузнецова Ю.А. 2013. Этапы формирования и развития концепции устойчивого развития. Молодой ученый, 5 (52): 337-339.

Kuznesova Ju.A. 2013. Jetapy formirovanija i razvitija koncepcii ustojchivogo razvitija. Molodoj uchenyj, 5 (52): 337-339.

7. Пашкевич М.С., Шаповал В.М. 2014. Предпосылки формирования, сущность и эволюция концепции устойчивого развития. Наука и мир, 2 (4): 40-45.

Pashkevich M.S., Shapoval V.M. 2014. Predposylki formirovanija, sushhnost' i jevoljucija koncepcii ustojchivogo razvitija. Nauka i mir, 2 (4): 40-45.

8. Синицына Е. Концепция устойчивого развития. Электронный ресурс. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/2Mew/72/>.

Sinicyna E. Koncepcija ustojchivogo razvitija. Jelektronnyj resurs. URL: <http://cloudwatcher.ru/analytics/2Mew/72/>.

УДК 273

**РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКВЬ О РАСКОЛЬНИЧЕСКОМ ДВИЖЕНИИ И
СТАРООБРЯДЦАХ⁹****RUSSIAN ORTHODOX CHURCH OF THE SCHISMATIC MOVEMENT
AND STAROOBRYADTSY****М.И. Слепкова
M.I. Slepko**Владимирский государственный университет имени А.Г. и Н.Г. Столетовых,
Россия, 600000 г. Владимир, ул. Горького, 87Vladimir state University named after A.G. and N.G. Stoletovs,
87, Gorky str., Vladimir, 60000, Russia

E-mail: maryana_07@list.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отношение Русской Православной Церкви к раскольническому движению. Развитие мнений о сторонниках «старой веры» с XVII по XX века.

Abstract. The article discusses the attitude of the Russian Orthodox Church to the schismatic movement. The development of the opinions about the supporters of the "old faith" from the 17th to the 20th century.

Ключевые слова: раскол, раскольническое движение, Русская Православная Церковь.
Key words: split, schismatic movement, Russian Orthodox Church

Введение

После окончания Смутного времени стали заметно расширяться связи России с Англией, Голландией, Ираном. Россия стала все больше и шире использовать передовые достижения Запада: оружие, передовой опыт ведения военных действий.

В Россию стал приглашаться западные специалисты: врачи, строители, умельцы железного дела, рудознатцы и т. д. Их поведение, культура, одежда резко отличаются от патриархального быта населения Москвы. Кроме этого, начинает развиваться образование, повышается процент грамотных среди населения. Создаются первые учебные заведения, в которых ведущую роль играют сначала иностранцы. Наблюдается рост ремесленничества, образование мелких мануфактур и заводов.

Влияние Запада коснулось и церкви. Одни увидели в них угрозу церкви, т. е. поглощение православной церкви Католической, другие поняли, что необходима церковная реформа. Это было связано с тем, что из-за отсутствия тесных связей местных церквей с центром накопилось много различий в понимании религиозной литературы, осуществления религиозных обрядов. Появились воинствующие религиозные деятели из духовенства, которые яростно защищали патриархальный быт народа, его религиозные взгляды и стремились сохранить неизменными церковные обряды, старинные духовные книги.

В конечном счете эти предпосылки в развитии религии привели к расколу в православной церкви. В раскол были втянуты массы верующих, представителей духовенства, пролито много крови, погибли люди.

⁹ Выполнено при поддержке РГНФ, проект №15-23-06002

Основная часть

Поводом для возникновения раскола, как известно, послужила церковно-обрядовая реформа, которую в 1653 году начал проводить патриарх Никон с целью укрепить церковную организацию в России, а также ликвидировать все разногласия между региональными православными церквями.

К началу XVII века Русская Православная Церковь (Московский патриархат) начинает играть ведущую роль и патриарх московский стремится занять лидирующее положение в православной Восточной церкви (Вселенской). Однако этому мешало ряд объективных обстоятельств.

В Русской Православной Церкви с течением времени накопилось много различий, отступлений от канонов, особенно от Греческой церкви, так как вся религиозная литература писалась и печаталась на древнегреческом языке. С течением времени в русских церковных книгах обнаруживается много ошибок, разночтений, о которых с упреком говорили иерархи восточной церкви, а также некоторые различия в проведении церковных обрядов.

В 1653 году Никон проводит Церковно-обрядовую реформу для установления единообразия церковного культа по всей стране. За проведение такой церковной реформы выступал и сам царь.

Церковная реформа прежде всего началась с исправления русских богослужебных книг по греческим и старославянским образцам и церковных обрядов. Как пишет Ключевский: «Он (Никон) начал с того, что своей властью без собора в 1653 году перед Великим постом разослал по церквям указ, сколько следует класть земных поклонов при чтении церковной молитвы св. Ефрема Сирина, причем предписывал также креститься тремя перстами. Потом он ополчился против русских иконописцев своего времени, которые отступали от греческих образцов в писании икон и усвоили приемы католических живописцев.

Далее при содействии юго-западных монахов он ввел на место древнего московского унисонного (одноголосого) пения новое киевское многоголосое, а также завел небывалый обычай произносить в церкви проповеди собственного сочинения. В Древней Руси подозрительно смотрели на такие проповеди, видели в них признак самомнения проповедника; пристойным считали читать поучения святых отцов, хотя обычно их не читали, чтобы не замедлять церковной службы. Никон сам любил и был мастер произносить поучения собственного сочинения. По его внушению и примеру приезжие духовные лица с Украины и других мест начали говорить в московских церквях свои проповеди, иногда даже на современные темы. Легко понять, говорит Ключевский, смущение, в которое должны были впасть от этих новизн православные русские умы, и без того тревожно настроенные» [2; 409].

Вскоре, после начала реформ в церкви, Никон был низложен и сослан в монастырь. Недовольство нововведениями церкви, а также насильственные меры их внедрения явились поводом к расколу. Первыми за «старую веру» против реформ и действий патриарха выступили протопоп Аввакум и Даниил. Они подали записку царю в защиту двуперстия и о поклонах во время богослужения и молитв. Затем они стали доказывать, что внесение исправлений книг по греческим образцам оскверняет истинную веру, так как греческая церковь отступила от «древнего благочестия», а ее книги печатаются в типографиях католиков. Иван Неронов, не касаясь обрядовой стороны реформы, выступил против усиления власти патриарха и за более простую, демократичную схему управления церковью.

Столкновение между Никоном и защитниками «старой веры» приняло резкие формы. Аввакум, Иван Неронов и другие представители раскола подверглись жестокому преследованиям.

С первых дней проявления раскола неподчинение низших служителей церкви реформе Никона вызвало со стороны патриарха, а затем и официальных властей применение к ним насильственных мер. Жестоко были наказаны лидеры раскола протопопы Аввакум и Иван Неронов. Многие служители церковного культа отправлялись в ссылки, лишались

сана, заточались в монастыри. Ярые представители раскола из других слоев народных масс также подвергались жестоким наказаниям, ссылались в Сибирь, приговаривались к смертной казни.

На защиту церковных реформ встал и царь, его окружение и высшие чины церкви. В 1666–67 годах прошел церковный собор. Он предал «анафеме» представителей старой веры (староверов) и принял решение об их наказании. Позднее староверов (общее наименование последователей православия до церковной реформы патриарха Никона) стали также называть старообрядцами, раскольниками. Церковный собор 1666–67 годах официально закрепил послереформенную церковь официальной государственной. Старообрядчество, таким образом, отделялось от официальной государственной церкви, значит, становилось ее врагом, и было принято решение ликвидировать его силой.

К концу XVII столетия, а затем и позднее, раскольников постепенно и по своим взглядам становится неоднородным. Оно распадается на течения. Наиболее общепринятые – поповщина и беспоповщина.

Правительство и официальная церковь начали вести беспощадную войну с расколом и раскольниками самыми решительными мерами наряду с другими методами убеждения и принуждения. В борьбе с расколом использовались войска, сторонники раскола, особенно лидеры, предавались «анафеме», т. е. проклятию, ссылались в Сибирь на каторгу, разрушались скиты, монастыри, использовались и другие меры.

В 1667 году раскольники подвергались как церковному, так и гражданскому наказанию. (Перв. полн. собр. зак., Т 1, № 412, гл. VII, стр. 706). В 1684 году наказывались за раскол, потворстве раскольникам, за ереси и содействие им. В 1689 году – сожжение иноземца Кульмана за распространение ереси. В 1697 году установили порядок следственного производства над чернецами и бельцами из раскольников. В 1716 и 1718 годах устанавливается штраф за отсутствие на исповеди, на раскольников накладывается двойной размер. В 1718 году дана жалобная грамота раскольнику, обратившемуся в православие. В 1719 году с раскольников, обратившихся к православию, снят установленный оклад, введен новый сбор за вступление в брак тайно, не в церкви и без венечных памятей. В 1721 году в духовном регламенте описываются признаки, по которым можно узнавать раскольников. Признаки – отвращение священников, недопущение чтения или слова Божия, полагается подвергнуть церковному наказанию или Епископскому суду. Предписано Духовной Коллегии иметь сведения о числе раскольников во всех епархиях, предавать анафеме господ, скрывающих у себя раскольников, не давать начальствовать раскольникам над другими, как по духовной, так и по гражданской части. В этом же году сделаны распоряжения об отборе у частных лиц старопечатных книг, о поиске раскольников, живших в Муромских лесах, и о разорении из лесных жилищ, о направлении в Санкт-Петербург из Нижегородской епархии иеромонаха Филарета для диспута с раскольниками, о невыбрании раскольников в общественные должности, о командировании старца Иосифа к Златоустовскому Архимандриту Антонию для обращения раскольников [2, с.10–21].

В эпоху Петра I эта борьба усилилась. Старообрядцев, раскольников всех мастей он признавал главными врагами проведения своих реформ в России. В более поздний период все старообрядцы были внесены в специальные списки, они ограничивались в правах, носили официально установленную для них одежду.

В 1722 году предписано высылать в Синод ведомости о раскольниках, поступления с них двойного оклада. Было установлено для раскольников особое платье и подтвержден указ о подати по 50 р. в год за ношение бороды. Укрывательство раскольников приравнено в уголовном смысле с сопротивлением властям. На основании указа от 2 марта 1718 года предписано отправлять раскольников к светским командирам для отсылки на каторгу, а раскольничьих монахов отсылать в монастыри под начало. В этом же году выходят предписания об иконах и их канонах написания. В 1723 году выходят предписания о возможности указа Синодом команды для сыска и взятия раскольников. Ведется контроль над раскольниками и их передвижениями. В 1730 году положено наказание за со-

вращение в раскол – вечная ссылка на галеры и отбор в казну всего движимого и недвижимого имущества. В 1732 году воспрещается давать раскольникам, живущим в скитах, печатные паспорта. Также разъяснены и дополнены правила о сборах с раскольников и об обращении их к церкви. В 1733 году велено отыскивать через полицию и отсылать в Синод осмелившихся священнодействовать без посвящения [2, с. 21–57].

По словам ныне покойного академика Дмитрия Лихачева, реформа XVII в. не только разделила русское общество на две части, но и разрезило пополам живую душу русского народа, и все беды, которые испытал и испытывает русский народ, являются следствием этого раскола. А Александр Солженицын и многие известные историки, писатели и философы пишут о том, что духовный раскол русской нации в XVII в. породил революцию 1917 г. И пока Россия не вернется к истокам своих традиций, вере своих предков, не будет в России добра.

В течение прошедших годов и столетий Русская Православная Церковь признала неправоту своих иерархов середины XVII века и их поступки. На Поместном Соборе 1971 года, утвердив постановление об «отвержении и вменении, яко не бывших, порицательных выражений, относящихся к старым обрядам...». Тремя годами позднее подобное решение (с точностью до формулировок) было утверждено на Третьем Соборе Русской Церкви Заграницей.

Следующий шаг к толерантности был сделан на Архиерейском Соборе 2000 г.: «Мы глубоко сожалеем о тех жестокостях, которые были причинены приверженцам Старого Обряда, о тех преследованиях со стороны гражданских властей, которые вдохновлялись и некоторыми из наших предшественников в иерархии Русской Церкви... Простите, братья и сестры, наши прегрешения, причиненные вам ненавистью. Не считайте нас сообщниками в грехах наших предшественников, не возлагайте горечь на нас за невоздержанные деяния их. Хотя мы потомки гонителей ваших, но неповинны в причиненных вам бедствиях. Простите обиды, чтобы и мы были свободны от упрека, тяготеющего над нами. Мы кланяемся вам в ноги и препоручаем себя вашим молитвам. Простите оскорбивших вас безрассудным насилием, ибо нашими устами они раскаялись в соделанном вам и испрашивают прощения... В XX веке на Православную Российскую Церковь обрушились новые преследования, теперь уже от рук богоборного коммунистического режима... Мы со скорбью признаем, что великое гонение нашей Церкви в прошедшие десятилетия отчасти может быть и Божиим наказанием за преследование чад Старого Обряда нашими предшественниками. Итак, мы сознаем горькие последствия событий, разделивших нас и тем самым ослабивших духовную мощь Русской Церкви. Мы торжественно провозглашаем свое глубокое желание исцелить нанесенную Церкви рану...»

Вывод

Священный Синод Русской Православной Церкви на заседании 30 мая 2014 года в Санкт-Петербурге, заслушав доклад председателя Отдела внешних церковных связей митрополита Волоколамского Илариона о дальнейших мерах по врачеванию последствий церковного разделения XVII века, постановил:

1. Учитывая встречающиеся расхождения в современной пастырской практике, подтвердить определение Святейшего Синода за № 1116 от 25 мая 1888 года, согласно которому крещенные в старообрядческих согласиях вступают в единство с Русской Православной Церковью посредством совершения над ними Таинства Миропомазания.

2. Поручить Синодальной богослужебной комиссии совместно с Комиссией по делам старообрядных приходов и по взаимодействию со старообрядчеством отредактировать чины воссоединения с Церковью последователей старообрядческих согласий с учетом постановления Освященного Поместного Собора Русской Православной Церкви 1971 года и последующих соборных актов, после чего представить тексты чинопоследований на утверждение Священному Синоду.

3. Напомнить, что, согласно суждению святителя Филарета, митрополита Московского, подкрепленному многолетней практикой единоверческих приходов, старообрядцам, воссоединившимся с Русской Православной Церковью, разрешается поминать в молитвах своих родственников, умерших вне общения с нею.

4. В случае присоединения к Русской Православной Церкви старообрядца, принесшего ранее монашеские обеты, он, по его желанию, признается состоящим в монашестве.

5. Рекомендовать при изучении истории старообрядчества и единоверия в духовных учебных заведениях Русской Православной Церкви руководствоваться духом христианской любви и стремлением к преодолению существующих разделений.

Список литературы

References

1. Большая советская энциклопедия. – М.: Советская энциклопедия. 1969–1978
The great Soviet encyclopedia. – M.: Soviet encyclopedia. 1969–1978
2. Варадинов Н. История министерства внутренних дел. Кн.8. История распоряжений по расколу. – СПб, 1863
Varadinov N. History of the Ministry of internal Affairs. Book 8. History of the orders of division. – SPb, 1863
3. Введенский А. Действующие законоположения касательно старообрядцев и сектантов. – Одесса, 1912
Vvedensky A. Legislation about old believers and sectarians. – Odessa, 1912
4. Ключевский В.О. «Русская История», Полный курс лекций, - М: «Феникс», 1998
Klyuchevsky V.O. "Russian History", a Complete course of lectures - M: "Phoenix", 1998
5. СИНОД: РПЦ и РПСЦ не одним миром мазаны // <http://starove.ru/news/sinod-rpts-i-rpsts-ne-odnim-mirom-mazany/>
The Synod's Church and RPSTS are not tarred with the same brush // <http://starove.ru/news/sinod-rpts-i-rpsts-ne-odnim-mirom-mazany/>
6. Тюренков М. Воссоединение Русской Церкви в перспективе Единоверия // <http://www.pravaya.ru/faith/12/7309>
Tyurenkov M. Reunification of the Russian Church in the perspective of common belief // <http://www.pravaya.ru/faith/12/7309>

УДК 17

**ТЕОРЕТИКО-ПОЗНАВАТЕЛЬНЫЙ И ЦЕННОСТНО-РЕГУЛЯТИВНЫЙ
АСПЕКТЫ МИРОВОЗЗРЕНИЯ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА****EPISTEMOLOGICAL AND VALUE-REGULATORY ASPECTS OF OUTLOOK
IN KANT'S PHILOSOPHY****Е.Ю. Чистякова****E.Y. Chistyakova**

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St, Belgorod, 308015, Russia

E-mail: chistyakova_e@bsu.edu.ru

Аннотация. В статье рассматривается по-прежнему актуальный поход И. Канта к решению основных мировоззренческих проблем: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?», «На что я смею надеяться?»

Resume. In article still actual I. Kant's campaign to the solution of the main world outlook problems is considered: "What can I know?", "That I have to do?", "What can I expect?"

Ключевые слова: И. Кант, мировоззрение, этика долга, вера, антиномия.

Key words: I. Kant, outlook, ethics of duty, belief, antinomy.

Мы живем в эпоху мировоззренческого кризиса, когда ценности советской цивилизации в значительной мере девальвировались, а новые еще довольно призрачны. Выход из сложившегося положения многие видят в обращении к религиозным формам мировоззрения. Однако «возврат к истокам», т. е. религиозный ренессанс, в России привел к конфликту между субъектами религиозного и безрелигиозного мировоззрений. Проблема заключается в отсутствии мировоззренческой толерантности, которая предполагает уважение к убеждениям другого. В данном контексте полезно обратиться к основным положениям мировоззренческого плюрализма, родоначальником которого стал немецкий философ Иммануил Кант.

При рассмотрении феномена мировоззрения естественным представляется подход, акцентирующий внимание на его гносеологическом и ценностно-регулятивном (смысложизненном) аспектах. В этом плане следует обратить внимание на вопросы, сформулированные И. Кантом в конце «Критики чистого разума»: «Что я могу знать?», «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?». На наш взгляд, именно в них сфокусирована вся мировоззренческая проблематика.

Итак, первый вопрос: что, по Канту, доступно познанию, а что не является таковым? Отвечая на вторую часть этого вопроса, Кант вводит в своей трансцендентальной диалектике понятие «идей разума». Эти трансцендентальные идеи имеют своим предметом наиболее абстрактные суждения, которые не могут быть «схвачены» в опыте, однако человеческий разум ищет их чувственно воспринимаемое выражение во внешнем мире. Пытаясь выйти за пределы опыта, рассудок запутывается в противоречиях, ибо не может мыслить вне понятий и категорий. В результате появляются пары противоречивых суждений, доказать или опровергнуть истинность которых средствами рационального мышления невозможно. Антиномии предстают в виде предельно общих высказываний, предметом которых выступают не феномены, а ноумены, то есть антиномии возникают в тех случаях, когда опыт не в силах охватить вещь-для-нас целиком (например, весь мир) и делает допущение о его свойствах, основываясь на идеях разума (теоретическом мышлении). Это приводит человека к «иллюзорным ошибкам и видимостям» – антиномиям чистого разума. Таким образом, Кант обнаруживает границы применимости теоретического мышления антиномиями чистого разума. Отыскать данные противоречия чистого разума Канту позволяет трансцендентальная антитетика, использующая скептический метод, который «имеет своей целью достоверность, пытаясь отыскать в споре,

ведущемся с обеих сторон честно и с умом, то, что вызывает недоразумение» [см.: Кант: Критика чистого разума, С. 266].

Кант выводит четыре антиномии, или четыре группы противоречащих друг другу суждений: 1) «Мир имеет начало во времени и ограничен также в пространстве / Мир не имеет начала во времени и границ в пространстве; он бесконечен и во времени, и в пространстве». 2) «Всякая сложная субстанция в мире состоит из простых частей, и вообще существует только простое, или то, что сложено из простого / Ни одна сложная вещь в мире не состоит из простых частей, и вообще в мире нет ничего простого». 3) «Причинность по законам природы есть не единственная причинность, из которой можно вывести все явления в мире. Для объяснения явлений необходимо еще допустить свободную причинность / Нет никакой свободы, все совершается в мире только по законам природы». 4) «К миру принадлежит или как часть его, или как его причина безусловно необходимая сущность / Нигде нет никакой абсолютно необходимой сущности – ни в мире, ни вне мира – как его причины» [см.: Кант: Критика чистого разума, С. 268–291]. В итоге Кант приходит к выводу, что догматическое применение разума приводит к убеждениям, противоречащим друг другу. Антиномии вводят разум в «искушение предаться безнадежному скептицизму или усвоить догматическое упрямство и упорно защищать определенные утверждения, не прислушиваясь к доводам противников и не воздавая им справедливости» [см.: Кант: Критика чистого разума, С. 257].

Именно поэтому Кант выносит за сферу применимости разума самые «предельные» (в нашем истолковании – мировоззренческие) вопросы, волнующие человека. Одним из таких вопросов (четвертая антиномия) является вопрос о бытии Бога. Разум образует идею Бога как необходимой сущности, как безусловной причины всего мира. Однако в рамках теоретического разума невозможно доказать существование Бога. Для этого он опровергает пять доказательств бытия Божьего Фомы Аквинского.

Но означает ли это, что Кант не находит места мировоззрению в сознании, шире – в самой жизни человека? Отнюдь. Ограничивая сферу теоретического разума, Кант находит место вере. В этой связи обратимся к другой его работе – к «Критике практического разума», в которой он ищет ответы на вопросы «Что я должен делать?» и «На что я могу надеяться?». Практическая философия Канта решает эти два взаимосвязанных вопроса обращением к моральному долгу, которое дает надежду на «высшее благо» – единство между добродетелью и счастьем. Моральное чувство является априорным, но не автоматическим. Человек свободен следовать своей доброй воле либо эгоистическим велениям чувств. Однако эгоизм несовместим с разумом, он влеком чувствами. Поэтому Кант считает необходимым обуздать чувства индивида. Так он приходит к формулировке категорического императива, в которой утверждается необходимость всеобщности морального поступка для всех людей.

И. Кант настаивает на независимости морали от религии, он полагает, что моральный закон невозможно вывести из десяти заповедей. «Мораль, поскольку она основана на понятии о человеке как существе свободном, но именно поэтому и связывающем себя безусловными законами посредством своего разума, не нуждается ни в идее о другом существе над ним, чтобы познать свой долг, ни в других мотивах, кроме самого закона, чтобы этот долг исполнить» [см.: Кант: Трактаты и письма, С. 78]. Религия не может компенсировать отсутствия морали. Мораль не нуждается в обосновании, она априорна и имеет своей целью идею высшего блага. Для того чтобы это благо стало возможным, необходимо существование высшего морального существа, т. е. Бога. Он рассматривает «бытие Бога как необходимо относящееся к возможности высшего блага» [см.: Кант: Критика практического разума, С. 457].

«Так моральный закон через понятие высшего блага как объект и конечную цель чистого практического разума ведет к религии, т. е. к познанию всех обязанностей как божественных заповедей <...> как неотъемлемых законов каждой свободной воли самой по себе, которые, однако, необходимо рассматривать как заповеди высшей сущности, потому что высшего блага, которое моральный закон обязывает нас полагать предметом наших стремлений, мы можем ожидать только от морально совершенной (святой и благой) и вместе с тем всемогущей воли, следовательно, благодаря соответствию с этой волей» [см.: Кант: Критика практического разума, С. 463].

Мораль, таким образом, представляется как учение о том, как стать достойным счастья, «надежда на счастье начинается только с религии» [см.: Кант: Критика практического разума, С. 464]. Конечная цель Бога – высшее благо в мире, цель человека – соответствие воли высшему благу.

Таким образом, не мораль возникает из религии, а наоборот, религия возникает из-за врожденного морального чувства людей. Вера в Бога становится в его понимании выводимой из чувства морального долга: «мораль неизбежно ведет к религии, благодаря чему она расширяется до идеи обладающего властью морального законодателя вне человека, в воле которого конечной целью (мироздания) служит то, что может и должно быть также конечной целью человека» [см.: Кант: Трактаты и письма, С. 81–82]. Но почему Кант утверждает, что мораль ведет к религии? Чистая нравственность вступает в неразрешимое противоречие с действительностью человеческой жизни. Нравственное сознание принципиально невозможно без убеждения в конечной справедливости посмертного воздаяния.

Кант утверждает, что проблема существования Бога – вопрос веры, а не разума: «морально необходимо признавать бытие божье» [см.: Кант: Критика практического разума, С. 458]. Разум создает идею Бога для поддержания надежды на справедливый моральный миропорядок. Богом гарантируется соответствие счастья и нравственности. Он обосновывает необходимость существования Бога как опоры категорическому императиву. Изложив принципы своей этики долга, или безусловного нравственного повеления, Кант замечает, что человеку все-таки необходима религиозная идея, т. е. убеждение в существовании Бога, который поддержит его в его усилиях следовать нравственному долгу. Моральный закон выступает как закон свободы человека, которая предстает как осознание и выполнение долга.

Таким образом, Кант подчиняет теоретический разум практическому, необходимые постулаты которого – свобода, бессмертие, бытие Бога. Вера в Бога дает надежду на собственную моральную силу [Ойзерман, с.56]. Учение о религии применимо только в пределах этики Канта. Вопрос «На что я смею надеяться?» решается в «Критике практического разума» обращением к религии.

В трактате «Религия в пределах только разума» Кант различает понятие истинной (единой) религиозности – чистой религии, или религии разума, и исторической (множественной) церковной веры. Для чистой религиозной веры историческая вера предстает вспомогательной и должна к ней приближаться. Немецкий мыслитель выделяет два вида веры: моральную – душеспасительную и церковную – принудительную. Отрицательно относясь к феномену «воинствующей церкви», он все же надеется, что человечество придет к чистой религии разума, которая основывается на моральном образе жизни, а не на принуждении [см.: Кант: Трактаты и письма, С. 187]. Кант критикует церковную веру за то, что она отодвигает на второй план естественный принцип нравственности [см.: Хабермас: Между натурализмом и религией, С. 207].

Стало быть, Кант полагает веру в Бога как «искупительную истину» [см.: Рорти: От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов, С. 30], которая не должна смешиваться с рациональным мышлением. Таким образом, Кант признает возможность и даже необходимость религиозного мировоззрения, но ограничивает сферу его применимости практической (моральной) деятельностью. Из этого мы видим, какое влияние оказали на этику Канта протестантизм и связанный с ним проект секуляризации. Однако Кант как агностик считает принципиально недоказуемыми религиозные и нерелигиозные убеждения (что отражается в антиномиях). Антиномии дают нам свободу выбора между религиозным и безрелигиозным мировоззрением: в теоретическом плане обе позиции недоказуемы, но религиозная вера имеет прагматическую пригодность для того, чтобы поддержать усилия человека в следовании этике долга. Кант отводит позитивной религии и церковной вере инструментальную функцию. Он считает, что люди нуждаются в наглядных образцах, в образцовых биографиях пророков и святых, в обетованных и чудесных деяниях, в суггестивных образах и поучительных нарративах исключительно как в «поводах» к тому, чтобы преодолеть свое «моральное неверие», и объясняет это обстоятельство слабостью человеческой природы [см.: Хабермас: Между натурализмом и религией, С. 211].

Список литературы References

1. Кант И. Трактаты и письма. – М.: Наука, 1980. – 709 с.
Kant I. Traktaty i pis'ma. – М.: Nauka, 1980. – 709 p.
2. Кант И. Сочинения в шести томах / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана – М.: Мысль, 1965 – Т. 4., Ч. I. – 544 с.

Kant I. *Sochinenija v shesti tomah/pod obshh. red. V. F. Asmusa, A.V. Gulygi, T. I. Ojzermana* – М.: Mysl', 1965 – Т. 4., Ch. I. – 544 p.

3. Рорти Р. От религии через философию к литературе: путь западных интеллектуалов // Вопросы философии. М., 2003. №3. С. 30-42

Rorti R. *От religii cherez filosofiju k literature: put' zapadnyh intellektualov* // *Voprosy filosofii*. М., 2003. № 3. Р. 30–42

4. Кротков Е.А. Дискурс философии // Вопросы философии. М., 2015. № 4. С. 195–206

Krotkov E.A. *Diskurs filosofii* // *Voprosy filosofii*. М., 2015. № 4. Р. 195–206

5. Гулыга А.В. Немецкая классическая философия. Режим доступа [http://society.polbu.ru/gulyga_germanphilo/ch07_all.html]

Gulyga A.V. *Nemeckaja klassicheskaja filosofija*. [http://society.polbu.ru/gulyga_germanphilo/ch07_all.html]

6. Кант И. Критика чистого разума/пер. с нем. Н. Лосского, сверен и отредактирован Ц.Г. Арзаканяном и М.И. Иткиным; Примеч. Ц.Г. Арзаканяна. – М.: Мысль, 1994. – 591 с.

Kant I. *Kritika chistogo razuma/per. s nem. N. Losskogo, sveren i otredaktirovan C.G. Arzakanjanom i M.I. Itkinym; Primech. C.G. Arzakanjana*. – М.: Mysl', 1994. – 591 p.

7. Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи/пер. с нем. М.Б. Скуратова. – М.: Весь мир, 2011. – 336 с.

Habermas Ju. *Mezhdu naturalizmom i religiej. Filosofskie stat'i/per. s nem. M.B. Skuratova*. – М.: Ves' mir, 2011. – 336 p.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ И КОММУНИКАЦИИ

SCIENTIFIC LIFE AND COMMUNICATION

24 мая в Белгороде стартовал Российский фестиваль православных интеллектуальных клубов и духовно-просветительских центров «Прохоровский прорыв». Организатором выступил Белгородский государственный институт искусств и культуры при поддержке Международного грантового конкурса «Православная инициатива 2016–2017». Журнал «Научные ведомости БелГУ» серия «Философия. Социология. Право» публикует наиболее интересные статьи, подготовленных на основе докладов, прочитанных участниками фестиваля.

УДК 17.03

ИНТУИЦИЯ СМЫСЛА (ОБ ОДНОЙ ОСОБЕННОСТИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ)

INTUITION OF MEANING (ON ONE FEATURE OF RUSSIAN PHILOSOPHY)

В.В. Варава
V.V. Varava

Московский православный университет св. Иоанна Богослова,
Россия, 127473, г. Москва, пер. Чернышевского, д. 11 А

Moscow Orthodox University of John the Theologian,
11 A Chernyshevsky per., Moscow, 127473, Russia

E-mail: vladimir_varava@list.ru

Аннотация. Вопрос о русской философии является одним из главных, определяющих дух и стиль национальной традиции. Среди многих особенностей русской мысли выделяется одна, связанная с острым переживанием бессмысленности мира и, соответственно, с попытками отыскать подлинный высший смысл бытия. Это переживание представлено как интуиция, которая в большей мере соответствует нетрактатному духу философской литературы, нежели академической традиции философского рационализма. Искания Пушкина, Толстого, Чехова и других русских писателей-философов связаны с этим. Делается вывод о том, что борьба за смысл представляет собой наиболее важную характерную особенность русской философской культуры, которая выходит за границы понимания философии как апологии христианства.

Resume: The question of Russian philosophy is one of the main, defining the spirit and style of the national tradition. Among the many features of Russian thought one stands out, connected with the acute experience of the meaninglessness of the world, and, accordingly, with attempts to find the true higher meaning of being. This experience is presented as intuition, which more in line with the non-racial spirit of philosophical literature, rather than the academic tradition of philosophical rationalism. The searches of Pushkin, Tolstoy, Chekhov and other Russian philosopher-writers are connected with this. It is concluded that the struggle for meaning is the most important characteristic feature of Russian philosophical culture, which leaves the boundaries of understanding philosophy as the apology of Christianity.

Ключевые слова: русская философия, русская литература, поиск смысла, интуиция бессмысленности, жизнь, смерть, христианство, этика.

Keywords: Russian philosophy, Russian literature, the search for meaning, the intuition of meaninglessness, life, death, Christianity, ethics.

Стремление понять русскую философию не прекращается с того момента, когда П.Я. Чаадаев задал свои эвристически-парадоксальные вопросы о самобытности русской культуры. Сам процесс понимания отечественной философской мысли, диапазон которого весьма широк (от полного отрицания до неоправданной ее апологетики) превратился в *герменевтику русской философии*, ставшую чуть ли не ее типологической чертой.

Наиболее внятной и определенной является русская религиозная философия, имеющая достаточно четкую хронологию и телеологию. А.Н. Паршин считает, что она была ответом на «вызов русского атеизма»: «... в начале прошлого века русская религиозная философия была, как бы к ней ни относиться. Именно она и была *ответом* на волну атеизма в обществе и народе. Или, скорее, попыткой ответа на вызов русского атеизма, попыткой, как видно теперь из будущего, запоздалой и не вполне удавшейся» [Паршин, с. 83].

При всем богатстве тем, имен, концепций русская религиозная философия ограничена главной апологетической задачей – борьбой за христианское вероучение. Можно ли считать данную задачу исчерпывающей и указующей на однозначную самобытность русской философии именно в этом плане? Представляется, что русская философия как феномен не только национального бытия (поскольку философия всегда о всеобщем, сущностном) выходит за церковные рамки «детоводителя ко Христу» и свидетельствует о некоторых универсальных вещах, предназначенных, как говорил Н. Федоров, «для верующих и неверующих».

Одна из наиболее зримых особенностей русской философии в том, что свои наиболее сильные открытия она свершает по ту сторону академических запросов университетской традиции. Ее волнует то, что оставляет равнодушным представителей «школьной философии». Вот, например, А.С. Пушкин написал легко и непринужденно, как и большинство всего, написанного им, такие строки: «Дар напрасный, дар случайный», имея в виду жизнь, жизнь как таковую, жизнь без пошлых иллюзий. Это что: поэзия или философия? Или особая философия в поэтической форме?

В любом случае, это не логический вывод, это прозрение-подозрение, поэтическая истина, та самая художественная правда, которая часто бывает поругана. Точные и глубокие строки этого стихотворения, почти страшные слова повторяют на свой лад все высочайшие трагические прозрения от Екклесиаста и Паскаля до Платонова и Сиорана. Им бы мог позавидовать Шопенгауэр и даже Кьеркегор, знай они творчество русского гения. «Дар напрасный, дар случайный...» – одна из главных философем лирики Пушкина, которая засвидетельствовала рождение в России крупной самостоятельной мысли. Это философия по сути есть не логически-формальный вывод, но глубочайшая интуиция о том, что *жизнь бессмысленна*; что, по крайней мере, в ней нет того смысла, который ищет человеческая душа, вопрошает, алчет, мучается и страдает оттого, что не находит его. Это интуиция о неявном смысле, каком-то *тайном смысле бытия*, лежащем за пределами всех известных логических умозаключений о цели и ценности жизни.

Пушкин действительно прикоснулся к чему-то в высшей степени запретному, к тому, что не видится обыденному сознанию и что строго охраняется христианским богословием, не разрешающим самостоятельного размышления. Пушкин прикоснулся к роковой тайне бессмысленности человеческого бытия, прикоснулся так, что не смог вынести этого.

Л.Н. Толстой, увидев смерть брата, произнес строки, по скорбной глубине также равные библейской тоске Екклесиаста: «глупо, что мы рождаемся, глупо, что умираем». Эти слова резонируют, гармонируют, вступают в высший духовный унисон с пушкинскими, образуя мощный метафизический контекст, куда не могут просочиться никакие мелкие взоры, намертво прикованные к суете.

Поразившая Толстого смерть брата была настолько сильным откровением о бессмысленности человеческого существования, что он всю свою жизнь отчаянно боролся со смертью, особенно с ее страхом и ужасом, полагая, что именно смерть и выжигает смысл. Все, что ни делал Толстой в своей жизни – беспрецедентное писательство, уход в семью и детей, создание собственной религии, критика существующих государственных институтов, тяжба с официальным христианством, сакрализация мужицкого и крестьянского быта, подвижническая педагогика, *борьба с Шопенгауэром*, – все это было бегством от само-

го себя, от той страшной истины, которая однажды вдруг была ему подарена увиденной смертью брата.

Отсюда и моралистические упражнения, достигшие апофеоза в его последнем и как бы итоговом труде «Путь жизни». Здесь все – сплошь утешения, заклания телесно-греховной жизни, аскетические назидания, самоубеждения в незначительности смерти для тех, кто живет истинно-праведной жизнью. Но сквозь все эти прекрасные и благодушные нравственные максимы и сентенции, рассчитанные на то, чтобы стать последней «Книгой жизни», сквозит тот же страх и ужас, который посетил его в молодые годы.

Даже здесь, в «Пути жизни», можно встретить ну уж совсем по-розановски звучащие строки: «Я люблю свой сад, люблю читать книжку, люблю ласкать детей. Умирая, я лишаюсь этого, и потому мне не хочется умирать, и я боюсь смерти» [Толстой, с. 391].

И это уже не просто страх и ужас перед смертью («арзамасский ужас»), это уже *страх и ужас перед бессмысленностью существования*, которого праведная душа Толстого никак не могла выдержать, воспринимая это как личное оскорбление. Правда, непонятно от кого идущего. И это тоже, идущая от Пушкина, *интуиция бессмысленности* наличного бытия.

Французский современник Толстого Шарль Бодлер, видимо, чувствовал то же самое, но не боялся признаться в своем полном неведении:

«Довод в пользу Бога. Ничто не существует бесцельно.

Стало быть, и у моей жизни есть цель. Какая? Этого я не знаю.

Значит, не я ее назначил. Значит, это кто-то помудрее меня.

Значит, надо молиться этому кому-то, чтобы он меня просветил. Это самое благо-разумное» [Бодлер, с. 7–8].

В отличие от Бодлера Толстой не хотел молиться и хотел сам назначить цель жизни, исходя из своего человеческого понимания. Но этого не получилось. И его финальное бегство есть истинный показатель жизненного краха. В то же время это бегство и есть самый сильный поступок Толстого, самый главный его «текст», в котором он честно признался в том, в чем мешала признаваться его писательская и человеческая гордость всю жизнь. В реальной бессмысленности существования как такового, которое не поддается никакому пониманию и оправданию.

Титанизм Толстого, мучительно переживавшего всю жизнь ее бессмысленность, не вписывался в рамки никакой земной реальности, тем более реальности культурной. Бесчисленные критики Толстого, стремившиеся упрекнуть гения в недостаточной мыслительной развитости при несомненном художественном даровании, не замечали как раз очевидного: именно это ни с чем не сравнимое дарование и помогло художнику почувствовать неправду наличной жизни во всех ее проявлениях – от бытовых и религиозных до культурных и богемных.

Это выделяет и возвышает Толстого над всеми его и почитателями, и хулителями, приравнивая его к одиночным вершинам мирового духа, чьи мучения и вопрошания никогда не понятны «простым смертным». С такой точки зрения Толстой какой-то нелепый чудаки, утопист, нигилист и моралист одновременно, не понимающий существующего порядка вещей и бредящий о чем-то несбыточном и непонятном.

Фундаментальная интуиция бессмысленности существования, так и не заполненная ничем суррогатным, разорвала и изуродовала жизнь Толстого, который и явил, в конце концов, великий венец мученичества – мученичества от самого тягостного и непостижимого в мире, от его бессмысленности. И не надо требовать от Толстого ничего. Можно лишь понять, что его путь жизни и есть наш путь, возможно, единственно достойный путь.

А.П. Чехов, проникнув в какие-то недоступные для взора обычного человека платы реальности, обычно говорил: «Скучно, господа». Это не бытовая констатация, это какой-то предельный «глас вопиющего», своей искренностью поразившей несметное число думающих людей, как в России, так и на Западе. Чуткие натуры поняли, что Чехов говорит не только о России; просто в России то, о чем он говорит, ощущается острее и сильнее, но его слова – это слова о *жизни как таковой*, о жизни, не имеющей исторических, национальных и культурных границ.

Чехов – это жертва. Жизнь расправилась с ним жестоко и беспощадно, одарив редким даром видеть пустоту окружающей действительности. Все эти пыльные, грязные, унылые пейзажи российской провинциальной действительности ни к чему не призывают; писатель менее всего стремился к тому, чтобы на кого-то повлиять, что-то изменить к «лучшему». Его творчество не относится ни к одному из существующих литературных жанров. Менее всего это сатира, ироническое обличение и прочие несущественные вещи. Можно, конечно, считать его экзистенциалистом. И это будет ближе всего к истине.

Но Чехов глубже экзистенциалистов потому, что у него не просто предельные состояния героев, у него – предельное состояние бытия, намертво оголенное в своей страшной бессмысленности. «Скучная история» – своего рода квинтэссенция такого состояния. Вся это история о том, как умирающий – известный и заслуженный ученый – попадает в тиски мертвящей бессмысленности жизни. Накануне смерти к нему приходит такое откровение: «...все гадко, не для чего жить, а те шестьдесят два года, которые уже прожиты, следует считать пропащими».

Это говорит не какой-то заурядный неудачник; это слова человека, знаменитого в России и за рубежом, человека, чья жизнь прошла достойно по меркам общественных стандартов. Он посвятил себя благородному делу – служению науки, достиг выдающихся результатов, имеет семью, самое аристократическое знакомство. Чехов как бы нарочно «длинный список его славных друзей» венчает такими именами как Пирогов, Кавелин, Некрасов, которые дарили его «самой искренней и теплой дружбой». Большой насмешки, большего плевать в лицо общественной морали и придумать нельзя!

Иными словами, жизнь чеховского героя, как принято говорить, состоялась, удалась, свершилась. Такую жизнь называют счастливой: «Это мое имя популярно. В России оно известно каждому грамотному человеку, а за границей оно упоминается с кафедр с прибавкою известный и почтенный. Принадлежит оно к числу тех немногих счастливых имен, бранить которые или упоминать их всуе, в публике и в печати считается признаком дурного тона. Так это и должно быть. Ведь с моим именем тесно связано понятие о человеке знаменитом, богато одаренном и, несомненно, полезном. Я трудолюбив и вынослив, как верблюд, а это важно, и талантлив, а это еще важнее. К тому же, к слову сказать, я воспитанный, скромный и честный малый. Никогда я не совал своего носа в литературу и в политику, не искал популярности в полемике с невеждами, не читал речей ни на обедах, ни на могилах своих товарищей... Вообще на моем ученом имени нет ни одного пятна и пожаловаться ему не на что. Оно счастливо» [Чехов, с. 251].

Чего ж еще желать? Грех ведь жаловаться на такую судьбу. Кругом полно «сырых и убогих», обездоленных, безвестных, забытых Богом и людьми, никому не нужных ничтожных существ, этих «маленьких людей». Их миллионы, они заполняют землю своим ничемным бытием. А здесь ведь совершенно иной случай. Состоявшаяся жизнь редкость. Откуда весь этот ропот? «И теперь я экзаменую себя: чего я хочу?

Я хочу, чтобы наши жены, дети, друзья, ученики любили в нас не имя, не фирму и не ярлык, а обыкновенных людей. Еще что? Я хотел бы иметь помощников и наследников. Еще что? Хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой. Хотел бы еще пожить лет десять... Дальше что?

А дальше ничего. Я думаю, долго думаю и ничего не могу еще придумать. И сколько бы я ни думал и куда бы ни разбрасывались мои мысли, для меня ясно, что в моих желаниях нет чего-то главного, чего-то очень важного. В моем пристрастии к науке, в моем желании жить, в этом сиденье на чужой кровати и в стремлении познать самого себя, во всех мыслях, чувствах и понятиях, какие я составляю обо всем, нет чего-то общего, что связывало бы все это в одно целое. Каждое чувство и каждая мысль живут во мне особняком, и во всех моих суждениях о науке, театре, литературе, учениках и во всех картинках, которые рисует мое воображение, даже самый искусный аналитик не найдет того, что называется общей идеей, или богом живого человека.

А коли нет этого, то, значит, нет и ничего.

При такой бедности достаточно было серьезного недуга, страха смерти, влияния обстоятельств и людей, чтобы все то, что я прежде считал своим мировоззрением и в чем

видел смысл и радость своей жизни, перевернулось вверх дном и разлетелось в клочья» [Чехов, с. 307].

Вся беда в том, что проживи он хоть тысячу лет или тысячу жизней, результат был бы тем же. Полный крах. Крах кого? Приличного, состоявшегося человека. Лучшего человека. Что ж говорить об остальных?!

Можно, конечно, объяснять эти состояния (как он сам и пытается иногда) тем, что герой смертельно болен. И его мысли не показательны, поскольку находятся под сильнейшим влиянием недуга. Но это не так. У героя нет того ужаса перед смертью, который испытывает несчастный человек в «Смерти Ивана Ильича» Л. Толстого. Между ними принципиальное отличие. В «Скучной истории» человек скорее равнодушен к своей смерти, и он мучим не *страхом смерти*, а *бессмысленностью жизни*, которая, может быть, и не связана непосредственно со смертью. И его мука (в этом мастерство Чехова) выходит за пределы лишь его частного случая и становится какой-то универсальной, всеобщей участью любого.

Но герой, «которого судьбы костного мозга интересуют больше, чем конечная цель мироздания», и раньше, когда был здоров и активен, чувствовал эту смертную тень бессмыслицы. Поэтому и топил себя в костном мозге, понимая, что нет никакой конечной цели мироздания и быть не может. И наукой он занимался скорее из-за понимания абсурдной ситуации жизни, нежели из-за «любви к истине». И чем больше он понимал эту нелепую ситуацию, тем упорнее трудился, ведь именно активный труд и вообще бурная деятельность отвлекают человека от «нехороших мыслей». Всю жизнь он пытался убежать от себя, но тщетно.

Это крах не ученого, отдавшего себя полностью науке, а поэтому и не заметившего жизнь, как можно было бы трактовать «Скучную историю». Это крах человека, любого человека. Крах любой жизни, какой бы успешной, удачной и счастливой она ни была.

И все творчество писателя, которое переходило легко и органично в жизнь и обратно, вопило о пошлой бессмысленной скуке существования, которую чувствует благородный человек. А даровитый чувствует ее вдвойне.

Обостренное чувство бессмысленности и «этого», и «того» мира, даже перед «лицем Господа» присуще Василию Розанову. Он как бы всем своим творчеством стремится доказать обратное, стремится найти в глубине своей личной метафизики и личного быта смысл и оправдание существующему. Все его обильное и интенсивное письмо призвано заполнить черные экзистенциальные дыры, которыми окружена жизнь. Но, увы, все тщетно. В «Опавших листьях» такие строчки: «На том свете буду без тем. Бог меня спросит: – Что же ты сделал? – Ничего» [Розанов, с. 77].

И вот вновь и вновь бросается Розанов в омут бесконечного письма, разрушая все существующие каноны и стандарты и изобретая новые, движимый лишь одним – уйти, убежать, спрятаться от ужаса бессмыслицы, которая, как восставший из гроба покойник, протягивает свои страшные руки к несчастному, оставшемуся почему-то еще в живых...

Леонид Андреев, Александр Блок, Андрей Платонов и множество других русских умных, талантливых и порядочных людей чувствуют, видят и понимают *правду жизни*, которая заключается в *честном признании ее исконной бессмысленности*. Можно сказать, что русская литература – это какое-то невероятно пронзительное и достоверное откровение о бессмысленности, за которым – чаяние смысла, высшего и абсолютного. Это, пожалуй, «родовая» черта русской литературно-художественной традиции, которая тем и отличается от всех остальных, что для литературы она слишком «тяжела», а для философии слишком «легковесна» (то есть художественна). Здесь тот таинственный «литературоцентризм», мета-жанр, мета-стиль, и мета-дискурс, и мета-нарратив русской словесной культуры. А в действительности – это только честный и правдивый взгляд на вещи, для которого не находится строго канонического жанра.

Но вдруг это все-таки лишь литература, которой, так или иначе, свойственно искажать правду жизни во имя эстетических целей? Может ли вообще чье-то творчество (писателя или философа) быть мериллом и критерием действительного положения вещей?

Может. Дело в том, что писателям нечего терять. Они могут говорить самые ужасные вещи о жизни, прячась под маской творчества. Контрабандой они протаскивают в

жизнь ее правду. В том-то все и дело, чтобы сверить, соотнести свои собственные ощущения и переживания с теми, о которых говорят они на своих лучших страницах.

Но, конечно, было бы неправильно только писателям приписывать истинные откровения о жизни. Просто их слова доходчивее в силу художественной экспрессивности письма. Но и не писатели чувствуют и понимают то же самое. Богослов и священник А. Шмеман уже не на уровне интуиции, но в терминах социологической фактичности говорит о мире, «полном бессмыслицы и пустоты, постоянно нуждающемся в шуме, чтобы прекратить эту пустоту» [Шмеман, с. 174]. Духовно чуткий взор его видит разъедающую пустоту мира, то есть его бессмысленность. Но, будучи все-таки богословом, он относит это *исключительно к духовной ситуации современности*, которая может быть преодолена *усилием веры* (в частности, через возвращение религиозного смысла смерти).

Но эта ситуация *всеобща*; она не только характерна для современного «шума»; мир впустую шумит всегда – и до, и во время, и «после» христианства. Это бытийное свойство мира быть пустым. И, увы, никакие усилия миссионерского плана не исправляют ситуацию онтологически. Иначе она была бы уже исправлена. И титаническая духовная работа Гоголя, Леонтьева, Достоевского, Толстого, Федорова, Соловьева, Бердяева, Франка, Трубецкого, Шестова, Розанова, Платонова и других представителей русской философской культуры как раз и направлена на преодоление этой разъедающей бессмыслицы, которая должна быть все же опознана как реальность.

Но не только «интеллектуальная элита» все это чувствует, это чувствует и знает простой человек, простой русский человек, который вступил в смертную схватку с этой бессмыслицей, пожертвовав навсегда своим бытовым комфортом и уютом. Вся эта нудная и тяжелая жизнь, чья тяжесть определяется не экономическими категориями, но «невыносимой легкостью» бессмыслицы, которая жжет несравнимо сильнее, нежели всяческие хозяйственные неурядицы. Если смотреть на русскую историю не в социальных категориях, в которых всегда задним числом находится какой-то рациональный смысл тех или иных неурядиц, но через ткань литературно-философских озарений, которые, несмотря на всю «субъективность», присущую человеческому как таковому, все же достовернее изображают действительность. Так вот, если посмотреть на жизнь таким взором, то откроется многое. Откроется главное – вся духовная (или психологическая), метафизическая и прочая энергия творчества направлена на одно – *на борьбу с бессмыслицей*. Но прежде чем бороться с ней, ее нужно было заметить, опознать и испугаться, поразившись ее нечеловеческому смыслу, идущему вразрез со всеми привычными устоями существования.

В России все наиболее значимое свершается вопреки рациональному, то есть системному, механическому и бездушному. Вот почему жизнь никогда не была предметом рационального осмысления. И когда русские философы ищут «смысл жизни», то они ищут не ее прагматической цели, они алчут высшей правды. Вся мощь русской культуры, русский гений – это прорыв сквозь рациональное, то есть постижимое, известное и оправданное. И главный прорыв – это прорыв *к истине о смысле существования сквозь явную бессмыслицу*.

Этот прорыв высказал себя в форме интуиции. Интуиция эта негромкая, но фундаментальная, определившая «дух и стиль русской культуры», ее логос и архетип. Это почти что догадка, страшное откровение, но и плод долгого смотрения, расслушивания и разглядывания. Здесь нет пессимизма и отчаяния – родовых мет западной культуры; здесь лишь тихая мудрость прозрения, захватившего своей стихией все наиболее яркие и глубокие проявления национального духа.

Это всечеловеческая интуиция, преломленная через национальную культуру и породившая совершенно особый отличительный взор. Взор, пронизанной тоской. Это именно интуиция, поскольку ни доказать, ни показать бессмысленность жизни нельзя. Нельзя даже подойти к этому рационально; есть какое-то препятствие, не позволяющее прямо и открыто сформулировать положение о бессмысленности и сделать его универсальным принципом. Лишь неброский голос интуиции, неброский, но безошибочный, говорит нам о том, что жизнь бессмысленна до самых последних и глубоких основ, до самой невероятной жути. Но кто будет смотреть в этот жуткий омут, где властвуют силы, коим нет места в обыденном порядке сущего?

Кто-то будет неистово творить, испугавшись и поразившись факту бессмысленности, кто-то также будет неистово разрушать сложившийся порядок, в котором легитимизована эта бессмысленность. А кто-то тихо присмотрится к тому, что есть, в робкой надежде разглядеть в существующем какие-то обнадеживающие знаки, то есть подлинный высший смысл. И вот умение разглядеть эти обнадеживающие знаки и есть подлинный смысл русского философского умозрения, которое гораздо глубже, чем просто литературный опыт изящной словесности, но и гораздо жизненнее в экзистенциальном смысле, нежели теоретические построения рациональной философии, в равной степени удаленные и от литературы, и от «живой жизни». В конечном счете и религиозная философия в своей борьбе за христианство боролась за высший смысл, который она в нем видела.

Список литературы References

1. Бодлер Ш. Мое обнаженное сердце. М.: Лимбус Пресс, 2014. 528 с.
Bodler Sh. Moe obnazhennoe serdce. M.: Limbus Press, 2014. 528 s.
2. Паршин А.Н. Русская религиозная мысль: Возрождение или консервация // Семинар «Русская философия (традиция и современность)»: 2004–2009. М.: Русский путь, 2011. 592 с.
Parshin A.N. Russkaja religioznaja mysl': Vozrozhdenie ili konservacija // Seminar «Russkaja filosofija (tradicija i sovremennost')»: 2004–2009. M.: Russkij put', 2011. 592 s.
3. Розанов В.В. Собрание сочинений. Листва. М.: Республика, СПб.: Росток, 2010. 591 с.
Rozanov V.V. Sbranie sochinenij. Listva. M.: Respublika, SPb.: Rostok, 2010. 591 s.
4. Толстой Л.Н. Путь жизни. М.: Эксмо, 2009. 448 с.
Tolstoj L.N. Put' zhizni. M.: Jeksmo, 2009. 448 s.
5. Чехов А.П. «Скучная история» // Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. М.: Наука, 1985. Т. 7. С. 251–311.
Chehov A.P. «Skuchnaja istorija» // Polnoe sobranie sochinenij i pisem v tridcati tomah. M.: Nauka, 1985. T. 7. S. 251–311.
6. Шмеман А., прот. Литургия смерти и современная культура. М.: Гранат, 2013. 176 с.
Shmeman A., prot. Liturgija smerti i sovremennaja kul'tura. M.: Granat, 2013. 176 s.

УДК 266.1

МИССИОНЕРСТВО И ПРОЗЕЛИТИЗМ**MISSIONION AND PROSELITHISM****Игумен Серапион (А.Е. Митько)****Hegumen Serapion (A.E. Mitko)**

Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия,
Россия, 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, строение 1

Ss Cyril and Methodius Theological Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies
build.1, 4/2, Pyatnitskaya St., Moscow, 115035, Russia

E-mail: serapion@list.ru

Аннотация. Важнейшим элементом миссиологических исследований является системно-категориальный анализ базовой терминологии. Особенности исторического генезиса основных понятий миссиологии актуализируются в современных дискуссиях, посвященных миссионерскому служению. Нормативные документы Русской Православной Церкви содержат развернутые определения миссиологической терминологии и определяют траектории дальнейших исследований. Задачей данного исследования является определение различий в содержании понятий «миссионерство» и «прозелитизм».

Resume. An essential element of missiological research is the systematic and categorical analysis of the basic terminology. Features of the historical genesis of the basic concepts of missiology updated in current discussions dedicated to missionary service. Regulations of the Russian Orthodox Church contain detailed definitions missiological terminology and define the path for further research. The aim of this study is to determine the differences in the concept of «missionary» and «proselytism».

Ключевые слова: Православие, миссиология, миссия, миссионерство, священноапостольство, прозелитизм, история понятий.

Keywords: Orthodox, missiology, mission, missionary, holy apostleship, proselytizing, story ideas.

Вопрос различения миссионерства и прозелитизма является одним из центральных для православной миссиологии. В его контексте происходит рассмотрение целого ряда актуальных экклезиологических проблем, таких как единство и границы Церкви, статус других христианских церквей и церковных сообществ, принципы построения межхристианских и межрелигиозных отношений.

В настоящее время данный вопрос приобретает особое практическое значение в связи с принятием поправок [13, ст. 8] к федеральному закону № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях», касающихся миссионерской деятельности [12, гл. III.1]. Изменение закона вызвало общественную дискуссию, основным мотивом которой стала критика принятых поправок. Наряду с критическим отношением к закону, участников дискуссии объединяет представление о миссионерстве как о чем-то самоочевидном и не нуждающемся в анализе и переосмыслении.

Русская Православная Церковь, осуществляя свое попечение о жизни российского общества, в силу своего пророческого призвания обращает внимание на некоторые значимые проблемы прежде, чем они оказываются в поле зрения общественности и законодателей. В своем докладе на Архиерейском Соборе 2016 года Святейший Патриарх Московский и всея Руси Кирилл, обратив внимание на ряд неопределенностей в православном миссионерском служении, призвал к его переосмыслению [1, с.26–27]. Эти положения доклада Святейшего Патриарха нашли отражение в Постановлении Собора [11, п. 15]. Во исполнение его решений епархии и синодальные учреждения Русской Православной Церкви объединяют свои труды по переосмыслению миссионерства. Необходимым эта-

пом этой деятельности является исследование различных аспектов миссионерского служения и сопутствующих ему форм деятельности.

Следует отметить, что основным пространством обсуждения проблем миссионерского служения в последние годы стал Интернет. Соответственно, проблемы миссии рассматриваются в контексте публицистического дискурса и лишены строгой научности. Ключевые понятия миссиологии лишены строгих коннотаций, каждый участник дискуссии исходит из собственного понимания миссии, часто нечеткого и неопределенного. При этом каждый предполагает, что оппоненты разделяют его представление об объеме и содержании миссиологических терминов. Вместе с тем анализ содержания дискуссий, посвященных миссиологической проблематике, однозначно указывает на отсутствие конвенциональности даже в отношении самых ключевых понятий, в том числе таких как миссия, миссионерство и прозелитизм.

Поскольку данные термины закрепляются в языке русского православного богословия сравнительно поздно – в XVIII веке – основными источниками по данному вопросу являются не святоотеческие тексты, а соборные определения XX века и ряд общецерковных документов, посвященных нормативной регуляции миссионерского служения в Русской Православной Церкви. Привлечение источников других Поместных Православных Церквей также не представляется принципиально необходимым в силу существенного различия в терминологии. Например, в греческом богословии вместо слова «миссионерство» используется понятие «εραλοστολική».

Широкое заимствование латинской терминологии является типичным явлением для русского богословия Нового Времени. Среди причин данного процесса следует отметить доминирование украинского епископата в России XVIII века, преподавание в семинариях на латинском языке, недостаточное развитие славяно-русской богословской терминологии. Массовые заимствования иностранной терминологии не являются специфическим явлением церковной жизни, речь идет об общем тренде, характерном для России, начиная с конца XVII века. Петровские преобразования приносят в жизнь российского общества новые явления, некоторым из которых не было наименований в родном языке.

Однако экспансия иностранной терминологии этим не ограничивается. Зачастую происходит переименование вещей и явлений, имеющих устойчивое терминологическое значение в славянском или русском языке. С одной стороны, этот процесс отражал культурные предпочтения властной и интеллектуальной элиты, отражая лингвистические последствия модернизации. С другой стороны, часто принудительное внедрение иностранной терминологии становилось активным инструментом модернизации.

Эти тенденции легко проследить на примере терминов «миссия» и «миссионерство». С одной стороны очевидно, что церковное служение, направленное на преодоление раскола, включающее элементы силового воздействия, не вполне укладывалось в понятие «священноапостольства». Соответственно, новое явление в церковной жизни требовало терминологического уточнения. С другой стороны, заимствование латинского термина повлекло неизбежное привнесение коннотаций, характерных для католического богословия и церковной практики. Новые термины не просто описывали изменения в церковной жизни, но и активно конструировали определенные тенденции развития миссии в соответствии с парадигмой западного богословия.

Результатом данного процесса стало установление терминологического различия между «миссионерством» с одной стороны и «апостольством» с другой. Каждое из этих понятий получают собственные объем и содержание, происходит формирование отдельных предметных областей. Однако соотношение объема и содержания данных понятий оставалось неопределенным и динамичным. Эта неопределенность и динамика остаются актуальными вплоть до настоящего времени.

Можно констатировать наличие общих тенденций в процессе различения «миссионерства» и «апостольства». Понятие «миссионерства» формируется путем редуцирования части содержания «апостольства» и его дополнения коннотациями, заимствованными из западного богословия. Эта тенденция выражается в расширении объема понятия «миссионерства» за счет сужения понятия «апостольства». Во многом это было обусловлено изначальным различием статуса данных понятий. «Апостольство» не только имеет библейское

происхождение, но и является одной из фундаментальных экклезиологических категорий Никео-Цареградского Символа Веры, характеризующих один из атрибутов Церкви. Привнесение нового содержания в такое понятие равносильно искажению православной веры. Включение антираскольных и антисектанских практик в православное понимание апостольства вело бы к существенному искажению православного вероучения в целом. Новый терминологический конструкт «миссионерство», обладающий значительно меньшим богословским статусом, был призван аккумулировать новые смыслы, несопоставимые с «апостольством». Легитимация нового термина осуществляется в качестве прикладного аналога «апостольства». В результате этого процесса практические смыслы «апостольства» элиминируются, а сам термин приобретает преимущественно теоретический статус, либо соотносится с внутренней жизнью Церкви.

Таким образом, аналитическое истолкование терминологических новаций в русском богословии обнаруживает девиантные тенденции в развитии некоторых понятий. Возникает парадоксальная ситуация, при которой становится возможным представление о Церкви, сознающей себя апостольской, но не миссионерской, и миссии, утратившей свое апостольское призвание.

Другой тенденцией становится институциализация новой терминологии на фоне деинституциализации базовой. Институт апостольства в чистом виде присутствует в истории Церкви I в. В дальнейшем апостольство остается принципом церковного бытия и особым призванием святых, однако формы бытования апостольства в жизни Церкви нельзя назвать вполне институциональными. Миссионерское служение в синодальный период активно институциализируется, что проявляется в организации миссий, введении штатных должностей епархиальных миссионеров и иных формах. При этом в миссионерском служении сочетаются как институциональные формы апостольского типа (миссия среди языческих народов), так и его новые формы (антираскольная и антисектантская деятельность). Именно в рамках последних форм служения возникает проблема прозелитизма и его соотношения с миссионерством.

Понятие прозелитизма соотносится с двумя различными сферами применения. С одной стороны, термин «прозелитизм» в его узком значении используется в исторической науке, прежде всего, для обозначения феномена широкого обращения в иудаизм язычников в эллинистический и римский период. Понятие прозелитизма имеет библейское происхождение и сохраняется в качестве богословско-правового термина на протяжении всей истории еврейского народа. Исторически можно выделить два типа прозелитизма: добровольное присоединение язычников к народу Израиля, осуществляемое с разной интенсивностью на протяжении всей его истории, и насильственное обращение в иудаизм, локально ограниченное хасмонейской эпохой, но имеющее продолжение в истории других религий.

Этим определяется изначальная внутренняя противоречивость понятия прозелитизма. В случае добровольного присоединения субъектом прозелитизма является сам обращающийся, в случае насильственного присоединения субъектом выступают лица и институции, осуществляющие обращение. Эта противоречивость является следствием процесса искажения смысла понятия в его истории, то есть свидетельством девиантного развития термина.

Прозелитизм второго типа в большинстве случаев получает негативную оценку как насильственная практика в вопросах веры, сопряженная с попранием человеческой свободы и несущая вред душе обращаемого. В силу этого прозелитизм получает негативную оценку в понимании современного общества. Восприятие прозелитизма первого типа в иудейской среде также не лишено определенной негативности, вызванной предполагаемым несовершенством мотива обращающегося. Таким образом, негативная оценка прозелитизма как явления связана с проблемой несовершенства свободы.

Что еще объединят два типа прозелитизма в контексте их негативной оценки? Как правило, ни одна из религий не оценивает свою миссионерскую деятельность как прозелитическую. Понятие прозелитизма применяется при оценке деятельности других религиозных институций. Таким образом, прозелитизм как оценочное понятие с негативной кон-

нотацией применяется в отношении несовершенства мотивов или поступков другого и крайне редко в отношении себя.

Другая сфера применения термина прозелитизма в широком значении соотносится с апологетическим или дипломатическим дискурсом в сфере межконфессиональных или межрелигиозных отношений. В новейшей истории Русской Православной Церкви понятие прозелитизма в основном применялось в отношении процессов, связанных с возрождением УГКЦ на Западной Украине, миссионерской деятельности ряда протестантских и католических организаций, сект и новых религиозных движений. В данном контексте квалификация того или иного вида миссионерского служения как прозелитизма ведет к ее однозначно негативной оценке. В связи с этим проблема соотношения понятий миссионерства и прозелитизма приобретает важное теоретическое и практическое значение.

Каким образом сама Русская Православная Церковь определяет миссионерство и прозелитизм? В последние два десятилетия был принят ряд документов, так или иначе дающих определение миссионерства. Следует отметить, что в этих документах термины «миссионерство» и «миссия» в большинстве случаев синонимичны.

27 марта 2007 года на заседании Священного Синода Русской Православной Церкви была принята «Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» [3]. В ней сформулированы общие принципы, цели и задачи миссионерского служения, определена миссионерская ответственность священнослужителей и мирян, описаны формы и методы современной миссионерской деятельности.

Преамбула Концепции начинается с определения: «Миссия (свидетельство) – проповедь для пробуждения веры – присуща самой природе Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви и заключается в провозглашении Благой вести всему миру: «Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари» (Мк. 16, 15). Она направлена на спасение каждого человека» [3, с. 368]. Таким образом, несмотря на сложную историю термина, Русская Православная Церковь сохраняет изначальное понимание миссионерства как апостольства. Концепция особенно подчеркивает, что «Православная Церковь именуется Апостольской не только потому, что члены Церкви "утверждены на основании Апостолов" (Ефес. 2, 20), но и особенно потому, что через нее проповедь апостолов Иисуса Христа продолжается до сего дня. Она непрерывно растет как единосущная той Церкви, которая родилась в День Пятидесятницы, когда крестилось "душ около трех тысяч" (Деян. 2, 41)». Миссия рассматривается не как факультативная функция Церкви, а как сущностное качество и способ самораскрытия. Наиболее распространенные способы определения миссии сводятся к двум основным типам: этимологическому и сотериологическому.

В первом случае цель миссии часто определяется как проповедь Слова Божия и обращение в православную веру. «Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви» 1995 года делает акцент на определении первого типа: «Миссия, или свидетельство, присуща природе Церкви и заключается в провозглашении Благой вести всему творению (Мк. 16,15)» [2, II.1]. Документ «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» еще более последовательно следует этимологическому определению миссии: «Термин «миссия» происходит от латинского глагола *mittere* в значении «посылать, отправлять» и означает «задачу, поручение». Первыми христианскими миссионерами были апостолы (букв. «посланники»), исполнявшие данную им Самим Господом и Спасителем Иисусом Христом заповедь: «Итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа, уча соблюдать их все, что Я повелел вам» (Мф. 28:19–20). В Символе веры Церковь именуется Апостольской, что указывает не только на апостольское преемство веры и рукоположений, но и на призвание Церкви всегда проповедовать христианскую истину. Таким образом, миссия присуща самой природе Церкви: христианская Церковь есть Церковь миссионерская» [10, с.418–419]. Отметим, что православные определения этимологического типа, содержащие понимание миссии как проповеди и обращения, рассматривают ее в неразрывной связи с апостольским основанием Церкви. Современные православные определения миссии характеризуются тенденцией к преодолению исторического разрыва между миссионерством и священноапостольством.

Во втором случае при определении цели миссии Церковь исходит, прежде всего, не из этимологии, а из сотериологии. Проповедь Слова Божия и обращение в православную веру рассматриваются как содержание миссии, тогда как ее конечная цель понимается в спасении человека. Даже эффективная проповедь и обращение сами по себе не тождественны спасению. Конечная цель миссии лежит в сфере сотериологии. Именно актуализация сотериологической направленности миссии на всех этапах ее осуществления определяет богословскую идентичность и практическую эффективность миссионерского служения. Этот подход в полной мере проявляется в «Концепции миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»: «Она (миссия – прим. авт.) направлена на спасение каждого человека» [3, с. 368] и «Концепции возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви»: «Миссия Церкви – спасение каждого человека» [2]. Несомненно, что сотериологическое понимание целей миссии преемственно присутствует в основополагающих документах Русской Православной Церкви. Таким образом, православное понимание целей миссии не ограничивается проповедью и обращением, изначальной и конечной целью является спасение человека. Этимологические и сотериологические типы определений не противоречат друг другу, являясь составляющими единого миссиологического дискурса.

Наряду с определениями миссии и миссионерства в общецерковных документах присутствует описание феномена прозелитизма. Документ «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию» [6], принятый Юбилейным архиерейским собором 2000 г., говорит о прозелитизме на ее канонической территории: «Русская Православная Церковь утверждает, что миссия традиционных конфессий возможна лишь в тех условиях, когда она осуществляется без прозелитизма и не за счет «переманивания» верующих, особенно с использованием материальных благ» [5, п. 6.2]. Тема прозелитизма получила активное развитие в общецерковных документах и выступлениях иерархов Русской Православной Церкви после событий, связанных с возрождением униатства на Украине и активной деятельностью протестантских и католических миссионеров на постсоветском пространстве. Данные явления оказались неразрывно связанными с систематическим проявлением физического и морального насилия. Прозелитическая деятельность иностранных миссионеров характеризовалась широким использованием манипулятивных технологий, направленных на управление мотивацией обращения. Данные технологии включали дезинформацию в отношении Православия, системы психологического контроля и материальное стимулирование обращаемых. Поскольку сами иностранные миссионеры никогда не называли свою деятельность прозелитической, у определенной части общества неприятие прозелитизма проявилось в переносе его негативных конотаций на понятие миссионерства. При анализе подобных явлений необходимо учитывать, что в общественном сознании присутствует представление о миссионерстве, по сути идентичное прозелитизму.

Православное понимание прозелитизма получило свое развитие в документе «О современной внешней миссии Русской Православной Церкви» 2013 г.: «В странах, где христианство является частью национальной культуры и сформировало идентичность народа, приходы Русской Православной Церкви не используют в деле свидетельства о Православии среди местных жителей такие методы, которые в современном контексте связываются с понятием прозелитизма. Подобные же требования наша Церковь предъявляет к инославным религиозным организациям на канонической территории Московского Патриархата. В то же время Церковь открыта для всех, кто ищет возможности воспринять в полноте Истину православной веры, а потому в тех государствах, где действует принцип свободы совести, переход в Православие отдельных людей, ранее придерживавшихся иных религиозных или нерелигиозных убеждений, является результатом их свободного личного выбора» [10, п. 5, с. 423–424]. Наиболее полно это понимание представлено в примечаниях, являющихся частью текста документа: «Прозелитизм» в современном христианском контексте не является синонимом слова «миссия». Прозелитизм, в отличие от миссии, имеет негативный смысл, поскольку под ним понимаются целенаправленные усилия по обращению других христиан в свое исповедание с применением предосудительных методов. Среди них – экономическое и политическое влияние, использование бедственно-

го положения людей, в котором им предлагается медицинская и гуманитарная помощь, психологическое воздействие, а также пренебрежительное отношение к другим исповеданиям. Прозелитизмом также является организованная миссия среди людей, традиционно и культурно принадлежащих к местной христианской общине» [10, прим.1, с. 424]. В данном тексте можно выделить несколько ключевых моментов.

Во-первых, утверждается нетождественность терминов миссии и прозелитизма в «современном христианском контексте». Здесь документ оставляет значительное пространство для исследования феноменов тождества миссии и прозелитизма вне христианского контекста. Различение миссии и прозелитизма осуществляется через противопоставление аксиологических статусов коннотаций. Невозможность негативной оценки является составляющей частью содержания термина «миссия». Православная миссия в своем подлинном значении не может оцениваться негативно. Если такое все же происходит, речь идет об искажении аутентичного содержания термина «миссия», в т. ч. путем внешнего привнесения негативной оценки, основанной на предвзятости оценивающего. С другой стороны, прозелитизм всегда оценивается негативно. Позитивная оценка прозелитизма возможно лишь в контексте мировосприятия, существенно отличающегося от христианского.

Во-вторых, указывается на различие миссии и прозелитизма в сфере целеполагания. Прозелитическая деятельность всегда направлена на обращение других христиан в свое исповедание. Таким образом, целью прозелитизма является не спасение человека и даже не проповедь Слова Божия во свидетельство, а именно его присоединение к конкретной конфессии, безотносительно к благу данного человека.

В-третьих, прозелитизм, в отличие от миссии, всегда использует предосудительные методы. Эти методы являются неприемлемыми как с морально-теологической, так и с этико-философской точек зрения. Морально-теологическая неприемлемость методов прозелитизма определяется их несоответствием главной цели евангельского благовествования – спасению человека и его духу свободы во Христе. Таким образом, прозелитизм является девиантной формой миссионерства, лишённого апостольского духа и основания. С этико-философской точки зрения, прозелитическая деятельность не содержит в себе понимания блага человека как конечной цели, рассматривая его лишь как средство к получения благ для собственной конфессии. Кроме того, каждый из перечисленных в документе методов получает негативную оценку в рамках обоих подходов. Конечной целью миссионерства является спасение души адресата миссии. Целью прозелитизма является присоединение человека к определенной конфессии. Разумеется, что в рамках прозелитической деятельности в качестве конечной цели декларируется именно спасение души обращаемого, однако реальными целями остаются рост собственной конфессии, расширение ее влияния в обществе, совершенствование экономической составляющей.

Одной из особенностей понимания феномена прозелитизма в церковных документах является последовательное отнесение его негативных последствий к жертвам прозелитической деятельности. Именно забота о душах людей является основным мотивом церковного попечения. Однако не меньший вред прозелитическая деятельность приносит ее организаторам и непосредственным участникам. Небрежение спасением ближнего несет вред собственному спасению. Ограничение свободы другого ведет к утрате собственной свободы. Прозелитическая деятельность ведет к деформированию мотивации ее организаторов и участников и формированию особого девиантного этоса лжемиссионера.

Являясь девиантной формой миссионерства, прозелитизм формируется на основе утраты апостольского духа и оснований христианской миссии. Использование миссионерской терминологии и внешняя схожесть приемов и средств деятельности создает возможность неразличения миссии и прозелитизма в обыденном сознании. Сложность исторического генезиса миссионерской терминологии способствует взаимной подмене содержания понятий «миссия» и «прозелитизм», что может создавать определенные трудности как в общественном восприятии, так и в развитии церковно-государственных отношений. Новые способы регуляции миссионерской деятельности направлены, прежде всего, на ограничение прозелитизма, однако отсутствие этого понятия в законодательстве ведет к определенным неясностям, в т. ч. в сфере правоприменения.

Список литературы References

1. Доклад Святейшего Патриарха Кирилла на Архиерейском Соборе Русской Православной Церкви (2 февраля 2016 года) // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html>

The report of his Holiness Patriarch Kirill at the Council of bishops of the Russian Orthodox Church (February 2, 2016) // Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4366063.html>.

2. Концепция возрождения миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (документ утвержден определением Священного Синода Русской Православной Церкви 6 октября 1995 г. (журнал № 4043)) // Официальный сайт Синодального миссионерского отдела Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://портал-миссия.рф/index.php/item/kontseptsiya-vozhrozhdeniya-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>

The concept of revival of missionary activities of Russian Orthodox Church (the document approved by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on 6 October 1995 (journal No. 4043)) // the Official website of the Synodal missionary Department of Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://портал-миссия.рф/index.php/item/kontseptsiya-vozhrozhdeniya-missionerskoj-deyatelnosti-russkoj-pravoslavnoj-tserkvi>.

3. Концепция миссионерской деятельности Русской Православной Церкви (принята Священным Синодом Русской Православной Церкви 27 марта 2007 г., журнал № 12) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 368–394.

The concept of missionary activities of Russian Orthodox Church (adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church March 27, 2007, journal № 12) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 368–394.

4. Миссиология: учебное пособие / под общ. ред. архиеп. Иоанна (Попова) - Изд. 2-е, испр. и доп. - М.: Миссионерский отдел Русской Православной Церкви, 2010. - 400 с.

Missiology: the textbook / under the General editorship of Archbishop. John (Popov) - Ed. 2-e, ISPR. and additional - M: the Missionary Department of the Russian Orthodox Church, 2010. - 400 p.

5. Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославью // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?_ctxowner=8942/

Basic principles of the attitude of the Russian Orthodox Church toward the other Christian confessions / the Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: http://www.patriarchia.ru/db/text/418840.html?_ctxowner=8942/

6. О православной миссии в современном мире (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1994 г.) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 361–365.

On Orthodox mission in the modern world (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church 1994) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 361–365.

7. О псевдохристианских сектах, неоязычестве и оккультизме (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 1994 г.) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 365–368.

About pseudo-Christian sects, neopaganism and an occultism (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church 1994) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - M.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 365–368.

8. Об организации миссионерской работы в Русской Православной Церкви (определение Священного Синода Русской Православной Церкви 27 декабря 2011 г., журнал № 152) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 411–417.

About organization of missionary work in the Russian Orthodox Church (Holy Synod of the Russian Orthodox Church December 27, 2011, issue No. 152) // the Collection of documents of the Russian

Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing house of Moscow Patriarchate of the Russian Orthodox Church, 2014. P. 411–417.

9. О различных направлениях миссионерской деятельности Церкви (принято Архиерейским Собором Русской Православной Церкви 2013 г. "Постановления..." п. 33) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 418.

Regarding the various areas of the Church's mission (adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church of 2013 "Decisions..." p. 33) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 418.

10. О современной внешней миссии Русской Православной Церкви (принято Священным Синодом Русской Православной Церкви 16 июля 2013 г., журнал № 80) // Собрание документов Русской Православной Церкви. Т. 2, ч. 1: Деятельность Русской Православной Церкви. - М.: Издательство Московской Патриархии Русской Православной Церкви, 2014. С. 418–427.

About modern foreign missions of the Russian Orthodox Church (adopted by the Holy Synod of the Russian Orthodox Church on 16 July 2013, the journal № 80) // Collection of documents of the Russian Orthodox Church. Vol. 2, part 1: Activities of the Russian Orthodox Church. - М.: Publishing House Of Moscow Patriarchate Of The Russian Orthodox Church, 2014. P. 418–427.

11. Постановления Освященного Архиерейского Собора Русской Православной Церкви 2–3 февраля 2016 года (Документ принят Архиерейским Собором Русской Православной Церкви, состоявшимся 2–3 февраля 2016 года в Зале церковных соборов Храма Христа Спасителя в Москве), п. 15 // Официальный сайт Русской Православной Церкви. Реж. дост.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html>

The decision of the Consecrated Arhierejsky Cathedral of Russian Orthodox Church February 2–3, 2016 (Document adopted by the Council of bishops of the Russian Orthodox Church, held on 2–3 February 2016 in the Hall of Church cathedrals of the Cathedral of Christ the Savior in Moscow), p. 15 / the Official website of the Russian Orthodox Church. Dir. ven.: <http://www.patriarchia.ru/db/text/4367700.html>

12. Федеральный закон "О свободе совести и о религиозных объединениях" от 26.09.1997 N 125-ФЗ (последняя редакция), глава III.1 // КонсультантПлюс. Реж. дост.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

Federal law "On freedom of conscience and on religious associations" of 26.09.1997 N 125-FZ (latest revision), Chapter III.1 // ConsultantPlus. Dir. ven.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/

13. Федеральный закон от 06.07.2016 N 374-ФЗ "О внесении изменений в Федеральный закон "О противодействии терроризму" и отдельные законодательные акты Российской Федерации в части установления дополнительных мер противодействия терроризму и обеспечения общественной безопасности", статья 8 // КонсультантПлюс. Реж. дост.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/

Federal law of 06.07.2016 N 374-FZ "On amendments to the Federal law "On combating terrorism" and certain legislative acts of the Russian Federation regarding the establishment of additional counter-terrorism measures and public safety", article 8 // ConsultantPlus. Dir. ven.: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_201078/

УДК 17.03

РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЕ ОСМЫСЛЕНИЕ СВЯТООТЕЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ТВОРЧЕСТВЕ Н.В. ГОГОЛЯ**RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL REFLECTION OF THE SACRITORIAL HERITAGE IN LITERARY CREATIVITY OF N.V. GOGOL****А.С. Куренков**
A.S. KurenkovБелгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85

Belgorod State National Research University, 85 Pobeda St., Belgorod, 308015, Russia

E-mail: bpds@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается религиозно-философский синтез у Н.В. Гоголя как глубинная характеристика русской духовной культуры, позволившая воспринять святоотеческое наследие в качестве источника жизни и философии. Именно здесь ключ к нравственной философии Гоголя, которая является выражением аутентичного духа русской философии как таковой с ее предельным вниманием к фундаментальным вопросам жизни и смерти. С этим связано и гоголевское религиозное понимание народности, которое в корне отличается от принятых в светской культуре канонов секулярного европеизма.

Resume: The article deals with the religious-philosophical synthesis of N.V. Gogol as a profound characteristic of Russian spiritual culture, which made it possible to perceive the patristic heritage as a source of life and philosophy. It is here that the key to Gogol's moral philosophy, which is the expression of the authentic spirit of Russian philosophy as such, with its utmost attention to the fundamental questions of life and death. Gogol's religious understanding of the nationality is connected with this, which differs radically from the canons of secular Europeanism accepted in secular culture.

Ключевые слова: русская философия, русская литература, Н.В. Гоголь, христианская этика, аскетика, патристика, творчество, культура, византийский гуманитарный синтез.

Keywords: Russian philosophy, Russian literature, N.V. Gogol, Christian ethics, asceticism, patristics, creativity, culture, Byzantine humanitarian synthesis.

В истории отечественной культуры есть имена, интерес к которым не ослабевает, но, наоборот, возрастает с ходом времени. Таким именем является Н.В. Гоголь – ключевая фигура в литературно-философском и религиозно-философском синтезе, который, с нашей точки зрения, определяет самобытные начала русской духовной культуры. Во многом именно Гоголь стал наиболее ярким выразителем *этого русской философии*, который является творческим развитием византийского гуманитарного синтеза, представляющего собой триединство философии, филологии и богословия. Эта матрица воспроизводится на всем известном протяжении истории русской философии, захватывая в свою орбиту наиболее значительные имена.

Сегодня часто звучат почти что аксиоматичные и глубоко справедливые утверждения о восточнохристианских истоках русской философии. Вот, например, мнение известного исследователя русской философии С.А. Нижникова: «Духовная культура восточного христианства, Византии и исихазма представляет собой самобытное и оригинальное течение духовной жизни, являющееся истоком и фундаментом русской православной культуры, без которой, в свою очередь, невозможно понять русскую философию» [Нижников, с. 66]. При этом необходимо понимать, что у истоков своеобразия русской философии находились мыслители, которые зачастую вообще не рассматриваются в философском контексте. И такой фигурой был Н.В. Гоголь, чья сложная и драматическая творческая жизнь сделала его принадлежащим одновременно и к литературе, и к философии.

Известная книга В.В. Зеньковского, посвященная Гоголю, задает парадигмальную стратегию в исследовании его творчества. В этой работе писатель рассматривается в трех ипостасях: «Гоголь как художник», «Гоголь как мыслитель» и «Гоголь как человек». Тем самым создается тот целостный контекст, в котором оказывается возможным понять миссию Гоголя не только как писателя, но как представителя русской философской культуры.

Многие писатели совмещают в своем творчестве одновременно художественные, религиозные и философские начала. Но у русских писателей, и особенно у Гоголя, имеет место радикальный перелом, переход с позиций *чистого эстетизма* в *религиозно-нравственную проблематику*. В.В. Зеньковский указывает на точную дату этого перехода: «Духовный перелом, связанный с крушением эстетической утопии, перешедший затем в живую потребность религиозного понимания творчества и жизни, произошел у Гоголя в начале 1836 года» [Зеньковский, с. 208]. Действительно, с этого времени Гоголя занимают исключительно вопросы *сотериологического* характера, что заметно отражается на стилистике его письма, составляя своеобразие его художественного мира, в котором эстетическая составляющая оказывается не главной.

В этом контексте важные мысли о духовном мире Гоголя говорит такой тонкий и пронизательный философ и историк русской литературы, как М.О. Гершензон: «Никогда не поймет Гоголя тот, кто захочет видеть в нем поэта. Он не был поэтом и не хотел им быть. Неразгаданная тайна его творчества заключается в том, что, обладая великим художественным талантом, он не был свободно и радостно увлекаем своим гением, а был изнутри подвигнут запречься в ярмо, как угрюмый раб, как вол. Крылатый вол – так можно сказать о нем, потому что в нем соединились пламенная мечтательность и самая трезвая практичность. Он жил утопией, «как бы сгорая желанием лучшей отчизны, по которой тоскует со дня создания человек», – и весь погрузился в изыскание самых прозаических средств, которыми можно было бы сделать земную юдоль похожей на эту небесную отчизну» [Гершензон, с. 487].

В этих словах выражен смысл духовного дела Гоголя не только как художника, но и как мыслителя, озабоченного нравственным преображением личного и общественного бытия. Художественное творчество очевидным образом подчинено у него мыслительному заданию, о котором говорит В.В. Зеньковский. В этом плане можно говорить о *духовном преображении* Гоголя, ставшим особой метой и в личном биографическом строе писателя, и вообще фундаментальной характеристикой отечественной культуры. Современный исследователь творчества писателя задает вопрос: «Что же так неузнаваемо преобразило Гоголя?» И отвечает: «Думается, здесь действовало неслучайное сцепление многих обстоятельств. Важнейшие из них: работа над «Размышлениями о Божественной Литургии» и «Выбранными местами из переписки с друзьями»; путешествие ко Гробу Господню; возвращение в Россию; и, наконец, – личное знакомство с Оптиной пустыней и ее чудесными насельниками – старцами» [Глянц, с. 296].

Мы еще вернемся к вопросу об особой роли Оптиной пустыни в жизни и творчестве Гоголя. А сейчас нужно отметить, что творческий облик писателя, его духовная эволюция в целом отражают магистральную линию русской литературы, о которой свидетельствуют авторитетные ученые. Так, В.В. Кожин отмечает: «Русская литература в ее высших выражениях никогда не ограничивала свою цель художественным воссозданием мира – пусть даже самым полным и проникновенным. По внутренней своей сути это – “философская литература”» [Кожин, с. 138]. С.Г. Семенова пишет, что «во всем русском культурном строительстве XIX века – живописи, музыке, литературе – среди его самых значительных деятелей никогда не было самозабвенной истовости служения искусству как высшей ценности. Идея культуры как верховной миссии нации подвергалась решительному оспариванию среди самых значительных ее деятелей, таких как Гоголь и Толстой» [Семенова, с. 251].

О том, что творчество таких русских писателей, как Н.В. Гоголь и Ф.М. Достоевский, выходит далеко за рамки художественных задач, становясь, по сути, *религиозно-философским* творчеством, очень глубоко сказал В.Н. Ильин: «Мировая драма грехопадения, греха, порчи, связанности, одержимости грехом – вот главная тема Гоголя и Достоевского. Зло, понимаемое как грех, есть христианская философия греха. Поэтому, можно

сказать, что Гоголь и Достоевский – мученики и оброчники христианской мудрости по преимуществу» [Ильин, с. 63]. Это наиболее значимая точка пересечения религии и философии: понимание *зла как греха*. Секулярная культура в принципе не сопоставляет эти понятия, поскольку с ее точки зрения зло – это социальная патология, обусловленная средой и воспитанием, а грех – вообще онтологически не существующее понятие, имеющее лишь метафорический смысл. Нужно иметь религиозную, то есть метафизическую оптику, чтобы видеть зло как грех. Именно поэтому, продолжает В.Н. Ильин: «...оба – и Гоголь, и Достоевский – тяготели к положительной церковной религиозности, оба были в Церкви» [Ильин, с. 64]. Закономерен поэтому их интерес с *святоотеческому наследию*, в котором представлена христианская парадигма борьбы с грехом, то есть полноценная «христианская философия греха», которую искали оба, но особенно Гоголь. Именно в этом особо пристальном внимании к *духовным аспектам бытия* и заключается главный исток того религиозно-философского синтеза, который отличает творчество писателя.

Ю.В. Манн обращает внимание на особую нравственную оптику художественного мира Гоголя, которая, как правило, выпадает из внимания исследователей, стоящих на секулярной точке зрения. Он пишет: «В основе гоголевской художественной вселенной спрятана некая неправильность, неучтенное моралистами неевклидово начало, которые на поверку оказываются ее неотъемлемым и вполне естественным свойством» [Манн, с. 11]. Это «неевклидово начало» гоголевского творчества определяется его пристальным (экзистенциальным) вниманием к проблемам *греховной сущности человеческого бытия*, которые требуют особой (неевклидовой) нравственной философии. Вполне очевидно поэтому обращение к святоотеческим началам, в которых именно эти проблемы рассмотрены способом, который в корне отличается от того, что принято в мире светской культуры.

Нужно отметить, что не только в светской культуре, но и в самой церковной среде было далеко не все благополучно в плане приверженности исконным святоотеческим традициям. Рисуя сложную картину духовной жизни того периода, И.М. Концевич в своей знаменитой работе «Оптина пустынь и ее время» пишет: «Как известно, чисто православной богословской науки во времена митр. Филарета не существовало. Недавно возникшие Академии пользовались иностранными, иноверными учебниками. Чистое Восточное Православное учение хранилось главным образом в незатронутых ученостью недрах народных, разумеется, среди монашествующих, и, прежде всего, среди обителей, куда успели проникнуть ученики старца Паисия и занести учение св. Отцов о внутреннем делании. Поэтому совершенно неудивительно, что среди образованных архиереев господствовал *протестантский* образ мышления» [Концевич, с. 121]. Если среди образованных архиереев господствовал такой образ мысли, то что можно говорить о светских представителях культуры, среди которых, можно сказать в самой сердцевине, находился Н.В. Гоголь?

Он своей гениальной творческой интуицией почувствовал исток подлинной духовной жизни и самым непосредственным образом обратился к нему. Об огромном значении Оптиной пустыни для духовного развития Гоголя пишет В. Глянц: «Но, пожалуй, только Оптиная пустынь, где Гоголь впервые побывал меньше чем за два года до смерти, дала ему настоящее представление о том, что такое Православие. Не православие привычного обряда или торжественного Богослужения, а живой и реальный свет Христов и верных Его. Истинных последователей Христа и никогда не бывало слишком много. Потому же дух и вкус настоящего Православия, слабо ощущаемой в окружающей нас обыденной жизни, так особенно явствен в русских монастырях» [Глянц, с. 279].

Обращение к святоотеческому наследию было непростым решением, учитывая нравы среды, в которых находился Гоголь. Но как пишет в своем диссертационном исследовании С.В. Голубева: «Весь ход внутреннего развития заставил Гоголя в зрелом возрасте вернуться к творениям Святых Отцов, русских подвижников и проповедников» [Голубева, с. 19]. Это, конечно, была не случайная поездка, но ставшая своеобразным итогом духовных исканий писателя и мыслителя. Как мыслитель Гоголь оказался более прозорливым и чутким к духовным началам, чем Гоголь как художник. Отсюда и недоверие к чистому художественному творчеству, в котором самодовлеющими являются эстетические начала.

Примечательно то, что сам Гоголь пишет об этом так: «Я заезжал на дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать *видимо* там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе, почему. *Нигде* я не видал *таких* монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное. Я не расспрашивал, кто из них как живет; их лица сказывали сами все. Самые служки меня поразили светлой ласковостью ангелов, лучезарной простотой обхожденья; самые работники в монастыре, самые крестьяне и жители окрестностей. За несколько верст, подъезжая к обители, уже слышишь ее благоухание; все становится приветливее, поклоны ниже и участия к человеку больше» [Гоголь, 1994, с. 482]. Это очень ценное свидетельство литературно-житейского свойства.

При этом важно видеть и собственно этико-философское влияние, которое оказали на Гоголя не только живые представители святоотеческой традиции, пребывавшие в Оптиной Пустыни, но и их труды, которыми ознаменована историческая веха этой традиции. Под непосредственным влиянием Отцов Церкви формировался духовно-нравственный строй мысли писателя: «Гоголевское понимание добра и зла выстраивалось на основе святоотеческой концепции. Выписки Гоголя из творений отцов и учителей Церкви свидетельствуют о том, что писатель особое место уделял онтологическому аспекту добра и зла, стремясь к осмыслению понятий «бытия» и «небытия», жизни и смерти души» [Голубева, с. 33].

Это фундаментальное понимание Гоголем вопросов жизни и смерти, вообще духовной проблематики, настолько значимо, что проецируется в контекст современной философской культуры, образуя своеобразную конфигурацию «русского Танатоса» как уникальной типологической характеристики отечественной философии [Сапожникова, с. 78–82]. Пристальное внимание к теме смерти в отечественной философской культуре имеет тот же исток, что и к проблеме зла. Именно в области этих вопросов заключено своеобразие отечественной духовно-интеллектуальной традиции.

Известно, что среди наиболее почитаемых Гоголем авторов святоотеческого наследия были Иоанн Лествичник, Иоанн Златоуст, Исаак Сириянин, Григорий Нисский, Ефрем Сириянин. Именно на их представлениях формировались взгляды об «онтологических аспектах» добра и зла, нравственном совершенствовании, спасении, идеале «прекрасного человека». Особенно сильным, перешедшим от святоотеческого наследия, было понимание у Гоголя *религиозных корней зла*, с которым бессильна бороться этика, основанная на светских, секулярных началах. В.В. Зеньковский пишет: «Как не знал Гоголь сомнений в бытии Божьем, так не знал он сомнений и в реальности злых сил, целого «царства зла»» [Зеньковский, с. 232]. По собственному признанию Гоголя, обращение к святоотеческому наследию, в частности к трудам Исаака Сириянина, способствовало радикальному изменению его взглядов и на природу человека, и на возможности нравственного совершенствования души.

Он пишет о своем ошибочном понимании значения «прирожденных страстей», которое было ему присуще до знакомства со святоотеческими авторами: «Это я писал в прелести, это вздор – природженные страсти – зло, и все усилия разумной воли человека должны быть устремлены для искоренения их. Только дымное надмение человеческой гордости могло внушить мне мысль о высоком значении природженных страстей – теперь, когда стал я умнее, глубоко сожалею о «гнилых словах», здесь написанных. Мне чудилось, когда я печатал эту главу, что я путаюсь, вопрос о значении природженных страстей много и долго занимал меня и тормозил продолжение «Мертвых душ». Жалею, что поздно узнал книгу Исаака Сириянина, великого душеведца и прозорливого инока. Здравую психологию, и не кривое, а прямое понимание души встречаем лишь у подвижников-отшельников. То, что говорят о душе запутавшиеся в хитросплетенной немецкой диалектике молодые люди, – не более как призрачный обман. Человеку, сидящему по уши в житейской тине, не дано понимание природы души» [Гоголь, 2009, с. 258].

Это очень ценное свидетельство Гоголя как светского автора, человека секулярной культуры, осознавшего всю духовную ограниченность этой культуры, горизонт которой, по образному выражению писателя, есть «житейская тина». Объясним поэтому скептицизм Гоголя по отношению к «внешнему» отвлеченному знанию, символом которого яв-

ляется спекулятивная философия. Такому знанию писатель предпочитает историю, которая свидетельствует об истине. Он пишет: «Время опасное. Одно твердое историческое познание теперь действительно. Простое философствование закружило человека ... нужно теперь знание истории более полное и более глубокое, чем когда-либо прежде! Корни и семена всех нынешних явлений там» [Гоголь, 2009, с. 257]. Это настороженное отношение Гоголя («простое философствование закружило человека») вполне согласуется с позицией первого историка русской философии архимандрита Гавриила (Воскресенского): «Все, что не согласно с истинным разумом св. писания, есть сущая ложь и заблуждение, и без всякой пощады должно быть отвергаемо. Сим, так сказать, расколом разума от веры вводится та ложная философия, о коей великий языков учитель говорит: блюдитесь да никто же вас будет прельщая философию, и тщетною лестию, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христе» [Гавриил (Воскресенский), с. 22].

Таким образом, светской мудрости, «философствованию», предпочитается в духе апостола Павла нравоучительное умозрение и историческое знание. Это наиболее твердое основание для истинной антропологии, которую писатель всеми силами стремился возвести. В этом контексте особенно важным является идеал «прекрасного человека», представляющий собой некий духовный центр всех *нравственных исканий* Гоголя, поскольку он представляет собой реальное «противоядие» инфернальным силам зла и тому ограниченному пониманию человеческой души, которая является плодом «хитросплетенной немецкой диалектики». Сам он писал: «В мыслях моих, чем далее, тем яснее представлялся идеал прекрасного человека, тот благостный образ, каким должен быть человек на земле» [Гоголь, 1994, с. 215]. Это, по сути дела, антропологическая идея, в которой пересекаются религиозный и нравственный план. Более того, это аскетическая или, выражаясь богословским языком, *келотическая антропология*, сущность которой выражена в следующих словах Гоголя: «нужно прежде умереть, для того чтобы воскреснуть» [Гоголь, 2009, с. 82]. Глубокое проникновение в сущность христианского идеала – идеала жертвенного самоотверженного служения добру – то, что писатель почерпнул из духовной сокровищницы восточнохристианской патристики.

Это позволяет характеризовать смысл гоголевского творчества в терминах нравственной философии, в основе которой – идея *духовного преображения человека*, почерпнутая из святоотеческого наследия. Современные авторы пишут о преимущественном этикоцентризме Гоголя как главной духовной линии его творчества: «Исходное определение в гоголевской этике – «желание быть лучшим». Качество, которое писатель, исповедуясь перед Россией, счел возможным признать за собой и в котором видел важнейший стимул своего духовного развития. Вера Гоголя в реальность нравственного преображения человека ценой его личных усилий связана с убеждением, что желание это коренится в самой человеческой природе. Гоголь действительно верил в неограниченные возможности морального самовоспитания, категорически отвергая всякие сомнения» [Сербиненко, с. 167].

Именно эта духовно-нравственная антропология, *антропология преображения*, соответствующая исконным началам святоотеческого наследия, встречается в таких произведениях писателя как «Выбранные места из переписки с друзьями», «Размышления о Божественной литургии», «Выписки из творений Святых Отцов и Учителей Церкви», в обширной переписке и др. В этих текстах Гоголь предстает как светский автор, подчинивший свое эстетическое своеволие духу святоотеческой аскезы. Поэтому, исходя из этого духа, духа келотической антропологии, становятся понятными такие суждения автора: «Ум не есть высшая в нас способность. Его должность не больше, как полицейская: он может только привести в порядок и расставить по местам все то, что у нас уже есть» [Гоголь, 2009, 54]; «Тот, кто уже имеет и ум и разум, может не иначе получить мудрость, как молясь о ней и день и ночь, прося и день и ночь ее у Бога» [Гоголь, 2009, 55]; «Стоит только хорошенько выстрадаться самому, как уже все страдающие становятся тебе понятны и почти знаешь, что нужно сказать им» [Гоголь, 2009, с. 71]; «Долг – Святыня. Человек счастлив, когда исполняет долг. Так велит долг, говорит он, и уже покоен» [Гоголь, 2009, с. 296]; «Сколько есть умных людей, которые говорят: я вижу хорошо дело, мой разум, и глаза и уши говорят, что видеть таким образом предмет может один только тот, который сверх умения пронизать победил в себе все страсти до единой, и победил до такой степе-

ни, что какое бы ему оскорбление не случилось, ни одна нерва его не будет раздражена или потрясена» [Гоголь, 2009, 297–298].

Очевидно, что эти, исполненные аскетического духа самоотрицания и самоотвержения представления, коренным образом отличались от тех, которые имели место в светских кругах культуры, к которым Гоголь принадлежал. Эти круги находились под сильным влиянием идей западного просвещения, которые обличал Гоголь в своих произведениях. И это была программа гоголевского понимания *народности*, в котором органично сливались *национальное* и *религиозное* начала. «Выбранные места из переписки с друзьями» – это своего рода духовный гимн патриотизму, особой нравственной любви к родине, о которой М.О. Гершензон сказал так: «Пусть врачи отыскивают физические основания душевной болезни Гоголя, – нравственно она выразилась в том, что он тяжело заболел совестью за все зло русской жизни. Его отношение к родине из любви выросло в жгучую тревогу, почти в ужас, и этим чувством, вызвавшим к жизни самую книгу его писем, дышит каждая его строка. Эта книга – как набат в глухую полночь; невнятные от ужаса словами она кричит: Россия гибнет! проснитесь, спящие, нельзя медлить!» [Гершензон, с. 474].

Характеризуя основополагающие идеи «Мертвых душ», И.А. Виноградов отмечает: «Смерть души героев поэмы заключается, по Гоголю, в том, что вместо Источника всего русского – Спасителя – герои «Мертвых душ» обращаются к западному еретическому «просвещению», являются носителями европейского «чужебесия». Другими словами, выведенные Гоголем типы поэмы являются «мертвыми душами», что в отношении к Богу, Царю и Отечеству, – служение которым предназначено им свыше, – они «неправославны», «неверноподданны», – а значит и «ненациональны»» [Виноградов, с. 146].

Примечательно в этом контексте само гоголевское *религиозное понимание народности*: «Что такое сделаться русским на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное? ... Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово Евангельское. ... Хорошо возлелеянные в сердце семени Христовы дали все лучшее, что ни есть в русском характере. Итак, для того, чтобы сделаться русским ... к источнику всего русского, к Нему Самому, следует за этим обратиться» [Виноградов, с. 145–146].

Собственно говоря, у Гоголя имеет место классическая славянофильская схема построения христианской философии, включавшая в себя два обязательных элемента – это «критика западноевропейской метафизики» и «умозрительная транскрипция богословского наследия отцов православной Церкви, полагающая это святоотеческое наследие указателем пути для христианской философии» [Судаков, с. 9].

Мысль о религиозном характере русского человека как о его доминирующей черте найдет продолжение и развитие в трудах большого количества исследователей и мыслителей. Например, в работе Н.О. Лосского «Характер русского народа» эта идея получит концептуальное выражение, имеющее значение для современной *философии русского консерватизма*. Именно сегодня это направление отечественной мысли актуализовало глубинную проблематику, характерную для *аутентичного строя русской мысли*, одним из первых провозвестников которого был Н.В. Гоголь. Сегодня актуален вопрос: каким образом святоотеческое наследие может быть воспринято в философском процессе?

Здесь важна оценка В.В. Зеньковского, акцентировавшего именно этот аспект у Гоголя: «Вся духовная гениальность Гоголя, все неопределимое значение его в истории русской духовной культуры именно в этой задаче «практического христианства», в разработке вопросов «богословия культуры», т. е. христианского понимания вопросов жизненного, культурного творчества. Гоголь является поистине апостолом идеи преобразования жизни на началах Православия, он пророк «православной культуры»» [Зеньковский, с. 235].

Именно в качестве «пророка православной культуры» и состоит огромное значение Гоголя, актуальное сегодня, прежде всего, в плане работы по духовно-культурному строительству России. Святоотеческая основа его умозрения стала духовным канонem для религиозно-философского и литературно-философского синтеза, которым отмечены все наиболее значимые построения в области отечественной философии.

Список литературы References

1. Виноградов И.А. Н.В. Гоголь и С.С. Уваров: из истории взаимоотношений // Российский консерватизм в литературе и общественной мысли XIX века. М.: ИМЛИ РАН, 2003. С. 127–150.
Vinogradov I.A. N.V. Gogol' i S.S. Uvarov: iz istorii vzaimootnoshenij // Rossijskij konservatizm v literature i obshhestvennoj mysli XIX veka. M.: IMLI RAN, 2003. S. 127–150.
2. Гавриил, архимандрит (Василий Николаевич Воскресенский). История философии. Часть VI. Прибавление второе. Русская философия. Казань: Университетская типография, 1840. 159 с.
Gavriil, arhimandrit (Vasilij Nikolaevich Voskresenskij). Istorija filosofii. Chast' VI. Pribavlenie vtoroje. Russkaja filosofija. Kazan': Universitetskaja tipografija, 1840. 159 s.
3. Гершензон М.О. Избранное. Т. 3. Образы прошлого. Москва – Иерусалим: Университетская книга, Gesharim, 2000. С. 427–533.
Gershenzon M. Izbrannoe. T. 3. Obrazy proshlogo. Moskva – Ierusalim: Universitetskaja kniga, Gesharim, 2000. S. 427–533.
4. Глянц В.М. Гоголь и апокалипсис. М.: Изд-во ЭЛЕКС-КМ, 2004. 328 с.
Gljanc V.M. Gogol' i apokalipsis. M.: Izd-vo JeLEKS-KM, 2004. 328 s.
5. Гоголь Н.В. Собр. соч.: В 9 т. М. Русская книга, 1994. Т. 9.
Gogol' N.V. Sobr. soch.: V 9 t. M. Russkaja kniga, 1994. T. 9.
6. Гоголь Н.В. Выбранные места из переписки с друзьями // Гоголь Н.В. Полное собрание сочинений и писем: в 17 т. т. 6. М.: Издательство Московской Патриархии, 2009. 744 с.
Gogol' N.V. Polnoe sobranie sochinenij i pisem: v 17 t. t. 6. Vybrannye mesta iz perepiski s družjami. M.: Izdatel'stvo Moskovskoj Patriarii, 2009. 744 s.
7. Голубева С.В. Нравственные константы в творчестве Николая Васильевича Гоголя: Диссертация ... канд. филос. н. Иваново, 2014. 161 с.
Golubeva S.V. Nravstvennyje konstanty v tvorchestve Nikolaja Vasil'evicha Gogolja: Dissertacija ... kand. filos. n. Ivanovo, 2014. 161 s.
8. Зеньковский В.В. Русские мыслители и Европа. М.: Республика, 1997. 368 с.
Zen'kovskij V.V. Russkie mysliteli i Evropa. M.: Respublika, 1997. 368 s.
9. Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. С. 60–72.
Il'in V.N. Jesse o russkoj kul'ture. SPb.: Akropol', 1997. S. 60–72.
10. Кожин В.В. Немецкая классическая эстетика и русская литература // О русском национальном сознании. М.: Изд-во Эксмо, Изд-во Алгоритм, 2004. С.137–146.
Kozhinov V.V. Nemeckaja klassicheskaja jestetika i russkaja literatura // O russkom nacional'nom soznanii. M.: Izd-vo Jeksmo, Izd-vo Algoritm, 2004. S. 137–146.
11. Концевич И.М. Оптина пустынь и ея время. Jordanville. 1970. Репринтное издание. Свято-Троицкая Сергиева Лавра. 1995.
Koncevich I.M. Optina pustyn' i eja vremja. Jordanville. 1970. Reprintnoje izdanie. Svjato-Troickaja Sergieva Lavra. 1995.
12. Манн Ю.В. Из гоголевской мозаики // Н.В. Гоголь: Материалы и исследования. Вып. 3. М.: ИМЛИ РАН, 2012. С. 7–31.
Mann Ju.V. Iz gogolevskoj mozaiki // N.V. Gogol': Materialy i issledovanija. Vyp. 3. M.: IMLI RAN, 2012. S. 7–31.
13. Нижников С.А. Метафизика веры в русской философии. М.: ИНФРА-М, 2012. 313 с.
Nizhnikov S.A. Metafizika veru v russkoj filosofii. M.: INFRA-M, 2012. 313 s.
14. Сапожникова Н.В. «Русский Танатос»: Н.В. Гоголь в письмах о цене жизни, смерти и бессмертия // Международный журнал исследований культуры. 2016. № 1 (22). С. 78–82.
Sapozhnikova N.V. «Russkij Tanatos»: N.V. Gogol' v pis'mah o cene zhizni, smerti i bessmertija // Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury. 2016. № 1 (22). S. 78–82.
15. Семенова С.Г. Метафизика русской литературы. Том. 1. М.: Издательский дом «ПоРог», 2004. 512 с.
Semenova S.G. Metafizika russkoj literatury. Tom. 1. M.: Izdatel'skij dom «PoRog», 2004. 512 s.
16. Сербиненко В.В., Гребешев И.В. Русская метафизика XIX–XX веков. М.: Руниверс, 2016. 800 с.
Serbinenko V.V., Grebeshev I.V. Russkaja metafizika XIX–XX vekov. M.: Runivers, 2016. 800 s.
17. Судаков А.К. Философия цельной жизни. мирозерцание И.В. Киреевского. М.: «Канон»+ РООИ «Реабилитация», 2012. 464 с.
Sudakov A.K. Filosofija cel'noj zhizni. mirosozercanie I.V. Kireevskogo. M.: «Kanon»+ ROOI «Reabilitacija», 2012. 464 s.

УДК 008

ИСТОКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ: «СЛАВИЗМ» ИЛИ ВИЗАНТИЗМ?**THE ORIGINS OF RUSSIAN CULTURE: «SLAVISM» OR BYZANTIUM?****Т.П. Матяш****T.P. Matyash**

Донской государственный технический университет,
Россия, 344000, г. Ростов-на-Дону, пл. Гагарина, 1

Don state technical university, 1 Gagarin Square, Rostov-on-Don, 344000, Russia,

E-mail: tamara.matiash@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрена актуальная по сей день дискуссия русских религиозных философов о славистских и византийских истоках русской культуры.

Resume. The article examines the actual to this day discussion of Russian religious philosophers about the Slavic and Byzantine origins of Russian culture.

Ключевые слова: И.С. Аксаков, А.С. Хомяков, Д.А. Хомяков, К.Н. Леонтьев, В.С. Соловьев, славизм, панславизм, византизм, «русский византизм», славянский культурный тип, византийский культурный тип.

Key words: I.S. Aksakov, A.S. Khomyakov, D.A. Khomyakov, K.N. Leontiev, V.S. Soloviev, Slavism, Pan-Slavism, Byzantism, «Russian Byzantism», Slavic cultural type, Byzantine cultural type.

Хочу сразу же дать понимание основных терминов, которые организуют понятийный ряд данной статьи. Понятие «славизм» (от слова «славяне») ввел К.Н. Леонтьев для обозначения славянской культуры в единстве религиозных, юридических, бытовых, художественных ее отличительных признаков [3, с. 390].

Термин «славянофилы», как утверждал Д.А. Хомяков (сын А.С. Хомякова), впервые употребил В.Г. Белинский (в негативной идеологической коннотации). Обозначив этим термином русско-православное направление, представителями которого были А.С. Хомяков, братья Киреевские, братья Аксаковы и другие мыслители этого сообщества, он затемнил и искажил суть направления. Термин «славянофилы» в то время уже существовал, и им называли представителей русского направления (ярким представителем этого направления был А.С. Шишков – писатель, военный и государственный деятель, адмирал, министр народного просвещения), которые боролись против предпочтения всего чужого своему, против подражания французским модам и обычаям и против всеобщего употребления в общественных разговорах французского языка. Восстав против нововведений тогдашнего времени, они тем не менее признали исконно русским «все введенное прежде, от реформы Петра до появления Карамзина». Более того, век Екатерины, перед которой они благоговели, считался у них не только русским, но даже «русской стариною». По мнению Д.А. Хомякова, «шишковские славянофилы» были «чужими народу», ничего не понимали в его русской жизни. У них даже не было мысли поставить вопрос о своеобразии русской культуры. Русско-православное же направление было ориентировано «на возрождение русского народа по всем направлениям жизни народной чрез уяснения руководящим классам особенностей истинно народного понимания, забытых или искаженных со времени прорубки знаменитого «окна в Европу» Петром». И все же термин «славянофилы» в интерпретации Белинского вошел в словарь русской философии, и славянофилами стали называть представителей русско-православного направления, а именно А.С. Хомякова, братьев Киреевских, Аксаковых и их последователей [8, с. 240].

Идея панславизма, суть которой Ф. Энгельс определял как «союз всех малых славянских наций и национальностей Австрии и, во вторую очередь, Турции», была детищем австрийских славян. Появление этой идеи Ф. Энгельс расценивал как неблагодарность славян,

которые, будучи обязаны сохранением своей национальной идентичности немцам и мадьярам, вместо того, чтобы отблагодарить своих спасителей и «заплатить» им «*даже переменной своей национальности на немецкую или мадьярскую*» (курсив мой – Т.М.), создали «заведомо реакционную» идею, нацеленную на борьбу против революционных устремлений немцев и мадьяр, на «создание славянского государства под владычеством России» [9, с. 304]. Однако и с идеей панславизма было не все так просто, как предвзято считал классик марксизма.

Проблемой истоков русской культуры впервые всерьез озаботились старшие славянофилы. Так, И.С. Аксаков, «пламенный поклонник славянства во что бы то ни стало», «слепо» веривший «в его залюби» [5, с. 615], был убежден, что специфика русской культуры уходит корнями в духовное родство славянских народов, которые, несмотря на постоянное угнетение, упорно и мужественно сохраняли славянскую идентичность, особый славянский культурный тип. Поддерживая идею панславизма, он был уверен, что Россия вне всеславянского объединения не сможет высвободить славянские истоки русской культуры, погребенные под слоем заимствований. Что же касается славян, то без «духовной связи» с Россией их «собственное, самобытное развитие и преуспевание» «немыслимо и невозможно!». Поэтому освобождение славянских народов от материального и духовного гнета расценивалось И.С. Аксаковым как «историческое призвание, нравственное право и обязанность» России, «повинность», налагаемая на нее историей. Мысли, что Россия, освобождая славян, делает первые шаги к «особой и богатой славянской культуре», высказывали также А.С. Хомяков, Н.Я. Данилевский [1]. Следует отметить, что идея духовного родства всех славянских народов была близка русскому народу, который бескорыстно шел освобождать своих братьев-славян от угнетателей.

В разгар всеобщего упоения идеей существования славянского типа культуры, являющегося истоком русской культуры, прозвучал отрезвляющий голос К.Н. Леонтьева. Он привел ряд аргументов, доказывающих, что славизм как культурного типа «или нет уже, или еще нет; или славизм погиб навсегда, растаял, вследствие первобытной простоты и слабости своей, под совокупными действиями католичества, византизма, германизма, ислама, мадьяров, Италии и т. п., или ... славизм не сказал еще своего слова и таится, как огонь под пеплом...» [3, с. 57]. Если «славизм» и существует, то «только как племенное этнографическое отвлечение», как «идея общей крови (хотя и не совсем чистой) и сходных языков», что не имеет никакого «положительного организующего содержания», лишено «всякой сложной системы особо славянских идей». Более того, кровь, если она чистая, приводит, как писал К.Н. Леонтьев, к «бесплодию духовному», а потому не случайно «все великие нации очень смешанной крови» [3, с. 38–39]. «Славизм» не имеет общих для всего славянского мира «всемирно-оригинальных» идей: религиозных, государственных, юридических, бытовых, художественных, с помощью которых можно было бы организовать славянский мир в некий своеобразный культурный мир. «Славянство» для К.Н. Леонтьева, как писал Вл. Соловьев, «есть термин без всякого определенного культурного содержания» [7, с. 417], потому что славянские народы разъединены, прежде всего, по религии (католичество, протестантство, православие, мусульманство). Так, если «православные сербы Турции привыкли смотреть на немцев (Австрии) как на самых опасных врагов», то «католические сербы Австрии (хорваты, далматы и др.) привыкли сражаться под знаменами Австрийского государства» [3, с. 67]. Болгары же в борьбе за «племенное возрождение» выступили не только против православных греков, но и против византизма вообще, против авторитета византийской Церкви¹⁰. Поэтому «с болгарам и говорить даже разумно о греках нельзя» [там же]¹¹. Отвергая «византийский авторитет», который «правит уже несколько веков самой великой силой славянства – русским государством», болгары, как предупреждал К.Н. Леонтьев, в дальнейшем могут стать самым опасным для нас славянским народом [3, с. 54; 4, с. 385]. Не подтвердилось ли это предостережение К.Н. Леонтьева, когда во второй мировой войне болгары выступили на стороне фа-

¹⁰ Речь идет о борьбе болгар против греческого церковного владычества. Желание болгар во что бы то ни стало освободиться от власти греков и создать свою национальную церковь побуждало их не только отвергать греческие церковные правила, но и возлагать на власть султана все свои надежды в решении вопросов духовного освобождения [подробно см.: 2].

¹¹ К.Н. Леонтьев встал безоговорочно на сторону греков и называл статьи М.Н. Каткова и И.С. Аксакова в защиту болгар «греховным дерзновением» [5, с. 616].

шисткой Германии, а после распада Югославии в 90-е годы XX века мы получили страшную междоусобицу славянских народов, а в некоторых из них получили распространение откровенных русофобских настроений?

Разъединены славяне, как считал К.Н. Леонтьев, и по своим экономическим и политическим интересам, по тематике исторических и военных преданий, по национальным интересам. С его точки зрения, как писал Вл. Соловьев, «славянские народы жили и живут чужими началами» [7, с. 417]. Например, чехи (самый образованный славянский народ) по своему быту, привычкам, нравственным ориентирам, юридическому воспитанию являются «немцами, переведенными на славянский язык». Юго-западные и западные славяне предрасположены «к равенству и свободе, то есть к идеалам или американскому, или французскому, но никак не византийскому» [3, с. 42, 67]. Их «психический» строй и «религиозно-политические идеалы» гораздо ближе к буржуазно-европейскому строю и к либерально-утилитарным идеалам, чем к православию и православной государственности. Сербы, например, «все демократы». Поэтому панславизм, как считал К.Н. Леонтьев, опасен для России: всеславянское объединение ослабит религиозные византийские начала русской культуры, которые лежат в основе мощи русской государственности. Если панславизм и возможен, то только как политическое объединение на основе либерально-эгалитарных идей современной Европы, которыми западные славяне «насквозь пропитаны». Но, по убеждению К.Н. Леонтьева, политическое объединение славян не сможет быть долгим и прочным, так как каждая нация, каждое племя будет стремиться отстоять свои интересы, протестовать против того или иного общего порядка, ибо за время увлечения эгалитаризмом и либерализмом славяне «привыкли» «протестовать». Предвидение К.Н. Леонтьева сбылось: юго-западные славяне действительно объединились в федеративную республику Югославию, которая не сумела продемонстрировать единства славянских интересов перед лицом идеологической и военной экспансии США в конце XX века.

Считая глубочайшим заблуждением славянофилов их убеждение в том, что объединение со славянами усилит государственную мощь России, К.Н. Леонтьев утверждал обратное. Государственная мощь совсем не случайно «выпала в удел» великороссам как «священный залог истории». Государственность – это талант русского народа, и этот талант следует охранять и беречь от разлагающего влияния западной эгалитарно-либеральной идеи. Государственная сила великороссов может сохранить не только собственную культуру, не только существование всех славян, но и стать залогом будущего спасения Европы «против пожирающей ее медленной анархии» [подробно см.: 3].

Признав бесперспективность идеи славизма для экономического, политического, религиозного и культурного усиления России, К.Н. Леонтьев заявил: «России необходим византизм», а не славизм и панславизм. «Это горько и обидно! Но разве это неправда?», – спрашивал он у своих современников [3, с. 58–59]. В отличие от славизма, византизм, как показал К.Н. Леонтьев, является культурным типом, так как имеет «свои отличительные признаки, свои общие, ясные, резкие, понятные начала и свои определенные в истории последствия». Поэтому его крайне удивлял тот факт, что Н.Я. Данилевский, «перечисляя все культурные типы, *забыл Византию*» [4, с. 274]. Такая «забывчивость» вызвала у К.Н. Леонтьева осуждение, так как о византийской культуре сочиняли небывлицы западные исследователи. Они приписывали византийской культуре варварские обычаи, скучный, «жалкий и подлый» образ жизни, обвиняли византийских императоров в неслыханной жестокости и коварстве и т. д. Причины столь негативного отношения Запада к Византии и ее культуре К.Н. Леонтьев видел в том, что Запад знал только феодализм, католичество, протестантизм, республиканское государственное устройство, и ему было чуждо, а потому и не понятно византийское православие и самодержавие.¹²

¹² Правда, на Западе были мыслители, признававшие Византию целостным культурно-политическим организмом, все формы жизни которого оплодотворялись мистической христианской идеей. К.Н. Леонтьев цитировал французского историка Амедея Тьерри: «Не надо забывать, что именно Византия дала человечеству совершеннейший в мире религиозный закон – христианство», распространила христианство, дав «ему единство и силу», что «... между гражданами Византийской империи были люди, которыми могли бы гордиться все эпохи, всякое общество». Ссылался К.Н. Леонтьев и на труды Ф. Гизо, в которых утверждалось, что в эпоху византийской образованности, «которая переступала тогда далеко за пределы византийского государства, не было ни «дикости», ни «простоты», ни «бессознательности».

Обвиняя Н.Я. Данилевского в забывчивости по поводу существования византийского культурного типа, К.Н. Леонтьев тем не менее принял его теорию культурных типов, согласно которой любая культура представляет собой сложную систему отвлеченных религиозных, государственных, лично-нравственных, философских и художественных идей. Различие же между культурами зависело от количества идей, доминирующих в той или иной культуре, а также от содержательного наполнения этих идей. Если доминирует одна идея, то такую культуру Н.Я. Данилевский, как известно, называл одноосновой, если две – двухосновой и т. д. Выделив «византизм» как особый культурный тип, К.Н. Леонтьев отнес его к одноосновным.

Сравнивая два одноосновных типа культуры – византийский и римский, К.Н. Леонтьев писал, что если Рим был «самобытен и могуч» в «сфере юридической, политической, государственной», то великую одноосновность Византии составила христианская религия и «первое в истории государство христианского вероисповедания». Государственные, нравственные, художественные и другие идеи византийской культуры определялись «небывалой дотоле великой религиозной системой». Византизм в государстве означал самодержавие, воплощенное в православной монархии, идея которой сформировалась в результате соединения римского кесаризма с христианством. В византийском нравственном идеале преобладала склонность «к разочарованию во всем земном», отвергалось внесенное в историю германским феодализмом «крайне преувеличенное понятие о земной личности человеческой, не разделялась надежда «на всеобщее благоденствие народов» «в смысле земного всеравенства, земной всеобщности, земного всеобщества и вседовольства» [3, с. 9–10]. В сфере эстетической жизни Византия «дала миру неподражаемые и недостижимые образцы всех родов церковного искусства: в зодчестве – св. Софию, в иконописи – Панселина¹³, в пении – все бесчисленные божественные напевы, коими оглашаются и – как можно верить – до конца мира будут оглашаться во всей вселенной православные храмы?» [4, с. 275]. Эстетическую сторону жизни К.Н. Леонтьев относил к одной из главных в религиозной культуре Византии, за что критики обвиняли его в эстетизме. Парируя оппонентам, он писал, что эстетическое и религиозное не противоречат друг другу, напротив, эстетика жизни «подпитывает» мистические религиозные чувства.

Говоря о византийских истоках русской культуры, К.Н. Леонтьев многократно напоминал, что византийские начала («церковь и царь») «как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм», «византийские идеи и чувства сплестили в одно тело полудикую Россию» [3, с. 30], «оформили» религиозно и культурно «размытый» на обширных пространствах народ, «простой, свежий, ничего почти не испытавший, простодушный, прямой в своих верованиях». При этом он не отрицал, что византийские начала были творчески переработаны русским народом, создавшим русский православный монархизм, русскую церковную архитектуру, русский православный быт и т. д. Поэтому, как утверждал К.Н. Леонтьев, следует говорить о «русском византизме», обозначающим то историческое обстоятельство, что «Россия не создала православия», а стала преемницей великой православной византийской культуры. «Византийские греки создавали, русские только учились у них», ибо «Бог пожелал, чтобы христианство было в высшей степени греческим» [5, с. 611]. Для русских религиозная сторона византийской культуры «не была национальна как продукт, но она стала в высшей степени национальна как усвоение». Русские усвоили православие так органично, что теперь «и как нация, и как государство без него жить» не могут.

Идея «русского византизма» была сопряжена с проблемой возможности жизни культуры после гибели того государства, которое «произвело» эту культуру. История государств и культур свидетельствует, что время жизни культуры и время жизни государства не совпадают, и культуры обыкновенно надолго переживают те государства, которые их произвели. Так, эллинская образованность и эллинская религия боролись с христианством еще долго при византийских императорах, тогда как последние черты эллинской государственности стерлись еще до Р. Х. Гибель византийской империи также не

¹³ Мануил Панселин (конец XIII – начало XIV вв.) – выдающийся византийский живописец, иконописец Палеологовского периода.

привела к гибели византийской культуры, которая «рассеяла» свои семена на почвах Европы и России. Но «почвы» были разные, а потому «проросли» и различные всходы.

Религиозная идея византизма породила в русском народе «церковное чувство» любви к православной Церкви, определило религиозный дух русского народа, его понимание святости, спасения души и т. д., его склонность, например, к «покорности властям». К.Н. Леонтьев называл эту черту русского народа «византийской выправкой» [3, с. 31] и видел ее истоки в религиозно-монархической дисциплине, перенятой от Византии. Он ценил в русском народе «талант повиновения», называл его особой «практической мудростью народа», состоящей в том, чтобы «как можно менее мешаться в общегосударственные дела», что делает политику «тверже, толковее». На Западе народ, развращенный либерально-демократическими идеями, утратил способность «выносить дисциплину отвлеченной государственной идеи, скрытой в ее недрах», а потому легко поддавался на призывы свержения монархий¹⁴.

Православная религиозность, как считал К.Н. Леонтьев, повлияла на все исторические события в нашем отечестве. Даже наш великорусский раскол «носит на себе печать глубокого византизма». Раскольники боролись за чистоту византийского православия, считали себя «более византийцами, чем членов господствующей Церкви», а потому «не признавали за собою права политического бунта» [3, с. 31]. Православная религиозность и «церковное чувство» дали нашему народу «силу перенести татарский погром и долгое данничество», сплотили его в борьбе с иноземными захватчиками в годы Великой смуты, французского нашествия в 1812 году и т. д. Православие, как считал К.Н. Леонтьев, стало преградой на пути быстрого проникновения в нашу культуру новоевропейских идей «мелкого земного всеблаженства» [3, с. 30].

Что касается государственной идеи византийской монархии, то Россия дополнила ее такими компонентами власти великого князя Московского, как патриархальность и наследственность, что впоследствии породило феномен родового и безграничного русского царизма. Но, несмотря на эти «дополнения», византизм, как считал К.Н. Леонтьев, укрепил «родовое монархическое чувство» русского народа, способствовал тому, что царский род стал восприниматься как священный. Поэтому-то в русском обществе государство «всегда было сильнее, глубже, выработаннее не только аристократии, но и самой семьи». «Жизненность и силу нашего родового царизма, столь тесно и неразрывно связанного с византийским православием», доказывают, как считал К.Н. Леонтьев, даже «русские самозванческие бунты» Разина и Пугачева. Они содержали в себе «родовые и религиозные монархические начала» в отличие от западноевропейских бунтов, имеющих «или протестантский, или либерально-демократический характер». В русских бунтах проявился двойственный характер русского царизма, который, как родовое наследственное и религиозное начало, был, с одной стороны, «плодотворным и спасительным», «единственным организующим началом, главным орудием дисциплины», а с другой – «знаменем бунтов».

В том, что «византийский дух, византийские начала и влияния, как сложная ткань нервной системы, проникают насквозь весь великорусский общественный организм» [3, с. 32], К.Н. Леонтьев видел проявление сверхчеловеческой логики истории, «божественной телеологической связи в исторических явлениях». Русским, – писал он, – было «назначено» в определенное историческое время (XV век) взять на себя ответственность за сохранение византийской православной культуры, а потому не случайно в это время русские освободились от татарских уз, греки подчинились турецкому игу, Иоанн III женился на Софии Палеолог, принесшей с собой в Москву множество византийских влияний и порядков. Все эти события, как утверждал К.Н. Леонтьев, подчинены законам некой высшей телеологической логики. Поэтому-то, с его точки зрения, не следует по произвольному субъективному замыслу «ломать» византийские основы культуры России. Так, вступив на путь подражания Европе, Россия нарушает божественную «телеологию», за что неминуемо последует возмездие. «Изменяя даже в тайных помыслах наших» византизму, мы погубим Россию как религиозный тип культуры. Изменой византизму была, с точки зрения К.Н. Леонтьева, предложенная Вл. Соловье-

¹⁴ Будучи провидцем во многих своих взглядах на судьбу России, К.Н. Леонтьев не сумел предугадать, что буквально через два десятка лет после его смерти русский народ потеряет свою практическую мудрость и, отринув талант повиновения, свергнет русского царя.

вым идея подчинения православия папству, даже несмотря на то, что эта идея позиционировалась самим Вл. Соловьевым как направленная на борьбу с «антихристом демократии».

Идея «русского византизма» не была поддержана современниками К.Н. Леонтьева. По его признанию, слово «византизм» послужило ему «плохую службу в русской литературе» [5, с. 604]. Причины неприятия идеи «византизма»¹⁵ были самые разные. Так, Вл. Соловьев, который считал, что «русская цивилизация – есть цивилизация европейская» и назначение русской цивилизации – «служить почвой для примирения православия с папством» [5, с. 618], не мог принять идею «византизма». Он видел в ней главную помеху «религиозного слияния всех христиан во единую истинно Вселенскую Церковь. «Я понимаю, – писал в этой связи К.Н. Леонтьев, – что Вам, Владимир Сергеевич, успехи моей этой теории и ее популяризация не могли бы быть приятны» [5, с. 605].

Старшие славянофилы воспротивились идее «византизма», усмотрев в ней отрицание существования «особой славянской церкви», особого «русского» и шире «славянского православия». К.Н. Леонтьев же считал, что никакого славянского колорита у русской православной церкви не может быть, так как наше православие есть православие греко-российское. Именно оно обуславливает нашу культурную самобытность, нисколько не умаляет огромного всемирного значения русской национальной культуры, а только уменьшает ее «лжеславянские претензии», заставляя нас помнить, что «мы являемся чадами византийской культуры», ее единственными верными хранителями. Несмотря на европеизацию, русская нация, считал К.Н. Леонтьев, осталась единственной нацией, хранящей православие, в то время как греки практически полностью европеизировались и потеряли чистоту византийского православия [5, с. 612]. «Культурной самобытности мы должны по-прежнему искать в греко-российских древних корнях наших, а не гнаться за ... никем не виданным чистым славизмом, который по всем доступным ныне признакам рискует выйти не чем иным, как или жалким, или самым страшным европеизмом новейшего времени» [5, с.614].

Оппоненты К.Н. Леонтьева расценили идею «русского византизма» как отказ от идеи русского и шире всеславянского национального идеала, отказ от идеи «культурного национализма». К.Н. Леонтьев же, напротив, считал, что «русский византизм» и есть «культурный национализм», «православно-культурный русизм», включающий «православие и его усиление; самодержавие и его незыблемость»; «сословный строй; сохранение неотчуждаемости крестьянских земель»; «сохранение в быте нашем... как можно больше русского, а если посчастливится, то и создание новых форм быта; независимость в области мышления и художественного творчества». С его точки зрения, в идее «православно-культурного русизма» «религиозное дело» стоит «выше национального». Восточное православие утверждает духовную, умственную и бытовую самобытность русского народа, ставит преграды на пути проникновения в нашу православную культуру западноевропейского рационализма, парламентаризма, господства космополитической буржуазии» и т. д.

Как долго Россия сможет сохранять «русский византизм» (Церковь и самодержавную монархию) и тем самым удерживаться от тотальной европеизации? Применив к России разработанный им закон трех этапов развития, К.Н. Леонтьев пришел к выводу, что российская государственность завершает этап «цветущей сложности»¹⁶, за которым последуют упадок и гибель. Самодержавие падет, и страна неминуемо вступит на путь губительной демократизации и эгалитаризации. Исчезнет специфика русской литературы, поэзии, быта, одежды, архитектуры, музыки и т. д., а русскую православную Церковь будут вынуждать принять безликое и рационализированное богослужение по образцу Западной Церкви. Демократия западноевропейского образца принесет России разрушение: упадет мораль, оскудеет патриотизм, сникнет национальный дух, принизятся гражданские чувства, в силу чего перестанут рождаться гении и герои, победит «серый», «средний человек», «средний европеец»¹⁷. К.Н. Леонтьев пророчески предсказал, что западноевропей-

¹⁵ Подробно о причинах неприятия идеи «византизма» смотри [6].

¹⁶ «Цветущая сложность» – центральный период сформулированного К.Н. Леонтьевым закона «трехэтапного процесса развития» общества. Этот период характеризуется яркостью, многообразием, противоречивостью.

¹⁷ Выражение «средний европеец» К.Н. Леонтьев придумал под влиянием статей Герцена. При этом К.Н. Леонтьев уточнял: «Я говорю не о Герцене «Колокола»; этого Герцена я в начале 60-х годов ненавидел и даже не уважал; но о том Герцене, который издевался над *буржуазностью* и прозой новейшей Европы» [5, с. 613].

ский эгалитаризм и либерализм будут способствовать ускоренному «размножению» «средних европейцев», то есть самоуверенных и заносчивых граждан, претендующих на неограниченные права и свободы, отвергающих ответственность и долг. Они станут господствовать в обществе, требуя всякого равенства: экономического, политического, умственного, полового.

Список литературы

References

1. Аксаков И.С. Славянский вопрос 1860–1886. Статьи изъ «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи въ Славянскомъ Комитетѣ въ 1876, 1877 и 1878. – Москва. Типографія М.Г. Волчанинова (бывш. Н.Н. Лаврова и К^о). 1886 // URL: Lib.ru/Классика.

Aksakov I.S. Slavic question 1860–1886. Article from "The Day", "Moscow", "Moskvich" and "Rus". Speech unto unto the Slavic Committee of 1876, 1877 and 1878. – Moscow. Tipografiya M.G. Volchaninov (ex. N.N. Lavrov and Co.). 1886 // URL: Lib.ru/Классика.

2. Верюжский В., прот. «Происхождение греко-болгарского церковного вопроса и болгарской схизмы // Журнал Московской патриархии. 1948. №№ 11, 12. // URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/194812978.html>

Veryuzhsky V., prot. "The origin of the Greek-Bulgarian Church question and the Bulgarian schism // Journal of the Moscow Patriarchate. 1948. №№ 11, 12. // URL: <http://archive.jmp.ru/page/index/194812978.html>

3. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003
Leontiev K.N. Byzantism and Slavdom // Leontiev K.N. The temple and the Church. – М.: 2003.

4. Леонтьев К.Н. Записки отшельника // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003.
Leontiev K.N. Notes of a hermit // Leontiev K.N. The temple and the Church. – М.: 2003.

5. Леонтьев К.Н. Письма к Владимиру Сергеевичу Соловьеву // Леонтьев К.Н. Храм и Церковь. – М.: 2003.

Leontiev K.N. Letter to Vladimir Sergeevich Solovyov // Leontiev K.N. The temple and the Church. – М.: 2003.

6. Константин Леонтьев: pro et contra. Том I–II. – СПб.: Издательство Русского Христианского Гуманитарного Института, 1995.

Konstantin Leont'ev: pro et contra. Volume I–II. – SPb.: Publishing House Of Russian Christian Humanitarian Institute, 1995.

7. Соловьев В.С. Леонтьев Константин Николаевич // Владимир Сергеевич Соловьев. Сочинения в двух томах. Т. 2. – М., 1988.

Soloviev V.S. Leontiev Konstantin Nikolayevich // Vladimir Sergeevich Solovyov. Essays in two volumes. Vol. 2. – М., 1988.

8. Хомяков Д.А. Православие, Самодержавие. Народность. – М.: Институт русской цивилизации, 2011 // URL: <http://www.rusinst.ru/docs/books/>.

Homjakov D.A. Orthodoxy, Autocracy. Nation. – М.: Institute of Russian civilization, 2011 // URL: <http://www.rusinst.ru/docs/books/>.

9. Энгельс Ф. Демократический панславизм // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-ое. Т. 6. – М., 1957. – С. 289–306.

Engels F. A Democratic pan-Slavism // marks K., jengel's F. Soch. Ed. 2nd. Vol. 6. – М., 1957. – S. 289–306.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ**ABOUT AUTHORS**

- Басалаева О.Г.** – кандидат философских наук, доцент кафедры философии, права и социально-политических дисциплин Кемеровского государственного института культуры
- Благинин В.С.** – заведующий лабораторией Липецкого государственного педагогического университета
- Бубликов В.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Буйнякова И.С.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Быхтин О.В.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальных технологий Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Варава В.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор Московского православного университета св. Иоанна Богослова
- Дмитрийчук А.Ю.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Золотухина Т.А.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Таганрогского института управления и экономики
- Игумен Серапион (Митько А.Е.)** – кандидат философских наук, Заместитель председателя Синодального миссионерского отдела, член Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви
- иеромонах Гавриил (Мельников Д.В.)** – кандидат богословия, старший преподаватель Липецкого государственного педагогического университета имени Семенова-Тян-Шанского, клирик Задонского Рождество-Богородицкого мужского монастыря
- Казакова А.Ю.** – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Калужского государственного университета имени К.Э. Циолковского
- Каторгина Н.П.** – аспирант кафедры конституционного и муниципального права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Кантарюк Е.А.** – ассистент Липецкого государственного технического университета
- Липич Т.И.** – доктор философских наук, заведующая кафедрой философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Лобастов Г.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории и истории психологии Института психологии им. Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета, профессор Московского авиационного института, президент Философского общества «Диалектика и культура»

- Лукина Н.П.** – доктор философских наук, профессор кафедры гуманитарных проблем информатики Национального исследовательского Томского государственного университета
- Маркова Н.М.** – аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- Матяш Т.П.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и мировых религий Донского государственного технического университета
- Невлева И.М.** – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Новикова А.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Пасенов А.Н.** – аспирант кафедры административного и международного права Белгородского государственного национального исследовательского университета
- протоиерей
Алексей Куренков** – ректор Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью)
- Резванов С.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор Донского государственного технического университета
- Серезко Т.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы и психологии Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Слепкова М.И.** – аспирант кафедры философии и религиоведения Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
- Тонков В.Е.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист РФ
- Тонков Е.Е.** – доктор юридических наук, профессор, директор Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета, заслуженный юрист РФ
- Торубарова Т.В.** – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии Московского государственного технического университета им. Н.Э. Баумана
- Трищенко Д.А.** – кандидат философских наук, доцент кафедры коммерческой деятельности и рекламы Белгородского университета кооперации, экономики и права
- Хоборова К.Р.** – студентка третьего курса Юридического института Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Цуканова Е.Ю.** – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права и процесса Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Чистякова Е.Ю.** – аспирант кафедры философии и теологии Белгородского государственного национального исследовательского университета
- Шмарион Ю.В.** – доктор социологических наук, профессор, профессор Липецкого государственного педагогического университета